КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ,

написаннымъ Н. ДЕНИСЮКЪ.

Выпускъ третій.

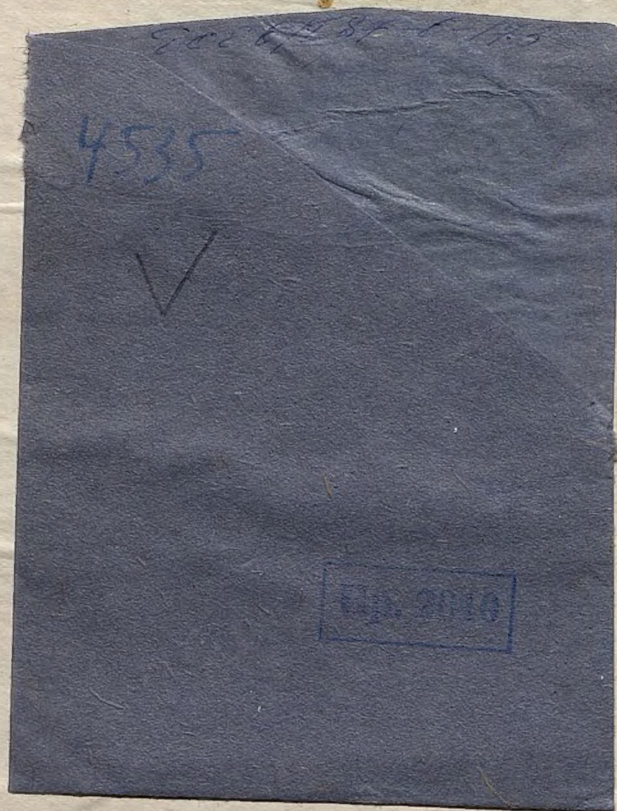
(1876—1881 гг.)

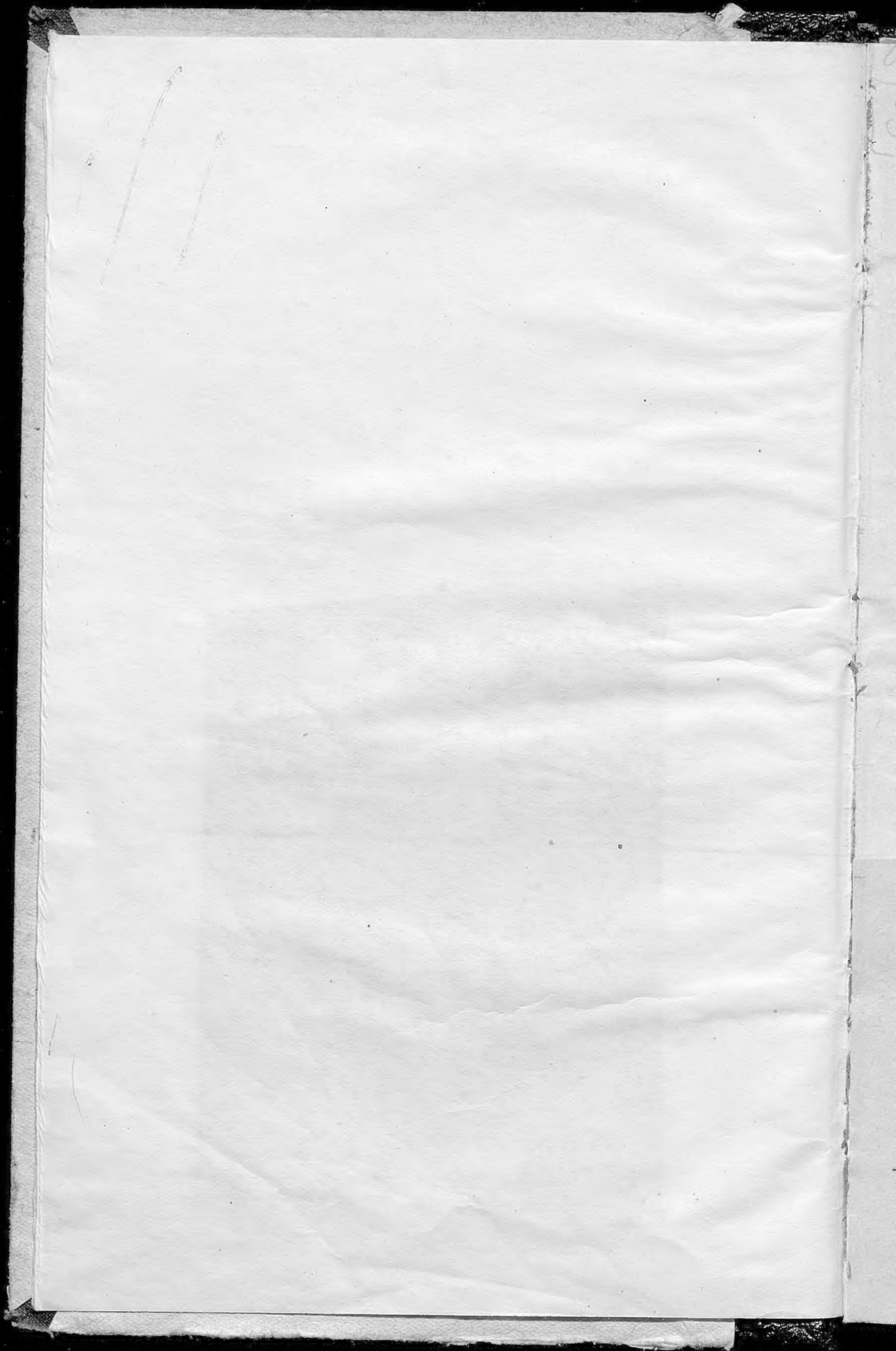
Въ третій выпускъ вошли статьи:

А. Скабичевскаго, В. В. Маркова, В. С. Соловьева, С. А. Венгерова, В. Буренина, Евг. Маркова, А. Введенскаго, Е. Утина и др.; статьи: изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „Сына Отечества“, „Недѣли“, „Гражданина“, „Современныхъ Извѣстій“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Молвы“, „Дѣла“, „Голоса“, „Спб. Вѣдомостей“, „Русскаго Міра“, „Новаго Времени“, „Новостей“, „Сѣвернаго Вѣстника“, „Русской Рѣчи“, „Кіевлянина“, „Вѣстника Европы“ и т. д.

Цѣна 1 р.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ переулокъ, собств. домъ.
1905.


4535



КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ,

написаннымъ Н. ДЕНИСЮКЪ.

Выпускъ третій.

(1876—1881 гг.)

Въ третій выпускъ вошли статьи:

А. Скабичевскаго, В. В. Маркова, В. С. Соловьева, С. А. Венгерова, В. Буренина, Евг. Маркова, А. Введенскаго, Е. Утина и др.; статьи: изъ „Русскихъ Вѣдомостей", „Сына Отечества", „Недѣли", „Гражданина", „Современныхъ Извѣстій", „Биржевыхъ

Цѣна 1 р.

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ,

написаннымъ Н. ДЕНИСЮКЪ.

Выпускъ третій.

(1876—1881 гг.)

Въ третій выпускъ вошли статьи:

А. Скабичевскаго, В. В. Маркова, В. С. Соловьева, С. А. Венгерова, В. Буренина, Евг. Маркова, А. Введенскаго, Е. Утина и др.; статьи: изъ „Русскихъ Вѣдомостей", „Сына Отечества", „Недѣли", „Гражданина", „Современныхъ Извѣстій", „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Молвы", „Дѣла", „Голоса", „Спб. Вѣдомостей", „Русскаго Міра", „Новаго Времени", „Новостей", „Сѣвернаго Вѣстника", „Русской Рѣчи", „Кіевлянина", „Вѣстника Европы" и т. д.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ А. С. ПАНАФИДИНОЙ.
Покровка, Лялинъ переулокъ, собств. домъ.
1905.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,

Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третьяго выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ

примѣчаній о журналахъ и авторахъ, статьи которыхъ помѣщены въ третьемъ выпускѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей третьяго выпуска въ тематическомъ порядкѣ.

„Культурные люди“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1876 г., I кн.

*) Въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ напечатано новое произведеніе нашего выдающагося писателя Щедрина—*Культурные люди.* Содержаніе его—характеристика современнаго русскаго общества.

Сатирикъ „Отечественныхъ Записокъ“ переворачиваетъ вверхъ дномъ всю нашу общественную патологію, но въ его талантѣ есть привычка къ юмору и веселости, которая обволакиваетъ все особою художественною пеленой и дѣлаетъ

---

1) „Русскія Вѣдомости“, 1876, г. № 39.

*) Есть авторы, которыхъ всѣ ругаютъ и всѣ читаютъ; есть авторы, которыхъ всѣ уважаютъ и никто не читаетъ; „Русскія Вѣдомости“, принадлежатъ къ третьему типу: ихъ всѣ уважаютъ и читаютъ. Основателемъ газеты и первымъ редакторомъ былъ извѣстный публицистъ-критикъ Ник. Филип. Павловъ, сначала издававшій газету „Наше Время“, а когда она была прекращена, начавшій изданіе „Русск. Вѣд.“ (1863 г.) Въ 1883 г. газета переходитъ въ собственность литературнаго товарищества и окончательно упрочиваетъ свое положеніе серіознаго, выдержаннаго органа, являющагося выразителемъ идеаловъ лучшей части русскаго общества. Газета 16 разъ лишалась права розничной продажи. Въ 1873 г. имѣла первое предостереженіе за „враждебное въ крайне циничной формѣ сопоставленіе различныхъ классовъ населенія и, въ частности, оскорбительное отношеніе къ дворянству“; въ 1878 г.—второе предостереженіе за „вредное направленіе, выразившееся въ передовыхъ статьяхъ о недостаточности крестьянскаго надѣла и чрезмѣрности крестьянскихъ платежей; наконецъ, въ 1898 г. „за сборъ пожертвованій въ пользу духоборовъ съ распубликованіемъ о семъ въ № 93“ газета была пріостановлена, и съ 1898 по 1901 гг. выходила уже подъ предварительною цензурой. Однако, всѣ эти злоключенія не измѣнили направленія органа и не прервали его полезной общественной работы. За время существованія „Русск. Вѣд.“ въ нихъ принимали, въ разное время, участіе всѣ лучшія литературныя силы Россіи.

Посвящая все свое вниманіе вопросамъ финансовымъ, экономическимъ, политическимъ и общественнымъ, „Русск. Вѣд.“ не обращали достаточнаго вниманія на вопросы художественной критики. Этотъ отдѣлъ у нихъ всегда былъ однимъ изъ слабѣйшихъ, въ особенности, по сравненію съ другими отдѣлами газеты. *Прим. Н. Денисюка.*

впечатлѣніе менѣе скорбнымъ, менѣе ѣдкимъ, менѣе безотраднымъ. Въ новой своей сатирѣ, еще не оконченной въ первой книжкѣ журнала, г. Щедринъ продолжаетъ заниматься „культурными людьми", т.-е. членами того сходящаго со сцены класса, который держался крѣпостными порядками и теперь чувствуетъ, что всякая почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Сатирическое изображеніе этихъ сѣтованій и терзаній, обуявшихъ душу всѣхъ истинныхъ представителей стараго быта, производитъ, въ концѣ-концовъ, довольно отрадное впечатлѣніе. Вы чувствуете, что, дѣйствительно, этимъ людямъ пришелъ конецъ, что они должны, такъ или иначе, сойти со сцены или превратиться въ совершенно комическое ничтожество. Хорошо уже и то, что они сами это сознали, между тѣмъ, какъ герои г. Некрасова торжествуютъ и празднуютъ свой шабашъ. Въ сатирическомъ этюдѣ г. Щедрина мы встрѣчаемъ опять того же *культурника*, который уже давно слоняется у него безъ дѣла и проводитъ время въ огорченныхъ разговорахъ съ другомъ своимъ Прокопомъ, вторымъ выдающимся типомъ того же слоя. Сюжетомъ сатиры будетъ путешествіе этихъ двухъ культурныхъ представителей за границу. Разсказъ обрывается на томъ мѣстѣ, когда они подъѣзжаютъ къ Эйдкунену. Онъ полонъ веселыхъ и ѣдкихъ подробностей, а мѣстами сатира переходитъ уже въ полуфантастическую область, напр., въ лицѣ какого-то генерала Пупона, заключившаго договоръ съ дьяволомъ и страдающаго недугомъ унынія, самаго комическаго свойства. По дорогѣ до границы, оба героя г. Щедрина знакомятся съ нѣсколькими новыми лицами и проявляютъ каждымъ своимъ словомъ, каждымъ поступкомъ глубину своей безсодержательности и нравственнаго юродства. Впервые, быть-можетъ, въ нашей беллетристикѣ безсмысліе и пошлость заграничныхъ поѣздокъ большинства нашихъ соотечественниковъ являются въ такой яркой формѣ.

Рѣзкими штрихами Щедринъ очерчиваетъ физіономію того общественнаго слоя, которому недавно благосклонно присвоено названіе „культурнаго",—слой, хотя и отживающій, но все еще не потерявшій значенія въ нашей дѣйствительности. Вотъ что говоритъ онъ:

„Я сидѣлъ дома и, по обыкновенію, не зналъ, что съ собой дѣлать. Чего-то хотѣлось: не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ, не то

кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала хорошо! мелькнуло у меня въ головѣ; ободрать да и въ сторону. Да по-нынѣшнему—такъ, чтобы ни истцовъ ни отвѣтчиковъ—ничего. Такъ, молъ, само-собою случилось, поди доискивайся! А потомъ, зарекомендовавши себя благонамѣреннымъ, можно и о конституціяхъ на досугѣ помечтать"...

„Я—человѣкъ культурный, потому что служилъ въ кавалеріи. И еще потому, что заказываю платье у Шармера. И еще потому, что по субботамъ обѣдаю въ англійскомъ клубѣ. Приду въ пять часовъ, проберусь въ уголокъ на свое мѣсто и ѣмъ, покуда не запыхаюсь. Прежде, бывало, я разговаривалъ, а нынче—только ѣмъ".

Продолжая размышлять о томъ, что предпринять, культурный человѣкъ постепенно уходитъ въ міръ фантазіи; проходятъ передъ нимъ картины прошлаго: онъ у себя въ деревнѣ, его окружаютъ собаки, Фильки, Ваньки.

„Ахъ, хорошо!.. И вдругъ, какъ бы очнувшись, онъ съ глубокимъ вздохомъ произноситъ: да, было времечко, да прошло оно, недаромъ мой другъ, капитанъ Копейкинъ, пишетъ: „Не ѣзди въ Залупскъ, у насъ, братъ, столько теперь поджарыхъ да прожженыхъ развелось—весь нашъ культурный клубъ испакостили!" Да, развелись-таки и тамъ. Ищутъ, нюхаютъ, законы подводятъ. Въ преферансъ съ тобой играютъ и черезъ часъ у тебя же въ квартирѣ поличнаго ищутъ. И въ клубы заползли: сперва одинъ, за нимъ другой, а потомъ, глядишь, и въ старшины попадать начали"...

Тоска, тоска и тоска! Съ какимъ-то отчаяніемъ обращаешься къ прошлому: прошлое! прошлое! воротись! И знаешь, что попусту надрываешься, и все-таки кричишь: воротись! воротись! воротись!

„Сознавать себя культурнымъ человѣкомъ и, въ то же время, не знать, куда дѣваться съ этой культурностью,—вотъ истинно трагическое положеніе! Ну что я съ собой предприму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечеромъ? Все, что можно было, въ предѣлахъ русской культурности, видѣть и совершить—все это я уже видѣлъ и совершилъ. Жюдикъ—видѣлъ, Шнейдершу—видѣлъ, у Елисѣева, и на биржѣ, и на Невскомъ—былъ. Повторять то же самое—ну, просто, противно, да и все тутъ".

Нравственный характеръ культурнаго человѣка, только со вчерашняго дня узнавшаго о своей культурности, весьма неопредѣлененъ. Такой человѣкъ „прежде всего преисполненъ загадочнаго юмора", о которомъ нельзя сказать положительно, на кого онъ направленъ—на собственную ли персону, или на окружающихъ; сверхъ того, онъ заносчивъ и льстивъ, лукавъ и легковѣренъ, наивенъ и лживъ, преисполненъ всякаго рода предразсудковъ, недоумѣній, противорѣчій и необыкновенно невѣжественъ. Говоритъ онъ обрывками, уснащая свою рѣчь безчисленными околичностями, перерывами, многоточіями, и при этомъ всегда пора-

жаетъ собесѣдника внезапностью мыслей, въ которыхъ невозможно отличить, что правда, и что ложь.

Нѣкоторые думаютъ, что онъ глупъ и золъ, но это невѣрно. Онъ не глупъ и не уменъ, не добръ и не золъ—онъ самъ-по-себѣ. Репутацію глупости составила ему глубокая его невѣжественность; репутацію злого человѣка—нѣкоторые нечеловѣческіе инстинкты, которые довольно частыми вспышками проявлялись въ немъ во время крѣпостного права. Но ежели надѣть на него прочный намордникъ, то горячность эта довольно скоро остываетъ.

И-н-ъ.

„День прошелъ—и слава Богу“, Н. Щедрина [1]).

О г. Щедринѣ, съ его новымъ разсказомъ *День прошелъ —и слава Богу,* можно сказать, что онъ говоритъ о лихой болѣсти современнаго русскаго общества.

Онъ осмѣиваетъ въ своей сатирѣ ту же пустоту жизни русскаго человѣка,—пустоту, среди которой онъ убиваетъ свое время.

„Въ первомъ часу почи мы вышли отъ Положиловыхъ. Дорогой я началъ припоминать проведенный день и—клянусь—мнѣ сдѣлалось стыдно.

— Какъ странно, однако, проводимъ мы наши дни!—сказалъ я, обращаясь къ Глумову.

— Что же тутъ страннаго?

— Помилуй—цѣлое утро въ кабакѣ провели, вечеръ въ сибирку играли, о солонинѣ разговаривали,—вѣдь, это, наконецъ, неприлично.

— А по-моему, такъ мы именно самымъ приличнымъ образомъ, по-русски, время провели. Наѣлись, напились, наигрались—чего же больше! А теперь, вотъ, придемъ домой, ляжемъ спать и скажемъ себѣ: день прошелъ—и слава Богу“.

Но г. Щедринъ, касаясь явленія, не оставляетъ безъ вниманія и причинъ его. Онъ старается показать, отъ чего оно зависитъ, отчего русскому человѣку приходится мириться съ такимъ времяпровожденіемъ. Чтобы показать, какъ авторъ касается этого вопроса, приведемъ разговоръ Глумова съ Поликсеной Ивановной:

— Смѣетесь вы надъ простотой, явное дѣло, смѣетесь!

— Смѣхъ—это форма, а въ сущности, я вникнуть прошу. Хорошо и благородно болѣть сердцемъ, какъ вы болѣете, да вѣдь, и способность разсуждать не Богъ знаетъ какая провинность, чтобы ее въ ссылку ссылать. Не станете же вы, подобно вашему духовнику, отцу Арсенію, утверждать: „Чувство первѣе всего, а умъ, яко слуга, и на запяткахъ постоять можетъ“.

— Это вы насчетъ „идей“ что ли? Зачѣмъ ихъ въ ссылку ссылать—Божьи, вѣдь, и онѣ. Только не ко двору онѣ у насъ, это я вѣрное слово вамъ говорю. Не бодрость онѣ придаютъ, а еще пуще въ уныніе вводятъ. Примѣръ-то у меня на глазахъ. Нѣтъ-нѣтъ да и заскучаетъ мой Павелъ Ермоланчъ. Нелюбо съ идеями въ департаментъ ходить, а приходится.

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1876 г., № 289. (См. выпускъ I-й, стран. 65.)

— Приходится—вотъ это такъ, это вы правильно сказали. Я и самъ нынче этой вѣры сталъ, хотя все еще отъ старой привычки отдѣлаться не могу. Не отъ практики старой, которой у насъ не бывало, а отъ лучей отъ этихъ, которые смолоду еще, со школьной скамьи, Богъ вѣсть откуда, заползли въ голову. Хоть и не такъ ужъ слѣпятъ эти лучи, какъ въ былые годы, а все-таки нѣтъ-нѣтъ да и приведутъ въ изумленіе. Идешь иногда, даже ходко идешь, въ то самое мѣсто, „куда приходится", и вдругъ это, словно, скоситъ тебя. По какому, молъ, человѣче, случаю ты въ путь-дорогу собрался? Съ чѣмъ собрался? Скажи-ка, что я на эти вопросы отвѣтить могу?

— Собрался, потому что сердечное влеченіе есть, съ тѣмъ собрался, съ чѣмъ Богъ послалъ.

— Поэзія это, Поликсена Ивановна. А вы мнѣ лучше вотъ что скажите: почему у насъ всякое бѣдствіе, словно, шабашъ какой-то въ россійскихъ сердцахъ производитъ? Вся мразь, все отпѣтое вдругъ оживаетъ и, пользуясь симъ случаемъ принимается старые счеты сводить. О здравомъ смыслѣ, о свободѣ сужденія— нѣтъ и въ поминѣ. На всѣхъ языкахъ угроза, во всѣхъ взглядахъ—намѣреніе горло перекусить. Вонъ давеча, поручикъ Живновскій встрѣтился, такъ и тотъ, чего ужъ отпѣтѣе: писатель, кричитъ, либералъ! Булгаринъ изъ гроба всталъ: на потомковъ, говоритъ, полюбоваться пришелъ! Какъ вы полагаете, не позорно при этомъ „воскресеніи мертвыхъ" присутствовать?

— Да не преувеличиваете ли вы?

— Нисколько не преувеличиваю, и говорю прямо: всякое бѣдствіе застаетъ наши лучшія силы врасплохъ и дѣлается поводомъ для возбужденія какихъ-то непонятныхъ старыхъ счетовъ. И что всего ужаснѣе: люди, вполнѣ хорошіе, до того теряются при этомъ, что сами себя головой выдать готовы. Иной прямо говоритъ: виноваты; другой вторитъ въ тонъ господамъ ташкентцамъ или хоронится. Вотъ, вы, и ничего не видя (сидите вы въ Разъѣзжей, за семью замками и видѣть-то вамъ ничего нельзя), сердцемъ болѣете, а кабы вы настоящую-то вакханалію видѣли, такъ ли бы оно у васъ заболѣло? Да-съ, не вымерли еще господа ташкентцы и долго не вымрутъ! Если мнѣ не вѣрите—у Павла Ермоланча спросите, онъ подтвердитъ.

Поликсена Ивановна ничего не сказала на это. При ссылкѣ на Павла Ермоланча она какъ-то съежилась и даже слегка поблѣднѣла. Вѣроятно, не въ первый разъ ей приходилось эти рѣчи выслушивать; недаромъ же она упомянула, что нелюбо съ „идеями" въ департаментъ ходить. Какъ ни скроменъ Павелъ Ермоланчъ, а невозможно, чтобы онъ не проговорился.

— Вотъ вы давеча сказали, рѣзкостей допускать не надо, продолжалъ Глумовъ, не унимаясь,—а, вѣдь, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это значитъ: держи языкъ за зубами. За что же, помилуйте? За что я долженъ вѣчно смотрѣть на себя, какъ на...

— Ахъ! оставьте это... не говорите!—не выдержала Поликсена Ивановна...

Такимъ образомъ, касаясь явленія, г. Щедринъ старается подыскать и свое ему объясненіе, съ которымъ, конечно, вы можете соглашаться, но явленіе у него не остается

необъяснимымъ. Въ этой небольшой картинкѣ нашихъ нравовъ выдвигается и разъясняется огромной важности вопросъ. Почему этотъ многомилліонный народъ живетъ по рецепту: „День прошелъ—и слава Богу“; почему нельзя въ департаментъ ходить съ идеями; почему потерянъ всякій вкусъ къ разумному существованію, къ нравственнымъ цѣлямъ жизни; почему въ насъ ничего не осталось, кромѣ чувства животнаго самохраненія?.. Прочтите внимательно внутренній смыслъ очерка Щедрина и вы поймете. Вспомните наше крѣпостное право, цѣпь котораго физически сковывала народъ и духовно—интеллигенцію, обломками которой мы сейчасъ являемся; вспомните нашу государственность, въ которой до сихъ поръ не было мѣста свободной личности; вспомните нашу патріархальную семью, нашъ патріархальный государственный и общественный строй съ необозримымъ количествомъ „начальства“, слѣдящаго за тѣмъ, чтобы изъ дѣятельности и бытія россійскихъ обывателей „ничего не вышло“, наше невѣжественное общество, нашу нищету, наше политическое бытіе, нашу хищническую систему хозяйства, нашу экономическую политику, и вамъ понятнымъ станетъ, что желаніе „день прошелъ—и слава Богу“ является пока единственно возможнымъ. При существующей кладбищенской атмосферѣ больше ничто не идетъ на умъ, да большее и невозможно, принимая въ расчетъ правило нашей „внутренней политики“, для всѣхъ равно обязательное: „Держи языкъ за зубами“.

Въ этой атмосферѣ разложенія, „среди коварныхъ, малодушныхъ, шальныхъ, балованыхъ дѣтей, злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ, тупыхъ, привязчивыхъ судей“ нѣтъ мѣста здоровой мысли, плодотворной работѣ, серіознымъ жизненнымъ планамъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тамъ не можетъ быть и плановъ, тамъ невозможны никакія задачи, потому что всякая задача требуетъ увѣренности, что ты ее проведешь до конца, а тамъ, гдѣ существованіе „гражданина“ ограничивается, какъ у бабочки, днями, тамъ нельзя работать, потому что не зачѣмъ работать. Въ этой обстановкѣ можно только „странно проводить время“, разговаривая въ кабакѣ „о солонинѣ“, и съ утра до ночи сражаться на зеленомъ полѣ, перерывая это занятіе неприличными анекдотами. Это и называется — „по-русски время провели“.

„Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1876 г., сентябрь и октябрь.

Извѣстно, что г. Щедринъ печатаетъ свои очерки параллельными хрониками, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое заглавіе. Четвертый очеркъ хроники, извѣстной подъ именемъ *Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности*, напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ и посвященъ изображенію молчалинства въ литературѣ. „Молчалины, говоритъ авторъ, отнюдь не представляютъ исключительной особенности чиновничества. Они кишатъ вездѣ, гдѣ существуетъ забитость, приниженность, вездѣ, гдѣ чувствуется невозможность скоротать жизнь безъ содѣйствія обстановки“. „Повидимому, литературѣ, по самому характеру ея образовательнаго призванія, долженъ бы быть чуждъ этотъ элементъ, а, между тѣмъ, мы видимъ, что молчалинство не только проникло въ нее, но и въ значительной степени прижилось“. А затѣмъ авторъ вводитъ насъ въ кабинетъ одного изъ литературныхъ Молчалиныхъ—редактора газеты „Чего изволите?“.

Большинство сатиръ Щедрина производитъ, обыкновенно, двойственное впечатлѣніе, такъ-что одинъ разрядъ читателей усматриваетъ въ нихъ совсѣмъ не то, что находитъ другой. Точно то же замѣчается и въ настоящемъ очеркѣ. Читая его, просто какъ лѣтопись редакторской дѣятельности Молчалина, можно увидѣть только то комичное, что рисуетъ Щедринъ въ редакторскомъ кабинетѣ Молчалина. Но если обратиться къ мотивамъ, которые заставляютъ Молчалина „трепетать“, то положеніе его окажется не комическимъ, а драматическимъ. Если бы Щедринъ, вмѣсто Молчалина, вывелъ другого литератора, болѣе крупнаго размѣра, то сатира ока-

[1]) „Недѣля“, 1876 г., №№ 39, 44, 45. (См. выпускъ II-й, страп. 64.)

залась бы невозможною и, вмѣсто сатиры, получилась бы или повѣсть, или разсказъ, или трактатъ о положеніи русскаго литератора. Поэтому-то сатира и представляетъ довольно трудное чтеніе для обыкновеннаго читателя, и Щедринъ совершенно справедливо навлекаетъ на себя нареканіе въ неясности, а подчасъ и двойственности. Такія подробности, какъ описаніе молчалинскаго кабинета, въ которомъ расположены были шкафы съ выдвижными ящиками, а на ящикахъ читались надписи: „безобразія Свіяжскія“, „безобразія Красно-уфимскія“, „безобразія Мало-архангельскія“, или описаніе наружности Молчалина, въ глазахъ котораго читалось безъ труда: „5 коп. за строчку—безъ обмана—и будь мой навсегда!“ конечно, безапелляціонно осуждаютъ Молчалина въ глазахъ читателя, точно такъ же, какъ и изображеніе „передовиковъ“, которые просятъ республики и говорятъ: „Мы, дескать, люди мысли, мы свое дѣло дѣлаемъ, а вы свое дѣлаете“. Но если сумѣть сдѣлать соотвѣтственные эксперименты и „выковыриванья“, то сатира Щедрина получитъ опредѣленный, ясный цвѣтъ.

Молчалинъ, если бы пришлось обобщать и нѣсколько смягчать, пожалуй, безъ труда напомнилъ бы и дѣйствительныхъ редакторовъ нашихъ газетъ и ихъ двойственное положеніе.

„Съ одной стороны, ругаютъ сотрудники ренегатомъ на всѣхъ перекресткахъ, а съ другой,—угрожаетъ начальство... Такое это положеніе,—говоритъ Молчалинъ,—повѣрите ли, только 3 года я въ этой передѣлкѣ нахожусь, а ужъ болѣзнь сердца нажилъ. Каждый день слышать ругательства и каждый день ждать бѣды! Ахъ... Еще вчера, напримѣръ, писалъ о какомъ-нибудь предметѣ, писалъ безстрашно, и ничего—сошло! Сегодня опять тотъ же предметъ съ тѣмъ же безстрашіемъ тронулъ,—хлопъ“.—„А почемъ я зналъ?“—„Почемъ зналъ! передразнилъ Молчалина Алексѣй Степанычъ. А носъ у тебя на что? А сердце-вѣщунъ для чего? Коли ты благонамѣренный, то сердце должно на всякъ часъ тебя остерегать!“—„Разсказывай, отвѣчалъ Молчалинъ.—Тебѣ хорошо, ты своего проникъ—ну и объѣздилъ; а вотъ худо, какъ и объѣздить некого! Поди, угадывай, откуда гроза бѣжитъ! Говорятъ, писать можно приноровиться, ну, аллегоріями что ли. То-то и есть, что на аллегоріи нынче мастеровъ нѣтъ. Нынѣ все пишутъ съ-плеча... Да вотъ, позвольте, я прочту, что мнѣ тутъ одинъ передовикъ напуталъ. Кстати, вмѣстѣ обсудимъ, да тутъ же и поправимъ, а то я ужъ съ утра мучусь; да пониманіе, что ли, во мнѣ притупилось: просто, никакой аллегоріи придумать не могу!“

И затѣмъ начинается редакторская цензура корректурныхъ листовъ. Въ этой вступительной сценѣ сатиры—ея предисловіе и введеніе. Вся же соль въ томъ, какъ Молча-

линъ „обуздываетъ“ своихъ передовиковъ и поправляетъ ихъ статьи, чтобъ избѣгнуть грозы. Мы возьмемъ только одно мѣсто, которое достаточно покажетъ и пріемъ Щедрина и всю сущность содержанія его сатиры.

Въ полемикѣ съ „Бреющимъ шиломъ“ передовикъ разсуждаетъ о литературныхъ органахъ и говоритъ, что существованіе ихъ указываетъ на потребность въ нихъ общества. „Органы эти созданы не для того, чтобы покоиться, а для того, чтобы дѣйствовать; что они—подспорье власти, и было бы величайшимъ малодушіемъ не пользоваться ими, хотя бы отъ этого и не предвидѣлось никакихъ послѣдствій. Права не приходятъ сразу, а пріобрѣтаются постепенно, и потому, что наши земства упускаютъ изъ виду эту истину, они позволяютъ себѣ неряшливыя отношенія къ своимъ обязанностямъ. А что же общество? Общество, которому слѣдовало воодушевлять и поощрять удостоенныхъ довѣріемъ его лицъ, коснѣетъ въ равнодушіи къ своимъ собственнымъ интересамъ. Это круговая порука апатіи и лѣности, въ результатѣ которой не можетъ быть ничего иного, кромѣ мерзости запустѣнія. Что скажетъ объ насъ потомство? Оно скажетъ: это были люди, по милости которыхъ мы занимаемся толченіемъ воды. Что скажутъ иностранцы о такомъ обществѣ и о такихъ органахъ? Они скажутъ: вотъ общество, которому ничего не дано и которое поэтому ничѣмъ и не воспользовалось. Ужели они будутъ правы?“ Мы нѣсколько измѣнили тонъ этой выписки, потому что въ подлинникѣ идетъ вперемежку и смѣхъ, и серіозное, и сарказмъ. Щедринъ, осмѣивая либеральныхъ болтуновъ Молчалина, хочетъ сдѣлать ихъ еще смѣшнѣе, а маленькаго Молчалина—еще меньше. Ужъ кажется, что́ можетъ быть невиннѣе; между тѣмъ—„Ахъ-ахъ-ахъ!“ вздохнувши говоритъ Алексѣй Степанычъ.

„Правилъ ты, правилъ, а вся твоя работа втупе; ужъ этого-то, братъ, не исправишь!“—„А вотъ сейчасъ увидишь“, отвѣчалъ Молчалинъ, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ уже читалъ вотъ что: „Существованіе органовъ означаетъ если не настоятельную въ нихъ потребность, то благосклонность относительно ихъ, благоизволеніе. Положимъ, что непосредственнаго и дѣятельнаго участія въ управленіи имъ не представлено, но начальство никогда не отказывалось и не отказывается получать отъ нихъ почтительныя и въ надлежащихъ границахъ представленія. Мы должны поменьше думать о правахъ и побольше объ обязанностяхъ. Терпѣніе и самоотверженность—вотъ задача, которую должно преслѣдовать поколѣніе

современныхъ общественныхъ дѣятелей,—все же остальное предоставить потомству. Наши земства это поняли... Что скажетъ объ насъ потомство? — Оно скажетъ: это были люди самоотверженные, которые, проводя время въ ожиданіи разрѣшеній, тѣмъ самымъ расчищали и для насъ пути.—Что скажутъ иностранцы?—Они скажутъ: вотъ общество, которое съ благоразуміемъ и мудрою постепенностью пользуется предоставленными ему возможностями. И потомство и иностранцы будутъ правы".

Въ этомъ сортѣ производятся Молчалинымъ всѣ поправки, и приниженные люди на вашихъ глазахъ становятся еще приниженнѣе и меньше. Вамъ дѣлается душно и тоскливо. Какую, въ самомъ дѣлѣ, позорную и постыдную роль играетъ такъ-называемый интеллигентъ—человѣкъ, служащій мысли—въ дѣлѣ, которое, вмѣсто передового, становится позорнымъ! И чѣмъ шире вы будете дѣлать обобщеніе, тѣмъ тяжелѣе будетъ вамъ становиться—только не становитесь при этомъ въ положеніе посторонняго наблюдателя.

Щедринъ, по преимуществу, сатирикъ подонковъ общества, гнили и дряни, сатирикъ, копающійся въ самомъ низу; онъ всегда сумѣетъ вытащить какой-нибудь смрадъ и преподнесетъ его къ самому вашему носу. Свѣтлаго у Щедрина не ищите, не ищите у него сопоставленій и положительныхъ образовъ, не думайте, что онъ наведетъ на мысль, которая явилась бы въ васъ реакціей. Если въ васъ самихъ нѣтъ способности находить различія и противоположности, Щедринъ васъ ничему не научитъ. Поэтому, обыкновенный читатель кончаетъ хихиканьемъ, или начнетъ плевать въ литературу, или же явится ея адвокатомъ, приметъ къ сердцу обиду и вступится за людей своей профессіи. Съ такимъ самолюбіемъ въ пониманіи далеко не уйдешь. Мы согласны, что Щедринъ неясенъ, что Щедринъ безъ разбору бьетъ и своихъ и чужихъ, что не всегда поймешь, говоритъ ли онъ серіозно или шутитъ, что главный недостатокъ его въ томъ, что онъ сбиваетъ неразумнаго читателя. Щедринъ, какъ художникъ, дѣйствительно путается даже въ сюжетахъ; но кто умѣетъ думать и переживать сатиры Щедрина субъективно и прочувствовать самого себя въ той средѣ и въ тѣхъ помойныхъ ямахъ, которыя Щедринъ рисуетъ, тотъ отнесется къ сатирамъ Щедрина нѣсколько иначе, чѣмъ легкомысленно хохочущая публика, воображающая себя въ балаганѣ. Въ томъ-то и дѣло, что, читая Щедрина, нужно найти себѣ мѣсто. Читая его, вы воображаете себѣ въ партерѣ; нѣтъ, не въ партерѣ вы,—вы сами

на сценѣ. Вы этого только понять не можете, хотя, въ то же самое время, очень либерально отзываетесь сверху объ аристократизмѣ. Самая скверная форма аристократизма—та, когда все человѣчество видишь на сценѣ, а себя—въ партерѣ зрителемъ. Если вы не умѣете смотрѣть на жизнь иначе, бросьте читать сатиры Щедрина, ибо вамъ, аристократу, не почувствовать никогда, что вы сами сидите въ помойной ямѣ. Вамъ только другіе покажутся въ помояхъ, а себя вы возведете всегда въ исключеніе, вы всегда насмѣетесь только надъ другими и насмѣетесь глупо и легкомысленно, какъ зеленый гимназистъ. Вы требуете отъ Щедрина руководящей мысли, вы хотите отъ него яснаго смѣха, но руководящая мысль должна быть въ васъ самихъ, и если вы въ себѣ ея не найдете, вы запутаетесь въ противорѣчіяхъ сатиры Щедрина и сдѣлаете такую ошибку, какую дѣлаетъ большинство нашихъ читателей и даже критиковъ. Пока читатель чувствуетъ себя въ партерѣ, а не на сценѣ, сатира Щедрина будетъ только смѣшить его, и пока онъ не чувствуетъ ѣдкаго сарказма надъ самимъ собою, онъ никогда не пойметъ сатиры и не найдетъ въ ней руководящей идеи. Но при чемъ же, въ такомъ случаѣ, остается Щедринъ? При томъ же, при чемъ нѣкогда оставался Островскій, для разъясненія котораго требовались уже другіе писатели—критики и публицисты.

II.

Есть вещи, которыя особенно удаются Щедрину. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ и настоящій V очеркъ. Но и онъ страдаетъ нѣкоторою неполнотой и неопредѣленностью. Въ предисловіи отъ лица объекта (въ которомъ не всякій читатель узнаетъ себя) Щедринъ высказываетъ общій взглядъ на причины „молчалинства“. Сатирикъ усматриваетъ въ молчалинствѣ хроническое двоегласіе жизни, при которомъ казенное и свое собственное существованіе идутъ въ одномъ человѣкѣ рядомъ, нисколько, повидимому, не мѣшая другъ-другу.

Въ примѣръ двоегласія приводится танцовщица, не очень знаменитая, но все-таки пользовавшаяся хорошею репутаціей женщина, пожилая, совершенно добродѣтельная, вдова какого-то экзекутора и отличная мать семейства. День она

всецѣло посвящала семьѣ и воспитанію дѣтей, а вечеромъ уѣзжала въ театръ и продѣлывала тамъ антраша. Когда вечеромъ она надѣвала трико и, поднявъ ногу до уровня плечъ, выдѣлывала передъ почтенною публикой круги, ей было не совсѣмъ ловко. Поэтому, она больше всего боялась, чтобы кто-нибудь изъ ея дѣтей не зашелъ въ театръ и не увидалъ бы ея. Но вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ сынъ ея, гимназистъ, соблазненный запретнымъ плодомъ, урвался тайкомъ въ театръ, и, когда взвился занавѣсъ, онъ увидѣлъ впереди всѣхъ какую-то роскошную женщину, покрытую, вмѣсто платья, прозрачною тряпочкой и медленно-медленно выдѣлывавшую ногою кругъ. Вглядываясь пристально въ эту женщину, гимназистъ узналъ въ ней свою мать.

„Вотъ наглядный примѣръ того, говоритъ Щедринъ, что двоегласіе въ жизни нисколько не препятствуетъ правильному ея теченію, даже съ такимъ аккомпанементомъ, какъ періодически обязательное переодѣваніе въ трико. И не примѣшайся тутъ неумѣстное любопытство юнаго гимназиста, приведшее его въ театръ, Арина Ивановна и до-днесь, въ кругу своего семейства, продолжала бы пользоваться именемъ маменьки Арины Ивановны, при чемъ никто бы и не подозрѣвалъ, что съ этимъ именемъ связывается понятіе о какой-то Аспиччіи“.

Переходя послѣ этого поясняющаго примѣра къ Алексѣю Степанычу Молчалину, Щедринъ говоритъ, что, хотя Молчалинъ и Арина Ивановна, оба устраиваютъ свою семейную жизнь независимо отъ профессіи, но что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Молчалинъ поставленъ выгоднѣе... Такъ какъ именно въ перечисленіи выгодъ и заключается неясность, то мы перейдемъ къ нимъ послѣ, а теперь укажемъ на параллель остальныхъ Молчалиныхъ, которыхъ Щедринъ даетъ въ V очеркѣ и для уясненія душевнаго склада которыхъ приводитъ въ предисловіи Арину Ивановну. Въ очеркѣ изображены чиновники департамента „Возмездій и Воздаяній“. Объектъ, отъ котораго идетъ разсказъ, получилъ отъ Алексѣя Степаныча, Молчалина-литератора, записку, въ которой тотъ предупреждаетъ, что „объектъ“ проштрафился, и штрафъ предстоитъ съ него не малый, потому что дѣло о его провинности передано въ департаментъ „Воздаяній по преимуществу“. Предупреждая объ этомъ своего пріятеля, Алексѣй Степанычъ совѣтуетъ ему сходить въ департаментъ и тамъ разузнать пути, какимъ образомъ можно устранить возможность „поврежденія“. И вотъ, объектъ отправляется въ департаментъ „Возмездій и Воздаяній“.

Несмотря на то, что это мѣсто такое страшное, всѣ тамъ отличаются какимъ-то голубинымъ благодушествомъ. Сторожа приняли объекта какъ родного: наперерывъ предлагаютъ спички, чтобы закурить папиросу, проводятъ его въ курильную, гдѣ окружаетъ его такое же добродушное общество чиновниковъ и просителей. Однимъ словомъ, ничто не напоминаетъ, чтобъ это былъ департаментъ „Возмездій и Воздаяній". Иванъ Семенычъ, въ рукахъ котораго дѣло объекта, оказывается даже поэтомъ, и не только простымъ поэтомъ, но поэтомъ съ тенденціей, очень удачно переложившимъ въ стихи „Спаси, Господи". Въ концѣ-концовъ оказалось, что все это было напрасною тревогой. Иванъ Семенычъ объяснилъ, что ему просто хотѣлось залучить объекта, ну, и написалъ цидулу, а теперь очень радъ, что познакомился съ нимъ, и что объектъ, какъ литераторъ, придетъ къ нему въ пятницу на вечеръ. „А впрочемъ, есть и дѣльце, если хотите,—добавилъ Иванъ Семенычъ,—да не стоитъ объ немъ говорить. Словцо тамъ одно... Не бойтесь. Мы его кругомъ пальца обвернемъ, дѣльце ваше. Вы только довѣрьтесь, а ужъ мы... Самъ, батюшка, литераторъ, хоть и не настоящій, не нынѣшній, а знаю"...—„Но въ чемъ же, однако, дѣло?" настаивалъ объектъ.—„Говорю вамъ, не стоитъ тратить словъ. Залучить васъ хотѣлось, и успѣлъ въ томъ"... И объекту сдѣлалось вдругъ ужасно неловко, почти стыдно. Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, почему стыдно, но какое-то непреодолимое желаніе уйти охватило все его существо...

Странную путаницу въ чувствахъ производитъ калейдоскопъ всѣхъ этихъ лицъ, которымъ всѣмъ одинаково достается отъ сатиры, и которыхъ она всѣхъ подводитъ подъ одну рубрику—Молчалиныхъ. Задавшись мыслью изобразить двоегласіе жизни, Щедринъ даетъ и Арину Ивановну, устроившую свою личную жизнь независимо отъ профессіи, и Алексѣя Степаныча, и Ивана Семеныча, и Тугаринова, и департаментскихъ сторожей, и курьера, и директора департамента, и экзекутора. Если вопросъ поставить такъ широко, то подъ мѣрку двоегласія подойдетъ, пожалуй, рѣшительно всякій, кто живетъ собственнымъ трудомъ. Развѣ швея, просиживающая за своимъ ремесломъ напролетъ ночи, соединила свою личную жизнь со своимъ ремесломъ? Развѣ учительница и голодный студентъ, бѣгаю-

щіе изъ-за куска насущнаго хлѣба, не двоятся точно такъ же? Нѣкогда экономисты новой экономической теоріи проповѣдывали теорію труда пріятнаго, заполнявшаго нравственную жизнь. Потомъ, когда они разобрали вопросъ точнѣе, то увидѣли, что стрѣляли выше цѣли. Какое нравственное удовлетвореніе найдетъ мускульный работникъ въ своемъ изнурительномъ трудѣ? Какимъ образомъ землекопъ, стоящій по поясъ въ водѣ, нашелъ бы наслажденіе въ копаніи болота, и какъ онъ освободился бы отъ двогласія? Какое наслажденіе найдетъ въ своемъ трудѣ землекопъ, надрывающій лѣтомъ свои силы въ полѣ, или череповскій крестьянинъ, живущій лѣснымъ заработкомъ, когда онъ выходитъ цѣлыми деревнями, чтобы протаптывать въ лѣсу и по болоту дорогу для вывозки лѣса. Практическіе нѣмцы давно уже выяснили это и даютъ въ своихъ школахъ профессіональное образованіе. Сдѣлать изъ труда наслажденіе, слить его съ жизнью, сдѣлать изъ него дѣло жизни—вопросъ настолько широкій, что, сводя его къ двоегласію, нѣтъ ничего легче, какъ запутаться и свалить въ одну кучу то, чего въ одну кучу смѣшать нельзя. Возьмемъ хоть Арину Ивановну: она очень хорошая женщина—серіозная, нелегкомысленная, не занимающаяся никакими шалостями, а кажется, всецѣло отдавшаяся воспитанію своихъ дѣтей. Изъ какихъ же средствъ ей ихъ воспитывать, если мужъ ея умеръ? Еще хорошо, что она умѣла танцовать. Занятіе ея, дѣйствительно, странно. То, что она выдѣлываетъ на сценѣ, совсѣмъ не идетъ къ матери семейства; но почему же сынъ-гимназистъ, увидавши свою мать въ такомъ положеніи, долженъ перестать ее уважать? Чѣмъ кажется смѣшною Арина Ивановна, и почему сатирикъ думаетъ, что она внушала своимъ дѣтямъ страхъ Божій только для того, чтобъ они не смѣли позволить себѣ критики ея поведенія? Все это не больше, какъ путаница. Мать семейства, поставленная ради куска насущнаго хлѣба, какъ Арина Ивановна, въ такое положеніе, должна чувствовать себя неловко. Она будетъ чувствовать двоегласіе даже и безъ всякаго сознанія, почувствуетъ его простымъ чувствомъ матери; Арину Ивановну можно жалѣть, но смѣяться надъ нею нельзя. Арину Ивановну можно обобщить, можно дать картину всего женскаго персонала нашей громадной московской и петербургской труппы, страдающей отъ хро-

ническаго двоегласія ради куска хлѣба, котораго можно не пожелать и врагу. Вопросъ это не личный, а общественный, и болѣе широкій, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Двоегласій, ведущихъ лицо къ нравственному упадку и оскорбляющихъ нравственныя чувства, вы найдете много въ жизни. Найти и возмутиться имъ, пожалуй, нетрудно; но вопросъ въ томъ, въ кого кинуть камнемъ.

Кромѣ этого двоегласія, есть еще и другое. Во Франціи, напримѣръ, обязанность палача составляетъ наслѣдственную привилегію фамиліи Сансоновъ. Сансоны очень гордились своею спеціальностью. Они видѣли въ себѣ орудіе Божьяго возмездія и служителей правосудія. Если хотите, здѣсь нѣтъ двоегласія. Профессія сходится съ личной жизнью, и Сансоны не испытывали мучительнаго противорѣчія Арины Ивановны. Не испытываетъ противорѣчія и Иванъ Семенычъ, самъ пописывающій либеральные стишки и въ то же время преслѣдующій другого за одно „словцо". Не испытываетъ противорѣчія, быть-можетъ, и Тугариновъ, но, вѣдь, не объ этомъ рѣчь. Рѣчь о томъ, что и Иванъ Семенычъ, и Арина Ивановна, и добродушные департаментскіе сторожа, о которыхъ Щедринъ говоритъ, что русскій солдатикъ даже шпицрутеномъ хлеснуть не можетъ безъ того, чтобы не произнести предварительно: „Господи-Владычица, Успенье-Матушка!" не все ли это одно и то же? Не старый ли это вопросъ о молотѣ и наковальнѣ; вопросъ о гвоздѣ, который входитъ въ стѣну потому, что бьетъ его молотъ? Въ сатирѣ Щедрина есть даже драматическіе моменты. И моментъ этотъ, именно, въ томъ оскорбительно-униженномъ положеніи, въ которое поставленъ объектъ, вынужденный трепетать, вынужденный, ради того, чтобы не испытать „поврежденія", заискивать и поддѣлываться и искать общенія съ людьми, одна мысль о которыхъ вызываетъ краску стыда и униженія. Этотъ драматическій моментъ, напрашиваясь на обобщеніе, объясняетъ многое и въ двоегласіи и въ сознательномъ молчалинствѣ. Можно только пожалѣть, что Щедринъ не вырисовалъ полнѣе и рѣзче, насколько оскорбляется и падаетъ нравственно всякій порядочный человѣкъ, поставленный въ необходимость искать въ Тугариновыхъ.

Новая сатира Щедрина и наша журналистика [1].

*) Мы стоимъ передъ довольно куріознымъ явленіемъ: передъ обидой, якобы нанесенною г. Щедринымъ русской печати. Дѣло въ томъ, что нашъ почтенный сатирикъ навострилъ свое перо (нѣсколько притупившееся въ его послѣд-

—

[1]) „Гражданинъ", 1876 г., № 38.

*) „Гражданинъ" держался всегда крайнихъ консервативныхъ убѣжденій, оберегая специфическіе дворянскіе интересы, поощряя административныя репрессіи, возставая противъ самоуправленія, правового государства, равенства сословій и проповѣдуя возвращеніе къ дореформенному порядку вещей. Впрочемъ, было бы ошибкой сказать, что направленіе газеты строго выдержано. Зачастую, на страницахъ этого органа можно встрѣтить статьи, рѣзко расходящіяся съ основнымъ лейтъ-мотивомъ газеты. Это наблюдается, обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда „въ сферахъ" начинаетъ мѣняться направленіе „внутренней политики". Полемизируя, въ приводимой здѣсь статьѣ, съ „Одесск. Вѣстн.", авторъ статьи могъ бы, въ подтвержденіе жизненности очерка Щедрина, съ большимъ успѣхомъ указать на свой органъ. Этотъ аргументъ былъ бы и наиболѣе остроумнымъ и наиболѣе доказательнымъ.

Авторъ приводимой статьи доказываетъ, что дѣятели Щедринской газеты „Чего изволите?" являются типичными представителями нашей современной прессы. Знающій эту среду врядъ ли станетъ оспаривать это положеніе, хотя причины, вызвавшія такое положеніе вещей, будутъ объясняться по-разному. Редакторъ „Гражданина" полагаетъ, что „распущенность" русской прессы прямое слѣдствіе той „свободы" печати, которою она пользуется сейчасъ и усугубленіе которой намѣревается дать новый цензурный уставъ. Не такъ смотритъ на этотъ вопросъ прогрессивная часть русской печати. Она полагаетъ, что ненормальное юридическое положеніе печати, главнымъ образомъ, и создало стоячее болото, такъ превосходно нарисованное Щедринымъ. Для всякаго задумывавшагося надъ этимъ вопросомъ ясно, что не глумленіе надъ русскою прессой имѣлъ въ виду Щедринъ въ своемъ очеркѣ, а художественное констатированіе факта, что въ стоячемъ болотѣ міазмы развиваются всего успѣшнѣе. Что наши газеты переполнены Молчалиными, противъ этого врядъ ли возможно спорить; такъ же точно нельзя спорить и противъ того, что Щедринъ, неоднократно указывая на неблагопріятныя общія условія русской общественной жизни, не могъ и въ интересующемъ насъ очеркѣ полагать, что молчалинство — въ природѣ русскаго журналиста. *Примѣч. Н. Денисюка.*

нихъ ежемѣсячныхъ и обширныхъ произведеніяхъ) и обрисовалъ лучшими красками своего таланта редакцію газеты „Чего изволите?“ Статья вышла не только вполнѣ удачною и остроумною, но даже и имѣющею довольно серіозное значеніе. Выразившійся въ ней типъ литературнаго Молчалина слѣдуетъ причислить къ лучшимъ щедринскимъ типамъ...

И что же случилось?!—Русская печать обидѣлась самымъ смѣшнымъ и наивнымъ образомъ. Въ особенности обидѣлась провинція, въ щекотливыхъ случаяхъ. „Одесскій Вѣстникъ“ рѣшился взять на себя роль „гласа народнаго“ и въ 219 своемъ № выступилъ противъ г. Щедрина съ литературнымъ фельетономъ.

Онъ находитъ, что когда русскіе современные писатели, вообще, а газетные редакторы и сотрудники, въ частности, получаютъ *такую могучую встряску*, то имъ слѣдуетъ отвѣчать и высказаться, слѣдуетъ увѣрить публику въ *неправдивости* г. Щедрина, въ томъ, что, на самомъ дѣлѣ, не существуетъ газеты „Чего изволите?“ и ея редактора—Молчалина 2-го. Фельетонистъ „Одесскаго Вѣстника“ совершенно серіозно и горячо даетъ слѣдующія три клятвы: 1) „За исключеніемъ самыхъ дрянныхъ газетишекъ (да и то едва ли), въ нашей прессѣ *почти* (!?) нѣтъ редакторовъ—золотарей и прохвостовъ“. 2) „Ни одинъ извѣстный г. фельетонисту редакторъ не представляется похожимъ на Молчалина 2-го настолько, чтобы можно было сказать, что это портретъ“. 3) „Ни въ одной извѣстной г. фельетонисту газетѣ не пишутся передовыя статьи, *совершенно* (!?) подобныя приведенной Щедринымъ, и не исправляются такъ, какъ онъ изобразилъ“. Эти три искреннія и правдивыя клятвы, заставляющія читателей такъ неудержимо смѣяться, какъ и сама статья г. Щедрина, представляютъ нѣсколько неожиданныя доказательства виновности нашего сатирика. Но фельетонистъ „Одесскаго Вѣстника“ идетъ еще далѣе: *уличивъ во лжи*, онъ начинаетъ наставлять автора *Экскурсій* и стыдить его. Онъ находитъ въ сатирѣ Щедрина безобразную и несправедливую карикатуру, а въ немъ самомъ отсутствіе идеала. „Не съ холоднымъ и безсердечнымъ сарказмомъ,—говоритъ онъ,—а съ теплымъ соболѣзнованіемъ слѣдовало бы ему отнестись къ болѣзнямъ и немощамъ русской прессы. Ему слѣдовало дать отвѣтъ на вопросъ: „Что дѣлать?“ Ему слѣдовало дать читателямъ понять, на чьей сторонѣ стоитъ

его сочувствіе и чего бы онъ хотѣлъ для улучшенія настоящаго положенія нашей прессы. Тогда сатира его была бы подвигомъ для общественной пользы... и т. д. Что бы осталось отъ *сатиры* Щедрина, если бы всѣ эти поученія и требованія были исполнены—мы, конечно, не станемъ разъяснять фельетонисту „Одесск. Вѣстника", тѣмъ болѣе, что онъ окончательно становится невмѣняемымъ, прибавляя: „Но въ ней (газетѣ „Чего изволите?"), несомнѣнно, заключаются многія очень характерныя черты современной русской прессы".

Среди многихъ тысячъ русскихъ людей, обученныхъ чтенію и письму, навѣрное, найдутся сторонники фельетониста „Одесскаго Вѣстника", совершенно съ нимъ согласные и заявляющіе тѣ же требованія. Но, вѣдь, серіозные писатели, и г. Щедринъ въ числѣ ихъ, никакъ не могутъ приноровляться къ степени развитія каждаго своего случайнаго читателя. Они пишутъ никакъ не для людей непонимающихъ, что̀ это такое написано и какъ его нужно читать, и, если устами одесскаго фельетониста говоритъ вся пишущая и читающая провинція, то фактъ этотъ очень смѣшонъ и жалокъ, и можетъ только послужить матеріаломъ для новой сатиры...

Отдавая должную дань таланту г. Щедрина, мы никогда не принадлежали къ числу слѣпыхъ его поклонниковъ и постоянно указывали на его слабыя произведенія, вызываемыя, главнымъ образомъ, чрезмѣрной плодовитостью автора. Но послѣдняя сатира мѣтко попала по назначенію, и всякій крикъ, всякое недовольство, возбужденные ею, только еще неопровержимѣе доказываютъ это. Только „Одесскій Вѣстникъ" и можетъ воображать, что сатирикъ обозвалъ „*всю* русскую литературу помойною ямой". Сатира не имѣетъ дѣла со *счастливыми исключеніями*, не должна передъ ними извиняться и не обязана на нихъ указывать. Слѣдовательно, обижающійся и принимающій на свой счетъ этимъ самымъ и выдаетъ себя—старая истина. Г. Щедринъ вовсе не оклеветалъ русскихъ литераторовъ и журналистовъ—онъ только сдѣлалъ то, что уже давно слѣдовало сдѣлать: откровенно и остроумно посмѣялся надъ газетами „Чего изволите?" и литературными Молчалиными. Недаромъ даже и фельетонистъ „Одесскаго Вѣстника" клятвенно увѣряетъ, что у насъ *почти* нѣтъ редакторовъ „золотарей и прохвостовъ", что въ Молчалинѣ 2-мъ трудно узнать вылитый портретъ какого-

нибудь извѣстнаго редактора, и что передовыя статьи не *совершенно* такъ пишутся, какъ это разсказано въ сатирѣ... Дѣйствительно, газета „Чего изволите?“ и литературный Молчалинъ, не будучи фотографическимъ снимкомъ съ какой-нибудь извѣстной существующей газеты и редактора, являются вполнѣ и художественно вѣрнымъ *типомъ*, вмѣщающимъ въ себѣ всю дрянь, такъ широко расплодившуюся въ нашей печати. Характеристическій образъ „Чего изволите?“ и литературнаго Молчалина, варьiируясь и оттѣняясь сообразно съ различными обстоятельствами, постоянно является передъ нами. Онъ здѣсь и тамъ, и къ какой бы литературной категоріи ни принадлежалъ, онъ—вѣчно одинъ и тотъ же, съ прирожденными ему, рѣзко отмѣченными Щедринымъ чертами. Чѣмъ бы ни руководствовался онъ, какой бы страхъ или какой расчетъ ни овладѣвалъ имъ—это все онъ—литературный Молчалинъ со своимъ органомъ „Чего изволите?“...

„Чего изволите?“—вотъ истинный и единственный ярлыкъ, принадлежащій журналистикѣ, не имѣющей своихъ собственныхъ и ясныхъ убѣжденій или находящей *невыгоднымъ* ихъ высказывать, журналистикѣ, не руководящей общественнымъ мнѣніемъ, а со страхомъ и трепетомъ прислушивающейся къ своимъ *плательщикамъ* и все же, весьма часто, опаздывающей въ погонѣ за движеніемъ ихъ мысли и чувства...

И именно теперь, въ послѣдніе мѣсяцы, эта журналистика допускаетъ надъ собою самыя ясныя, самыя неопровержимыя наблюденія. Если собрать въ строгой постепенности, изо-дня-въ-день, все, что говорило большинство нашихъ органовъ по поводу славянскаго вопроса и движенія, начиная съ первыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ „инсургентовъ“ и кончая сегодняшнимъ днемъ, то образъ „Чего изволите?“ встанетъ передъ нами во всемъ своемъ шутовскомъ, жалкомъ одѣяніи. Событія застали „Чего изволите?“ и литературныхъ Молчалиныхъ совершенно врасплохъ, безъ всякихъ чувствъ и мыслей. Не ихъ ума было дѣло догадаться, что означаютъ эти событія и что можетъ и необходимо должно изъ нихъ вытечь. Поэтому они сочли за самое благоразумное и выгодное отнестись къ славянскому движенію, къ первымъ фактамъ христіанскаго мученичества за святое дѣло, съ полнымъ равнодушіемъ и даже почти съ пренебреженіемъ. Но вотъ, кровь полилась, вопросъ разрастался, рус-

ское общество проснулось... „Чего изволите?“ поняло, что дѣло становится довольно серіознымъ, что необходимо *высказаться*. Но все же еще они не осмыслили, чего именно хотятъ *плательщики*, въ какую сторону выгоднѣе держаться. И съ этого момента легко прослѣдить то жалкое виляніе изъ стороны въ сторону, ту плохо замаскированную игру, которая ежедневно выставлялась передъ публикой на печатныхъ страницахъ.

Мы съ изумленіемъ присутствовали на чрезвычайныхъ журнальныхъ метаморфозахъ. Мы видѣли, какъ при звукахъ поднявшихся отовсюду живыхъ голосовъ, какъ, при ежедневно возраставшемъ и забившемъ горячимъ ключомъ движеніи русскаго общества и народа, измѣнялись литературныя физіономіи гг. Молчалиныхъ. „Чего изволите?“ и „Бреющія шила“ забывали свою вражду и безконечную полемическую потасовку и наперерывъ, другъ передъ другомъ, высказывали мысли и чувства, одушевляющія всю Россію.

Мы могли только удивляться и радоваться. Мы должны были вѣрить, что святой и великій вопросъ послужилъ очищеніемъ и умиротвореніемъ нашей прессы, прекратилъ ея безплодную вражду, соединилъ ее для достиженія общихъ прямыхъ цѣлей. И мы изумлялись, радовались, вѣрили. Мы гнали отъ себя, какъ недостойные, такого рода сомнѣнія и вопросы: а что, если все это не искренность, не убѣжденіе, не просвѣтлѣніе? что, если это тоже „Чего изволите?“ и вызвано единственно мыслью о *плательщикахъ*? что, если, съ другой стороны, это только неизбѣжная, неохотно дѣлаемая уступка ярко высказавшимся симпатіямъ тѣхъ же *плательщиковъ*?

И вотъ, прошло немного времени, обстоятельства славянской борьбы доказали, что быть героями еще не значитъ быть постоянными побѣдителями — и мысли, которыхъ мы стыдились, оказались въ значительной мѣрѣ справедливыми. „Чего изволите?“ со всего разбѣга круто повернули въ сторону. Иные изъ нихъ стали позволять читать между строкъ, а другіе прямо, не задумываясь, будто боясь опоздать, какъ прежде, и желая любезно предупредить реакцію, по ихъ мнѣнію, долженствующую появиться въ обществѣ, стали цинично и безжалостно сжигать и топтать въ грязь то, что вчера обожали... И мы должны были присутствовать при такомъ безобразіи, котораго не осмѣять никакой сатирѣ.

„Чего изволите?" — нѣтъ, это не карикатура, не клевета! Безпристрастно вглядываясь въ нашу журнальную дѣйствительность, приходишь къ убѣжденію, что краски еще слишкомъ слабы и блѣдны, что здѣсь еще много авторской любезности и снисходительности! Но и за то г. Щедрину — большое спасибо!..

* * *

Какъ мы уже замѣтили, литературный Молчалинъ принадлежитъ къ удачнѣйшимъ щедринскимъ типамъ. Только одно крайнее литературное невѣжество можетъ упрекать автора за *карикатурность* этого лица. Понятное дѣло, что живые Молчалины, издающіе газеты, не говорятъ, именно, тѣхъ фразъ, которыя приводятся въ статьѣ, не замѣняютъ слова „граждане" словомъ „обыватели" и т. д.; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ обвиненіе въ карикатурности. Въ такомъ случаѣ оказалось бы, что всѣ лучшіе художественные типы не что иное, какъ простыя карикатуры, не имѣющія никакаго прямого отношенія къ жизни, ни внутренняго смысла. Въ такомъ случаѣ и Пиквикъ Диккенса, и Чичиковъ, и Хлестаковъ Гоголя и многія лучшія лица романовъ Достоевскаго—только карикатуры. Г. Щедринъ, иной разъ, дѣйствительно погрѣшаетъ противъ чувства художественной мѣры; но въ Молчалинѣ онъ до конца остался художникомъ. Вглядитесь попристальнѣе въ этого редактора „Чего изволите?" и прослѣдите за его дѣйствіями. Въ немъ только одна мысль—выпустить завтра такой № газеты, гдѣ нельзя бы было ни къ чему прицѣпиться, одно только чувство—страхъ передъ невѣдомымъ „духомъ", отъ примѣненія къ которому зависитъ безопасность и благоденствіе газеты. При такомъ настроеніи и взглядѣ на дѣло не существуетъ уже никакихъ другихъ соображеній: отношенія къ сотрудникамъ, работу которыхъ приходится редактировать, идеально безцеремонны. Стоитъ присутствующему пріятелю замѣтить, что такая-то фраза какъ-будто подозрительно „припахиваетъ" — и редакторскій карандашъ немедленно измѣняетъ самую суть ея, превращая ее въ полнѣйшую безсмыслицу. Все измѣняется, изглаживается, все, и безъ того совсѣмъ темное, затемняется окончательно. Одно только остается нетронутымъ: площадная брань безъ конца и мѣры, обращенная къ

литературному противнику. На этой почвѣ не требуется сдержекъ—здѣсь все безопасно.

Но вотъ, наконецъ, этотъ „мѣняла“-редакторъ доходитъ до того мѣста въ фельетонѣ, гдѣ говорится о нуждѣ народной, о голодѣ, холодѣ и пожарахъ. И что же?—онъ не выдерживаетъ и начинаетъ плакать.—Ты чего, спрошу тебя, рюмишь? обратился къ нему Алексѣй Степанычъ.

— Такъ, братецъ! взгрустнулось! невеселую, вѣдь, картину представляетъ наша бѣдная Русь православная!

Онъ закручинился, склонивъ голову на-бокъ и какъ-то нелѣпо запѣлъ...

Пропѣлъ онъ какую-то грустную чепуху и нѣсколько времени оставался подъ вліяніемъ своей грусти. Эта маленькая и довольно неожиданная черта въ характерѣ редактора Молчалина, „мѣнялы и прохвоста“, обращаетъ на себя вниманіе. Съ нею его образъ дѣлается совсѣмъ живымъ, правдивымъ, далекимъ отъ всякой карикатурности. Подмѣтить такую черту въ общей и безнадежной Молчалинской дряни могъ только художникъ. Но раздувать ее и придавать ей особенное значеніе—было бы искаженіемъ типа, а потому Молчалинъ, хотя и съ видимымъ усиліемъ, но все же зачеркиваетъ поразившую его картину, а на мѣсто ея ставитъ совершенно противоположное. Въ концѣ-концовъ, составляется стереотипный № „Чего изволите?“. Правъ или нѣтъ авторъ, замѣчающій со свойственною ему безцеремонностью, что редакція эта похожа на помойную яму? И какое впечатлѣніе оставляетъ въ читателяхъ его статья — одинъ ли смѣхъ, вызванный безцѣльнымъ балагурствомъ, или нѣчто гораздо болѣе серіозное? Мы повторяемъ, что, по нашему мнѣнію, здѣсь вовсе не звучатъ фальшивыя ноты, какъ увѣряютъ обиженные фельетонисты, а что сатирикъ осмѣялъ, именно, то, что давно уже возмущаетъ каждаго видящаго и слышащаго человѣка.

В. Оль.

Русская печать въ сатирѣ Щедрина [1]).

Когда русскіе современные писатели, вообще, а газетные редакторы и сотрудники, въ частности, получатъ такую могучую „встряску", какую получали мы въ новой сатирѣ Щедрина, напечатанной въ № 9 „Отечеств. Зап." [2]), и когда человѣкъ дѣльный и честный представляетъ въ правдивыхъ краскахъ незавидное положеніе русскихъ писателей, тогда тѣмъ, у кого есть хоть малѣйшее основаніе считать себя „русскими писателями",—не только возможно, но и слѣдуетъ высказаться по этимъ вопросамъ. Они не только могутъ сказать г. Щедрину кое-что изъ того, что неизвѣстно ему, но они и сами могутъ высказаться по затронутымъ вопросамъ. Щедринъ—большой насмѣшникъ. Я уже имѣлъ случай сказать, что онъ не совсѣмъ строго и тщательно выбираетъ предметы для своихъ насмѣшекъ. Теперь, послѣ его настоящей—можетъ-быть, самой замѣчательной изъ всѣхъ—сатиры, я не только подтверждаю это свое мнѣніе, но еще и утверждаю, что онъ шаржируетъ,—жертвуя для этого иногда и самою пользой дѣла. Говорю, что Щедринъ бываетъ иногда не *совсѣмъ правдивымъ* писателемъ. Я не желаю недоразумѣній. Громадный талантъ Щедрина я, конечно, никогда не дерзну отрицать. Я самъ ежемѣсячно поражаюсь этимъ талантомъ. Онъ высказывается въ мастерскомъ выборѣ сюжета, въ неподражаемомъ слогѣ, въ невѣроятной способности вѣрно схватить главныя, существенныя черты дѣла. Но, обладая всѣмъ этимъ, Щедринъ увлекается, увлекается больше, чѣмъ имѣетъ право увлечься истинный сатирикъ-художникъ. Въ подробностяхъ, онъ изображаетъ дѣйствительную жизнь не такою, какъ она есть, а обезображенною, искалѣченною. Въ его отвратительныхъ фигурахъ вы чуете дѣйствительную жизнь, но въ то же время вы видите, что онъ нарочно,

---

1) „Одесскій Вѣстникъ", 1876 г., № 219. (См. выпускъ II-й, стран. 143.)

2) „Экскурсіи въ области умѣренности и аккуратности"

по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, отрѣзалъ у нихъ носы, выкололъ глаза. Что такое его послѣдняя сатира? Глубокая правда въ основаніи и карикатурная неправда въ подробностяхъ. Посмотримъ на нее такъ, какъ ее намъ далъ Щедринъ. Редакторъ газеты „Чего изволите?“ г. Молчалинъ 2-й исправляетъ, въ присутствіи компетентныхъ товарищей, статьи для завтрашняго нумера своей газеты. Названіе ея и фамилія редактора достаточно характеризуютъ тотъ кругъ общественныхъ явленій, который взялъ Щедринъ предметомъ своей сатиры. Молчалинъ 2-й прежде имѣлъ табачную лавочку, а потомъ поступилъ въ литераторы, которые теперь все больше изъ *золотарей* [1]), и поступилъ въ то время, когда издателями и редакторами газетъ сдѣлались не литераторы, а *мѣнялы и прохвосты*. Эти мѣнялы и прохвосты хуже всякихъ чиновниковъ; чиновники знаютъ, по крайней мѣрѣ, передъ кѣмъ трепещутъ, а редакторы и того не знаютъ: ихъ жизнь—постоянная лихорадка. Между тѣмъ, сотрудники газетъ, а особенно передовики, увлекаются непростительно. Начинаютъ, напримѣръ, статью съ вопроса о новомъ способѣ вывоза нечистотъ, а кончаютъ такими мыслями, за которыя и редакторъ и сотрудники могутъ пойти въ Сибирь. Исходя изъ такого убѣжденія, редакторъ-*золотарь, мѣняла и прохвостъ*, просматривая въ корректурѣ статью своего сотрудника о распространеніи на всѣ селенія Россійской имперіи правъ и преимуществъ, даруемыхъ гражданамъ уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій,—позволяетъ себѣ дѣлать съ нею не только, что́ ему самому вздумается, но и что вздумается его случайнымъ товарищамъ. Онъ не только выбрасываетъ изъ этой статьи цѣлые десятки строкъ, но и извращаетъ до невозможности смыслъ всего остального до того, что вся статья, послѣ просмотра редактора, имѣетъ смыслъ, діаметрально противоположный тому, который ей придалъ авторъ. Но не довольствуясь извращеніемъ смысла, онъ придирается къ отдѣльнымъ словамъ. *Граждане*—ему не нравится, потому что это слово чѣмъ-то припахиваетъ; онъ ставитъ, вмѣсто этого слова,—*обыватели. Пререканія* съ начальствомъ ему кажется недостаточно; онъ ставитъ: *неумѣстныя* пререканія. Вмѣсто *невозможности* разрѣ-

---

[1]) Я выражаюсь, разумѣется, словами Щедрина Самъ я ни за что не осмѣлился бы сказать этого. *С. С.*

шенія общественнаго вопроса, онъ пишетъ—*безполезности* разрѣшенія. Фразу: „Вопросъ, будучи самъ бездѣльнымъ, представляется, однакоже, однимъ изъ дѣйствующихъ рычаговъ, созидающихъ гнетущее цѣлое“, — онъ измѣняетъ такъ: „Вопросы, изъ коихъ каждый, не будучи и самъ-по-себѣ бездѣльнымъ, пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что служитъ на практикѣ однимъ изъ дѣйствующихъ рычаговъ величественнаго цѣлаго“. Наконецъ, онъ наводитъ на произведенія своего фельетониста „свѣтотѣни“, и изъ картины горести и нужды народной дѣлаетъ какую-то идиллію, гдѣ народная жизнь изображается въ самыхъ свѣтлыхъ и радужныхъ краскахъ. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что это, собственно, и не редакторъ, а *золотарь, мѣняла и прохвость*, употребляя изящныя выраженія Щедрина. Этотъ золотарь не уважаетъ авторской самостоятельности ни въ своемъ передовикѣ ни въ своемъ фельетонистѣ. Онъ не уважаетъ чужой мысли. У него нѣтъ никакихъ основаній, ради которыхъ онъ безобразно коверкаетъ самыя невинныя мѣста въ статьяхъ своихъ сотрудниковъ. Единственное, на что онъ ссылается,— это опасеніе какого-то невидимаго духа, которому онъ непремѣнно долженъ попасть въ мысль; а въ противномъ случаѣ— трепетъ передъ „департаментомъ этимологіи и правописанія“, который можетъ стереть его съ лица земли однимъ почеркомъ пера. Каковъ попъ—таковъ и приходъ; каковъ редакторъ—таковы и сотрудники. Не говоря уже о самомъ предметѣ передовой статьи, трактующей объ отдачѣ всѣхъ селъ Россійской имперіи, по собственной иниціативѣ, подъ надзоръ полиціи и объ устройствѣ общедоступныхъ „чижовокъ“, передовикъ газеты „Чего изволите?“ говоритъ въ своей статьѣ о прелестяхъ *единоначалія*, „не признававшаго никакихъ руководящихъ началъ, кромѣ собственнаго произвола, ограничиваемаго лишь внезапностью“; говоритъ, что единоначаліе, каково бы оно ни было, „отнюдь не должно охлаждать наше рвеніе въ смыслѣ содѣйствовательномъ, ибо самъ законъ требуетъ отъ гражданъ содѣйствія и въ противномъ случаѣ угрожаетъ даже карою, какъ за попустительство“. Далѣе онъ говоритъ, что „возможность утруждать начальство представленіями (содѣйствіе?) есть больше, нежели право: это обязанность, она существуетъ, и было бы крайне нерасчетливо, даже безсовѣстно, не воспользо-

ваться ею, хотя бы отъ сего и не предвидѣлось никакихъ послѣдствій". Этотъ же передовикъ, въ исправленной, впрочемъ, кажется, редакціи, восхваляетъ долготерпѣніе земскихъ управъ, „проводившихъ время въ ожиданіи разрѣшеній" и этимъ подготовлявшихъ путь для дѣятельности своихъ преемниковъ. Впрочемъ, вообще говоря, эта передовая статья останавливаетъ на себѣ вниманіе не отдѣльными афоризмами, которые, въ сущности, послѣ редакторской передѣлки, оказываются нисколько не лучше и не хуже, чѣмъ въ видѣ оригинальномъ, vierge de toute correction [1]). Самая мерзость этой передовой статьи заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ содержанія, а есть нахальное переливаніе воды изъ пустого въ порожнее, въ ругани, въ размазываніи и т. д. Мудрено ли, что редакторъ, хотя бы онъ даже былъ *золотарь мѣняла* и *прохвостъ* (слова Щедрина), черкнетъ эту статью вдоль и поперекъ и надругается надъ нею сколько хочетъ?.. Что же, однако, хотѣлъ сказать этою статьей Щедринъ? Хотѣлъ ли онъ сказать, что у насъ теперь всѣ газеты похожи на „Чего изволите?", всѣ редакторы на Молчалина и всѣ сотрудники—на его сотрудниковъ? Или онъ хотѣлъ сказать, что теперь есть такіе редакторы и сотрудники и такія газеты? Или, наконецъ, онъ хотѣлъ сказать, что „департаментъ этимологіи и правописанія" влечетъ всѣ газеты къ идеалу „Чего изволите?" со всею обстановкой этой почтенной газеты? Признаюсь, поставивши себѣ эти вопросы и постаравшись найти ихъ *естественное* разрѣшеніе въ самой сатирѣ Щедрина, я потерпѣлъ фіаско. Но, исходя изъ того соображенія, что въ Россіи существуетъ газета „Голосъ" и что редакторомъ этой газеты состоитъ г. Краевскій, фамилія котораго красуется и подъ тою самою книжкой „Отечественныя Записки", гдѣ напечатана сатира Щедрина,—я усомнился, чтобы г. Щедринъ настолько обобщилъ свою сатиру, чтобъ исключенія изъ русскихъ газетъ, по его мнѣнію, не составлялъ даже „Голосъ" и изъ редакторовъ—даже г-нъ Краевскій. Но ежели „Голосъ" и Краевскій исключенія,—то почему же не „Московскія Вѣд." съ Катковымъ, не „С.-Петербургскія Вѣдомости" съ Баймаковымъ, не „Биржевыя Вѣдомости" съ Полетикой?..

---

[1]) По-русски это значитъ „дѣвственный отъ всякой поправки"—но выходитъ безобразно, а по-французски ничего,—хорошо. *Авт.*

Однимъ словомъ,—отчего не принять всей сатиры Щедрина за аллегорическое бонмо (слово знаменитаго майора Бурбонова). Разсматривая же эту сатиру съ общей точки зрѣнія, не ища тутъ намековъ на какія-нибудь опредѣленныя газеты, я нахожу слѣдующее: 1) За исключеніемъ самыхъ дрянныхъ газетишекъ (да и то едва ли), въ нашей прессѣ почти нѣтъ редакторовъ „золотарей и прохвостовъ". 2) Ни одинъ извѣстный мнѣ редакторъ не представляется похожимъ на Молчалина 2-го настолько, чтобы можно было сказать, что это портретъ. 3) Ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ газетъ не пишутся передовыя статьи, совершенно подобныя приведенной Щедринымъ, и не исправляются такъ, какъ онъ изобразилъ. По сатирѣ Щедрина, русскія газеты—глупое и безполезное переливаніе изъ пустого въ порожнее; русскіе редакторы—холопы, негодяи и въ то же время деспоты по отношенію къ сотрудникамъ; газетные же сотрудники—сволочь, у которой „на рубль амбиціи и на грошъ амуниціи". Всѣ крупныя черты, схваченныя Щедринымъ,—вѣрны. Это я сказалъ и повторяю. Но у него увлеченіе сатирика настолько пересиливаетъ добросовѣстную объективность художника, что его сатира приводитъ читателей къ невѣрному заключенію и производитъ фальшивое впечатлѣніе... Надъ чѣмъ смѣется Щедринъ? Надъ характеромъ газеты „Чего изволите?". Но характеръ этотъ имъ шаржированъ до невозможности. Передовики во многихъ газетахъ привыкли выражаться пространно; но абсолютно переливать изъ пустого въ порожнее они позволяютъ себѣ только у Щедрина, который, для краснаго словца, не пожалѣетъ и отца, а не только правды. Передовики русскихъ газетъ—народъ, большею частью, сколько-нибудь образованный, читающій, съ убѣжденіями... Я слышалъ, правда, что въ одной газетѣ какой-то передовикъ безцеремонно вырѣзывалъ изъ газетъ передовыя статьи и печаталъ ихъ, какъ свои; но я слышалъ также, что этого господина тотчасъ же выгнали изъ редакціи, какъ только уличили въ воровствѣ. О передовикахъ же, которыхъ копируетъ Щедринъ, можно сказать, что если они и существуютъ во всей ихъ чистотѣ, то развѣ въ какихъ-нибудь медвѣжьихъ углахъ, а отнюдь не въ цивилизованныхъ частяхъ Россіи. Найдись гдѣ-нибудь подобный передовикъ, его тотчасъ же бы прогнали, какъ того господина, котораго я только что

вспомнилъ. Если бы г. Щедринъ указалъ нашимъ передовикамъ на недостатокъ политическаго образованія, на неумѣніе ярко и кратко высказать свои мысли, на отсутствіе характернаго слога, на недостаточную твердость, опредѣленность и выработанность убѣжденій,—то это была бы правда. Но дѣлать изъ этихъ бѣдныхъ газетныхъ чернорабочихъ безобразную и несправедливую, хотя и очень смѣшную карикатуру, — я нахожу это недостойнымъ для Щедрина. Такой замѣчательный сатирикъ, такой первостатейный стилистъ и художникъ,—долженъ имѣть идеалъ. Сатира безъ идеала—это смѣхъ въ пустомъ пространствѣ. Она можетъ затронуть одного и другого; но серіозной общественной роли играть не можетъ, потому что не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія. Наконецъ — редакторы. Неужели они, въ самомъ дѣлѣ, большею частью золотари, мѣнялы, прохвосты? Я не думаю. Но отрицая существованія золотарей и прохвостовъ въ газетномъ мірѣ, я все-таки думаю, что этихъ людей влечетъ къ литературѣ не одно желаніе нажиться и не одна неудержимая страсть къ правописанію. Изъ людей, пишущихъ правильно, есть же такіе, которые хотятъ путемъ газеты провести въ публику извѣстныя мнѣнія, цивилизовать читателей, держать ихъ на уровнѣ всего того, что дѣлается въ жизни... Неужели это иллюзія? Неужели большинство нашихъ редакторовъ не состоитъ изъ людей, подходящихъ болѣе или менѣе къ этому типу, а не изъ прохвостовъ?.. Такъ и вся газета „Чего изволите?“ представляетъ невозможную карикатуру, если ее разсматривать во всей полнотѣ щедринскаго изображенія. Но въ ней, несомнѣнно, заключаются многія очень характерныя черты современной русской прессы. Читателямъ извѣстно, какъ я всегда относился къ Щедрину, и потому мнѣ не зачѣмъ теперь оговариваться, что я вовсе не хотѣлъ „раскритиковать“ его послѣдней сатиры. Я отъ души хохоталъ, читая ее. Общій тонъ и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста такъ хороши, что невольно увлекаешься и не замѣчаешь преувеличеній. Только когда прочтешь, что изъ редакціи „Чего изволите?“ авторъ вынесъ такое же ощущеніе, какъ изъ помойной ямы, и когда, именно, такое ощущеніе окажется и у самого читателя, — только тогда замѣчаешь, насколько знаменитый сатирикъ пересолилъ. Я понимаю, что лѣтъ черезъ триста,

когда у обыкновенныхъ читателей не будетъ ни малѣйшаго понятія о современномъ намъ положеніи прессы, сатира Щедрина обрисуетъ это положеніе лучше всякаго историческаго трактата, потому что въ ней ярко схвачено комическое положеніе „Чего изволите?“ между невѣдомымъ духомъ и „департаментомъ этимологіи и правописанія“. Но читателю современному, которому главныя черты этого положенія вполнѣ извѣстны, сатира Щедрина даетъ рѣшительно невѣрное понятіе о тѣхъ компромиссахъ, которыми удовлетворяется невидимый духъ и департаментъ. Въ этихъ компромиссахъ утрачивается не все. Не всякую мысль и не всякій авторъ позволитъ вывернуть наизнанку. Не всякій редакторъ рѣшится поднять руку на статью своего сотрудника и калѣчить ее такъ, какъ это дѣлалъ Молчалинъ: не рѣшится во имя собственнаго достоинства и во имя достоинства печатнаго слова.—Если бы дѣло было такъ, какъ его изображаетъ Щедринъ,—то издавать газету и писать въ ней было бы дѣломъ не только не полезнымъ, но и безнравственнымъ. Къ счастію, Щедринъ замалевалъ все слишкомъ черною краской, и хотя настоящее положеніе прессы и очень незавидно, но все-таки не такъ, какъ у Щедрина. Меня въ этой сатирѣ занимаетъ еще одинъ вопросъ. Отчего Щедринъ не постарался огородить своихъ братьевъ-писателей отъ возможнаго подозрѣнія въ томъ, что они всѣ, или почти всѣ, похожи на его Молчалина? Отчего онъ не только не уничтожилъ этой возможности, но еще даже увеличилъ ее, сказавши, что Молчалины составляютъ преобладающій элементъ? Извѣстно, что г. Щедринъ писалъ почти во всѣхъ журналахъ, не исключая и Катковскаго. Извѣстно, что онъ недавно помѣстилъ свою повѣсть въ газетѣ „Новое Время“. Извѣстно, что онъ отлично уживается съ г. Краевскимъ и Некрасовымъ, изъ которыхъ ни первый ни второй не представляютъ идеала безупречнаго литератора... *) Что же это

*) Считаю нужнымъ пояснить, что время, когда Щедринъ печаталъ въ „Русск. Вѣстн.“ Каткова свои произведенія (1856, 57 и 58 гг.), было время блестящей дѣятельности этого журнала, стоящаго въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ. Тогда страницы этого журнала были заполнены статьями и беллетристикой обличительнаго характера. Журналъ стоялъ за самыя широкія реформы во всѣхъ областяхъ русской жизни, обличая во взяточничествѣ и вымогательствѣ чиновничество и даже всесильную полицію. Самъ Катковъ въ то время былъ рьянымъ конституціоналистомъ; что же касается

за раздвоеніе? Если русская пресса—помойная яма, то какъ же назвать главныхъ дѣятелей ея? И однакоже,—эта помойная яма представляетъ свои прелести для г. Щедрина: недавно онъ издалъ два томика своихъ сатиръ и продаетъ ихъ за *четыре рубля серебромъ*. И добро бы что-нибудь ново,—а то перепечатки. Дорогонько, но благоразумно и предусмотрительно. Но дѣло не въ томъ. Я хочу сказать, что г. Щедринъ въ своей сатирѣ на русскую прессу взялъ основной фальшивый тонъ. Не съ холоднымъ и безсердечнымъ сарказмомъ, а съ теплымъ соболѣзнованіемъ слѣдовало ему, по моему мнѣнію, отнестись къ болѣзнямъ и немощамъ русской прессы. Ему слѣдовало дать отвѣтъ на вопросъ: „Что дѣлать?“ Ему слѣдовало дать читателямъ понять, на чьей сторонѣ стоитъ его сочувствіе и чего бы онъ хотѣлъ для улучшенія настоящаго положенія нашей прессы. Тогда сатира его была бы подвигомъ для общественной пользы. Если же это не входитъ въ сферу его таланта, или если онъ убѣжденъ, что наша пресса фатально обречена находиться въ положеніи „Чего изволите?“ и „Бреющаго шила“, то ему нужно было со спокойною объективностью художника воспроизвести это положеніе во всей его жизненной полнотѣ и правдѣ. Ему ненужно было шаржировать и преувеличивать карикатурность и безъ того незавиднаго положенія своихъ братьевъ. Ненужно было этого дѣлать, чтобы не вводить другихъ въ заблужденіе; чтобы не давать оружія въ руки врагамъ прессы; чтобы не давать пустоголовымъ болтунамъ возможности повторять его слова и разматывать ихъ на тысячи ладовъ, на смѣхъ порядочнымъ людямъ и на отчаяніе умирающихъ со скуки читателей ихъ. Таково мое мнѣніе о послѣдней сатирѣ

Краевскаго, то онъ, какъ извѣстно, не вмѣшивался въ литературную часть журнала, а всѣ слухи и сплетни о Некрасовѣ и до сихъ поръ остаются недоказанными и только лишь свидѣтельствуютъ, что всякій крупный успѣхъ вызываетъ зависть, недоброжелательство и злорѣчіе. Кромѣ того, сплетня имѣла въ виду личную жизнь Некрасова, а это очень шаткая почва для приговора надъ писателемъ. Чувства и общественные принципы, одушевлявшіе нашего поэта у всѣхъ передъ глазами, это его произведенія, стоящія на книжныхъ полкахъ всякаго образованнаго человѣка; его дѣятельность какъ редактора тоже врядъ ли требуетъ обѣленія. Значеніе „Отечественныхъ Записокъ“ и „Современника“ хорошо всѣмъ извѣстны.

Прим. Н. Д.

Щедрина, которую петербургская печать приняла, по большей части, довольно благосклонно. Но въ настоящее время, сатира эта — весьма талантливая карикатура, почти не имѣющая общественнаго значенія для современнаго общества. Если же въ ней, кромѣ порицанія, была бы еще и положительная сторона, или если бы она была не карикатурой, а фотографическимъ изображеніемъ положенія современной прессы,—то она заняла бы одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между лучшими произведеніями русскихъ сатириковъ и, кромѣ того, дала бы прекрасный матеріалъ для мыслителя, философа или публициста, для того, чтобы разъяснить одинъ изъ самыхъ серіозныхъ общественныхъ вопросовъ. Но Щедринъ сдѣлалъ, что могъ. Пусть, кто можетъ, сдѣлаетъ это дѣло лучше его.

С. С.

Г. Щедринъ, какъ современный геніальный писатель.

„Благонамѣренныя рѣчи“. Типъ Іудушки [1]).

Я убѣжденъ, что къ числу писателей-колоссовъ, слава которыхъ не умаляется, но, напротивъ того, возрастаетъ съ каждымъ поколѣніемъ и вѣкомъ, будетъ принадлежать г. Щедринъ. Да, господа-плакальщики надъ печальнымъ положеніемъ современной литературы! если бы вопли ваши были справедливы и вся наша современная литература никуда не годилась, то не забудьте: въ ваше время существуетъ г. Щедринъ, и одного г. Щедрина достаточно, чтобы считать ваши вопли жалкою, постыдною слѣпотой. Знаете ли вы, приходило ли вамъ въ голову подумать, что́ такое г. Щедринъ? Вѣдь, это одинъ изъ тѣхъ народныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общечеловѣческихъ сатириковъ, въ родѣ: Рабле, Мольера, Свифта, Грибоѣдова и Гоголя, смѣхъ которыхъ раздается громовыми раскатами подъ сводами вѣковъ. Меня нерѣдко обвиняли въ смѣлости сравненій въ такихъ случаяхъ, когда мнѣ и въ голову не приходило ставить какого-нибудь современнаго русскаго писателя наравнѣ съ тѣми или другими литературными колоссами русскими или иностранными, и я заявлялъ только, что разбираемый мною писатель пишетъ въ жанрѣ или духѣ того или другого колосса. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что сюжетъ комедіи г. Островскаго „Волки и Овцы“ составленъ въ жанрѣ Шекспировскихъ комедій,—значитъ, ставить г. Островскаго наравнѣ съ Шекспиромъ? Неужели, если вы скажите, что г. Яковъ Полонскій написалъ „Келіота“ въ духѣ Байроновской поэзіи, подобнымъ сужденіемъ вы возводите г. Полонскаго на байроновскую высоту? Но въ настоящемъ случаѣ я отдаюсь всецѣло въ руки своихъ, всякаго рода, порицателей и имѣю смѣлость заявить, что въ лицѣ г. Щедрина

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 1876 г., № 91. (См. выпускъ II-й, стран. 130.)

мы имѣемъ сатирика, который, навѣрное, будетъ, со временемъ, безпристрастными судьями-потомками поставленъ не только на одну высоту съ Гоголемъ, но во многихъ отношеніяхъ выше его. Въ самомъ дѣлѣ, если Гоголь въ чемъ превосходитъ г. Щедрина, то, единственно, въ чисто-эстетическомъ отношеніи, въ художественно-техническомъ. Дѣло въ томъ, что Гоголь долго работалъ надъ каждымъ своимъ произведеніемъ, обтачивалъ каждую фразу и малѣйшій штрихъ. Извѣстно, вѣдь, что онъ совѣтовалъ не иначе издавать въ свѣтъ произведеніе, какъ собственноручно переписавши его разъ до восьми, и при каждомъ такомъ переписываніи дѣлая новыя и новыя поправки. Онъ самъ постоянно практиковалъ подобное правило, что свидѣтельствуютъ многочисленные варіанты каждаго его произведенія. Совершенно иначе работаетъ г. Щедринъ: это—писатель-журналистъ, пишущій ежегодно по тридцати печатныхъ листовъ. Я убѣжденъ, что ему некогда бываетъ не только переписывать и поправлять, но и перечитывать свои произведенія. При подобной скороспѣлости онъ не имѣетъ времени довести каждую свою работу до такой художественной зрѣлости, чтобъ она представляла стройное гармоническое цѣлое, при чемъ художникъ могъ бы округлить свои образы, выбросить изъ своего произведенія все излишнее, всѣ массы загромождающихъ разсужденій и, такъ-сказать, спеціализироваться въ области чистаго художественнаго творчества. Напротивъ того, вы видите, что въ каждомъ своемъ произведеніи г. Щедринъ является и художникомъ-сатирикомъ, рисующимъ передъ вами образы, поразительные своею геніальною широтою и мѣткостью; и критикомъ, тутъ же подвергающимъ эти образы иногда самому отвлеченному анализу; и публицистомъ-памфлетистомъ, и карикатуристомъ-обличителемъ, и только-что не этнографомъ. Въ этомъ отношеніи г. Щедринъ, конечно, уступаетъ Гоголю и является вполнѣ сыномъ нашего вѣка, въ который искусство, съ своей чисто-эстетической, технической стороны, безспорно, находится въ паденіи сравнительно съ тою тщательною отдѣлкой, доходящею до чопорности, съ какою отдѣлывали свои произведенія современники Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Но что касается до глубины и широты міросозерцанія, что касается до общественнаго и общечеловѣческаго значенія образовъ, то Щедринъ въ этомъ отношеніи настолько же пре-

восходитъ Гоголя, насколько вѣкъ нашъ стоитъ выше гоголевской эпохи. Если вы не ограничитесь поверхностнымъ чтеніемъ сатиръ г. Щедрина ради одной потѣхи и отысканія смѣшныхъ мѣстъ, чтобы вдоволь нахохотаться и надорвать животики подъ обаяніемъ неподражаемаго комизма геніальнаго сатирика, если вы начнете вчитываться и вдумываться въ каждое его произведеніе, изучать ихъ, то вы постоянно будете открывать новыя и новыя глубины, поразительное знаніе человѣческаго сердца и такія существенныя черты жизни и человѣческой природы, выставленіе которыхъ присуще только геніальнымъ писателямъ. Въ г. Щедринѣ поражаетъ еще одно свойство, весьма рѣдкое въ нашей литературѣ,—именно, постоянная прогрессивность таланта и притомъ въ такія лѣта, въ которыя большинство русскихъ писателей считаютъ поприще свое уже совершоннымъ, повторяются, обезцвѣчиваются и, что всего печальнѣе, постыдно отрекаются отъ всѣхъ своихъ упованій и убѣжденій молодости. Это уже всѣмъ пріѣвшаяся старая истина, что россійскій писатель, если не исчерпывается весь въ своемъ первомъ произведеніи, если переживаетъ молодость, то кое-какъ еще развивается въ своемъ талантѣ до сорокалѣтняго, много сорокапятилѣтняго возраста, а затѣмъ къ пятидесяти годамъ начинается быстрое, неудержимое паденіе таланта, оскудѣніе творчества, отупѣніе и постыдно-малодушное поползновеніе поклониться вновь тому, что въ молодости сожигалъ, и начать сожигать, чему поклонялся. Въ г. Щедринѣ, напротивъ того, мы видимъ постоянное и неизмѣнное развитіе таланта. Въ г. Щедринѣ, какъ авторѣ *Губернскихъ очерковъ*, были одни только кое-какіе задатки того, чѣмъ сдѣлался Щедринъ въ шестидесятые годы. Но и г. Щедринъ шестидесятыхъ годовъ совсѣмъ не то, что г. Щедринъ семидесятыхъ. Тѣмъ болѣе трудно опредѣлить предѣлъ роста этого колоссальнаго таланта, что въ каждомъ новомъ произведеніи открываются новыя стороны и богатства его. Казалось, что послѣ *Исторіи одного города* г. Щедринъ ничего не напишетъ лучшаго, что это chef d'oeuvre его дѣятельности. Но въ послѣднихъ *Благонамѣренныхъ рѣчахъ* его — въ *Семейномъ судѣ*, *По-родственному* и въ *Семейныхъ итогахъ*—открывается еще новая сторона его таланта: именно, умѣнье выставлять не только одну смѣшную, пошлую сторону жизни, но и обнаруживать въ этой пошлой сторонѣ потрясающій трагизмъ. Главный

герой этихъ трехъ разсказовъ, Порфирій Головлевъ, возбуждаетъ въ васъ не одинъ уже смѣхъ, но отвращеніе, смѣшанное съ ужасомъ. Что бы ни говорилъ Щедринъ о различіи русскаго тартюфства отъ западно-европейскаго, Порфирій Головлевъ—это одинъ изъ тѣхъ общечеловѣческихъ типовъ, въ родѣ: Яго, Тартюфа, Гарпагона, которые въ продолженіе многихъ вѣковъ служатъ нарицательными именами для представленія самаго крайняго искаженія человѣческой природы. Личности, окружающія Порфирія Головлева, смѣшны, ничтожны, въ своемъ родѣ отвратительны, но онѣ возбуждаютъ въ васъ глубокую, скорбную жалость, когда вы видите ихъ въ рукахъ этого Іудушки и закидывателя петель. Даже сама патріарша головлевскаго рода, Арина Петровна, столь грозною рисовавшаяся передъ нами въ *Семейномъ судѣ*, въ своемъ дореформенномъ величіи, является въ послѣднемъ очеркѣ г. Щедрина, подавленною новыми порядками, сбитою съ своего пьедестала, ограбленною своимъ сыномъ, все тѣмъ же Іудушкой. Посмотрите, какъ она унижается передъ нимъ, заискиваетъ, какъ возмущаются и стонутъ въ ней кое-какіе остатки человѣческихъ чувствъ передъ непоколебимымъ безчеловѣчіемъ Іудушки, перешедшимъ всевозможные предѣлы лицемѣрной черствости. Посмотрите, какъ она отчаянно хватается за послѣдній атрибутъ своей попранной патріархальной власти—за свое родительское проклятіе, конечно, чтобы испытать безуспѣшность и этой послѣдней соломинки. Сердце надрывается у васъ, и мурашки пробѣгаютъ по кожѣ. Судите сами, зрѣлище какого страшнаго искаженія человѣческой природы нарисовалъ передъ вами г. Щедринъ, что онъ могъ заставить ужаснуться передъ этимъ зрѣлищемъ даже старуху Головлеву, эту, въ свою очередь, развалину человѣчества. Я не буду останавливаться на самыхъ потрясающихъ и рѣшительныхъ моментахъ всей этой мрачной повѣсти, въ родѣ, напримѣръ, бесѣды Порфирія Головлева съ умиравшимъ братомъ Павломъ Владимировичемъ или заключительной сцены проклятія,—я выпишу два мѣста, не отличающіяся особенной эффектностью, но это такія два мѣста, за которыя г. Щедрина слишкомъ мало ставить наравнѣ съ Гоголемъ, при всей геніальности послѣдняго. Первое изъ этихъ мѣстъ—это бесѣда Іудушки съ матерью во время вьюги. Вотъ часть этой бесѣды, наиболѣе поразительная:

„Чашки поочередно наполняются чаемъ, и самоваръ начинаетъ утихать. А метель разыгрывается пуще и пуще; то цѣлымъ снѣжнымъ ливнемъ ударитъ въ стекла оконъ, то какимъ-то невыразимымъ плачемъ прокатится вдоль печного борова.—Метель-то, видно, взаправду, взялась, замѣчаетъ Арина Петровна: визжитъ да повизгиваетъ!—Ну, и пущай повизгиваетъ. Она повизгиваетъ, а мы здѣсь чаекъ попиваемъ—такъ-то, другъ мой, маменька! отзывается Порфирій Владиміровичъ.—Ахъ, нехорошо теперь въ полѣ, коли этакой гнѣвъ Божій застанетъ!—Кому нехорошо, а намъ горюшка мало. Кому темненько и холодненько, а намъ и свѣтлехонько и теплехонько. Сидимъ да чаекъ попиваемъ, и съ сахарцемъ, и со сливочками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцемъ, и съ ромцемъ будемъ пить...—Да коли-ежели теперича...—Позвольте, маменька. Я говорю: теперича въ полѣ очень нехорошо. Ни дороги ни тропочки—все замело. Опять же волки. А у насъ здѣсь и свѣтленько и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидимъ здѣсь да посиживаемъ, ладкомъ да миркомъ. Въ карточки захотѣлось поиграть—въ карточки поиграемъ; чайку захотѣлось попить—чайку попьемъ, сверхъ нужды пить не станемъ, а такъ, сколько нужно, столько и выпьемъ. А отчего это такъ? Оттого, милый другъ, маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ. Кабы не Онъ, Царь Небесный, можетъ, и мы бы теперь въ полѣ плутали, и было бы намъ и темненько и холодненько... Въ зипунишечкѣ какомъ-нибудь, кушачокъ плохонькій, лаптишечки...—Чтой-то, ужъ и лаптишечки! Чай, тоже въ дворянскомъ званіи родились? Какіе ни есть, а все-таки сапожишки носимъ!—А знаете ли вы, маменька, отчего мы въ дворянскомъ званьи родились? Все оттого, что милость Божья къ намъ была. Кабы не она, и мы сидѣли бы теперь въ избушечкѣ, да горѣла бы у насъ не свѣчечка, а лучинушка, а ужъ насчетъ чайку да кофейку, объ этомъ и думать бы теперь не смѣли! Сидѣли бы, я бы лаптишечки ковырялъ, вы бы щецъ тамъ какихъ-нибудь пустенькихъ поужинать собирали, Евпраксеюшка красно ткала... А, можетъ-быть, на бѣду, десятскій еще съ подводой бы выгналъ...—Ну, десятскій въ этакую пору съ подводой не нарядитъ!—Какъ знать, милый другъ, маменька! А вдругъ полки идутъ! Можетъ-быть, тамъ война или возмущеніе—чтобы были полки въ срокъ на мѣстахъ! Вотъ, намеднись, становой сказывалъ мнѣ, Наполеонъ III померъ—повѣрьте, теперь французы куролесить начнутъ! Натурально, наши сейчасъ впередъ—ну, и давай, мужичокъ, подводку. Да въ стыдь, да въ метель, да въ бездорожицу—ни на что не посмотрятъ: поѣзжай, мужичокъ, коли начальство велитъ! А насъ съ вами покамѣстъ еще поберегутъ, съ подводой не выгонятъ!—Это что и говорить! велика для насъ милость Божія“ и пр., и пр.

Не мѣшая нисколько славѣ Гоголя, не умаляя его значенія въ нашей литературѣ, я все-таки попрошу у читателя раздумать, пусть онъ найдетъ хоть что-нибудь подобное во всѣхъ сочиненіяхъ нашего великаго юмориста не по силѣ художественной кисти, но по осмысленности, глубинѣ содержанія. Вѣдь, это не только живая бытовая картинка изъ русской жизни,—это одна изъ тѣхъ геніальныхъ сценъ, которыя освѣщаютъ всю философію современной общеевропейской жизни. Тутъ важна не та лицемѣрно-религіозная

форма, въ которую облекаетъ Іудушка свою циническую похвальбу, а самая мерзость этой похвальбы, практикующаяся въ разныхъ формахъ, не менѣе циническихъ, по всей поверхности земного шара. А вотъ другая сцена, хотя и не столь общечеловѣческая, но отъ которой, конечно, не отказался бы Гоголь. Дѣло въ томъ, что Іудушка, ограбивши мать, елико возможно, отбирая отъ нея имѣніе умершаго брата Павла, провожаетъ ее въ захудалую усадьбу почти на голодъ и холодъ.

„Всѣ встали и помолились; затѣмъ Арина Петровна съ всѣми перецѣловалась, всѣхъ благословила... по-родственному, и, тяжело ступая ногами, направилась къ двери. Порфирій Владимировичъ, во главѣ всѣхъ домашнихъ, проводилъ ее до крыльца, но тутъ, при видѣ тарантаса, его смутилъ бѣсъ любомудрія... „А тарантасъ-то, вѣдь, братцевъ!“ блеснуло у него въ головѣ.—Такъ увидимся, добрый другъ, маменька! сказалъ онъ, подсаживая мать и искоса поглядывая на тарантасъ.—Коли Богъ велитъ... отчего же и не увидѣться!—Ахъ, маменька, маменька! проказница вы, право! Велите-ка тарантасъ-то отложить, да съ Богомъ на старое гнѣздо... право! лебезилъ Іудушка. Арина Петровна не отвѣчала; она совсѣмъ уже усѣлась и крестное знаменіе даже сотворила, но сиротки что-то медлили. А Іудушка, между тѣмъ, поглядывалъ да поглядывалъ на тарантасъ.—Такъ тарантасъ-то, маменька, какъ же, вы сами доставите, или прислать за нимъ прикажете? наконецъ, не выдержалъ онъ. Арина Петровна даже затряслась вся отъ негодованія.—Тарантасъ мой! крикнула она такимъ болѣзненнымъ крикомъ, что всѣмъ сдѣлалось неловко и совѣстно.—Мой! мой! мой тарантасъ! Я его... у меня доказательства... свидѣтели есть! А ты... а тебя... ну, да ужъ подожду... посмотрю, что дальше отъ тебя будетъ! Дѣти! долго ли?—Помилуйте, маменька! Я, вѣдь, не въ претензіи... если бы даже тарантасъ былъ дубровинскій...—Мой тарантасъ, мой! Не дубровинскій, а мой! слышишь!—Слушаю, маменька... Такъ вы, голубушка, не забывайте насъ... попросту, знаете, безъ затѣй! Мы къ вамъ, вы къ намъ... по-родственному!—Сѣли, что ли? Трогай! крикнула Арина Петровна, едва сдерживая себя. Тарантасъ дрогнулъ и покатился мелкою рысцей по дорогѣ. Іудушка стоялъ на крыльцѣ, махалъ платкомъ и, покуда тарантасъ не скрылся совсѣмъ изъ виду, кричалъ ему вслѣдъ:—По-родственному! Мы къ вамъ, вы къ намъ... по-родственному!“

Читатель, считающій Гоголя геніальнымъ писателемъ за такіе психологическіе штрихи, какъ, напримѣръ, слеза, которая прошиблась вдругъ у окаменѣлаго Плюшкина при воспоминаніи о другѣ молодости, или Елизавета Воробей, попавшая въ списокъ мужскихъ ревизскихъ душъ Собакевича, скажи, пожалуйста, чѣмъ эта сцена ниже всего подобнаго,—сцена, при всей своей обыденности, мелочности, такими яркими красками обрисовывающая намъ характеръ героя? Здѣсь онъ весь въ этомъ спорѣ о тарантасѣ, до мозга

костей и, въ то же время, здѣсь вся наша старая русская жизнь во всемъ своемъ ужасающемъ безобразіи. Если бы подобная сцена цѣликомъ была въ „Мертвыхъ душахъ", развѣ это не была бы одна изъ лучшихъ сценъ поэмы? Равно какъ и весь типъ Іудушки, развѣ онъ не сдѣлалъ бы чести Гоголю, особенно, если взять въ соображеніе и такія черты, до которыхъ Гоголь не могъ додуматься по степени своего міросозерцанія? И неблагодарные современники, ежемѣсячно наслаждаясь чтеніемъ произведеній такого колоссальнаго таланта, вопятъ о паденіи искусства, объ измельчаніи литературы, объ отсутствіи особенно сильныхъ талантовъ! Какая куриная слѣпота и жалкое невѣжество!

Заурядный читатель (А. М. Скабичевскій).

„Благонамѣренныя рѣчи", г. Щедрина [1]).

*) Г. Щедринъ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" продолженіе своихъ *Благонамѣренныхъ рѣчей*. На этотъ разъ юмористъ затрогиваетъ довольно отвлеченный вопросъ, серіозный характеръ котораго заставляетъ его невольно измѣнить тонъ. Долгое пребываніе за

---

[1]) „Современныя Извѣстія", 1876 г., № 159.

*) „Современныя Извѣстія" стали издаваться съ 1867 г. и, приблизительно, до 80-хъ годовъ имѣли большое значеніе и обширный кругъ читателей. Издателемъ и вдохновителемъ ихъ былъ хорошо философски-образованный Никита Петровичъ Гиляровъ, получившій, при окончаніи московской духовной академіи (1848 г.) за сочиненіе объ „Онтологіи", т.-е. ученіи объ основныхъ началахъ бытія, Гегеля, добавку къ фамиліи—„Платоновъ". Впрочемъ, защита этой диссертаціи и даже ее напечатаніе не состоялось, потому что митроп. Филаретъ усмотрѣлъ въ оной „философскій духъ", идущій въ разрѣзъ съ боговдохновеніемъ. Въ 1855 г. Гиляровъ примкнулъ къ кружку славянофиловъ. Съ 1856—63 г. состоялъ членомъ московскаго цензурнаго комитета, но, несогласный съ тѣмъ, чтобы на цензурѣ лежала обязанность быть тормозомъ для просвѣщенія, долженъ былъ оставить должность. Въ 1867 г. Гиляровъ окончательно отдается литературной дѣятельности въ издаваемой газетѣ „Соврем. Изв.". Газета въ первыя 15 лѣтъ издавалась съ явнымъ оттѣнкомъ славянофильства, но безъ мракобѣсія, угодничества, прислуживанія и желанія зажать ротъ радикаламъ, безъ доносовъ и закорузлаго консерватизма, практиковавшимися зачастую въ этомъ лагерѣ въ 70—80 гг. Уже однѣ административныя кары говорятъ за то, что газета не чужда была извѣстнаго прогрессивнаго взгляда въ вопросахъ свободы совѣсти, вѣры, знанія и государственности. Первое предостереженіе газета получила въ 1870 г., за „крайне неприличные отзывы о такихъ предметахъ всенароднаго почтенія, какъ обряды православнаго богослуженія, высшія духовныя учрежденія и т. п."; второе—въ 1872 г., за „выраженія, унижающія достоинство военнаго званія и въ высшей степени оскорбительныя для чести арміи; въ 1875 г.—за „крайне рѣзкія выраженія о правительственномъ учрежденіи"; въ 1876 г.—за „неоднократно замѣченные крайне рѣзкіе и неумѣстные отзывы по разнымъ предметамъ правительственнаго вѣдѣнія".

Приводимая здѣсь статья носитъ на себѣ явные слѣды идеи національизма и того индивидуализма, который прикрываетъ ненависть ко всякой соціалистической формѣ общежитія. Здѣсь, подъ покровомъ идеи полнаго освобожденія личности, отвергается защита экономически и политически слабыхъ противъ властныхъ и сильныхъ. Авторъ также стремится

границей позволило г. Щедрину сдѣлать нѣсколько сравненій между русскимъ народомъ и народами Запада, и онъ замѣтилъ то, въ чемъ онъ, повидимому, сомнѣвался прежде, а именно, что гражданское чувство такъ же мало развито на Западѣ не только въ массахъ, но и въ буржуазіи, какъ и у насъ въ соотвѣтствующихъ классахъ общества. Такое открытіе побудило его написать нѣсколько очень блестящихъ страницъ, имѣющихъ, впрочемъ, тотъ недостатокъ, что онѣ не говорятъ ничего новаго для лицъ, не раздѣляющихъ, вмѣстѣ съ послѣдователями той школы, къ которой принадлежитъ Щедринъ, нѣсколько наивнаго удивленія порядку вещей, господствующему въ западной Европѣ. Только одни неисправимые теоретики, принимающіе на вѣру всѣ прекрасныя фразы иностранныхъ публицистовъ, продолжаютъ вѣрить „въ существованіе знаменитой" нравственной пропасти, отдѣляющей будто бы Россію отъ западной Европы. Массы вездѣ одинаковы. Порядокъ вещей, преобладающій въ той или другой странѣ, можетъ вліять на форму проявленій нравственной и умственной жизни, но никогда не можетъ измѣнить самую сущность ея. Народъ всегда возстаетъ противъ теорій, возникающихъ совершенно готовыми въ умѣ нѣкоторыхъ великихъ мыслителей, если эти теоріи не имѣютъ въ основаніи свойственнаго ему духа и особенностей національнаго характера. „Соціальный контрактъ", „Республика" Платона, съ одной стороны, и „Икарія" Кабета *), съ другой, останутся для него отвлеченными идеями, которыхъ онъ никогда не пойметъ. Нужно согласиться, положа руку на-сердце, что почти всѣ современныя идеи о государствѣ и гражданскихъ обязанностяхъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ приняты образованнымъ меньшинствомъ, преданнымъ или передовому либерализму или крайнему консерватизму,

доказать утопичность „теорій" и западничества. По мнѣнію автора статьи, только одна національная идея, положенная въ основаніе практическаго прогресса, жизненна и ведетъ каждый народъ по отдѣльному, только ему одному свойственному пути. Для Россіи не могутъ быть, по мнѣнію автора, указомъ ни соціальныя теоріи западныхъ ученыхъ и мыслителей ни дѣйствительныя формы общественной и государственной жизни у нашихъ сосѣдей. Всѣ соціальные идеалы утопичны и остаются безъ вліянія на дѣйствительныя формы жизни. *Прим. Н. Денисюка.*

*) И „Contrat Social" Руссо и „Республика" и „Икарія" являются утопическими сочиненіями, предлагающими человѣчеству очень простые, но неосуществимыя средства соціальнаго счастья. *Н. Д.*

приближаются скорѣе къ умозрѣніямъ Жанъ-Жака Руссо или „Левіаѳану“ Гоббеса *), чѣмъ къ практическимъ формамъ соціальной жизни, созданнымъ историческими событіями. Понятно, что ни народныя массы ни большая часть образованнаго общества не могутъ вполнѣ сродниться съ идеями, почерпнутыми изъ такихъ источниковъ. Ихъ, повидимому, и принимаютъ, но это принятіе зависитъ отъ инстинктивнаго убѣжденія, что идеи можно приложить къ собственному взгляду; будетъ сохранено слово, но смыслъ будетъ измѣненъ, насколько это найдутъ необходимымъ. И дѣйствительно, это случается каждый разъ, какъ политическая теорія получаетъ право гражданства у какого-нибудь народа. Но авторы этихъ теорій и ихъ *сознательные* послѣдователи вовсе не желали бы, чтобы передѣлывали ихъ идеи. Они хотѣли бы, чтобъ ихъ идеи принимались въ настоящемъ видѣ, безъ исправленія. Кабинетные люди легко убѣждаются, что ихъ цѣль достигнута, лишь только слова, обозначающія эти идеи, начинаютъ обращаться въ обыкновенномъ языкѣ. Обманъ можетъ продолжаться очень долго. Онъ длится даже и тогда, когда теоретикъ становится лицомъ къ лицу съ *искаженнымъ* пониманіемъ его самыхъ дорогихъ идей, какою-нибудь соціальною группою и даже цѣлымъ народомъ. Когда же обманъ обнаруживается, то начинаютъ отрицать въ соціальной группѣ или въ народѣ способность понимать идеи, „принятыя всѣмъ цивилизованнымъ міромъ“, какъ это и дѣлали часто наши политическіе теоретики, по отношенію къ обществу и русскому народу, какъ это дѣлалъ и самъ г. Щедринъ, которому также ложное убѣжденіе внушило его самыя блестящія вспышки его сатиры, полныя негодованія. Для того, чтобы убѣжденіе теоретика поколебалось, необходимо, чтобъ онъ изучилъ вблизи соціальную жизнь нѣсколькихъ цивилизованныхъ народовъ и замѣтилъ,

*) По мнѣнію англ. философа Гоббеса, человѣческія воли, предоставленныя сами себѣ, непремѣнно начинаютъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“; отсюда Гоббесъ приходитъ къ выводу, что люди въ своей государственной жизни не подчиняются никакимъ высшимъ интересамъ, а потому для безопасности и порядка должны, посредствомъ соглашенія (такъ же какъ и у Руссо въ „Contrat Social“), создать верховную власть, которой должна быть предоставлена неограниченная власть въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ (подданныхъ). Лучше всего, если эта власть будетъ вручена не собранію, а одному лицу (монархъ). Всякое возстаніе противъ этой непререкаемой власти, по мнѣнію Гоббеса, есть преступная революція. *Прим. П. Д.*

что вездѣ и всегда, хотя и въ различной степени, а иногда въ совершенно діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, дорогія ему идеи понимаются совершенно иначе, чѣмъ онъ понимаетъ ихъ самъ.

Это, именно, и случилось съ г. Щедринымъ. Онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ соприкосновеніи со многими западными обществами и узналъ по опыту, что не въ одной только Россіи можно встрѣтить *искаженное* пониманіе дорогихъ ему теорій. Такъ, напримѣръ, блестящій юмористъ думалъ долгое время, что только въ Россіи простой народъ противится въ своей повседневной жизни пониманію идей о государствѣ и объ обязанностяхъ гражданъ въ отношеніи къ государству. Онъ увидалъ теперь, что подобный же фактъ существуетъ въ Германіи и во Франціи. Такое открытіе разочаровываетъ его, опрокидываетъ всѣ его взгляды, возбуждаетъ его досаду, какъ убѣжденнаго теоретика, и заставляетъ его написать нѣсколько страницъ, гдѣ подъ ядовитыми стрѣлами сатиры проглядываетъ сильное разочарованіе. Съ своей точки зрѣнія г. Щедринъ совершенно правъ, но вѣрна ли эта точка зрѣнія? Историческій періодъ, переживаемый нами, есть періодъ разочарованія для всякаго рода теоретиковъ. Борьба, которую они должны были вести въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ убѣжденіями и вѣковыми преданіями порядка вещей, начинавшаго мало-по-малу разрушаться, поселила въ нихъ убѣжденіе, что они нашли въ тиши кабинетовъ и въ дыму дельфійскаго треножника, называемаго политическою трибуной, настоящія формулы новаго порядка вещей. Но наступилъ день, когда европейское общество, утомленное борьбой, рѣшилось устроить посвоему условія своего новаго существованія; оно пришло къ тому, что приняло формулы теоретиковъ и начало употреблять слова, служившія обозначеніемъ ихъ идей. Теоретики торжествовали. Они провозглашали и искренно считали себя зачинателями и необходимыми руководителями новаго правленія; но это торжество было непродолжительно. Они скоро замѣтили, что въ практическомъ употребленіи отвлеченныя идеи сильно измѣняются. Тогда они начали изливать свой гнѣвъ на массы, отрицать въ томъ или другомъ народѣ способность нравственнаго и умственнаго улучшенія, обвинять буржуазію въ эгоизмѣ и въ узкости взглядовъ. Подобныя обвиненія сыплются и по сію пору. Между тѣмъ, начи-

наетъ проявляться другой взглядъ на явленія жизни. Безпристрастные наблюдатели, изучая безъ предвзятой идеи ходъ *практическаго* прогресса народовъ, замѣчаютъ постоянство движенія и результаты, производимые имъ; они видятъ возникновеніе порядка вещей, имѣющаго, правда, очень слабое сходство съ тѣмъ порядкомъ, о которомъ мечтали теоретики; но, во всякомъ случаѣ, этотъ порядокъ вещей гораздо выше того, на мѣсто котораго онъ мало-по-малу вступаетъ. Существованіе такого неопровержимаго факта заставило ихъ задать себѣ вопросъ: не есть ли практическій прогрессъ явленіе, совершенно не зависящее отъ теорій, долженствовавшихъ создать его и не зависящее отъ тѣхъ формулъ, которыя старались возвести въ догматы вѣры? Очевидные факты, извѣстные всѣмъ, доставляютъ много данныхъ для утвердительнаго отвѣта. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, уничтоженіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ, объединеніе Италіи, упроченіе настоящаго порядка вещей во Франціи, поддержка, оказанная германскою либеральною партіей обширнымъ проектамъ Бисмарка, могутъ служить мѣтками для новой теоріи причинъ и послѣдствій практическаго прогресса народовъ. Дѣлается очевиднымъ, что національный духъ старается соорудить зданіе, приспособленное къ его настоящимъ потребностямъ, и воздвигнуть его на развалинахъ разрушеннаго зданія, сдѣлавшагося для него слишкомъ тѣснымъ. Формула laisser faire *), еще такъ недавно осуждавшаяся значительнымъ большинствомъ лучшихъ мыслителей, начинаетъ снова всплывать наружу и утверждаться. Индивидуализмъ торжествуетъ, а общество не чувствуетъ ни малѣйшаго неудобства отъ этого. Напротивъ, всѣ начинаютъ замѣчать, что улучшенія, наиболѣе прививающіяся въ народѣ, суть тѣ, которыя введены личными усиліями. Теоретики негодуютъ, протестуютъ и изливаютъ свою досаду или въ жалобахъ или въ сатирахъ, въ родѣ послѣдней вспышки Щедрина, но дѣла тѣмъ не менѣе идутъ своимъ чередомъ.

L. V.

*) Когда министръ финансовъ Людовика XIV, Кольбергъ, спросилъ одного купца, „какое средство наиболѣе способствуетъ процвѣтанію торговли?“ купецъ отвѣчалъ: „laisser faire, laisser passer“—позвольте дѣлать и итти, что и куда кто хочетъ. Съ тѣхъ поръ эта формула стала основнымъ принципомъ всѣхъ ратующихъ за невмѣшательство государства въ экономическія отношенія. *Прим. Н. Д.*

„Привѣтъ“, Щедрина [1]).

Одна изъ особенностей таланта Щедрина, это—удивительное искусство употреблять преувеличенія въ формѣ и выраженіяхъ для передачи извѣстныхъ идей, совершенно вѣрныхъ, но трудно передаваемыхъ на обыкновенномъ языкѣ. Этотъ способъ передачи не входитъ въ область искусства, но нѣкоторыя обстоятельства могутъ оправдать его употребленіе, особенно, если принять во вниманіе тотъ блестящій жанръ, которымъ такъ владѣетъ Щедринъ.

Въ іюньской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ этотъ авторъ напечаталъ небольшой очеркъ, подъ заглавіемъ: *Привѣтъ*, настоящій образецъ этого рода литературныхъ произведеній. Дѣло идетъ о впечатлѣніяхъ, испытываемыхъ русскимъ путешественникомъ по возвращеніи его изъ-за границы. Поѣздъ Берлинско-Эйдкуненской желѣзной дороги везетъ на всѣхъ парахъ изъ Кёнигсберга до Вержболова четырехъ изъ нашихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одинъ, повидимому, самъ авторъ очерка. Двое другихъ—богатые провинціальные помѣщики, привыкшіе проводить ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ за границей; послѣдній—недавно испеченный богачъ, возвращающійся изъ своего перваго путешествія на Западъ. Эти господа скоро сводятъ знакомство между собой и начинаютъ весело разсуждать о свойствахъ русской и иностранной кухни. Всѣ трое отдаютъ предпочтеніе русской провизіи, соглашаясь при этомъ, что французы до сихъ поръ наши учители по части соусовъ; только, какъ истые „патріоты“, они объявляютъ, что, собственно говоря, соусы суть не что иное, какъ кулинарная ересь, и служатъ только для того, чтобы скрыть сомнительныя качества говядины или рыбы. Этотъ гастрономически-патріотическій споръ, который невозможно читать безъ смѣха, сопровождается политическими соображеніями, касаю-

[1]) „Современныя Извѣстія“, 1876 г., № 204. (См. стран. 40.)

щимися посѣщенныхъ странъ. Одинъ изъ путешественниковъ, проводящій постоянно нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, высказывается очень рѣзко противъ представительнаго правленія, находя, что выборы заставляютъ крестьянина терять дорогое время, которое онъ могъ бы употребить на обработку земли; въ скоромъ времени всѣ соглашаются насчетъ превосходства того соціальнаго и политическаго порядка, среди котораго они будутъ находиться черезъ нѣсколько часовъ. Объ осмотрѣ паспортовъ на границѣ отзываются, какъ о спасительной формальности, обезпечивающей спокойствіе. „Это—гарантія порядка, восклицаетъ одинъ изъ „патріотовъ". Когда послѣ осмотра мнѣ отдаютъ мой паспортъ, я успокаиваюсь, потому что знаю, что надъ моей головой не тяготѣетъ никакое подозрѣніе и что я не попалъ въ разрядъ неблагомѣренныхъ. Чувствуешь себя подъ надзоромъ, но, въ то же время, видишь себя защищеннымъ противъ своихъ собственныхъ заблужденій и узнаешь, что рука помощи всегда готова удержать васъ отъ паденія въ пропасть". Четвертый путешественникъ молчитъ. Какое-то невольное чувство безпокойства овладѣваетъ имъ; оно увеличивается по мѣрѣ того, какъ поѣздъ приближается къ границѣ. Ожиданіе осмотра паспортовъ внушаетъ ему совершенно иныя чувства, чѣмъ его спутникамъ. Онъ тоже вполнѣ увѣренъ, что ему нечего опасаться этого осмотра, а, между тѣмъ, онъ, какъ говорится, самъ не свой. Это, почти инстинктивное, чувство возбуждено въ немъ необходимостью подчиниться формальности, ожидающей его на границѣ. Онъ провелъ долгое время въ странахъ, гдѣ ничто не мѣшало его свободѣ передвиженія; онъ проѣхалъ нѣсколько границъ, при чемъ никто не требовалъ у него предъявленія бумагъ. И вотъ, приближается часъ, когда это предъявленіе сдѣлается обязательнымъ; изъ его паспортной книжки будетъ вырванъ одинъ листокъ, и страна, по которой онъ свободно ѣдетъ въ настоящее время, сдѣлается недоступною для него, развѣ только онъ выхлопочетъ себѣ новое дозволеніе перейти границу. Эта перспектива волнуетъ и огорчаетъ его. Онъ задаетъ себѣ множество вопросовъ, не имѣя возможности разрѣшить ихъ, и, наконецъ, покоряется необходимости. Въ это время онъ обращаетъ вниманіе на слова спутниковъ, развивающихъ свои любопытныя теоріи объ „истинной свободѣ". Пріѣхали къ границѣ. Наступила роковая минута, и

Щедринъ объявляетъ, что послѣ разныхъ мыслей, смущавшихъ его до сихъ поръ, онъ испытываетъ пріятное чувство: жандармскій офицеръ проситъ вѣжливо у пассажировъ ихъ паспорты и, отдавая черезъ минуту назадъ, замѣчаетъ съ любезною непринужденностью, что „это устарѣлая формальность, которая, по всей вѣроятности, будетъ скоро отмѣнена“ Авторъ уже совершенно успокоился, какъ одинъ изъ его спутниковъ, увидавъ пустое мѣсто отъ оторваннаго листка въ своей паспортной книжкѣ, восклицаетъ: „Кончено! если бы и захотѣлъ вернуться, такъ уже невозможно!“

Если бы кто захотѣлъ искать въ этомъ новомъ очеркѣ г. Щедрина выраженіе отсталыхъ взглядовъ въ соціальномъ и политическомъ дѣлѣ, то можно бы было протестовать противъ натянутыхъ нотъ и противъ слишкомъ смѣлаго преувеличенія, по смотрѣть такимъ образомъ на „Привѣтъ“ было бы несправедливо и недобросовѣстно. Онъ резюмируетъ съ удивительной рельефностью смутное чувство безпокойства, которое испытываютъ многіе изъ его соотечественниковъ по возвращеніи изъ Россіи; онъ схватываетъ, такъ-сказать, на-лету это впечатлѣніе и указываетъ на настоящую причину его: вотъ и вся его задача. Въ Щедринѣ юмористъ сливается съ мыслителемъ, и это составляетъ его силу. Вся тайна его постояннаго успѣха, его большой популярности и симпатіи, какую онъ внушаетъ людямъ, наименѣе расположеннымъ раздѣлять его мнѣнія, кроется, именно, въ этой особенности сатирическаго жанра. Чувствуешь себя въ присутствіи человѣка, который, не показывая вида, страдаетъ отъ разныхъ аномалій, встрѣчающихся въ жизни; его саркастическій смѣхъ есть не что иное, какъ форма, принятая имъ для протестовъ, серіозныхъ по своей сущности и, зачастую, настолько справедливыхъ, что невольно соглашаешься съ ними.

L. V.

Разсказъ Щедрина [1]).

Каждая книжка хорошаго журнала есть страница изъ жизни. Въ книжкѣ, какъ и въ жизни, возможно наблюдать одни и тѣ же явленія, останавливаться на однѣхъ и тѣхъ же выдающихся чертахъ. Литературный обозрѣватель, если только онъ не чистый и безпардонный эстетикъ, говоря о явленіяхъ литературныхъ, въ то же время говоритъ и о жизни, о настоящей, текущей жизни, о современныхъ нашихъ интересахъ. Съ перваго раза трудно бываетъ иногда понять связь между какимъ-нибудь разсказомъ и текущею жизнью; но связь эта въ порядочномъ журналѣ всегда можетъ быть отыскана. Иначе, разсказъ не имѣлъ бы своего raison d'être. Вотъ, напримѣръ, разсказъ Щедрина *Выморочный*, помѣщенный въ послѣдней книжкѣ „Отеч. Зап.",—повидимому, мало имѣетъ отношенія къ современной жизни, но стоитъ только поглубже вникнуть въ него, чтобы видѣть, какая масса самыхъ животрепещущихъ вопросовъ затронута въ немъ. Щедринъ рисуетъ безотрадное одиночество давно знакомаго намъ Іудушки. Этотъ герой, наполнявшій бездну своего празднаго времени словеснымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, представляется намъ опять въ „безшумно-суетливой, безустойчивой" обстановкѣ. Онъ весь и все его окружающее какъ-будто оцѣпенѣло. Изрѣдка только раздается въ этой средѣ „праздное" слово Іудушки, но замираетъ, не вызвавъ ни отвѣта ни отзвука, и уступаетъ снова мѣсто молчаливой работѣ праздной мысли. Щедринъ рисуетъ всю эту жизнь съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ замѣчательною глубиной и тонкостью психологическаго анализа. У него находятся замѣчательныя слова для характеристики Іудушкиной болтовни. Онъ говоритъ, напр., что Іудушка опутывалъ своего слушателя цѣлою сѣтью тягучихъ словесныхъ обрывковъ; что онъ ко

---

[1]) „Одесскій Вѣстникъ", 1876 г., № 198. (См. выпускъ II-й, стран. 143.)

всѣмъ пристаетъ, досаждаетъ, зудитъ. Но вотъ въ сферѣ его дѣятельности происходитъ переворотъ. Пріѣздъ Аннинькп, актрисы, возбуждаетъ протестъ въ безотвѣтныхъ его домочадцахъ. Выплываетъ наружу давно забытая исторія о незаконномъ его сынѣ—Володькѣ, отвезенномъ, тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ, въ воспитательный домъ. Какъ въ сферѣ мысли Іудушка былъ пустословомъ, въ сферѣ религіи—пустосвятомъ, въ сферѣ домашняго обихода—пустодомомъ, такъ и въ сферѣ семейныхъ отношеній онъ явился пустоутробнымъ. Тѣмъ не менѣе, его Евпраксеюшка, выведенная изъ своей мертвой апатіи пріѣздомъ Аннииьки, начала бунтовать и требовать разрѣшенія съѣздить навѣстить Володьку въ Москву. Не получивъ этого разрѣшенія, она прекратила съ Іудушкой всякія сношенія и пустилась во всѣ тяжкія. Тутъ происходитъ въ душѣ Іудушки процессъ, описанный Щедринымъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ, что я очень сожалѣю, что размѣръ статьи не позволяетъ мнѣ выписать все описаніе Щедрина дословно. Первое чувство Іудушки, когда онъ встрѣтилъ протестъ Евпраксеюшки во время изліянія своего „словеснаго гноя"—было изумленіе. По мѣрѣ возрастанія протеста, изумленіе его также росло. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на взбунтовавшуюся наперсницу, и цѣлая масса праздныхъ словъ такъ и закипала у него въ груди. Но, въ первый разъ въ жизни, онъ смутно заподозрилъ, что бываютъ случаи, когда и празднымъ словомъ убить человѣка нельзя. У него былъ моментъ бѣшенства,—только одинъ моментъ,—затѣмъ онъ вдругъ упалъ нравственно, опѣшилъ и оробѣлъ. Когда же, наконецъ, Евпраксеюшка рѣшительно отказалась продолжать съ нимъ любовныя отношенія и завела ихъ съ другими лицами, то онъ былъ этимъ окончательно сбитъ съ-панталыку. Хотя онъ и допускалъ прелюбодѣяніе въ размѣрахъ строгой необходимости, но все-таки считалъ любовное времяпрепровожденіе бѣсовскимъ искушеніемъ. Поэтому, онъ былъ крайне озадаченъ откровенной безпутностью Евпраксеюшки и рѣшилъ, что надобно это какъ-нибудь „устроить и сообразить". Но ни устроить ни сообразить ничего онъ не могъ, и, предоставленный самому себѣ, погрузился въ омутъ праздной фантазіи, образы которой наполняли всю его жизнь. Евпраксеюшка, со всѣмъ упорствомъ тупоумія, била въ одну точку: досадить, изгадить ему

жизнь. Придетъ она каждый день къ нему въ кабинетъ, сядетъ къ окну, упрется посоловѣлыми глазами въ пространство, почешется лопатками о косякъ и начнетъ колобродить. Наконецъ, она и это перестала дѣлать. Она совсѣмъ бросила Іудушку и сошлась съ кучеромъ Архипомъ и конторщикомъ Игнатомъ. Іудушка, предоставленный самому себѣ, одичалъ, обросъ волосами, загрязнился и сдѣлался вскорѣ совершеннымъ троглодитомъ. Но чѣмъ однообразнѣе становилась его жизнь, тѣмъ дѣятельнѣе, страстнѣе работала праздная его фантазія. Работа эта производилась въ направленіи наживы всѣми путями, наживы съ вымогательствомъ, съ эксплуатаціей, съ высасываніемъ крови. Онъ воскрешалъ въ своемъ воображеніи умершую мать, умершихъ братьевъ, умершихъ крестьянъ и сначала мучилъ каждаго изъ нихъ своими словоизверженіями, а потомъ вымогалъ деньги. Способы вытягиванія денегъ, всѣ мельчайшія подробности этого процесса представлялись ему съ невѣроятной яркостью. Онъ забывался... Судорожною рукой схватывалъ онъ карандашъ, и ряды цифръ, одинъ за другимъ, покрывали первый попавшійся листъ... Это былъ счетъ его барышей... На этомъ обрываетъ Щедринъ свой разсказъ. Помимо необыкновеннаго художественнаго его достоинства,—онъ рисуетъ намъ одну изъ самыхъ страшныхъ язвъ современнаго русскаго человѣка: пустоту душевную и стремленіе къ наживѣ, какъ идеалъ. Конечно, у Іудушки черты эти выведены въ перлъ созданія; но въ наше коммерческое время, когда нравственные идеалы поблекли, можно найти многія черты Іудушки въ весьма почтенныхъ людяхъ... Тѣ психическіе процессы, которые происходятъ въ его душѣ, представляютъ весь интересъ современности. Эта умственная безпомощность, это отсутствіе воли и рѣшимости, эта склонность къ фантазированію—все это черты современнаго русскаго человѣка, которыя можно встрѣтить на каждомъ шагу. Конечно, Іудушкино ехидство составляетъ его личную черту, независимо отъ которой въ немъ есть много общаго, бытового, современнаго. Въ этомъ-то и заключается текущій интересъ щедринскаго разсказа.

С. С.

„День прошелъ—и слава Богу", Н. Щедрина [1]).

*) Настроеніе русскаго общества, вызванное славянскою борьбой, не ушло отъ сатирической кисти г. Щедрина, и онъ ужъ откликнулся на него въ небольшомъ этюдѣ, принадлежащемъ, по характеру и тону, къ тому ряду сатирическихъ изображеній, изъ какихъ составленъ его „Дневникъ провинціала". Мотивъ—очень щекотливый. Тутъ можно было, какъ-разъ, задѣть законное чувство нравственной щепетильности читателя. Каждый теперь отзывается, сильно или слабо, на славянское дѣло и никому не было бы пріятно видѣть въ печати, какъ осмѣиваютъ его симпатіи. Но тактъ сатирика сказался и въ этомъ случаѣ. Онъ клеймитъ только нравственную распущенность псевдо-культурныхъ русскихъ людей, которая позволяетъ имъ съ одинаковой легкостью переходить воображеніемъ отъ одной картины къ другой, отъ образовъ турецкихъ звѣрствъ къ сластолюбивымъ образамъ петербургскаго ничегонедѣланія, обжорства и кутежей—и ограничиваться жертвованіемъ зеленыхъ ассигнацій за завтраками у Бореля. Авторъ не скрываетъ своего гражданскаго негодованія при видѣ разныхъ „Ташкентцевъ" высокаго полета, которые играютъ теперь на ноткѣ великодушнаго славянскаго чувства и на каждомъ шагу выкрикиваютъ звонкія, негодующія фразы. Вотъ одна изъ такихъ картинъ:

„Посреди просторной комнаты былъ накрытъ столъ; бѣлоснѣжный фарфоръ, хрусталь, серебро—все блестѣло. Татары во фракахъ шныряли взадъ и впередъ, принося и разставляя всевозможныя водки и закуски; метръ-д'отель почтительно, но съ достоинствомъ принималъ изъ устъ самого Левушки заказъ (Левушка есть амфитріонъ завтрака, будущій помпадуръ, получающій назначеніе въ губернію); Сомелье съ картой винъ въ рукахъ ожидалъ своей очереди. Сережа Пряженцевъ, Володя Культяпкинъ и

[1]) „Московское Обозрѣніе", 1876 г., № 10.

*) „Московское Обозрѣніе", еженедѣльный журн., политич., литературный, театральный и художественный, издавался въ Москвѣ съ 1876 по 1878 г. Издат.-редакторы—Хрущовъ-Сокольниковъ и Л. Н. Пушкаревъ. *Н. Д.*

4*

Петька Долгоуховъ, въ ожиданіи земныхъ благъ, расхаживали взадъ и впередъ и весело дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, въ которыхъ покамѣстъ не было ничего славянскаго. Насъ приняли съ распростертыми объятіями; даже Левушка поспѣшилъ съ послѣдними показаніями на счетъ меню, чтобы привѣтствовать насъ.—Читалъ? обратился онъ ко мнѣ: ахъ, меггзавцы! (Левушка слегка грассировалъ, что очень къ нему шло.) Меня такъ и обожгло. Я не знаю, пойметъ ли меня читатель; но мнѣ показалось, что неожиданно распахнулась дверь дома терпимости и вынеслось слово, о которомъ тамъ и помину не должно быть".

Эта сатирическая нота прямо показываетъ, въ *какомъ тонѣ* написанъ разсказъ г. Щедрина; нѣкоторые патріоты, конечно, уже обидѣлись этимъ, но всякій, кто желаетъ нашему обществу и народу очищенія отъ всякихъ ташкентскихъ примѣсей, конечно, порадуется, увидѣвъ въ печати такое смѣлое—почти до дерзости—слово. Когда лицо, отъ котораго веденъ разсказъ, выходило изъ ресторана Бореля, его пріятель Глумовъ пояснилъ ему значеніе подобныхъ трапезъ:

„Кто бы подумалъ, сказалъ Глумовъ, усаживаясь вмѣстѣ со мной въ извозчичьи сани, что въ этомъ паскудномъ трактирѣ сейчасъ произошло великое таинство проявленія русско-культурнаго патріотизма".

И самъ герой разсказа, сливающійся съ личностью автора, невольно предался такимъ размышленіямъ:

„Неужели, думалось мнѣ, русская культура не выработала изъ себя никакого жизненнаго факта, кромѣ безшабашнаго гвалта, на днѣ котораго лежатъ три цѣлковыхъ (т.-е. зеленыя бумажки, отсылаемыя въ разные „комитеты" и „кружки"), никакого жизненнаго требованія, кромѣ дикой потребности пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ (будь это даже такой кровный вопросъ, какъ нынѣшній славянскій), чтобы кому-то зажать ротъ, перервать горло, согнуть въ бараній рогъ!" „Я гналъ эту мысль отъ себя, потому что она положительно мнѣ мѣшала. Я говорилъ себѣ: если даже все это и правда, то для чего мнѣ эта правда, если я не могу измѣнить въ ней ни одной іоты? Мы такъ безпомощны, такъ безнадежны, что сознаніе правды не всегда насъ толкаетъ, а заставляетъ только опускать руки. Покуда мы безшабашны, наши цѣлковые играютъ какую-то роль, а отнимите у насъ это качество, что останется? Останется безцѣльное шатанье по бѣлу-свѣту, скука, апатія и блудливыя погони за какимъ-то несознаннымъ дѣломъ, которое, дразня насъ въ перспективѣ, на практикѣ самымъ обиднымъ образомъ оставляетъ на бобахъ".

Эти нерадостныя размышленія, въ которыхъ только слишкомъ наивный оптимистъ не почуетъ крупной доли правды, ведутъ автора къ еще болѣе горькимъ выводамъ.

„Я понялъ, говоритъ онъ, что всякій дальнѣйшій разговоръ на тему о современномъ общественномъ возбужденіи былъ бы празднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Тутъ чувствовалась какая-то путаница, въ которой, въ одно и то же время, сквозила и насмѣшка надъ тремя цѣлковыми и косвенное поощреніе нести ихъ въ общую массу. Въ чемъ же,

однако, тутъ дѣло? Если только въ томъ, что, вынимая свою зелененькую, не кричатъ, не галдятъ, а сохраняютъ чувство собственнаго достоинства, такъ, вѣдь, это задача, далеко не лестная, да и нелегкая, господа! Помилуйте! Я—живой человѣкъ, я хочу, я чувствую потребность шумѣть и кричать! Я столько времени молчалъ и столько горькаго, почти свирѣпаго накопилось внутри меня за время этой молчанки, что я съ жадностью цѣпляюсь за первый попавшійся поводъ, чтобъ облегчить свою грудь. И если у меня нѣтъ личнаго дѣла, по случаю котораго я могъ бы свободно повѣдать міру о своей живучести, то я хватаюсь за дѣло чужое, *а въ настоящемъ разѣ даже и не вполнѣ чужое,* чтобы хотя на время, хотя въ своихъ собственныхъ глазахъ, возстановить свое право на жизненную отзывчивость!"

Все это полунамеки и полууказанія, но читатель понимаетъ ихъ, и можно огорчиться на сатирика въ томъ только случаѣ, если слишкомъ увлекаться внѣшностью и не чувствовать, что настоящаго дѣла дѣлать еще нельзя!.. Пріятели, выйдя отъ Бореля съ завтрака, усыпаннаго славяно-патріотическими фразами и возгласами, рѣшили кончить день въ домѣ чиновника Павла Ермолаевича Положилова, ихъ общаго товарища по школѣ, который изъ передовыхъ и даже крайнихъ превратился въ тихенькаго департаментскаго служаку, охраняемаго въ предѣлахъ благонамѣренности своей женой Поликсеной Ивановной. Разговоръ у Положилова за обѣдомъ, касающійся также и современной гражданской темы, оттѣняетъ опять въ сатирическомъ же родѣ „настроеніе минуты". И только-было кое-какія циническія нотки стали проскользать въ общую бесѣду, какъ Поликсена Ивановна сумѣла придать ей безобидный характеръ, и все кончилось солониной, икрой и партіей въ сибирку.

„Въ первомъ часу ночи, повѣствуетъ авторъ, мы вышли отъ Положиловыхъ. Дорогой я началъ припоминать проведенный день и—клянусь—мнѣ сдѣлалось стыдно.—Какъ странно, однако, мы проводимъ наши дни! сказалъ я, обращаясь къ Глумову.—„Что же тутъ страннаго?"—Помилуй! Цѣлое утро въ кабакѣ провели, вечеръ въ сибирку играли, о солонинѣ, разговаривали,—вѣдь, это, наконецъ, неприлично".—„А по-моему, такъ мы самымъ приличнымъ образомъ, по-русски время провели: наѣлись, напились наигрались, чего же больше! А теперь, вотъ, придемъ домой, ляжемъ спать и скажемъ себѣ: день прошелъ—и слава Богу!"

Развѣ не такъ проходятъ дни не только въ русскихъ захолустьяхъ, но и въ Петербургѣ, у очень многихъ культурныхъ людей, успокоившихся на громкихъ возгласахъ вперемежку съ завтраками, пикниками, картами и попойками? Да и болѣе серіознымъ-то людямъ приходится сплошь и

рядомъ, въ нашемъ обществѣ, довольствоваться одной своей дѣловой спеціальностью, а сходясь съ знакомыми—коротать время въ безцѣльной и безплодной болтовнѣ, или садиться за пульку. До сихъ поръ нашъ сатирикъ въ правѣ пускать въ ходъ свое собственное освѣщеніе „злобы дня", но можетъ настать и такая минута, когда сатирическое отношеніе къ народному чувству и къ убѣжденіямъ образованнаго меньшинства будетъ уже казаться диссонансомъ.

„Благонамѣренныя рѣчи“. „Семейные итоги“, Н. Щедрина [1]).

*) Въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній мы говорили о сатирѣ г. Щедрина, направленной на такъ-называемыхъ *„культурныхъ людей“*. Публика ожидала, что въ мартовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ появится продолженіе сатирическаго очерка съ подробностями заграничнаго путешествія двухъ „культурниковъ“. Но третья книжка этого журнала предлагаетъ намъ нѣчто иное. Г. Щедринъ является съ новымъ эпизодомъ большой семейной хроники, которую онъ въ послѣдній годъ вставилъ въ рамки своихъ *Благонамѣренныхъ рѣчей.* Публика уже достаточно знакома съ характеристикой того помѣщичьяго семейства, какое г. Щедринъ избралъ для своихъ психическихъ и бытовыхъ изслѣдованій; но читатель позволитъ намъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ о новой художественной фазѣ, въ которую талантъ г. Щедрина вступилъ за самое послѣднее время. *Губернскіе очерки*, съ первыхъ шаговъ г. Щедрина, намѣтили два элемента его писательской дѣятельности, и преобладающій элементъ была сатира съ обиліемъ мѣстныхъ подробностей быта. Она разрослась въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ и охватила собой весь міръ новѣйшаго чиновничества, всю трагикомедію, заключающуюся во внѣшнемъ, пустомъ, бюрократическомъ прогрессѣ, подъ которымъ хранятся прежнія темныя силы. Но въ *Губернскихъ очеркахъ*

---

1) „Молва“, 1876 г., № 14.

*) „Молва“—газета общественная и литературно-политическая. Издавалась въ 1876 г. А. А. Жемчужниковымъ и въ этомъ же году прекратила существованіе, получивъ три предостереженія и пріостановку изданія. Первое предостереженіе послѣдовало за „вообще вредное направленіе изданія“, второе—за статью „Интересы Англіи въ восточномъ вопросѣ“, а третье—за статью Драгоманова: „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ“. Въ числѣ сотрудниковъ этой газеты встрѣчаются извѣстныя имена нашихъ писателей.

Примѣч. Н. Денисюка.

было нѣсколько вещей, показавшихъ, что г. Щедринъ весьма и весьма способенъ на воспроизведеніе жизни съ меньшей сатирической преднамѣренностью, что онъ способенъ даже отзываться на поэтическую сторону народнаго быта. Это художественное свойство было когда-то замѣчено; потомъ г. Щедринъ, пойдя, исключительно, по дорогѣ сатирика, самъ помогъ тому, что объективнаго художника въ немъ какъ-то забыли, но въ послѣдніе полтора-два года, подъ рубрикой *Благонамѣренныхъ рѣчей*, онъ выступилъ съ нѣсколькими разсказами, рѣзко отличающимися отъ обыкновеннаго пошиба его сатиры, ея содержанія и пріемовъ. Въ этихъ разсказахъ онъ измѣняетъ, во-первыхъ, свой языкъ. Мы имѣемъ тутъ уже не юмориста, точно обязаннаго все говорить съ сатирическою язвительностью, а разсказчика, изображающаго намъ жизнь безъ всякихъ подчеркиваній, образнымъ, сочнымъ языкомъ, держась тона, помогающаго читателю видѣть предметы, лица, природу въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Разумѣется, кое-гдѣ сатирикъ беретъ верхъ въ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей и ихъ отношеній; но общій фонъ, все-таки, художественно-объективный. И всѣ истинно творческія способности г. Щедрина начали проявляться въ такихъ разсказахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ его сатирическихъ очеркахъ. Уже самый выборъ сюжетовъ показывалъ, что авторъ, дѣйствительно, хочетъ быть художникомъ болѣе, чѣмъ сатирикомъ. Онъ выбираетъ міръ разрушающагося деревенскаго барства; сначала вводитъ самого себя въ разсказахъ о нынѣшнихъ порядкахъ, а потомъ совершенно устраняетъ свою авторскую личность и даетъ намъ цѣлую картину старо-помѣщичьяго *вырожденія*, цѣлую эпопею чисто-трагическаго характера, несмотря на то, что она преисполнена самой обыденной прозы и даже пошлости. Интересъ читателя сосредоточиваетъ онъ на фигурѣ помѣщицы Арины Петровны, въ которой засѣли всѣ крупныя бытовыя черты самовластной скопидомки и собирательницы земли. Всю свою жизнь высидѣла она въ деревнѣ и неустанно, по крохамъ и по клочкамъ, увеличивала свою благостыню, достигла высшей степени самодержавности и какъ жена, и какъ помѣщица, и какъ мать. Дѣтей своихъ держала она въ строгости и повиновеніи, а дѣти-то и привели ее къ такому перелому въ жизни, послѣ котораго

она принуждена была играть роль короля Лира. Одного изъ сыновей доводитъ она своимъ суровымъ деспотизмомъ до полнаго паденія, до мрачнаго запоя, который авторъ рисуетъ, въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, высоко-талантливыми чертами. Но на другомъ сынѣ, прозванномъ ею, еще съ дѣтства, „Іудушкой-кровопивушкой“, старуха поймалась и должна была уйти даже изъ своего родового логовища, послѣ того, какъ этотъ Іудушка-кровопивушка довелъ ее своими льстивыми и обманчивыми поступками почти до положенія приживалки. Личность этого „Іудушки“, даровито очерченная въ предыдущихъ очеркахъ, является въ послѣднемъ во всемъ своемъ расцвѣтѣ. Можно смѣло сказать, что вы не найдете ни въ одной изъ сатирическихъ вещей г. Щедрина такой своеобразной фигуры, воспроизведенной съ бóльшимъ художественнымъ мастерствомъ, заключающей въ себѣ болѣе яркаго творчества. Конечно, кое-гдѣ авторъ измѣняетъ обязанности объективнаго художника и говоритъ объ этомъ исчадіи барско-чиновничьяго міра съ слишкомъ большою безпощадностью, слишкомъ рѣзко вызываетъ къ нему презрѣніе и даже отвращеніе; но зато во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ дѣйствуетъ самъ этотъ Іудушка, художникъ вступаетъ въ свои права и заставляетъ насъ забывать о вторженіяхъ сатирика. Новый разсказъ *Семейные итоги* начинается съ того момента, когда старуха, превращенная предательствомъ своего Іудушки въ приживалку, въ томъ самомъ имѣніи и домѣ, гдѣ она владычествовала долгіе годы, гдѣ все создано ея собственною энергіей и умѣньемъ,—отъѣзжаетъ отъ него въ сосѣднюю деревушку, принадлежавшую даже не ей, а сиротамъ-внучкамъ, и увозитъ обѣихъ дѣвушекъ съ собой. Внучки не выдерживаютъ глухой, безотрадной жизни и наотрѣзъ объявляютъ бабушкѣ, что онѣ ѣдутъ въ Москву и не хотятъ заживо хоронить себя. Впервые поняла старуха, что противиться нельзя, что надо уступить какимъ-то новымъ требованіямъ свободы, и отпустила внучекъ, которыя въ скоромъ времени очутились на провинціальной сценѣ. Оставшись одна, она законопатила себя въ двухъ комнатахъ дрянного полуразвалившагося домишка, сократила всѣ свои расходы почти до нищенства, стала прозябать и разрушаться. Анализъ впечатлѣній этой тоскливой, удушающей жизни, всего этого процесса нравственной смерти, сдѣланъ авторъ

необычайно тонко и сильно. Вы невольно уходите въ міръ старушечьей безпомощности, одиночества, безсонныхъ ночей, страха, сознанія своей обиды и горечи своего положенія и разрастающагося убійственнаго равнодушія — предшественника физической смерти, о которой, однако, старуха какъ бы забыла и думать, впавши въ свое безвкусное и тягостное прозябаніе. Эти страницы такъ же хороши, какъ и картина мрачнаго запоя ея безпутнаго сына, о которой мы упомянули выше. И вотъ, мало-по-малу, бывшій желѣзный характеръ старухи подался; она преобразилась: въ ея натурѣ всплыли наружу родовыя черты, превращающія очень скоро любую строгую барыню въ рыхлую, болтливую, угодливую приживалку. Все, чего она себя лишала прежде изъ скопидомства, стало предметомъ ея тайныхъ желаній: и сладкаго куска ей захотѣлось страстно, и пустословія, и какого-нибудь общества. Какъ-только, вмѣсто прежняго Ивана Калиты въ кацавейкѣ, всплыла наружу разрушавшаяся приживалка, она начала опять сближаться съ сыномъ, посылать къ нему то за тѣмъ, то за другимъ и учащать свои визиты. Незамѣтно она не только съ нимъ помирилась, но стала даже заискивать, заживаться по цѣлымъ днямъ, напрашиваться на разные лакомства и гостинцы и проводить цѣлые дни въ безвкусной болтовнѣ. А тѣмъ временемъ, Іудушка совсѣмъ уже обособился и расцвѣлъ во всей своей безобразной сущности: онъ засѣлъ въ усадьбѣ и превратился, по замѣчанію автора, въ какую-то бѣлку, прыгающую безъ всякаго толку въ одномъ и томъ же колесѣ. Чиновничьи привычки къ пустой суетѣ, къ безсмысленнымъ занятіямъ сказались въ Іудушкѣ тѣмъ, что онъ цѣлый день, не выходя изъ кабинета и халата, учитывалъ свою должностную прислугу, ввелъ у себя ни къ чему неведущую бумажную отчетность и строчилъ безпрестанно жалобы къ мировому судьѣ и посреднику. Эту натуру давно влекла къ себѣ полная свобода отъ какихъ-либо нравственныхъ ограниченій. Онъ порвалъ всякую связь съ внѣшнимъ міромъ, не читалъ ни книгъ, ни газетъ, ни писемъ, даже о смерти Наполеона III узналъ отъ станового пристава только черезъ годъ. Хозяйничать онъ, все-таки, не умѣлъ, даже не зналъ, что у него дѣлается въ хозяйствѣ. Для услажденія своихъ деревенскихъ досуговъ выбралъ онъ себѣ экономку, вполнѣ подходящую

къ его обстановкѣ, дѣвицу Евпраксію, дочь деревенскаго дьячка, существо совершенно безотвѣтное и низменное по своимъ мозговымъ качествамъ; но Іудушкѣ нравился ея тѣлесный складъ и, въ особенности, спина... Въ такой-то жизни проходили дни за днями и только оживлялись пріѣздами старухи-матери Арины Петровны. Сначала Іудушка морщился отъ этихъ визитовъ, но потомъ привыкъ къ нимъ и даже полюбилъ. Они удовлетворяли его страсти къ пустословію. И вотъ, тутъ потекли безконечные разговоры, наполнявшіе дни и недѣли; при этихъ разговорахъ присутствовала и Евпраксеюшка, которую старуха очень полюбила. Вперемежку суесловія играли они втроемъ въ дурачки, ибо Евпраксеюшка никакъ не могла понять виста съ болваномъ. Сердце старухи, превратившейся въ приживалку сына, радовалось и веселилось, и, каждый разъ, уѣзжая въ свою Погорѣловку, она придумывала новый предлогъ, чтобъ скорѣй вернуться „на хорошее житье". Вдругъ, въ ноябрьскую метель, во время вечерняго чая, среди обычнаго родственнаго суесловія, послѣ того какъ Арина Петровна прочла Іудушкѣ письмо отъ своихъ внучекъ, сдѣлавшихся актрисами, при чемъ Іудушка уже задумалъ отнять у нихъ какимъ-нибудь плутовствомъ имѣніе, раздался колокольчикъ, подъѣхала повозка, и вошелъ неожиданно второй сынъ Іудушки, по имени Петенька, званіемъ армейскій офицеръ. Старшаго сына его уже не было въ живыхъ: онъ застрѣлился, доведенный до этого скаредностью отца. Петенька изображается авторомъ, какъ молчаливый и нѣсколько суровый офицеръ. Его отношенія съ отцомъ самыя натянутыя и даже грубыя, но Іудушка, по своей гнусности, и съ нимъ фальшиво лебезитъ, чтобы только уклониться отъ какого-нибудь объясненія, отзывающагося родительскою помощью. Петенька держитъ больше сутокъ въ секретѣ причину своего внезапнаго пріѣзда, а причина трагическая: онъ проигралъ казенныя деньги и ему дали нѣсколько недѣль срока, чтобы пополнить сумму, иначе предстоялъ судъ и посрамленіе. Петенька, зная, какихъ у него свойствъ родитель, повѣдалъ сначала свое горе бабушкѣ. Старуха разахалась, но помочь не могла, потому что у нея самой не осталось ни копейки, кромѣ денегъ, оставленныхъ на погребеніе и поминовеніе. Надо было итти къ отцу, котораго Петенька засталъ на молитвѣ. Іудушка предавался постоянно систематическому

ханжеству, усвоилъ себѣ образцовые пріемы „стоянія на молитвѣ“, но въ то же время могъ слѣдить за всѣмъ, что мелькало передъ его глазами на дворѣ, предоставляя своимъ губамъ выговаривать молитвенныя слова, а рукамъ подниматься горѣ. Объясненіе между отцомъ и сыномъ послѣдовало послѣ молитвы, и, разумѣется, Іудушка не только не вошелъ въ бѣду своего сына, но разыгралъ съ нимъ самую фарисейскую комедію, съ прибаутками глубокаго цинизма, облеченными въ слащавый, приторный тонъ. Офицеръ, доведенный почти до ярости, назвалъ отца нѣсколько разъ убійцей и сталъ ему затѣмъ доказывать, что по его милости старшій братъ наложилъ на себя руки. Іудушка, внутренно задыхаясь отъ злости, продолжалъ свою сладкорѣчивую комедію и всякимъ своимъ словомъ говорилъ, что онъ не дастъ ни копейки. За тѣмъ же столомъ сидѣла старуха Арина Петровна, и въ ея разрушающейся душѣ произошла заключительная драма. Она знала съ давнихъ лѣтъ, что Іудушка, по своему лицемѣрію и фарисейству, по суевѣрной и трусливой натуришкѣ, боится одного: какъ бы она его не прокляла. Нѣсколько разъ она уже собиралась, въ собственныхъ интересахъ, пустить въ ходъ это энергическое средство. У нея уже составился цѣлый планъ: пріѣхать въ Головлево, потребовать къ себѣ попа, отворить церковь, и на весь народъ крикнуть: „проклинаю“, но это ей не удавалось. И вотъ, теперь, въ послѣднюю минуту, когда она уже со стороны почувствовала съ полною яркостью и силой всю мерзость, все гнусное бездушіе и лицемѣрство Іудушки, она крѣпилась, крѣпилась и, въ разгарѣ сцены между отцомъ и сыномъ, крикнула: „проклинаю!“ На этомъ воплѣ Арины Петровны и кончается разсказъ. Главныя два лица семейной драмы: старуха и сынъ ея Порфирій, прозванный Іудушкой, достигаютъ размѣровъ вполнѣ художественныхъ и типическихъ фигуръ. Это, дѣйствительно, продукты цѣлой культурной полосы. Они созданы, а не набросаны сатирическою фантазіей. По оригинальности, новизнѣ и мастерству выполненія, фигура Іудушки стоитъ выше старухи. Его суесловіе, пошло-фарисейскаго характера, облечено въ необыкновенно яркій, своеобразный жаргонъ, не заключающій въ себѣ никакой карикатурности. Словомъ, послѣдній разсказъ г. Щедрина былъ бы вполнѣ художественнымъ произведеніемъ, если бъ въ него, все-таки, не входилъ одинъ

элементъ, нарушающій полную объективность авторской манеры. Этотъ элементъ—разсудочный, уже слишкомъ въѣвшійся въ сатирика. Онъ не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы представить намъ своихъ героевъ въ дѣйствіи, въ разговорахъ или описаніяхъ; онъ непремѣнно прибавляетъ свои собственныя объясненія. Онъ комментируетъ и даже изобличаетъ.

Къ Іудушкѣ чувствуетъ онъ ничѣмъ нескрываемое презрѣніе и старается какъ можно убѣдительнѣе выставить передъ нами всю куріозную пошлость этой фигуры. Мы не считаемъ, однакоже, г. Щедрина неспособнымъ на полную художественную объективность: рядъ послѣднихъ бытовыхъ разсказовъ показываетъ, напротивъ, что онъ приближается къ ней. Ему стоитъ только раздѣлить свою дѣятельность на два отдѣла, провести между ними рѣзкую черту: по сю сторону этой черты онъ останется сатирикомъ со всѣми своими правами и преимуществами; по ту сторону—онъ будетъ держаться строгихъ предѣловъ художественнаго изображенія, безъ всякаго вмѣшательства своей писательской личности. Но и авторскій элементъ въ послѣднемъ разсказѣ г. Щедрина, т.-е. элементъ сатирическій, изобличительный и резонерскій, все-таки проникнутъ жизнью, глубиной, мѣткостью взгляда. Въ особенности, хорошо то мѣсто (хотя оно и составляетъ отступленіе отъ хода разсказа), гдѣ авторъ проводитъ параллель между нашимъ русскимъ доморощеннымъ лицемѣріемъ, въ родѣ того, какое въѣлось въ Іудушку, и лицемѣріемъ западнымъ, въ особенности же французскимъ. Читатель позволитъ намъ сдѣлать цитаты изъ этого отрывка:

„Не надо думать, что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напримѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, ежели онъ былъ лицемѣръ, то лицемѣръ чисто-русскаго пошиба, т.-е. просто человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила, не знающій иной истины, какъ та, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжественъ безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать простого матеріала дѣйствительнаго лицемѣра“.

Въ противоположность этому лицемѣру, авторъ указываетъ на французовъ, гдѣ это душевное свойство получило яркую политическую и соціальную окраску. И, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ такой остроумный примѣръ,

показывающій, какъ на *законѣ уваженія* къ лицемѣрію основанъ, за рѣдкими исключеніями, современный французскій театръ:

„Герои лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній, т.-е. тѣхъ, которыя пользуются наибольшимъ успѣхомъ, именно за необыкновенную реальность изображенныхъ въ нихъ житейскихъ пакостей, всегда улучать подъ-конецъ нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобы подправить эти пакости громкими фразами, въ которыхъ обнаруживается святость и сладость добродѣтели. Адель можетъ въ продолженіе четырехъ актовъ всячески осквернять супружеское ложе, но въ пятомъ она непремѣнно во всеуслышаніе заявитъ, что семейный очагъ есть единственное убѣжище, въ которомъ французскую женщину ожидаетъ счастіе. Спросите себя: что было бы съ Аделью, если бы автору вздумалось продолжать свою пьесу еще на пять такихъ же актовъ. Вы можете безошибочно отвѣтить на этотъ вопросъ, что, въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ актовъ, Адель опять будетъ осквернять супружеское ложе, а въ пятомъ опять обратится къ публикѣ съ такимъ же заявленіемъ. Да и нѣтъ надобности дѣлать предположеніе, а слѣдуетъ только изъ „*Théâtre français*“ отправиться въ „*Gymnase*“ и оттуда въ „*Vaudeville*“ или въ „*Variétés*“ [1]), чтобъ убѣдиться, что Адель всегда одинаково оскверняетъ супружеское ложе и вездѣ подъ-конецъ объявляетъ, что это ложе есть единственный алтарь, въ которомъ можетъ священнодѣйствовать честная француженка. Это до такой степени въѣлось въ нравы, что никто даже не замѣчаетъ, что тутъ кроется самое дурацкое противорѣчіе, что правда жизни является съ правдой лицемѣрія, и обѣ идутъ рука-объ-руку, до того перепутываясь между собою, что становится затруднительнымъ сказать, которая изъ этихъ двухъ правдъ имѣетъ болѣе правъ на признаніе“. „Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Насъ не муштруютъ, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ поборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основаній, а просто оставляютъ расти, какъ крапива растетъ у забора. Поэтому, между нами очень мало лицемѣровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ-нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ такихъ основъ не знаемъ, и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ свободно, т.-е. прозябаемъ, лжемъ и пустословимъ сами-по-себѣ, безъ всякихъ основаній“. „Слѣдуетъ ли по этому случаю радоваться или соболѣзновать—судить объ этомъ не мое дѣло. Думаю, однакоже, что если лицемѣріе можетъ внушить негодованіе и страхъ, то безпредметное лганье способно возбудить докуку и омерзѣніе. А потому, самое лучшее—это, оставя въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ лицемѣрія сознательнаго передъ безсознательнымъ или наоборотъ, запереться и отъ лицемѣровъ и отъ лгуновъ“.

При нѣкоторой парадоксальности авторскихъ взглядовъ на французскій театръ, характеристика Адели, оскверняющей супружеское ложе, весьма остроумна, какъ самъ читатель видитъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что подоб-

---

[1]) Французскіе театры.

ное вторженіе самого писателя въ художественный разсказъ непремѣнно вредитъ цѣльности, простотѣ, непосредственности творчества. Повторяемъ: все это привычки сатирика и резонера, и отъ всего этого г. Щедринъ можетъ весьма легко отдѣлаться. Мы даже думаемъ, что въ скоромъ времени художникъ пересилитъ въ немъ сатирика: до такой степени свѣжи его творческіе пріемы, такъ сильно въ немъ чувство настоящей жизни, такъ много матеріала доставила ему объективная наблюдательность. И когда объ этомъ подумаешь посеріознѣе, выяснится вполнѣ та громадная утрата, которая грозила русской литературѣ годъ тому назадъ, когда вся читающая публика была глубоко огорчена извѣстіемъ о тяжелой болѣзни нашего сатирика-художника, вернувшагося теперь, съ возобновленными силами, къ своему плодотворному авторскому труду.

„Благонамѣренныя рѣчи“. „Въ погоню за идеалами“ [1]).

Вотъ какъ разсуждаетъ русскій писатель-сатирикъ, съ огромнымъ талантомъ, поживши нѣкоторое время на западѣ и присмотрѣвшись къ тамошнимъ идеаламъ. Читатель пойметъ, что мы разумѣемъ г. Щедрина: онъ въ послѣднемъ своемъ очеркѣ является уже не русскимъ только бытописателемъ, не сатирическимъ воспроизводителемъ нашихъ родныхъ мотивовъ, а наблюдателемъ западной культуры. Его послѣдній очеркъ, хотя и не совсѣмъ прямо подходитъ къ рубрикѣ *Благонамѣренныхъ рѣчей*, но самъ-по-себѣ представляетъ новость. Едва ли не въ первый разъ г. Щедринъ является передъ русскою публикой въ качествѣ публициста, сообщающаго ей свои мыслительные итоги, выведенные изъ наблюденій надъ западною жизнью. Въ началѣ очерка г. Щедринъ характеризуетъ, въ нѣсколькихъ крупныхъ и бойкихъ штрихахъ, отсутствіе въ нашемъ *культурномъ* обществѣ настоящихъ гражданскихъ понятій, а, главное, идеи *государства*, сознанія связи съ нимъ и своихъ обязанностей относительно государственнаго дѣла. Отсутствіе этой идеи всего сильнѣе, по мнѣнію сатирика, въ нашихъ культурныхъ женщинахъ: двѣ-три сценки служатъ ему, быть-можетъ, и нѣсколько одностороннимъ, но, во всякомъ случаѣ, блестящимъ доказательствомъ. Но, переходя къ западной Европѣ, т.-е. къ южной Германіи и Франціи, гдѣ ему привелось жить въ послѣднее время, онъ говоритъ намъ, что тамъ общественные идеалы служенія государственнымъ цѣлямъ точно такъ же фиктивны, и подъ тамошнею государственностью, особенно во Франціи, копошатся едва ли еще не болѣе низменныя побужденія, чѣмъ у насъ. Во всякомъ случаѣ, тамошніе поборники государственныхъ идей и общественныхъ идеаловъ кажутся нашему сатирику проникнутыми мелкою эгоистическою борьбой за „кусокъ пирога“, выражаясь языкомъ щедринскихъ же героевъ. Приведемъ

---

1) „Молва“, 1876 г., № 18.

выводы автора, формулированные вначалѣ двумя общими положеніями:

„Вотъ уже цѣлый годъ, какъ я скитаюсь за границей; сперва жилъ въ южной Германіи, потомъ въ Парижѣ и, наконецъ, въ южной Франціи, и всѣ мои наблюденія сводятся къ слѣдующему: 1) люди культуры видятъ въ идеѣ государственности базисъ для извѣстнаго рода профессіи, дающей или прямыя выгоды, въ видѣ жалованья, или выгоды косвенныя, въ видѣ преміи за принадлежность къ той или другой политической партіи; 2) что массы либо совсѣмъ игнорируютъ эту идею, либо относятся къ ней крайне робко и безалаберно. Я даже не думаю, чтобы массы почувствовали какое-нибудь безпокойство, если бъ, напр., отбываніе воинской повинности—одна изъ существенныхъ прерогативъ государства—было объявлено навсегда упраздненнымъ“.

И затѣмъ, идетъ сначала картина теперешняго политическаго настроенія умовъ въ южной Германіи, гдѣ уже успѣлъ угомониться воинственно-политическій задоръ, вспыхнувшій шесть лѣтъ тому назадъ, а на его мѣсто явилось весьма яркое недовольство современными порядками и почти полное отсутствіе въ массахъ государственнаго чувства. Затѣмъ авторъ переходитъ къ Франціи, гдѣ государственность раздѣляетъ все населеніе на два рѣзкихъ отдѣла: на такъ-называемые *дирижирующіе классы* и на массу управляемыхъ, т.-е. городскихъ пролетаріевъ и крестьянъ. Эти два класса относятся къ государству различно. Правящій классъ совсѣмъ слилъ себя съ государствомъ, но понимая эту связь грубо-эгоистическимъ образомъ. Буржуа, играющіе теперь преобладающую роль, знаютъ, что государство составляетъ для нихъ альфу и омегу существованія, поэтому и проникнуты рѣшимостью стоять за государство, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока этой рѣшимости не будетъ угрожать серіозная опасность. Но, сознавая постоянно возможность найти для себя въ государствѣ защиту и опору, французскій буржуа сдѣлался и самонадѣяннымъ и привередливымъ: онъ пріучился неряшливо относиться къ предмету своего культа, онъ уже не довольствуется тѣмъ, что у него есть государство, вполнѣ его защищающее, онъ начинаетъ разсуждать вкривь и вкось и переходитъ въ своихъ симпатіяхъ отъ одной формы государственнаго уклада къ другой. Этимъ путемъ (по характеристикѣ нашего сатирика) явились и разныя клички буржуазныхъ партій, завязалась взаимная вражда, и, въ концѣ-концовъ, торжествуетъ не государственная, не общественная идея, а сбродъ ловкихъ людей.

„Такимъ образомъ, говоритъ онъ, и государство и все, что до него относится, находится во Франціи, такъ-сказать, *на откупу у буржуазіи.* Что же касается до массъ, то онѣ коснѣютъ въ полномъ невѣдѣніи чувства государственности и въ совершенномъ равнодушіи къ тѣмъ политическимъ пререканіямъ, которыя волнуютъ буржуазію. И здѣсь, какъ и вездѣ, очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. И здѣсь, какъ и вездѣ, государство представляется, исключительно, въ видѣ *усмирителя и сборщика податей, а не въ видѣ убѣжища.* Надъ массами тяготѣютъ два закона: надъ городскими пролетаріями—законъ отчаянія; надъ пролетаріями деревни—законъ безсознательности. Оттого первые, при удобномъ случаѣ, такъ легко ударились въ коммуну [1]; оттого вторые, во время прусской войны, массами бѣжали съ поля сраженія. Первые не понимали, что они разрушаютъ, вторые—что имъ предстоитъ защищать, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, увѣренность что форма правленія безразлична, и что всѣ они имѣютъ въ виду утучненіе, и безъ того тучнаго, буржуа, увѣренность печальная и даже неосновательная, но тѣмъ не менѣе сообщающая самому акту всеобщей подачи голосовъ характеръ чистой случайности".

Такое ясно-выраженное мнѣніе въ высшей степени занимательно для русскаго писателя, развивавшаго постоянно свой беллетристическій талантъ. Необходимо предположить, что г. Щедринъ уже давно подготовлялъ свое гражданское чувство къ болѣе чуткому и глубокому воспріятію всѣхъ печальныхъ сторонъ западной цивилизаціи, иначе, онъ, живя постоянно въ Россіи, ударился бы скорѣе въ поверхностный и слащавый оптимизмъ, неумѣренно бы сталъ преклоняться передъ Европою потому только, что она Европа; не сумѣлъ бы разглядѣть главныхъ болячекъ ея государственнаго и общественнаго строя. Это показываетъ также, что образованный русскій человѣкъ, воспитавшій въ себѣ общественные идеалы, весьма способенъ проникнуть въ самую суть нравственнаго склада какой бы то ни было культуры. Онъ не желаетъ останавливаться на полъ-пути, ему противны компромиссы, онъ наклоненъ къ разоблаченію всякаго рода фальши, всего призрачнаго, пустого, облекающаго только себя въ подобіе настоящей жизни, серіозныхъ интересовъ, честныхъ стремленій.

---

[1] Здѣсь Щедринъ говоритъ, конечно, о парижской коммунѣ, т.-е. контръ-правительственномъ революціонномъ движеніи, разыгравшемся, главнымъ образомъ, въ 1870—71 г. Основнымъ планомъ коммуны въ это время былъ союзъ большихъ городовъ Франціи, при чемъ войска упразднялись, а всѣ граждане вооружались. Однако, у интеллигентныхъ коммуналистовъ и у пролетаріевъ были разныя исходныя точки зрѣнія на задачи коммуны. Коммуна, какъ извѣстно, привела къ розни, безпорядкамъ, государственному разстройству, убійствамъ и кровопролитной борьбѣ. *Н. Д.*

Горькій смѣхъ—не легкій смѣхъ [1]).

„Благонамѣренныя рѣчи". Т. I и II. Соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1876 г.

I.

*) Въ одномъ изъ своихъ дружескихъ писемъ къ Байрону поэтъ Шелли говоритъ: „Я всегда боялся популярности, особенно, въ такомъ обществѣ, какъ наше, — боялся ея, какъ фальшиваго патента, подъ которымъ ловкій лавочникъ сбываетъ съ рукъ гнилой товаръ за хорошій. Популярность

[1]) „Дѣло", 1876 г., 10 кн.

*) Мнѣніе, высказанное Д. И. Писаревымъ о Щедринѣ въ его статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора", осталось для сотрудниковъ и „Русск. Слова" и „Дѣла", издававшихся однимъ и тѣмъ же лицомъ, какъ бы закономъ, и мысль, что Щедринъ забавникъ, пустословъ, хотя и талантливый, стала формулой и отправною точкой для всѣхъ статей о нашемъ сатирикѣ. Эта же невѣрная точка зрѣнія проводится и въ приводимой статьѣ.

Ежемѣсячный учено-литературный и полит. журн. „Дѣло" сталъ издаваться съ половины 1866 г., подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова; онъ же былъ и собственникомъ журнала. Прекратилъ журналъ свое полезное существованіе съ переходомъ въ руки И. С. Дурново, погубившаго органъ неумѣлымъ веденіемъ и неопредѣленностью программы.

Благосвѣтловъ былъ однимъ изъ тѣхъ семинаристовъ, которые, съ легкой руки Добролюбова и Чернышевскаго, стали во главѣ литературнаго движенія 60-хъ годовъ. Благосвѣтловъ, сынъ священника (дѣдъ его, дьячокъ, повѣшенъ Пугачевымъ), учился въ Саратовской семинаріи и былъ товарищемъ Н. Г. Чернышевскаго, а затѣмъ въ Спб. университетѣ. Съ 1856 г. жилъ за границей, гдѣ близко сошелся съ Герценомъ. Сотрудничалъ сначала въ „Отечеств. Зап.", а въ 1860 г. основалъ свой журналъ „Русск. Слово", гдѣ и сотрудничалъ Писаревъ. Въ 1866 г. журналъ прекращенъ по Высочайшему повелѣнію за „оправданіе революціонныхъ движеній народныхъ массъ, враждебное сопоставленіе неимущихъ классовъ общества съ собственниками; распространеніе соціалистическихъ понятій; выставленіе воровства въ значеніи труда и свойства неизбѣжныхъ послѣдствій нынѣшнихъ условій гражданскаго быта"; журналъ обвинялся еще въ „отверженіи понятія о бракѣ", въ „стремленіи поколебать авторитетъ христіанской религіи оправданіи и дальнѣйшемъ развитіи коммунистическихъ теорій; косвенное возбужденіе къ осуществленію этихъ теорій на практикѣ" и т. д. За это

писателя часто покупается цѣною самыхъ лучшихъ его стремленій, независимости его идей и чувствъ. Чтобы добиться ея, онъ долженъ отказаться отъ самого себя и весь принадлежать толпѣ; ея вкусы и требованія вполнѣ подчиняютъ себѣ его личные взгляды и симпатіи. Какъ актеръ, онъ долженъ плакать или смѣяться не тогда, когда ему хочется, а когда аплодируетъ ему публика. Онъ не болѣе, какъ отголосокъ ея, слуга и рабъ ея капризовъ и желаній. Еще шагъ впередъ—и онъ падаетъ до уровня ея, онъ нравственно умираетъ. Вотъ почему всѣ лучшіе наши писатели никогда не пользовались популярностью при жизни, и слова ихъ во мнѣніи потомства были тѣмъ выше, чѣмъ меньше значенія они имѣли въ глазахъ современниковъ. Ихъ дикій свистъ былъ предвѣстникомъ рукоплесканій другого поколѣнія, другого міра. Это грустно, но это такъ вѣрно и для насъ съ вами такъ поучительно". Въ этихъ словахъ англійскаго поэта столько же горькой ироніи, сколько глубокаго смысла. Популярность еще не выражаетъ достоинства писателя, точно такъ же, какъ самый достойный писатель не всегда бываетъ популяренъ. Есть и такіе литературные періоды, когда быть популярнымъ гораздо хуже, чѣмъ непопулярнымъ, когда извѣстность имени создается его полнѣйшимъ униженіемъ. Это мы знаемъ и по себѣ; многія популярности нашего времени такого сорта, что едва ли кто рѣшится позавидовать имъ... Но, какъ бы то ни было, популярный писатель всегда по плечу тому обществу, которое его любитъ и читаетъ; она не выше и не ниже его, а стоитъ именно на одинаковомъ уровнѣ съ нимъ. Его достоинства и недостатки отражаются въ немъ вполнѣ, такъ-что, по пословицѣ, это шапка — по Сенькѣ. Сатира Щедрина какъ-разъ отвѣчаетъ требованіямъ и степени развитія своей публики, и въ этомъ весь секретъ ея популярности и вліянія, вся сила производительности и энергіи его таланта.

журналъ получилъ три предостереженія, и въ 1866 г. былъ пріостановленъ. Послѣ закрытія „Русск. Слова" Благосвѣтловъ сталъ издавать „Дѣло", хотя имя его, какъ издателя-редакт., не значилось въ журналѣ, а номинально былъ имъ извѣстный публицистъ Н. И. Шульгинъ.

Въ 1881 г. „Дѣло", за смертью Благосвѣтлова, перешло къ его наслѣдникамъ и издавалось подъ редакціей Н. В. Шелгунова. Съ 1883 г. журналъ переходитъ въ руки К. М. Станюковича и начинаетъ быстро падать.

Прим. Н. Денисюка.

Литературная критика не обходила своимъ вниманіемъ Щедрина; она указала на художественную и на общественную сторону его сатиры, она опредѣлила мѣру его дарованія, и лучшіе представители ея въ этомъ отношеніи не расходились въ своемъ окончательномъ приговорѣ. Лѣтъ двѣнадцать назадъ была сдѣлана оцѣнка Щедрина, и до сихъ поръ сохранившая всю свѣжесть правды [1].

Въ эти двѣнадцать лѣтъ Щедринъ окрѣпъ и установился; силы его настолько опредѣлились и выяснились, что никакой критикѣ его не измѣнить и не передѣлать, и какимъ онъ былъ, такимъ онъ и останется. Слѣдовательно, къ Щедрину нужно относиться, какъ къ извѣстному, непреложному факту, взглянуть на него въ связи съ тѣмъ обществомъ, для котораго онъ пишетъ, надъ которымъ онъ сатиризируетъ и смѣется, а въ самомъ Щедринѣ видѣть естественный продуктъ сформировавшей его среды и вѣрное отраженіе ея общественнаго темперамента.

Что же касается негодованія этого невиннаго юмора, то мы можемъ только сказать, что блаженъ тотъ, кто сохранилъ въ себѣ способность возмущаться не ближнимъ, а самимъ собой, кто умѣетъ возмущаться всякой мерзостью и глупостью, гдѣ бы и въ комъ бы онъ ихъ не встрѣтилъ. Но гдѣ эти люди? Много утекло воды съ тѣхъ поръ, когда мы, бывало, критически относились къ себѣ, каялись и возмущались своими недостатками.—То было лганье, въ повальности котораго теперь укоряетъ насъ Щедринъ; но тогдашнее лганье было все-таки лучше нынѣшняго. Теперь негодованіемъ никого не заразишь, и мы, самодовольные, желаемъ только смѣха, а отъ смѣха требуемъ только пріятнаго развлеченія. Въ этомъ отношеніи Щедринъ какъ нельзя лучше попадаетъ въ общій тонъ. Но скажите, надъ кѣмъ вы смѣетесь? Надъ собой смѣетесь.

II.

Когда-то по Россіи путешествовалъ сербъ Крижаничъ. Это былъ человѣкъ европейски-образованный, и потому, что онъ отозвался нелестно о нашемъ обществѣ и тогдашнемъ правительствѣ, съ нимъ поступили вовсе не гостепріимно.

[1]) Здѣсь авторъ говоритъ о статьѣ Писарева - „Цвѣты невиннаго юмора“. *Ред.*

До-петровская Русь, гордая не дѣйствительною своей силой, а своимъ самомнѣніемъ, упорная въ отрицаніи всего европейски-прогрессивнаго, но не въ отрицаніи своихъ съ вѣками унаслѣдованныхъ безобразій, не могла простить Крижаничу, рѣшившемуся назвать насъ народомъ коснаго ума и жестокихъ нравовъ. Она заставила его замолчать грубою силой, и слѣды этой умственной нетерпимости, этого безотчетнаго самомнѣнія остались въ насъ и до сихъ поръ. Мы не прочь посмотрѣть на весь міръ, какъ на подножіе своего величія, возложить на себя великую миссію цивилизаторовъ востока и наставниковъ запада. Европа! Но что такое Европа для насъ?.. И начинается самовосхваленіе той же до-петровской Руси, только подъ другимъ соусомъ, и огульный смѣхъ надъ всѣмъ,—и надъ тѣмъ, что̀ достойно осмѣянія, и надъ тѣмъ, что̀ вовсе не заслуживаетъ его. Въ этомъ безсознательномъ юморѣ, въ этомъ смѣшеніи понятій, гдѣ здоровая патріотическая идея укладывается рядомъ съ мальчишескимъ задоромъ, свѣтлая критическая мысль съ мрачнымъ самодурствомъ, не знаешь, на чемъ остановиться, чего держаться—до того все пестро и спутано въ борьбѣ одного отжившаго міросозерцанія съ другимъ, еще не успѣвшимъ размежевать своихъ границъ со старымъ наслѣдственнымъ воззрѣніемъ. Прочитайте Щедрина, начиная съ его *Невинныхъ разсказовъ* до послѣдняго очерка, который онъ печатаетъ теперь,—прочитайте и вы узнаете самого себя. Да, вы отражаетесь въ Щедринѣ и Щедринъ—въ васъ. Въ каждомъ его словѣ чувствуется, повидимому, самое отчаянное отрицаніе, злой смѣхъ, безжалостный сарказмъ; но вчитайтесь въ него поглубже, да посмотрите на себя безпристрастнѣе, и вы увидите, что во всемъ этомъ отрицаніи нѣтъ никакого отрицанія, что въ искусственномъ желчномъ смѣхѣ нѣтъ ни капли искренняго негодованія. Ни смѣхъ, ни кажущееся ѣдкое слово сатиры не выражаетъ въ себѣ никакого активнаго протеста. Все это отрицаніе разрѣшается веселымъ смѣхомъ ради одного добродушнаго смѣха. Передъ вами, точно въ „Сандрильонѣ“ проходитъ церемоніальнымъ маршемъ цѣлая галлерея презабавныхъ карикатуръ, уморительныхъ уродцевъ; вы отдаетесь первому впечатлѣнію и отъ души хохочете. Но за первымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ анализъ, и вы ставите вопросъ; почему же это смѣшно и карикатурно? И дѣйствительно ли это такъ смѣшно, какъ

показалось съ перваго взгляда? Когда въ смѣхѣ есть мысль, когда за нимъ скрывается положительная идея, тогда человѣкъ, смѣясь, понимаетъ, а понимая, онъ знаетъ, что ему дѣлать. Если же въ смѣхѣ нѣтъ ни ясно сознаваемой мысли ни цѣли, онъ дѣлается искусствомъ для искусства, сатирической солью безъ сатирическаго содержанія. Но какую мысль, какую идею находитъ читатель за смѣющеюся сатирой и за ея бичомъ? Читатель только пріучается играть въ жгуты и хлестать направо и налѣво, хлестать встрѣчнаго и поперечнаго, не понимая, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ это дѣлаетъ. И, занимаясь этимъ хлестаньемъ, читатель, вмѣстѣ съ сатирикомъ, бьетъ безъ пощады другихъ и очень нѣжно оберегаетъ свою особу. И вотъ свершается повальное бичеванье: каждый дуетъ другого, каждый гогочетъ, а для чего онъ дуетъ, изъ-за чего онъ гогочетъ—не знаетъ этого ни самъ читатель, ни самъ сатирикъ, который вложилъ ему въ руки бичъ и научилъ его смѣяться надъ всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Говорятъ, что сатира процвѣтаетъ только въ моментъ высшаго упадка нравственности и общественныхъ идей. Когда въ древнемъ мірѣ все сгнило и расшаталось, и общественный порядокъ зависѣлъ отъ произвола ничтожной горсти преторіанцевъ, безсиліе лучшихъ людей выразилось въ сатирическомъ смѣхѣ. Лучшимъ людямъ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ смѣяться надъ тѣмъ, чего они измѣнить не могли. Смѣхъ этотъ былъ смѣхомъ болѣзненнаго, истрадавшагося безсилія. Это былъ смѣхъ сквозь слезы, смѣхъ, отъ котораго ныла душа. И такъ бывало не въ одномъ древнемъ мірѣ. Сатира процвѣтала въ тѣ эпохи, когда не было положительной дѣятельности, когда жизнь давила, а силы противъ нея ни у кого недоставало. И вотъ люди поневолѣ смѣялись, какъ смѣется горе, когда оно не видитъ себѣ выхода. Конечно, лучше смѣяться, чѣмъ плакать. Но когда смѣхъ холодитъ, когда онъ только рѣжетъ ухо, когда въ немъ нѣтъ ни мысли ни идеи,—онъ производитъ разслабляющее и деморализирующее вліяніе. Смѣхъ этотъ отучаетъ видѣть въ человѣкѣ человѣка, онъ вамъ рисуетъ одну повальную, всеобщую глупость, онъ васъ выдѣляетъ изъ людей и уводитъ въ самый крайній индивидуализмъ. И къ чему эти проповѣди объ общественномъ интересѣ, когда каждый сторонится отъ другого, тычетъ

ему пальцемъ въ лобъ и пріучается самоувѣренно одного себя считать непогрѣшимымъ! Такой смѣхъ, чѣмъ онъ заразительнѣе, тѣмъ хуже, чѣмъ ядовитѣе, тѣмъ вреднѣе. Онъ окрашиваетъ ложнымъ свѣтомъ какъ фонъ сатирической картины, такъ и ея второстепенныя детали: онъ закрываетъ отъ васъ все то, что́ даетъ чувству содержаніе и возводитъ это содержаніе въ идею.

III.

Щедрина укоряютъ въ томъ, что его сатира не ясна. Еще бы смѣху быть яснымъ, когда смѣхъ не щадитъ никого и переходитъ въ какое-то платоническое сладострастіе.

Въ обращеніи къ читателю, обращеніи, служащемъ вмѣсто введенія, дается туманный очеркъ „простеца", возведеннаго въ обобщеніе. „Простецъ"—это наша повальность, это что-то неосмысленное, затвердившее азбучные афоризмы, съ которыми „простецъ" суется и по нимъ регулируетъ всю свою жизнь. „Простецъ",—это тотъ же „рукосуй", подъ видомъ котораго мы, вмѣстѣ съ Щедринымъ, въ „Исторіи одного города" надсмѣялись надъ всею Россіей. „Простецъ", какъ и „рукосуй", ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, не имѣетъ никакого понятія о самозащитѣ и, когда съ нимъ случится что-нибудь необыкновенное и выбьетъ его изъ будничной колеи, онъ видитъ себя, какъ въ лѣсу. „Простецъ"—это какая-то непроходимая тупость, жалость и безпомощность. „Онъ не можетъ сказать себѣ: устрою свою жизнь по-новому, — потому, что онъ весь опутанъ афоризмами, и нѣтъ для него другого выхода, кромѣ изнурительнаго маяченья отъ одного афоризма къ другому. Онъ никогда ничего не ждалъ, ни къ чему не готовился. Онъ самый процессъ собственнаго существованія выносилъ только потому, что не понималъ ни причинъ ни послѣдствій своихъ и чужихъ поступковъ. И вдругъ для него наступаетъ моментъ какой-то загадочной ликвидаціи, въ которой онъ ровно ничего не понимаетъ. Жена сбѣжала съ юнкеромъ, сосѣдъ завладѣлъ полемъ, другъ оказался предателемъ.—Что случилось?—въ смущеніи спрашиваетъ онъ себя;—не обрушился ли міръ? не прекратила ли свое существованіе преданіемъ завѣщанная мудрость?—Но и міръ и общественная мудрость стоятъ неприкосновенные и нисколько не тронутые тѣмъ, что въ

ихъ глазахъ гибнетъ простецъ, котораго бросила жена, которому измѣнилъ другъ, у котораго сосѣдъ отнялъ поле. Ничто не измѣнилось кругомъ, ничто не прекратило обычнаго ликованія, и только онъ, злосчастный простецъ, тщетно вопіетъ къ небу о побѣгѣ жены съ юнкеромъ, съ тѣмъ самымъ юнкеромъ, который при немъ столько разъ и съ такимъ искреннимъ чувствомъ говорилъ о святости семейныхъ узъ!“

Простецъ, надъ которымъ стряслась бѣда, даже не въ состояніи задуматься надъ ея причинами, а только чувствуетъ себя несчастнымъ. Несчастіе, правда, вызываетъ въ немъ протестъ, но это какой-то подавленный и смутный протестъ. Простецъ мечется, какъ въ предсмертной агоніи, онъ предпринимаетъ тысячу разныхъ выходовъ, одинъ нелѣпѣе и безсильнѣе другого, и попеременно клянется то отомстить своимъ обидчикамъ, то самому себѣ разбить голову. Это единственный практическій результатъ, къ которому приходитъ самый выносливый изъ „простецовъ“, и, когда ему случается подумать хотя разъ въ жизни, въ хаосѣ его понятій является только раздраженіе.

Если жизнь „простеца“ не настолько интересна, чтобы вникать въ нее и сожалѣть о ней, если „простецъ“ не больше, какъ незамѣтная тля, то, вѣдь, имя этой тли—легіонъ. „Простецъ“, по словамъ сатиры, нарождается безпрерывно, какъ тля, которой онъ служитъ представителемъ въ человѣческомъ обществѣ.

„Ахъ какъ мы просты!“—твердятъ повсюду сами „простецы“,—народъ сталъ слабъ, нѣмецъ насъ одолѣлъ, долитъ нѣмецъ да и шабашъ! Крестьянъ Иванычъ скупаетъ у помѣщиковъ рощи; Ѳедоръ Карлычъ покупаетъ деревни; Абрамъ Абрамычъ устраиваетъ фабрики Иванъ Карлычъ снимаетъ монастырскія озера, а русскіе нынче только кабаками занимаются“. И, замѣтивъ этотъ фактъ, сатирикъ заливается своимъ холоднымъ и безотчетнымъ смѣхомъ. Но надъ кѣмъ онъ смѣется тутъ—ничего не поймешь. „Еще ударъ чувствительному сердцу! еще язва для оскорбленнаго національнаго самолюбія! Иванъ Парамоновъ! Сидоръ Терентьевъ! Антипъ Егоровъ! Столпы, на которыхъ утверждалось благополучіе отечества! Вы, въ три дня созидавшіе и въ три минуты разрушавшіе созданное! Гдѣ вы? Гдѣ мрежи, которыми вы уловляли вселенную? Ужели и онѣ лежатъ,

заложенныя въ кабакѣ, и ждутъ покупателя въ лицѣ Ивана Карлыча? Ужели и ваши таланты, и ваша удача, и ваше „небось"—все, все погибло въ волнахъ очищенной?"

Вездѣ, гдѣ бы вы ни были, черезъ девять словъ на десятое вы услышите: „Ужъ какъ нынче народъ слабъ сталъ!" Повторяетъ это и вельможа въ раззолоченныхъ палатахъ, и кабатчикъ за стойкой, и земледѣлецъ за сохой, хозяйка постоялаго двора, ямщикъ; всякій только и твердитъ: „Ужъ какъ нынче народъ слабъ сталъ!" Заѣхали ли вы на постоялый дворъ и завели разговоръ объ огородничествѣ, жена содержателя двора говоритъ вамъ: „Нѣтъ, ужъ нынче прежней обощи".—„Отчего же? земля, что ли, отощала?"—„Нѣтъ, и не земля, а народъ нынче слабъ сталъ, ахъ какъ нынче слабъ народъ!" Затѣмъ, приходитъ хозяинъ съ покоса и сообщаетъ вамъ, что „прежде паръ триста пѣуновъ отправлялъ, а прошлою зимой и ста паръ не выходилъ".—„Невыгодно, что ли?"—„Выгода-то есть, да птицы нынче совсѣмъ не стало".—„Отчего жъ?"—„Да оттого, что народъ сталъ слабъ".

Ямщикъ встрѣтилъ пастуха. „Ты что-же отъ насъ ушелъ, Мартынъ?"—„У васъ дверей у кабаковъ больно много."—„А ты бы не во всякую попадалъ".—„Да, убережешься у васъ! да развѣ я одинъ? Нынче ужъ такъ народъ слабъ сталъ, ужъ такъ слабъ!" вторятъ и ямщикъ, и хозяинъ, и всякій.

И послѣ картины: „Какъ мы слабы! какъ спился народъ! какъ все погибло въ волнахъ очищенной, какъ вездѣ только расплодились кабаки да кабатчики, какъ русскіе только кабаками занимаются, а прочее все къ нѣмцамъ отошло", вамъ показываютъ другую картину,—картину, въ которой мы оказываемся „такъ просты, такъ просты!", картину, въ которой тычутъ всѣхъ насъ пальцемъ въ лобъ и говорятъ: „какъ вы просты, какъ вы просты!" Какъ въ первой картинѣ вы увидите только пьяницъ, такъ здѣсь вы увидите только дураковъ. Всѣ разговоры, всѣ разсказы о случаяхъ и дѣлахъ, только одинъ безконечный возгласъ: „Очень вы ужъ просты, ахъ какъ просты!"

Разговариваютъ чиновники на крылечкѣ одинокаго домика: „А вѣдь хозяинъ-то проигралъ дѣло!"—„Что ты?"—„Проигралъ, это вѣрно, дуракъ—ну, и проигралъ. Потому и кошель одѣлъ на плечи, что дуракъ. Дуракъ и больше ничего..." И въ темнотѣ раздается: „дур-р-ракъ!"

У сосѣдняго домика смѣхъ и визгъ. На крыльцѣ сидятъ мужчина и женщина. „Этакой случай былъ—и упустилъ. Дуракъ!“—„Да ты знаешь ли, дура, чѣмъ Сибирь пахнетъ?“—„Для дурака, куда ни оглянись, вездѣ Сибирь,—дуракъ!“ И въ темнотѣ раздается вновь: „дуракъ...“

На улицѣ играютъ дѣвочки. „Не въ десятый разъ мнѣ горѣть!“—„Ты, дура, ты и гори!“ Слышатся возгласы: дура, дура! „Цыцъ, паскуда!“ раздается съ крыльца. Шумъ смолкаетъ, горѣлки продолжаются, и безмолвіе нарушается только крикомъ: „дура!“

На крыльцѣ бесѣдуютъ двѣ сибирки. „А ужъ какую аферу сдѣлалъ нынче нашъ хозяинъ! Какъ онъ продалъ партію сѣмени Семену Архипычу“.—„Дуракъ!“—„Нѣтъ, ты вообрази...“ — „Дуракъ!“ — „Нѣтъ, ты...“ — „Дуракъ! дуракъ! дуракъ!“

Станція желѣзной дороги. Въ залѣ третьяго класса, на полу и на скамьяхъ сидятъ и лежатъ мужики.—„И какъ же онъ его нагрѣлъ!“ восклицаетъ кто-то въ одной группѣ.—„Дуракъ!“—„Дуракъ и есть“.—„Ха-ха-ха!“—„Нѣтъ, ты слушай, какъ онъ нѣмца объегорилъ!“ говорятъ въ другой группѣ.—„Просты еще насчетъ этихъ дѣловъ нѣмцы!“—„Просто, дураки!“

— „Ловко онъ тебя объѣхалъ!“ говорится въ четвертой группѣ. „Однако, простъ, вѣдь, и ты!“—„Чего простъ, совсѣмъ дуракъ!“

— „Такъ онъ меня измучилъ, такъ надо мною насмѣялся“, говоритъ одна барыня.—„Очень ужъ вы просты, сударыня!“

— „Дуракъ, разиня!“ объясняетъ жандармъ растерявшемуся передъ нимъ малому. И, какъ перекрестный огонь, раздается повсюду: дуракъ! простофиля! ѳалалей!

Вагонъ второго класса. Чистенькій старичокъ разговариваетъ съ мужчиной въ цилиндрѣ и щегольскомъ пальто. Разсказъ идетъ о томъ, какъ Балясины состояніе пріобрѣли, и какъ они объегорили Скачкова. „Чего простъ! одно слово, дуракъ! дуракъ, какъ есть скотина!—„Что же такое Скачковъ?“—„Ду-р-ракъ“.—„А что у нихъ за исторія съ мужемъ была!“—„Съ дуракомъ-то?“

Станція Александровская. Поѣздъ стоитъ десять минутъ. Половой дуетъ въ стаканы и вытираетъ ихъ полотенцемъ.—„Да ты что такъ чистишь стаканы?“—„Будутъ и такъ пить, дураки“.

Поѣздъ тронулся. Сидятъ два купчика съ бородами и въ сибиркахъ.—„А вы знали Сашку? бывало, Сашка да Сашка! Сашка, рыло вымой! Сашка, сбѣгай туда! а теперь смотри-ка какой домъ на Волхонкѣ взбодрилъ! Вотъ ты и думай съ ними!"—„Да, вѣдь, и Бакулинъ-то простъ!" — „Чего простъ! дуракъ, какъ есть!"

— „А нашъ хозяинъ геніальный", говоритъ одинъ приказчикъ другому и разсказываетъ, какъ онъ надулъ брата.— „Дуракъ! Поэтому, если мы дураковъ учить не будемъ, то намъ самимъ на полку зубы класть придется". И опять повсюду слышится только: „дуракъ! дуракъ! дуракъ!.."

IV.

И какія бы ни представлялись кажущіяся различія въ характерахъ, наружности, положеніяхъ, — все сводится къ одному: дуракъ и простецъ! Это какая-то Вальпургіева ночь, гдѣ всѣ другъ-друга обзываютъ дураками, гдѣ всѣ глупы, страшно глупы; глупъ и простецъ, — это тля, которой имя легіонъ. Но почему же простецъ только тля? Правда, онъ глупъ и безсознателенъ. Когда жена его сбѣжитъ съ юнкеромъ, онъ только дѣлаетъ круглые глаза. Когда его объегорятъ, онъ начинаетъ ежиться. Но простецъ и дуракъ, эта тля, которой имя легіонъ,—въ то же время и хищникъ: онъ норовитъ повсюду сорвать и вырвать, и только подвернись случай, онъ изъ Антошки превращается немедленно въ Дерунова.

Если бы мы писали критическую статью и говорили о Щедринѣ, собственно, какъ о художникѣ, мы провели бы параллель рисуемыхъ имъ характеровъ, и читатель увидѣлъ бы, насколько всѣ герои *Благонамѣренныхъ рѣчей* вылѣплены изъ одной и той же глины. Если въ нихъ и можно усмотрѣть какую-нибудь разницу, то развѣ только количественную, но не качественную. Въ одной фигуркѣ поменьше глины или растворъ пожиже, въ другой всего этого побольше или тѣсто погуще, но рука мастера остается одной и той же, и характеръ рисунка и лѣпка не измѣняются. Въ фигуркахъ *Благонамѣренныхъ рѣчей* вы видите также одинъ и тотъ же рѣзецъ, какъ въ памятникахъ Микѣшина. У Микѣшина главную роль играетъ всегда самоваръ—круглое тѣло, служащее основаніемъ, и вся разница въ томъ

что около одного самовара больше мужчинъ, около другого больше женщинъ, но всегда этотъ самоваръ на слащавой бомбоньеркѣ. Въ фигурахъ Щедрина этой слащавости нѣтъ. Тутъ чувствуется верховое, презрительное, объективное отношеніе, точно лѣпщикъ, взявшись лѣпить фигурку, уже заранѣе ее ненавидитъ. Онъ лѣпитъ и бьетъ ее по щекамъ, бьетъ и хохочетъ, хохочетъ холодно, злорадно, точно самъ радуется своей собственной злости.

Вылѣпитъ онъ носъ,—дастъ въ него щелчокъ и захохочетъ; вылѣпитъ лобъ, ткнетъ въ его пальцемъ и опять захохочетъ; вылѣпитъ щеки, отдуетъ ихъ справа и слѣва, и опять тотъ же неистовый хохотъ! Такъ вамъ и слышится, какъ лѣпщикъ бьетъ свою фигурку по щекамъ и приговариваетъ: „эка рожа, эка глупая рожа!" и опять хохотъ, хохотъ безконечный, язвительный и холодный хохотъ, доходящій до болѣзненности, до судорогъ, хохотъ, заражающій и васъ какимъ-то бездушнымъ и безотчетнымъ смѣхомъ, послѣ котораго у васъ остается только болѣзненное ощущеніе щекотанья. Взглянемте на кабинетъ фигурокъ.

Послѣ „обращенія къ читателю", приглашающаго васъ въ мастерскую, лѣпщикъ говоритъ вамъ: „я покажу вамъ простецовъ, глупыхъ, безсознательныхъ", и, въ видѣ эпиграфа къ рекомендаціи, прибавляетъ:

Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Вотъ пароходная пристань и хозяинъ трактира. Молва не любитъ этого человѣка и называетъ его воромъ и кровопійцей. Онъ соблазнилъ жену своего хозяина и вмѣстѣ съ ней обокралъ его. За это онъ судился и оставленъ въ подозрѣніи. Слѣдуетъ пощечина и смѣхъ!

Вотъ Сергѣй Ивановичъ Колотовъ, исправникъ и бюрократъ новѣйшаго закала. Это—Держиморда, приглаженный, выправленный, подчищенный, готовый во всякое время и отца родного съ кашей съѣсть и самому себѣ въ глаза наплевать. Опять пощечина и смѣхъ!

Вотъ длинная и тонкая фигура, полинялая и износившаяся, очень узкая въ кости, съ маленькою головкой, безъ подбородка, съ крошечнымъ остаткомъ волосъ на вискахъ и затылкѣ. Это—отставной капитанъ Никифоръ Петровичъ Терпибѣдовъ. Послѣ крѣпостного права онъ

точно канулъ куда-то, но не погибъ, а всталъ безкорыстно на стражѣ общественной безопасности и занимается доносами. Пощечина и смѣхъ!

Вотъ отецъ Арсеній, запрещенный попъ. Перемѣнилъ до двадцати приходовъ въ свою жизнь; нигдѣ не уживался, кляузничалъ и за кляузы отставленъ. Онъ и теперь занимается кляузами и политическими доносами и стоитъ на стражѣ общественной нравственности. Пощечина и хохотъ!

Вотъ Николай Батищевъ. А вотъ его маменька, тоже Коробочка, но съ великосвѣтскимъ, аристократическимъ пошибомъ. Это—смѣсь какой-то душевной мерзости, безвѣрія съ набожностью, душевнаго хамства съ наружнымъ достоинствомъ и неисходной жадности къ деньгамъ. Щелчки въ носъ и хохотъ!

А вотъ Осипъ Ивановичъ Деруновъ, большая, массивная фигура, какимъ вы себѣ представляете Овсянникова. Человѣкъ этотъ взялъ засиліе, и засиліе его чувствуется во всей его фигурѣ; вообще, сановитый и даже щеголеватый. Но это снохачъ, кровопійца и разбойникъ, какъ и первая фигура кабинета, Пантелей Егоровъ, соблазнившій чужую жену, и о которомъ молва говоритъ, что онъ не только ограбилъ, но и отравилъ ея мужа. Пощечина и хохотъ!

Вотъ старшій сынъ Дерунова, Николай. Парень съ понятіемъ. Онъ пока маленькій и тоненькій, потому что не вошелъ въ силу, смотритъ ласково своими голубыми глазами и улыбается такъ же пріятно, и такіе же у него вьющіеся каштановые волосы, какіе у отца его, когда онъ былъ молодъ. Но въ немъ уже намѣтился будущій кровопійца и снохачъ, намѣтился будущій Овсянниковъ, которому ни почемъ сжечь все, что вы хотите, не только мельницу, но, пожалуй, и живого человѣка. И опять пощечина, и опять хохотъ!

Вотъ Яковъ Осипычъ, младшій сынъ, съ женой котораго живетъ Деруновъ и о которой снохачъ говоритъ: „Такъ она мнѣ пріятна, пріятна и покорна, и къ дому радѣльна, словомъ сказать, для родителевъ лучше не надо“. Пощечина и хохотъ!

Вотъ жена Якова Осипыча, Марья Потапьевна, красивая, мясистая, но глупая баба, къ которой, какъ мухи къ меду, льнутъ штатскіе и военные бѣлошапошники, чувствующая себя, какъ сыръ въ маслѣ, въ обществѣ сквернослововъ. Тыканье пальцемъ и хохотъ!

Вотъ приказчикъ Тихонъ Ивановичъ, по прозванію Заяцъ. Онъ маклеритъ и надуваетъ своего хозяина и готовъ продать его за закуску въ трактирѣ.

Вотъ другой приказчикъ купца Владыкина—Филиппъ Ильичъ. Онъ продаетъ своего хозяина за пуншъ.

Вотъ еще приказчикъ, Павелъ Ѳомичъ, такой же христопродавецъ, но только съ амбиціей. Скажите ему: „Деруновъ, молъ, Осипъ Ивановичъ пять тысячъ давалъ",—сейчасъ онъ шесть тысячъ отвалитъ.—Аршинники, аршинники!

Вотъ Антошка, подлецъ и христопродавецъ. Онъ гнулся, пока не обобралъ генерала Утробина, а теперь зоветъ его „гнилою колодою". Началъ Антошка тѣмъ, что никакъ не могъ выбиться изъ колеи мелкаго торгаша-зазывателя и облопошивателя. Но вотъ, подвернулся случай, и онъ вышелъ Антономъ Валерьяновичемъ Стрѣловымъ.

Вотъ генералъ Павелъ Петровичъ Утробинъ. Служилъ онъ нѣкогда губернаторомъ: обсадилъ почтовыя дороги березками, выстроилъ почтовыя станціи съ иголочки, хлѣбные запасные магазины пополнилъ, недоимки взыскалъ, выписалъ для губернскаго города новую пожарную трубу, а для типографіи новый шрифтъ. Поселившись въ усадьбѣ, онъ обзавелся шустрою поповной, затѣмъ попалъ въ руки Антошки, который обобралъ его совсѣмъ.

А вотъ, сынъ Павла Петровича, Петенька. Это тотъ же Коленька Батищевъ. Бывши въ 1860—61 году прогрессистомъ, въ 1862 году онъ поглядывалъ по сторонамъ и обнюхивалъ, чѣмъ пахнетъ, а въ 1863 году прямо объявилъ себя консерваторомъ. Петенька вознамѣрился сообщить блескъ фамиліи Утробиныхъ, какъ это вздумалъ сдѣлать и Коленька. Петенька уже въ школѣ смотрѣлъ государственнымъ младенцемъ, теперь же, въ 35 лѣтъ, онъ нешутя мнилъ себя государственнымъ человѣкомъ. Петенька и Сережа, и Ѳедя и Коленька собирались, по извѣстнымъ днямъ, въ ресторанъ Бореля и за изящнымъ обѣдомъ разсматривали текущія государственныя распоряженія и развивали ихъ въ государственные вопросы. Въ заключеніе, компанія отправлялась въ циркъ или въ театръ Буффъ. Одинъ только червь подъѣдалъ Петеньку Утробина: онъ по-уши погрязъ въ долгахъ. Петенька, подобно Антошкѣ, выуживаетъ всѣми средствами деньги отъ отца и не хуже Антона Валерьяновича готовъ пустить своего папеньку по міру. Для этого онъ снюхался

съ Антономъ Валерьяновичемъ и продалъ ему родного отца, съ землей, на которую давно зарился Антошка, за 20,000 рублей. Черезъ шесть мѣсяцевъ были предъявлены старику генералу четыре документа. Генералъ призналъ ихъ подлинными, приступили къ описи и оцѣнкѣ Воплина, и вечеромъ того же дня генералъ лежалъ въ своей спальнѣ, разбитый параличомъ. Щелчки и хохотъ!

Вотъ цѣлая группа Антошекъ, Хрисашекъ, юркихъ, находчивыхъ, бойкихъ, христопродавцевъ и душителей, готовыхъ, какъ и Петенька Утробинъ, выпустить въ трубу родного отца и родную мать. Ихъ дѣло схватить за горло, утащить и надуть. Они извели всѣ лѣса, истощили всѣ поля, выловили повсюду рыбу, построили вездѣ кабаки, вездѣ растянули свои сѣти и ловятъ въ нихъ простецовъ и слабыхъ. Завели они повсюду такой порядокъ, что постоянный человѣкъ между этихъ дошлыхъ пропадетъ; они окружатъ его такъ, что нигдѣ онъ не найдетъ ни расчета, ни суда, такъ-что постоянный человѣкъ подумаетъ да махнетъ рукой. Зачѣмъ, скажетъ постоянный, работать, когда обманомъ да колотырничаньемъ жить можно. И вотъ всѣ они колотырничаютъ да обманываютъ. И вотъ кто умнѣе, набьетъ себѣ мошну, сдѣлается Деруновымъ, а кто поглупѣе таскается по кабакамъ и пьетъ смертную. Щелчки и смѣхъ!

Вотъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ усадьбъ. И надъ каждою, точно вороны, летаютъ разные прожженые и вырываютъ другъ у дружки куски. Они забрали и земли помѣщичьи, и мельницы, и скотные дворы. Придетъ какой-нибудь Хрисашка, въ карманѣ ни гроша, но насядетъ ворономъ, заберетъ въ руки какого-нибудь Гололобова, сначала высмотрѣвъ его хорошенько, потомъ,—какъ Антошка расправился съ генераломъ Утробинымъ,—спуститъ все до нитки, скотину выпродастъ, стройку сгноитъ, поля выпашетъ, даже кирпичъ какой есть и тотъ вывезетъ. И никому ничего не жаль; всякій ищетъ какъ бы сорвать сейчасъ, сію минуту, и вмѣсто прежнихъ палестинъ, гдѣ прежде цвѣло довольство и изобиліе, стоятъ разоренные дома, безъ оконъ. Опять щелчки и смѣхъ!

Вонъ женская фигура.—Это Меропа Петровна Кучеравина, по прозванью сахарница, потому что любитъ обсахарить всякаго мужчину. У нея погостить—все равно,—что побывать въ Москвѣ, на Дербеновкѣ. Тамъ побывать, такъ тебя оберутъ, а она тебя напоитъ да вексель подсунетъ.

Волга. По одну сторону паромъ; на противоположной идетъ суета, нагружаются и разгружаются воза съ кладью. Воздухъ насыщенъ сквернословіемъ. Между переправляющимися па паромѣ идетъ оживленный разговоръ. „Сапогъ въ заминкѣ“, говоритъ одинъ голосъ.—„Сердитыя времена настали!“ отзывается другой.—„Сочти, сколько теперь народу безъ хлѣба осталось!“—„Что это случилось, что здѣшній сапогъ остановился?“—„Аршавскій сапогъ въ ходъ пошелъ, а отъ начальства поддержки нѣтъ“.—„А вы бы не фальшили“.—„Бренчишь ты, словно балалайка, а ничего въ нашемъ дѣлѣ не смыслишь: у насъ колесо-то съ какихъ поръ заведено“. И въ концѣ-концовъ оказывается, что варшавскій сапогъ истребить надо, а стариннымъ сапожникамъ слѣдуетъ предоставить вести заведенное колесо во всей ихъ волѣ. И опять щелчки, и опять смѣхъ!

Каюта перваго класса на пароходѣ. Адвокатъ доказываетъ, что собственность—самое священное понятіе и, вслѣдъ за тѣмъ, опять доказываетъ, что собственность не можетъ быть вѣчною, что нѣтъ безотносительной истины на свѣтѣ и что положеніе адвоката очень трудно. Публика слушаетъ его тоскливо и ничего не понимаетъ. „Глаза у него, словно сверло, языкъ суконный, что захочетъ, то на тебя и наплететъ“, думаетъ она. А адвокатъ думаетъ, глядя на публику, что онъ новый сборщикъ, наложившій налогъ на невѣжество.

Группа женщинъ—и все сахарницы. Только обираютъ мужчинъ, да подсовываютъ имъ векселя, какъ Мерона Петровна.

Еще группа мужчинъ и женщинъ вперемѣшку. Крыльцо Дюссо, тройки. Между мужчинами больше видны военные всякаго оружія. Между женщинами молоденькія красавицы, пышащія здоровьемъ. Разрѣшается женскій вопросъ. Голосъ изъ толпы: „А ты еще сомнѣвался, что женскій вопросъ рѣшенъ“.

— „Давно, mon cher! Еще „Прекрасная Елена“ порѣшила съ нимъ“.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ картинъ. Жены убѣгаютъ отъ мужей съ юнкерами; матери ѣдятъ собственныхъ дѣтей; братья продаютъ сестеръ, сестры братьевъ; каждый залѣзаетъ другому въ карманъ и вытаскиваетъ все, что попадется подъ руку. Попалось портъ-монэ,—хорошо, а нѣтъ,—годится носовой платокъ, папиросница, коробочка со спичками. И надъ всѣмъ этимъ раздается въ воздухѣ:

A-och, mein lieber Augustin,
Augustin, Augustin!

Но громче „Augustin“ раздается ѣдкій хохотъ мастера, слѣпившаго всѣ эти фигурки и нарисовавшаго всѣ эти картинки, да щелчки и пощечины, которые онъ раздаетъ на всѣ стороны. Вы чувствуете себя въ туманѣ, вокругъ васъ какая-то каша, да повсюдное разореніе. Никто не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, и въ то же время всѣ плачутъ: и мужчины, и женщины, и старики, и молодые, и мужики и господа. Повсюду слышится, что прежде было лучше, а теперь хуже; а отчего оно хуже—кто его знаетъ! Прежде какъ-будто было больше глупцовъ да простецовъ; теперь же пошли Хрисашки да Антошки, Коленьки Батищевы да Петеньки Утробины. И всѣ эти Хрисашки и Антошки, Коленьки и Петеньки, точно тля какая. Есть изъ нихъ и маленькіе, еще пока жиденькіе и тоненькіе, другіе побольше и потолще. Наконецъ, они выростаютъ въ сановитыхъ Деруповыхъ да Овсянниковыхъ, и никто ужъ не зоветъ ихъ христопродавцами, а отъ всякаго имъ почетъ и уваженіе.

Но если прежде было лучше, если и сапогъ аршавскій не вытѣсняли, если не было ни Хрисашки-христопродавца, ни Антошки, съѣвшаго отца родного съ масломъ, ни Петеньки Утробина, продавшаго родного отца за 20,000, если не было разоренія, зачѣмъ же смѣяться и надъ старикомъ Утробинымъ, и надъ „столпами“, зачѣмъ эта галлерея старыхъ лицъ, зачѣмъ вводятъ въ галлерею этихъ самыхъ Хрисашекъ и Антошекъ, Петенекъ и Коленекъ? А, вѣдь, вы именно только для нихъ лѣпите свои фигурки и рисуете свои картинки. И приходитъ въ галлерею Антошка и, вмѣстѣ съ вами, смѣется надъ Антошкой, вылѣпленнымъ вами изъ глины, и не понимаетъ онъ того, что онъ смѣется надъ самимъ собой. И Петенька смотритъ въ зеркало и не узнаетъ самого себя, а только тычетъ пальцемъ въ собственный образъ и заливается невиннымъ хохотомъ, что есть на свѣтѣ такіе Петеньки. И всякій смотритъ на свою статуэтку и думаетъ, что это кто-нибудь другой, а не онъ. Онъ же и чистенькій и умный, и честный, и хорошій, и непогрѣшимый. О, какая эта старая сказка, извѣстная со временъ еще Эзопа. Да, печально, когда сатирикъ становится моралистомъ-баснописцемъ. Вы скажете, что сатира не можетъ быть другою,

кромѣ личной, что она должна стоять внѣ, должна быть объективною, карающею и бичующею. Относительно бичеванія, пожалуй, можно согласиться: пусть бичуетъ, пусть бьетъ. И если она не умѣетъ смѣяться сквозь слезы, если она только можетъ быть рѣжущею, объективною, стоящею внѣ, то пусть она будетъ общественною, политическою сатирой, съ точнымъ содержаніемъ, ясною и понятною. Припомните Свифта.

Если же сатирикъ стоитъ на нравоученіи, на морали, если онъ ищетъ личнаго совершенства и проповѣдуетъ индивидуализмъ,—такая сатира только сбиваетъ съ толку и приноситъ такую-же пользу, какъ басня Эзопа. Лафонтенъ и нашъ Крыловъ написали множество превосходныхъ басенъ, очень нравственныхъ, но какъ Эзопу не удалось исправить нравы своего времени, такъ и Крыловъ потрудился напрасно. Морализирующая сатира, проповѣдующая индивидуализмъ, ничѣмъ не отличается отъ басни.

И *Благонамѣренныя рѣчи,* да и не онѣ однѣ, въ послѣднемъ своемъ словѣ такая же общественная безполезность, какъ басни. Вся разница между морализирующею сатирой и баснями Крылова только въ томъ, что Крыловъ писалъ свои басни для дѣтей, а Щедринъ пишетъ свои басни для взрослыхъ. Крыловъ благодушествовалъ и идеализировалъ безвредно, надѣвая людямъ собачьи, ослиныя, медвѣжьи головы, а Щедринъ лѣпитъ изъ глины людей съ человѣческими головами. Затѣмъ, онъ разспрашиваетъ въ подробности своихъ куколокъ объ ихъ жизни и ставитъ имъ публично баллы за поведеніе. Сатирикъ становится гувернеромъ и наставникомъ-наблюдателемъ; онъ не человѣкъ общей съ людьми жизни, а моральная и поучающая непогрѣшимость. И добродушный читатель, склонный къ самоисправленію, поставленный на моральную точку зрѣнія, долженъ глубоко скорбѣть о своей неисправимой грѣховности, а на сатирика смотрѣть снизу вверхъ, какъ на новаго Аполлонія Тіанскаго. Что же касается до Коленекъ Батищевыхъ, Петенекъ Утробиныхъ, Хрисашекъ и Антошекъ-христопродавцевъ, то они станутъ еще заносчивѣе, и мораль совершенно пропадетъ даромъ. Къ чему же послужила басня въ формѣ сатиры и зачѣмъ ея нравоученіе?

V.

Рисуетъ ли Щедринъ Хрисашку, рисуетъ ли онъ Антошку, или Дерунова, рисуетъ ли онъ Петю, Сережу, Колю, этихъ государственныхъ людей, поучающихся у Дюссо и Бореля,—повсюду и вездѣ у него одна руководящая точка отправленія: „На то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ". У Щедрина всегда рисуется мутная вода, въ которой кто-нибудь ловитъ рыбу. При этомъ очень часто роли мѣняются и сегодняшняя щука можетъ сдѣлаться завтра карасемъ, а карась щукой. Подобная перелицовка не больше, однако, какъ игра случая и обстоятельствъ. Мутная же вода остается попрежнему мутною и въ ней только и живутъ, что караси да щуки. Щедринъ протестуетъ, какъ моралистъ, протестуетъ двумя-тремя строчками. „Ужели же, хотя въ виду того, что простецъ съѣдобенъ, что онъ представляетъ лучшую anima vilis, на которой можетъ осуществиться законъ борьбы за существованіе—ужели, въ виду хоть этихъ удобствъ, найдется себялюбецъ изъ „крѣпкихъ", настолько ограниченный, чтобы желать уничтоженія „простеца" или его обезсиленія?" спрашиваетъ Щедринъ.—Но ради чего ему этого бы и не желать, отвѣтимъ мы.—Вы хотите, чтобы крѣпкій отказался отъ поѣданія тли, ради моральныхъ мотивовъ, и пугаете его, что когда онъ съѣстъ всѣхъ простецовъ, то ему нечего будетъ ѣсть. Но одно изъ двухъ — или моральный принципъ, или принципъ односторонней пользы, о которой вы теперь говорите. Что касается моральнаго принципа, то имъ Антошки-христопродавца не прошибешь. Что же касается запугиванія, то Антошка очень хорошо знаетъ, что это не больше, какъ ваше противорѣчіе, и что десятью строчками выше вы говорите, „что имя простеца—легіонъ, и что никакой законъ, какъ бы онъ ни былъ безповоротенъ въ своей послѣдовательности, не въ силахъ стереть этого легіона съ лица земли". Чего же бояться Антошкѣ голодной смерти, когда онъ знаетъ, что какъ ни ѣшь простеца, его никогда не съѣшь, и онъ все будетъ нарождаться!

Скажите, за что вы бьете лежачаго и умирающаго? Возьму, для примѣра, одного генерала Утробина, хотя я могъ бы найти десятки подобныхъ примѣровъ. Пусть Утробинъ глупъ, пусть онъ ничего не понимаетъ въ реформахъ 1857 года (и что трогать двадцатилѣтнюю старину!), пусть генералъ

Утробинъ проникнуть чувствомъ генеральскаго достоинства— все это такъ уже старо, такъ давно пережито, что не только не хочется смѣяться надъ генераломъ Утробинымъ, да и говорить о немъ не хочется. А между тѣмъ, сколько подробностей намъ о немъ разсказываютъ, подробностей, повидимому, сатирическихъ, а въ сущности драматическихъ. Разсказывается надломленная жизнь старика, весь вѣкъ жившаго при устойчивыхъ порядкахъ и въ 60 лѣтъ слетѣвшаго сверху куда-то внизъ, точно его, какъ песчинку, сдулъ вѣтеръ. Утробинъ посѣдѣлъ, похудѣлъ, осунулся. Обобранный, какъ липка, Антошкою-христопродавцемъ, онъ поселился въ трехъ оштукатуренныхъ комнатахъ своего новаго дома и на все остальное махнулъ рукой. Антошка отнялъ у него землю, сманилъ его любовницу, отнялъ у него домъ, и вмѣстѣ съ Петенькой Утробинымъ пустили старика передъ смертью съ сумой. И благо бы теперь старикъ Утробинъ стоялъ передъ нами во всеоружіи своей силы, а то передъ нами сѣдой старикъ, у котораго трясется голова, одинъ изъ тѣхъ простецовъ, которыхъ самъ Щедринъ зоветъ легіономъ и беретъ подъ свое покровительство; и этого-то жалкаго простеца, о которомъ уже двадцать лѣтъ ни слуху ни духу, мы тычемъ пальцемъ въ лобъ и занимаемся надъ нимъ всякимъ сквернословіемъ! Вѣдь, это не только отсутствіе всякой мѣры, но и пониманія времени; вѣдь, это жизнь старымъ числомъ! Видали мы нѣкогда такихъ генераловъ, насмѣялись надъ ними,—казалось бы и довольно; такъ нѣтъ: соберите всю старую труху изъ своихъ воспоминаній, слѣпите смѣшную фигурку и снова ее тычьте. Не знаю только, кому на потѣху. Людямъ шестидесятыхъ годовъ все это набило оскомину и давно пережилось, а для растущихъ и подрастающихъ—это преданіе, не представляющее никакого живого интереса. Какой-нибудь Утробинъ для нихъ чисто-книжный типъ, потомучто и во всей-то Россіи теперь едва ли наберешь хоть десять Утробиныхъ. Но нѣтъ, Щедринъ послѣдователенъ и безпощаденъ. Начавъ бить, онъ добиваетъ до безчувствія и, въ концѣ-концовъ, заставляетъ умирающаго и выжившаго изъ ума Утробина сочинять притчи: притчу о нѣкоторомъ неосторожномъ генералѣ и о двухъ расточителяхъ—умномъ и глупомъ. Въ послѣдней притчѣ нѣтъ ни соли, ни остроумія, ни ѣдкости, а есть что-то недостойное сатирическаго таланта Щедрина. Вотъ эта притча: „Нѣко-

торые два расточителя получили отъ дальняго родственника, въ наслѣдство, по одной двадцати-пяти-рублевой бумажкѣ. Нимало не думая, они рѣшили невеликіе сіи капиталы проѣсть; но при семъ одинъ, накупивъ на базарѣ знатныхъ яствъ и питій и, получивъ, за всѣми расходами, полтинникъ сдачи, сдѣлалъ изъ купленнаго матеріала обѣдъ и со вкусомъ съѣлъ оный; другой же, взявъ кострюлю, наполнилъ оную водою и, вскипятивъ, сталъ варить въ ней наслѣдственную двадцати-пяти-рублевую бумажку, исполняя сіе дотолѣ, пока отъ бумажки не осталось одно тѣсто. И велико было его удивленіе, когда, испробовавъ отъ сего новоявленнаго варева, онъ нашелъ, что оно не токмо отмѣннаго, по цѣнѣ своей, вкуса не имѣетъ, но еще смердитъ, по причинѣ жира отъ множества потныхъ рукъ, коими та бумажка была захватана. Читатель! размысли, не имѣетъ ли притча сія отношенія къ тѣмъ реформаторамъ-нигилистамъ (увы, генералъ все еще не могъ забыть мировыхъ посредниковъ начала шестидесятыхъ годовъ), кои полученное отъ отцовъ наслѣдіе въ котлѣ переформировокъ варятъ, но варевомъ симъ никому удовольствія не дѣлаютъ, а токмо смрадъ?“ Неужели это сатира, неужели это смѣшно? Или это очень тонкая аллегорія?..

Мы бы также спросили г. Щедрина, за что онъ нападаетъ и на Антошекъ, и Деруновыхъ, и на всякихъ другихъ христопродавцевъ, если онъ самъ говоритъ, что, кромѣ мутной воды нѣтъ никакой другой, а хочешь или не хочешь, будь карасемъ или щукой, которую тоже можетъ съѣсть всякая другая, болѣе сильная щука. Вѣдь, только въ этотъ кругъ и замыкаетъ Щедринъ своего читателя и не показываетъ ему нигдѣ изъ него выхода. Вообще, Щедринъ для того, чтобъ сильнѣе дѣйствовать, не скупится на преувеличеніе и обобщеніе. Попадется ли ему Деруновъ, онъ сейчасъ же создаетъ изъ него цѣлый легіонъ, точно ими одними и кишитъ русская жизнь. Попадется Хрисашка, опять то же самое. Попадется запрещенный попъ, прогнанный за кляузы, Щедринъ насадитъ всю Россію шпіонами и доносчиками. Попадется адвокатъ, окажется, что Россіи нѣтъ житья отъ нихъ. Скажетъ ли перевозчикъ на Волгѣ сквернословіе,—слѣдуетъ, что весь русскій воздухъ напитанъ сквернословіемъ. И какая бы единичность ни попалась Щедрину, онъ обрисуетъ ее всегда самыми крупными,

аляповатыми чертами и поставитъ передъ читателями гору.

Для Щедрина всякій Коленька Батищевъ и всякій Петенька Утробинъ—совершенные Монбланы. И когда соберешь всѣ эти Монбланы вмѣстѣ, просто, становится страшно и жутко. Это отсутствіе мѣры превращаетъ сатиру Щедрина въ пародію и въ преувеличеніе до того, что въ его сатирѣ начинаешь понимать русскую жизнь совсѣмъ не такою, какою она есть въ дѣйствительности. Вездѣ чувствуется что-то напускное, писанное со стороны, видишь наблюдателя, вооруженнаго какими-то особенными стеклами, которыя видятъ только одно и совершенно не замѣчаютъ многаго другого. И хотя Щедринъ раздуваетъ каждаго Коленьку Батищева или Антошку-христопродавца въ Монбланъ, но въ то же время онъ рисуетъ ихъ совершенно ничтожными морально, ничтожными и по наружности, съ ничтожными душонками и умишками. И читатель, способный думать, не можетъ же не спросить у мастера, показывающаго ему панораму микроскопическихъ простецовъ и глупцовъ: отчего же это всѣ они такъ глупы, въ чемъ причина, что нѣтъ на свѣтѣ никого, кромѣ карасей и щукъ, отчего они только и занимаются, что поѣданіемъ другъ-друга? Но напрасно предложите вы мастеру такой вопросъ. Вмѣсто отвѣта вы услышите только хохотъ.

Отъ сатиры Щедрина, облачившейся въ броню индивидуализма, вѣетъ холоднымъ барствомъ и празднымъ рукодѣліемъ. Предъ вами описанія, сдѣланныя точно заѣхавшимъ въ Россію французскимъ графомъ, человѣкомъ иного государства, иной цивилизаціи, иныхъ обычаевъ и личныхъ привычекъ, иного образа жизни. И невольно недоумѣваешь надъ этимъ страннымъ явленіемъ, хотя исторически, какъ реакція въ другую сторону, оно вполнѣ понятно. Въ этомъ случаѣ, Щедринъ больше, чѣмъ кто-нибудь, продуктъ того всеотрицающаго времени, когда былое тупое благоговѣніе передъ всѣмъ смѣнилось такимъ же плеваніемъ во все, плеваніемъ, полнымъ безвѣрія, плеваніемъ, для котораго не осталось ни одной святыни, которое не сохранило въ себѣ ни одного чувства, которое бы оно уважало, ни одной мысли, въ силу которой оно бы вѣровало—и даже не въ другихъ, а въ самомъ себѣ. И неужели то общество, въ которомъ для васъ уже не оста-

лось ничего, во что бы можно было вѣрить, на что бы можно было положиться, упало такъ низко? Неужели съ нимъ больше и нечего дѣлать, какъ бить его по щекамъ и оплевывать? Неужели уже оно не въ состояніи понять ни одного серіознаго слова, неужели оно, дѣйствительно, такой „рукосуй“ или измошенничившійся Антошка-христопродавецъ, или занимающіяся блудомъ барышни и жены, стремящіяся разрѣшить женскій вопросъ по способу „Прекрасной Елены“?

Если вы скажете, что отъ автора нельзя требовать того, чего онъ не даетъ, я отвѣчу вамъ, что я этого и не требую. Здѣсь рѣчь вовсе не о требованіяхъ. Рѣчь, именно, о томъ, что́ даетъ авторъ. И оказывается, что онъ не только даетъ очень мало, но и то, что онъ даетъ, даетъ не вполнѣ и часто подъ угломъ ложнаго зрѣнія. Если вы скажете, что одна сатира не въ состояніи дать все и что ею одною не могутъ быть удовлетворены всѣ умственныя потребности общества, что сатира не можетъ замѣнить собою всю литературу, то я вамъ отвѣчу, что это вовсе не такъ. Наша теперешняя сатира—вовсе не отрицающій смѣхъ, а хохочущее сомнѣніе и индифферентизмъ. Иногда сатира какъ бы сдѣлаетъ уступку чему-то точному и ясному, дастъ намекъ на жертву, истинно страдающую, согрѣетъ васъ какимъ-нибудь свѣтлымъ образомъ новой, молодой и умной, порывающейся къ благородному силы, и вслѣдъ затѣмъ поставитъ заковычку, и опять вы сбились съ толку, и опять вы не знаете, что смѣшно и что не смѣшно, что умно и что глупо. Смѣхъ тоже можетъ быть отвѣтомъ, отрицаніе можетъ быть вполнѣ руководящею силой, но для этого нужно, чтобы у нея самой была опредѣленная идея, а иначе отрицаніе переходитъ въ скептицизмъ, и, попадись онъ въ руки глупцамъ, онъ превращается въ самую страшную противообщественную силу. Смѣющійся скептицизмъ является средствомъ самодовольнаго индивидуализма и благодушествующей глупости. Онъ плодитъ Петенекъ Утробиныхъ и служитъ службу имъ, а не тѣмъ, кто отъ нихъ страдаетъ. Поэтому, сатира, переходящая въ крайній скептицизмъ и умственное безсиліе, лишенное твердой точки опоры, заставляетъ общество только больше чувствовать пробѣлъ въ своей умственной жизни. Щедринъ имѣетъ неоспоримый талантъ, сатира его также неоспоримо ѣдка, ядовита и зла; большею частію она, конечно,

груба и рѣзка, по Щедрину доступны и тонкія черты, хотя онъ и любитъ рисовать больше крупными штрихами. Вѣрно, такіе рисунки больше по вкусу нашему обществу. Но какъ Щедринъ все-таки самый замѣтный современный художественный талантъ, то тѣмъ болѣе чувствуется тотъ пробѣлъ, который онъ создаетъ своей односторонностью. Чтобы пополнить пробѣлъ, нужно или чтобы романистъ, или чтобы критика и публицистика разбирали съ другой точки зрѣнія вопросы, которыхъ касается Щедринъ, и поправляли бы тѣ ошибки сужденія, къ которымъ можетъ вести его сатира. Нужно, чтобы рядомъ съ сатирой Щедрина существовала другая, руководящая умственная сила, идеи и стремленія которой были бы вполнѣ ясны, точны и опредѣленны.

Теперь же, когда, повидимому, никто въ литературѣ не правитъ общественнымъ мнѣніемъ, общество думаетъ и зрѣетъ умственно какъ-то подъ-спудомъ, невидимо и неслышно, тѣмъ еще необъясненнымъ процессомъ мысли, который психологія называетъ безсознательнымъ мышленіемъ. Всѣ поправки общество находитъ въ себѣ, зрѣетъ втихомолку и, наконецъ, къ изумленію той самой сатиры, которая такъ безшабашно смѣялась надъ нимъ, внезапно обнаружитъ то, чего сатира, за своимъ слишкомъ громкимъ смѣхомъ, не замѣтила.

Сатирическій скептицизмъ надсмѣялся въ *Погонѣ за идеалами* надъ безалаберностью нашихъ политическихъ представленій. Даже люди культуры, по его словамъ, предводители дворянства, члены земскихъ управъ, и т. п. чрезвычайно разнообразно отвѣчаютъ на вопросъ: что такое государство? Одни смѣшиваютъ его съ отечествомъ, другіе съ закономъ, третьи съ казною, четвертые—громадное большинство—съ начальствомъ. „Одни, чтобы отдѣлаться отъ вопроса, прибѣгаютъ къ нагляднымъ примѣрамъ: Швеція—государство, Великобританія—государство, Франція—государство, и пр. Другіе говорятъ: государство! смѣшно даже спрашивать, что такое государство! Третьи таращатъ глаза, точно ихъ сейчасъ разбудили. А если, сверхъ того, предложить еще вопросъ: какую роль играетъ государство въ смыслѣ развитія и преуспѣянія индивидуальнаго человѣческаго существованія, то отвѣтомъ на это просто-на-просто является растерянный видъ, сопровождаемый неосмысленнымъ бормотаньемъ“... Въ концѣ, сатирикъ покидываетъ

смѣшки во Францію и въ ея буржуазію и разсказываетъ, какъ безсознательно Франція удержала у себя республику. „Естественно, что республиканцы поспѣшили запечатлѣть эту побѣду практическимъ результатомъ. Министерство Дюфора-Бюффе пало и было замѣнено министерствомъ Дюфора-Рикара...“

„Когда я узналъ объ этомъ изъ газетъ, то, конечно, прежде всего поспѣшилъ сообщить о происшедшей перемѣнѣ портье того пансіона, въ которомъ я поселился.

— Vous savez, André, сказалъ я ему: que le ministère Dufaure Buffet n'existe plus, et que désormais c'est le ministère Dufaure Ricard, qui dirigera les destinées de la France? [1])

Но, къ моему удивленію, онъ до такой степени не понялъ вопроса, что заставилъ меня повторить его. И когда я это сдѣлалъ, то онъ вытаращилъ глаза, и произнесъ:

— Est-ce que je sais! [2])

А между тѣмъ, этотъ человѣкъ существуетъ (cogito—ergo sum), и получаетъ жалованье, устраиваетъ, какъ можетъ, свои дѣла, и я даже положительно знаю, что 20 февраля онъ подалъ голосъ за республиканца. И все это онъ дѣлаетъ, ни разу въ жизни не спросивъ себя: что такое государство? Можно ли такъ жить?“

Это послѣднее—„можно ли такъ жить“ не что иное, какъ увертка блуждающей мысли, которой опроверженіемъ является самый фактъ. Можно или нельзя жить такимъ образомъ, а между тѣмъ, тотъ же самый портье, который никогда не подумалъ серіозно, что такое государство, не только устраиваетъ свои дѣла и подаетъ свой голосъ за республику, но дѣлаетъ еще большія чудеса, къ крайнему недоумѣнію сатиры. Да, тутъ есть фокусъ, и въ умѣньѣ понять этотъ фокусъ заключается, конечно, самая главная задача современнаго писателя, если онъ считаетъ себя прогрессивнымъ и хочетъ явиться хотя нѣкоторою поддержкой общественной мысли. Но подобныхъ думъ мы не встрѣтили ни въ одной сатирѣ Щедрина и полагаемъ, что, именно, въ этомъ и заключается самая слабая струна нашего сатирика.

---

[1]) Вы знаете, Андрей, что министерство Дюфоръ-Бюффе больше не существуетъ и что отнынѣ судьбой Франціи будетъ управлять министерство Бюфоръ-Рикаръ?

[2]) Откуда же я знаю!

Не таланта недостаетъ ему, не наблюдательности, не мѣткости, не силы и образности выраженія; нѣтъ, ему недостаетъ ясной мысли, стройнаго и послѣдовательнаго міросозерцанія, которыя бы дали содержаніе его сатирѣ. Щедринъ, обладающій всѣми средствами художественности, только злоупотребилъ ими, не давъ имъ живого современнаго развитія. Какъ всталъ онъ разъ на почву отрицанія, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, такъ на ней и застылъ, и довелъ свое отрицаніе до той крайности, которая отрицаніе превратила въ смѣющійся надъ всѣмъ скептицизмъ. Не обманывайтесь тѣмъ, что сатирикъ какъ-будто рисуетъ новые образы, выводитъ на сцену прокуроровъ, адвокатовъ, правовѣдовъ и барышень, разрѣшающихъ женскій вопросъ у Дюссо. Это все тотъ же отрицающій смѣхъ, смѣющійся ради смѣха, но не заключающій въ себѣ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, ничего положительнаго и, такъ-сказать, умственно руководящаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Щедринъ учавствовалъ въ общемъ хорѣ, гдѣ главными запѣвалами были другіе люди, другіе писатели, дѣйствовавшіе на серіозную мысль, Щедринъ являлся очень полезнымъ подспорьемъ, но теперь, когда эти дѣятели сошли со сцены, никѣмъ незамѣненные, второстепенные пѣвцы выступили на первый планъ и голосъ ихъ, прежде едва доходившій до публики, теперь покрываетъ все собой, хотя далеко не восполняетъ былого хора. Но если бы тотъ же самый Щедринъ, обладающій несомнѣннымъ талантомъ—и это мы готовы повторять десятки разъ—въ этотъ двадцатилѣтній періодъ зрѣлъ бы не усиленіемъ своего саркастическаго таланта, и выработалъ бы для своей мысли научно-общественное содержаніе, то, конечно, его сатира явилась бы не однимъ хохотомъ надъ всѣмъ, а положительною силой съ умственнымъ, руководящимъ содержаніемъ. И мы говоримъ объ этомъ съ тѣмъ большимъ сожалѣніемъ, что Щедринъ единственный талантливый человѣкъ современной художественной русской литературы, которая, въ силу своей общедоступности, могла бы имѣть громадное воспитательное вліяніе.

Н. Языковъ.

Курьезный критикъ, уничтожающій Щедрина [1]).

Я никогда въ жизни не читалъ болѣе странной критики, чѣмъ критика г. Языкова по поводу *Благонамѣренныхъ рѣчей* Щедрина, помѣщенная въ № 10 „Дѣла“ [2]). Хотя ужъ давно извѣстно, что „Дѣло“ – журналъ школьниковъ и кисейныхъ барышенъ, хотя еще недавно критикъ „Дѣла“ окончательно стеръ съ лица земли Жоржъ-Зандъ и Виктора Гюго,—но все-таки я никакъ не ожидалъ, чтобы и по русской литературѣ критикъ „Дѣла“ былъ такъ же замѣчателенъ, какъ по литературамъ иностраннымъ. Г. Языковъ, по случаю появленія въ печати *Благонамѣренныхъ рѣчей* Щедрина, припомнилъ старый грѣхъ покойнаго Писарева, статью „Цвѣты невиннаго юмора“, гдѣ Писаревъ, не находя въ юморѣ Щедрина ничего, кромѣ „смѣха для смѣха“, совѣтовалъ ему бросить художественную сатиру и взяться за популяризированіе естественно-научныхъ вопросовъ. Я помню живое впечатлѣніе, которое эта статья произвела при ея появленіи (въ 1863 или 4 году). Вся интеллигентная публика единогласно объявила тогда же, что Писаревъ увлекся, хватилъ черезъ край. Но увлеченіе Писарева было, по крайней мѣрѣ, понятно. Тогда увлекались всѣ, и Писаревъ стоялъ во главѣ тогдашняго общественнаго движенія. Самъ Писаревъ, повидимому, отказался отъ своего воззрѣнія вскорѣ послѣ напечатанія своей статьи. Онъ не отвѣчалъ на нападки критиковъ, и даже впослѣдствіи, въ журналѣ, гдѣ онъ игралъ первую роль, печатались отзывы о Щедринѣ, діаметрально противоположные писаревскому. Впрочемъ, Щедринъ былъ тогда извѣстенъ только *Губернскими очерками*, кажется, *Сатирами въ прозѣ*. Съ тѣхъ поръ, онъ успѣлъ написать

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“, 1876 г., № 248. (См. выпускъ II-й, стр. 143.)
[2]) См. стр. 67.

много капитальныхъ произведеній, характеръ его таланта опредѣлился окончательно, и всякій сколько-нибудь понимающій человѣкъ, слѣдящій за русскою литературой, уже не рѣшится теперь повторить увлеченія Писарева, а тѣмъ болѣе печатно, въ роли присяжнаго литературнаго рецензента большого журнала. Но то, на что не рѣшится ни одинъ понимающій человѣкъ,—совершилъ г. Языковъ. Онъ считаетъ смѣхъ Щедрина не тяжелымъ, а легкимъ. Онъ его называетъ смѣхомъ для смѣха и отнимаетъ у Щедрина всякую роль въ исторіи общественнаго развитія... И не то, чтобы г. Языковъ не читалъ Щедрина,—нѣтъ. Онъ цитируетъ нѣсколько мѣстъ изъ *Благонамѣренныхъ рѣчей* и перебираетъ чуть не всѣ собственныя имена, которыя тамъ встрѣчаются. Онъ даже называетъ Щедрина единственнымъ современнымъ представителемъ русской художественной сатиры,—и все-таки увѣряетъ, что онъ смѣется для смѣха, т.-е. какъ дурачокъ. Мнѣ тѣмъ непріятнѣе статья г. Языкова, что я самъ нѣсколько разъ печатно выражалъ мнѣніе, что г. Щедринъ не всегда съ одинаковымъ искусствомъ выбираетъ предметы для своей сатиры и что во многихъ мѣстахъ его идеалъ рѣшительно дѣлается неяснымъ. Такъ, разбирая его сатиру на русскую журналистику, я старался указать, что онъ направляетъ стрѣлы своего остроумія вовсе не туда, куда слѣдовало бы. Говоря о его сатирѣ *Погоня за идеалами*, гдѣ онъ осмѣиваетъ непониманіе обществомъ слова „государство", я замѣтилъ, что и тутъ рѣшительно не надъ чѣмъ смѣяться; что общество не понимаетъ многихъ вещей и гораздо болѣе простыхъ, чѣмъ понятіе „государство". Такимъ образомъ, я исключилъ себя изъ числа поклонниковъ Щедрина quand même [1]). Я почувствовалъ его слабости и ошибки. Г. Языковъ говоритъ не объ ошибкахъ Щедрина. Онъ его просто отрицаетъ. Отрицаетъ сплошь, совершенно, съ головы до ногъ. Смѣло. Мы еще всѣ помнимъ, что сдѣлалъ для русскаго самосознанія Щедринъ. Мы помнимъ, что ему первому принадлежитъ мастерская характеристика знаменитой эпохи *конфуза* (слово это—также его), эпохи, когда русская интеллигенція, застигнутая врасплохъ европейскими реформами, „сконфузилась" и не знала, что́ дѣлать. Я помню десятки образовъ изъ этой эпохи, пол-

---

[1]) Несмотря ни на что.

ныхъ художественности и глубокаго историческаго смысла. Я помню, да и всѣ помнятъ, типы, созданные Щедринымъ, самыя названія которыхъ обратились теперь въ нарицательныя имена: помпадуры и помпадурши, ташкентцы, Митрофаны и т. д... Каждый изъ этихъ типовъ отражалъ бытовое явленіе русской общественной жизни. Всѣмъ извѣстно, что Щедринъ отозвался отчасти почти на каждое новое крупное явленіе нашей жизни, нашелъ и указалъ смѣшныя стороны его. Наконецъ, Щедринъ изобрѣлъ особенный родъ литературныхъ произведеній—аллегорическую сатиру, примѣры которой хотя и встрѣчались изрѣдка въ литературахъ иностранныхъ (Свифтъ, Лабуле), но въ нашу литературу она введена Щедринымъ. Наконецъ,—я это говорилъ уже много разъ,—Щедринъ—великій мастеръ русскаго слога. Пусть г. Языковъ сравнитъ самъ свою безцвѣтную, водянистую статью съ любою страничкой Щедрина,—и если только самолюбіе не окончательно еще ослѣпило его, то онъ самъ почувствуетъ, какая огромная разница существуетъ между нимъ и крупнымъ писателемъ... Я, конечно, отнюдь не думалъ дѣлать здѣсь сколько-нибудь полную характеристику заслугъ Щедрина передъ русскою литературой; я только возмутился „рѣшительностью" г. Языкова и напомнилъ двѣ-три крупныя черты щедринской характеристики. Настоящая и полная оцѣнка Щедрина въ русской критикѣ еще не сдѣлана, хотя о немъ писали и очень много. Для того, чтобъ оцѣнить его всесторонне, его непремѣнно надобно разсматривать въ связи съ современною исторіей русской цивилизаціи. Только этимъ путемъ можно опредѣлить историческое его значеніе. Для эстетическаго же и художественнаго его разбора долженъ найтись хорошій знатокъ художественныхъ произведеній въ европейскихъ литературахъ. Затѣмъ, останется еще стилистическая часть, за которую долженъ взяться хорошій лингвистъ и филологъ. Я увѣренъ, что всѣ эти три спеціалиста могли бы многое найти въ Щедринѣ. Мы же, люди обыкновенные и неспеціалисты, видимъ въ Щедринѣ, какъ и вообще въ крупныхъ писателяхъ, только часть, только одну сторону. Г. же Языковъ не видитъ и совсѣмъ ни одной. Впрочемъ, Богъ съ нимъ, съ г. Языковымъ. Щедринъ самъ заявляетъ о себѣ въ каждой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ", и каждый желающій можетъ собствен-

нымъ опытомъ убѣдиться, какъ замѣчательно крупенъ его талантъ, и какъ ѣдка и мѣтка его сатира, когда предметъ ея составляетъ явленіе русской жизни, заслуживающее бича сатиры. Въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" Щедринъ помѣстилъ именно такую сатиру, гдѣ художественный талантъ автора направился на изображеніе одного изъ очень видныхъ явленій русской жизни [1]). Къ сожалѣнію, авторъ оборвалъ сатиру на половинѣ. Что касается до меня, то я прежде всего предлагаю читателямъ достать десятую книжку „Отечественныхъ Записокъ" и прочитать сатиру Щедрина въ подлинникѣ; самъ же рискну снять съ нея только самую верхушку пѣнки, для того, чтобы дать здѣсь хотя намекъ на эту замѣчательную сатиру и подѣлиться нѣсколькими серіозными мыслями, которыя она на меня навѣваетъ и которыя могутъ не возбудиться въ умѣ читателя, менѣе знакомаго съ предметомъ сатиры Щедрина, чѣмъ, къ сожалѣнію, знакомъ я самъ. Щедринъ начинаетъ съ предисловія—краткаго, но многозначительнаго, какъ и всѣ его предисловія. Онъ говоритъ о двойственности, существующей въ человѣческой мысли. Двойственность эта заключается, между прочимъ, въ томъ, что мы совершенно раздѣляемъ *человѣка* отъ официальныхъ его обязанностей. Содержатель дома терпимости, или взяточникъ-чиновникъ, или развратная балерина могутъ пользоваться очень почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ и уваженіемъ многихъ „порядочныхъ" людей. Мы какъ-то это умѣемъ, при случаѣ, забывать то, чего не слѣдуетъ помнить, и не углубляться въ то, во что не слѣдуетъ углубляться, какъ относительно другихъ, такъ еще болѣе относительно самихъ себя. Мы не прочь, въ случаѣ надобности, пропустить эту свою двойственность черезъ горнило рефлексіи,—но при этомъ мы забираемся, обыкновенно, въ такой заколдованный кругъ, изъ котораго выйти невозможно иначе, какъ махнувши на все рукой и мысленно порѣшивши, что хотя, конечно, Иванъ Ивановичъ обворовываетъ казну, а Марія Петровна развратничаетъ и обираетъ своихъ любовниковъ, а Александръ Ивановичъ занимается и еще того худшимъ дѣломъ,—но люди они все-таки прекрасные, добрые, гостепріимные, а слѣдовательно, заслуживаютъ всякой любви и уваженія.

[1]) „Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности".

Въ такомъ двойственномъ положеніи Щедринъ изображаетъ въ послѣдней сатирѣ самого себя. Онъ получаетъ письмо отъ своего пріятеля Молчалина, котораго знаетъ за подлеца, но все-таки любитъ и даже уважаетъ. Въ этомъ письмѣ Молчалинъ извѣщаетъ его, что въ департаментѣ „Возмездій и Воздаяній" [1]), въ отдѣленіи „Воздаяній по преимуществу", ведется дѣло о немъ, Щедринѣ, и что если онъ обратится въ департаментъ, то можетъ избѣгнуть возмездія, которое заключается въ поврежденіи. Щедринъ, хотя и знаетъ, что въ этомъ департаментѣ обмѣнъ мыслей можетъ происходить, единственно, на почвѣ „Виноватъ!" и „Помилуйте!", но тѣмъ не менѣе идетъ туда и узнаетъ, что, по ходатайству его пріятеля, по его дѣлу заведена уже переписка со всѣми мѣстами и лицами Россійской имперіи,— собственно „для обстановки". Хотя визитъ Щедрина въ департаментъ „Возмездій и Воздаяній" и не приводитъ ни къ какому положительному результату, но авторъ зато убѣждается въ благодѣтельномъ вліяніи реформъ *на этотъ* департаментъ. Сторожа не имѣютъ прежняго свирѣпаго вида, а, напротивъ, являются очень любезными и разговорчивыми и не только не воспрещаютъ посѣтителямъ курить, но даже сами снабжаютъ ихъ для этого спичками. Чиновники также не относятся къ просителямъ жестоко и пренебрежительно, а, напротивъ того, протягиваютъ имъ для пожатія свои руки и заводятъ рѣчь о реформахъ. Взглядъ господъ чиновниковъ на реформы—вполнѣ благонамѣренный. Скромно соглашаясь съ тѣмъ, что теперь они уже не тѣ, какъ прежде, они, однакоже, не позволяютъ своей фантазіи заноситься слишкомъ далеко и, сдерживая свой реформенный пылъ, находятъ, что ожиданіе, терпѣніе, послушаніе и постепенность есть вѣрнѣйшее средство „дойти до степеней извѣстныхъ". Если же какой-либо изъ посѣтителей дерзнетъ усомниться въ томъ прогрессѣ, который произошелъ въ послѣднее десятилѣтіе въ департаментѣ „Возмездій и Воздаяній",—о, тогда благонамѣренные чиновники впадаютъ въ реформенный паѳосъ. Какъ! Развѣ прежде объектъ воздаяній могъ выслушиваться и приносить оправданія? Развѣ прежде не происходило все, какъ въ сонномъ видѣніи, и едва только дѣло

---

[1]) У Щедрина, вообще, очень оригинальныя названія департаментовъ.
С. С.

достигало надлежащаго канцелярскаго округленія—фьюить! Развѣ прежде объектъ воздаяній могъ являться въ департаментъ иначе, какъ „въ сопровожденіи“? А теперь ему предлагаютъ папироску... Это ли не реформы?.. Я не могу углубляться въ содержаніе щедринской сатиры, но и изъ того, что я уже сказалъ, видно, что Щедринъ и въ этой сатирѣ не измѣняетъ своей литературной физіономіи серіознаго общественнаго сатирика. Статья Языкова дѣлается еще безобразнѣе, именно, въ виду этой послѣдней сатиры.

С. С.

„Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1876 г., № 9-й.

Передъ нами октябрьская книжка „Отеч. Зап.“, и въ ней новый разсказъ г. Щедрина, подъ заглавіемъ: *Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности.* И каждый разъ, какъ встрѣчаешь новый разсказъ г. Щедрина, невольно дивишься силѣ таланта этого сатирика, который можно назвать неистощимымъ, и какъ ни давно г. Щедринъ упражняется на сатирическомъ поприщѣ, его талантъ не только не слабѣетъ, но, можно сказать, крѣпнетъ и развивается. Въ новомъ своемъ разсказѣ онъ выбралъ предметомъ сатиры литературное молчалинство.

„Повидимому, литературѣ,—оговаривается онъ,—по самому характеру образовательнаго ея призванія, долженъ бы быть чуждъ этотъ элементъ, а, между тѣмъ, мы видимъ, что молчалинство не только проникло въ нее, но и въ значительной мѣрѣ прижилось. Въ особенности же, угрожающіе размѣры приняло развитіе литературнаго молчалинства съ тѣхъ поръ, какъ, по условіямъ времени, главныя роли въ литературномъ дѣлѣ заняли не литераторы, а мѣнялы и прохвосты“.

И вотъ, онъ выводитъ такого рода литературнаго Молчалина въ лицѣ нѣкоего издателя либеральной газеты *„Чего изволите?“*. „Съ литературнымъ Молчалинымъ, говоритъ авторъ, меня познакомилъ тотъ самый Алексѣй Степановичъ, о которомъ я уже не разъ бесѣдовалъ съ читателемъ. Въ одну изъ минутъ откровенности, объясняя мартирологъ Молчалиныхъ-чиновниковъ, онъ сказалъ въ заключеніе:

— Да это еще что! Мы, можно сказать, еще счастливчики. А вотъ бы вы посмотрѣли на мученика, такъ подлинно ужъ мученикъ! Я, напримѣръ, по крайности, знаю моего предсѣдателя, вижу его, почти руками осязаю,

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1876 г., № 240. (См. выпускъ I-й, стран. 65.)

ну, стало-быть, какова пора ни мѣра, оборониться отъ него могу. А онъ, мученикъ-то, о которомъ я говорю, даже и преслѣдователя-то своего настоящимъ манеромъ назвать не можетъ, а такъ передъ невидимымъ какимъ-то духомъ трепещетъ.

— Кто жъ это такой?

— Да тезка мой, тоже изъ рода Молчалиныхъ (такъ расплодился, такъ расплодился нынче нашъ родъ!), и Алексѣемъ же Степанычемъ прозывается. Только я чиновникъ, а онъ журналистъ, газету „Чего изволите?“ издаетъ. Да на бѣду и газету-то либеральную. Такъ онъ, вѣдь, день и ночь точно въ котлѣ кипитъ: все старается какъ бы въ мысль попасть, а къ кому въ мысль и въ какую мысль—и самъ того не вѣдаетъ.

— Да, это не совсѣмъ ловкое положеніе. Что же это, однако, за Молчалинъ? Я что-то не слыхалъ о такомъ имени въ русской литературѣ. Литераторъ онъ, что ли?

— Литераторъ—не литераторъ, а въ военномъ учебномъ заведеніи воспитывался, тамъ и вкусъ къ правописанію получилъ. И въ литературу недаромъ поступилъ. Вотъ какъ волю-то объявили. Прежде онъ просто табачную лавку содержалъ, накопилъ деньжонокъ, да и посадилъ ихъ въ газету. Вотъ теперь за нихъ и боится.

— Воля ваша, а я про такого газетчика не слыхалъ.

— Что мудренаго, что не слыхалъ. Говорю тебѣ: они нынче всѣ изъ золотарей. Придетъ, яко тать въ нощи, посидитъ мѣсяцъ-другой, оберетъ подписку и пропалъ! А иному посчастливится, какъ-будто даже корни пуститъ. Вотъ хоть бы мой Молчалинъ, напримѣръ, третій годъ потихоньку въ своей лавочкѣ торгуетъ—ничего, сходитъ съ рукъ.

— А шибко онъ боится?

— Такъ боится, такъ боится, что, можно сказать, вся его жизнь—лихорадка одна. Впалъ онъ, грѣшнымъ дѣломъ, въ либерализмъ, да и самъ не радъ. Каждый разъ, какъ встрѣтитъ меня—уймите, говоритъ, моихъ передовиковъ. А что я сдѣлать могу!

— Да, передовики, особенно наши—это, я вамъ скажу, народъ... начнетъ о новомъ способѣ вывоза нечистотъ какихъ - того гляди, въ Сибирь сошлютъ.

— Да если бы еще одного сослали—куда бы ни шло. А то сколько посторонихъ черезъ него попадетъ—вотъ ты что сообрази! Сообщники, да попустители, да укрыватели—сколько наименованій-то есть! Ахъ, мой другъ, не ровенъ часъ! всѣ мы подъ-Богомъ ходимъ!

Уже въ этихъ вступительныхъ рѣчахъ, представляющихъ собой нѣчто, въ родѣ предисловія, прекрасно обрисованъ типъ литературнаго Молчалина. Но авторъ заключаетъ его въ болѣе полныя и рельефныя формы, рисуя, какъ этотъ Молчалинъ редактируетъ свою газету и балансируетъ между желаніемъ казаться либераломъ и страхомъ быть заподозрѣннымъ и уловленнымъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ Молчалинъ сидитъ надъ передовою статьей и ее редактируетъ. Онъ читаетъ:

„На этотъ разъ мы вновь возвращаемся къ вопросу, который уже не однажды занималъ насъ. Пусть, впрочемъ, читатель не сѣтуетъ за частыя

повторенія. Это—вопросъ животрепещущій, вопросъ жизни и смерти, вопросъ, отъ правильной постановки которараго зависитъ честь и спокойствіе всѣхъ гражданъ. Однимъ словомъ, это вопросъ о распространеніи на всѣ селенія имперіи правъ и преимуществъ, изложенныхъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, вопросъ, повидимому, скромный, но, въ сущности, проникающій въ сердце нашей жизни гораздо глубже, нежели можно съ перваго взгляда предположить".

И вотъ, затѣмъ, по этому поводу начинается совѣщаніе:

— Гм... кажется, это можно?

— По моему мнѣнію, не только можно, но и... ахъ, Боже мой! да самая мысль, что честь и спокойствіе гражданъ зависятъ отъ распространенія правъ и преимуществъ, изложенныхъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій... Помилуйте, я самъ сколько разъ порывался... сколько разъ самъ думалъ; отъ чего бы, въ самомъ дѣлѣ, это зависѣло? и вдругъ такой ясный и вполнѣ опредѣленный отвѣтъ!—восклицалъ я въ восхищеніи.

— А, по-моему, такъ и тутъ есть изъянецъ,—расхолодилъ мой восторгъ Алексѣй Степановичъ.—Кажется, и всего-то одно словечко подпущено: „гражданъ", а сообразите-ка, чѣмъ оно пахнетъ? Какіе-такіе, скажутъ, „граждане". Откуда такое званіе взялось. У насъ, батюшка, всякій самъ-по-себѣ. Ты—самъ-по-себѣ, я—самъ-по-себѣ!—А то „граждане". Что за новое слово такое? Да и конецъ, признаюсь мнѣ, не нравится. „Проникающій гораздо глубже, нежели можно съ перваго взгляда предположить". Какой-такой первый взглядъ?" И это тутъ еще „предполагать!" Припахиваетъ, братецъ, припахиваетъ.

— Чѣмъ бы ты, однако, замѣнилъ слово: „гражданъ"?

— А „обывателя" на что? И для тебя спокойно и особенно гнуснаго нѣтъ ничего. „Честь и спокойствіе обывателей"—чѣмъ худо?

— Гм... за... вы какъ думаете?.. обратился Молчалинъ 2-й ко мнѣ.

— По-моему, „граждане" возвышеннѣе, но коль скоро общественная безопасность этого требуетъ, то отчего же не пропустить и „обывателей".

— Такъ ужъ я...—Онъ помуслилъ карандашъ и поскребъ имъ на поляхъ корректуры.

Въ такомъ духѣ идетъ редактированіе всей передовой статьи, а за ней фельетона, подъ заглавіемъ: „За прошлую недѣлю". Напримѣръ, фельетонистомъ было написано:

„У насъ, въ Петербургѣ, конечно, нѣтъ безобразниковъ, плавающихъ въ рыбныхъ сажалкахъ, но, взамѣнъ того, мы имѣемъ дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ, которые по вечерамъ наполняютъ кафешантаны и въ нихъ, повидимому воспитываютъ себя для дальнѣйшихъ подвиговъ по административной части. Это—совсѣмъ особенный сортъ людей, находящихся въ большой дружбѣ съ татарами петербургскихъ ресторановъ и въ большой враждѣ съ русскою литературой. Вездѣ, гдѣ мететъ полъ или аллею шлейфъ поскудной кокотки, вездѣ, будьте въ томъ увѣрены, встрѣтите вы и трудящимся около нея „дѣйствительнаго статскаго кокодеса".

По этому поводу приводится такого рода разговоръ:

— Стой... это что же такое? Кого же онъ подъ дѣйствительными-то статскими кокодесами разумѣетъ?—изумился Алексѣй Степановичъ.

— Вѣроятно, это—молодые наши дѣйствительные статскіе совѣтники, объяснилъ я,—названные такъ ради игры словъ.

— Ну, братъ, это нельзя. Помилуй! Государственный чинъ и такое вдругъ поруганіе!—возмутился Алексѣй Степановичъ.

— Я полагалъ бы, вмѣсто „дѣйствительныхъ статскихъ кокодесовъ“ употребить выраженіе: „нигилисты“, предложилъ я.

— То-есть, дѣйствительные статскіе нигилисты?

— Нѣтъ, просто нигилисты, потому что если сказать: „дѣйствительные статскіе нигилисты“, то это, пожалуй, за намекъ примутъ.

— Но какъ же согласить: съ одной стороны, „нигилисты“, а съ другой—„воспитываютъ себя для дальнѣйшихъ“ подвиговъ по административной части?

— И эти слова можно измѣнить. Напримѣръ, сказать: „воспитываютъ себя для подвиговъ постыднаго пропагандистскаго искусства“.

— Прекрасно! Исправляй!

Такимъ же образомъ, наконецъ, ведется дѣло и по отношенію къ корреспонденціямъ. Молчалинъ 2-й читаетъ корреспонденцію: „Пенза. Хотя и пишутъ объ насъ похвалы въ газетахъ, что якобы приговоры объ уничтоженіи кабаковъ составляемъ, но пьянство не только...“

— Стой! прервалъ Алексѣй Степановичъ,—вотъ тутъ-то и закорючка! Ты знаешь ли, что эти пишутъ-то?

— Полагаю, что въ газетахъ.

— То-то полагаю, а ты не полагай и достовѣрно разузнай.

Разсказъ заключается такимъ образомъ:

Былъ уже четвертый часъ въ исходѣ, когда мы вышли изъ редакціи газеты „Чего изволите?“. Я былъ значительно утомленъ, но все-таки шелъ бодро и даже весело. Мнѣ было лестно и радостно, что я, во-первыхъ, успѣлъ оказать услугу человѣку въ затрудненіи, а, во-вторыхъ, и себя сумѣлъ показать въ выгодномъ свѣтѣ. Какое-то внутреннее чувство нашептывало мнѣ: способный ты, способный, способный! Я возобновилъ въ своей памяти всѣ подробности этого утра, припоминалъ, какіе пустяки заставляли иногда задумываться Молчалина 2-го, какъ я ихъ легко разрѣшалъ, какъ онъ радовался моей находчивости, какъ весело при этомъ карандашъ его попрыгивалъ по корректурнымъ листамъ, какъ онъ однажды запѣлъ. При этой мысли я самъ начиналъ сѣменить ногами и напѣвать, а тайный голосъ все пуще и пуще твердилъ: способный! способный! способный!

И вдругъ эти праздничныя мечты измѣнились. Въ самомъ разгарѣ ликованій польщеннаго самолюбія мой слухъ былъ внезапно пораженъ словами простого прохожаго, который говоритъ:

— Преспособная, братецъ, бестія! Помани его только пальцемъ...

При этомъ возгласѣ я словно проснулся. Тоскливо сдѣлалось мнѣ, почти тошно. Какую, въ самомъ дѣлѣ, я роль сыгралъ въ это паскудное утро? Я, человѣкъ солидный и почти старикъ,—что такое я сдѣлалъ? Мнѣ даже показалось, что воздухъ наполняется міазмами и что какой-то осо-

бенно отвратительный запахъ начинаетъ спеціально преслѣдовать меня. Долгое время я не могъ разобрать, что это за запахъ, но, наконецъ, понялъ.

— А знаете ли что?—сказалъ я Алексѣю Степановичу,—вѣдь мнѣ все кажется, словно я эти два-три часа въ помойной ямѣ просидѣлъ.

Въ такихъ чертахъ талантливый сатирикъ рисуетъ намъ современное литературное молчалинство и, надо думать, рисуетъ, имѣя передъ собой примѣры и образцы. И указанныхъ сатирикомъ чертъ достаточно, чтобы судить, насколько годно это молчалинство и какъ, дѣйствительно, оно обдаетъ помойною ямой.

„Благонамѣренныя рѣчи“, Щедрина [1]).

Недавно вышли въ двухъ томахъ *Благонамѣренныя рѣчи* г. Щедрина, этого великаго зоила нашего времени. Мы столько говорили о г. Щедринѣ, вообще, и, въ частности, о весьма многихъ изъ тѣхъ „Благонамѣренныхъ рѣчей“, какія помѣщены въ этихъ двухъ томахъ, что я считаю излишнимъ особенно долго останавливаться на этихъ рѣчахъ и входить въ подробный анализъ ихъ. Замѣчу только, вообще, что въ „рѣчахъ“ этихъ г. Щедринъ является все тѣмъ же геніальнымъ сатирикомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокимъ современнымъ публицистомъ, какъ и во всѣхъ своихъ прочихъ сочиненіяхъ. Рядомъ съ весьма тонкимъ и остроумнымъ анализомъ различныхъ явленій общественной жизни вы встрѣчаетесь здѣсь съ типами, которые поражаютъ васъ, какъ наиболѣе выдающіяся и крайнія грани безобразій русской жизни въ настоящій моментъ. Таковы типы Осипа Ивановича Дерунова, этого кулака-міроѣда, какъ главнаго всепожирающаго героя нашего времени, и противъ него—типъ Павла Петровича Утробина, отжившаго героя прежняго времени, закорузлаго крѣпостника, находящагося нынѣ въ трагическомъ разладѣ со всѣмъ окружающимъ. Среди нихъ возвышается Марья Петровна Порфирьева, въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе превращенія помѣщицы прежняго порядка въ помѣщицу, сообразную съ новыми условіями жизни, превращенія сантиментальной кузины-Машеньки въ хищническую натуру дѣльца-пріобрѣтателя, округлителя и загребателя жара чужими руками. Среди этихъ трехъ выдающихся столповъ современной русской жизни вращаются всѣ прочіе герои *Благонамѣренныхъ рѣчей*: охранители и доносители, въ родѣ Терпибѣдова и отца Арсенія; смѣющіеся сами надъ собой, словно римскіе авгуры, администраторы новаго пошиба, въ родѣ Колотова; растленные до мозга костей столичные дѣльцы и прожигатели жизни, въ родѣ Николая

[1]) „Биржевыя Вѣдомости“, 1876 г., № 264. (См. выпускъ II-й, стр. 130.)

Батищева или Утробина-сына и пр. и пр. Крайняя деморализація, растерянность, нравственное паденіе и матеріальное обнищаніе прежнихъ хозяевъ и возвышеніе на этихъ развалинахъ новыхъ дѣльцовъ, въ лицѣ Осиповъ Ивановичей Деруновыхъ, Зайцевыхъ, Владыкиныхъ,—таково содержаніе наиболѣе выдающихся изъ *Благонамѣренныхъ рѣчей* г. Щедрина. Не входя въ подробный анализъ всей этой галлереи современныхъ уродствъ, я ограничусь тѣмъ, что сдѣлаю выдержку изъ первой части *Благонамѣренныхъ рѣчей*, долженствующую подтвердить все, что я говорилъ выше о людяхъ, отправляющихся въ Сербію умирать.

„Освободиться отъ „лгуновъ"—вотъ насущная потребность современнаго общества,—потребность, во всякомъ случаѣ, не менѣе настоятельная, какъ и потребность въ правильномъ рѣшеніи вопроса о дешевѣйшихъ способахъ околки льда на волжскихъ пристаняхъ. Убѣждать теоретиковъ обузданія въ необходимости ревизіи этого принципа было бы, однакоже, совершенно напрасною тратою времени. Большинство изъ нихъ (лгунылицемѣры) не только не страдаетъ оттого, что общество изнемогаетъ подъ игомъ насильно навязанныхъ ему и не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ жизни принциповъ, но даже извлекаетъ изъ общественной забитости извѣстныя личныя удобства. Меньшинство же (лгуны-фанатики), хотя и подвергаетъ себя обузданію наравнѣ съ массой простецовъ, но неизвѣстно еще, почему люди этого меньшинства такъ сильно вѣрятъ въ творческія свойства излюбленнаго имъ принципа—потому ли, что онъ влечетъ ихъ къ себѣ своими внутренними свойствами, или потому, что имъ извѣстны только легчайшія формы его. Есть много постниковъ, которые охотно держатъ постъ, сопровождающійся постною стерляжьею ухой, но которые, навѣрное, совсѣмъ не такъ ретиво пропагандировали бы теорію умерщвленія плоти, если бы она осуществлялась для нихъ въ формѣ ржаного хлѣба, приправленнаго лебедой. На дѣлѣ, героемъ обузданія оказывается совсѣмъ не теоретикъ, а тотъ бѣдный простецъ, который несетъ на своихъ плечахъ всѣ практическія примѣненія этого принципа. Онъ несетъ ихъ безъ услаџъ, которыя могли бы обмануть его насчетъ свойствъ лежащаго на немъ бремени, безъ надежды на возможность хоть временныхъ экскурсій въ область запретнаго: несетъ потому, что вся жизнь его такъ сложилась, чтобы сдѣлать изъ него живулю, способную выдерживать всевозможные обуздательные опыты. Онъ чтитъ всѣ союзы, но чтитъ не постольку, поскольку они защищаютъ его самого, а поскольку они ограждаютъ другихъ. Для него лично, нѣтъ въ мірѣ угла, который не считался бы заповѣднымъ, хотя онъ самъ открытъ со всѣхъ сторонъ,—открытъ для всѣхъ воздѣйствій, на изобрѣтеніе которыхъ такъ тароватъ досужій человѣческій умъ. Вотъ для него-то именно и необходимы тѣ разъясненія, о которыхъ идетъ рѣчь. Нельзя себѣ представить положенія болѣе запутаннаго, какъ положеніе добродушнаго простеца, который изо всѣхъ силъ сгибаетъ себя подъ игомъ обузданія и въ то же время чувствуетъ, что жизнь на каждомъ шагу такъ и подмываетъ его выскользнуть изъ-подъ этого ига. Строго обдуманной теоріи у него нѣтъ; онъ никогда не пробовалъ доказать себѣ

необходимость и пользу обузданія; онъ не знаетъ, откуда оно пришло и какъ сложилось: для него это просто modus vivendi [1]), который онъ всосалъ себѣ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Съ другой стороны, онъ никогда не разсуждалъ и о томъ, почему жизнь такъ настойчиво подстрекаетъ его на бунтъ противъ обузданія: ему сказали, что это происходитъ оттого, что „плоть немощна" и что „врагъ силенъ",—и онъ на слово повѣрилъ этому объясненію. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ опереться ему все-таки не на что. Онъ не имѣетъ надежной крѣпости, изъ которой могъ бы дѣлать набѣги на бунтующую плоть; не имѣетъ и укромной лазейки, изъ которой могъ бы послать „бодрому духу" справедливый укоръ, что вотъ какъ ни дрянна и ни немощна плоть, а все-таки почему-нибудь да беретъ же она надъ тобой, „бодрымъ духомъ", верхъ. Словомъ сказать, онъ открытъ и беззащитенъ со всѣхъ сторонъ... Но какъ ни жалка эта всестороння беззащитность, а для него, простеца, неизвѣстно зачѣмъ живущаго, неизвѣстно къ чему стремящагося,—даже и она служитъ чѣмъ-то въ родѣ спасительной пристани. Устраните изъ жизни простеца элементъ безсознательности,—и вы увидите передъ собой человѣка, отданнаго въ жертву непрерывнаго ужаса. Ужасъ—въ виду безрадостности существованія, со всѣхъ сторонъ опутаннаго обузданіемъ, и ужасъ же въ виду угрызеній, которыя необходимо должны отравить торжество немощной плоти надъ бодрымъ духомъ. Куда ни оглянись,—вездѣ огненная геенна. Ясно, что при такой обстановкѣ совсѣмъ невозможно было бы существовать, если бы не имѣлось въ виду облегчительнаго элемента, позволяющаго взглянуть на всѣ эти ужасы глазами пьянаго человѣка, который готовъ и море переплыть, и съ колокольни соскочить безо всякой мысли о томъ, что изъ этого можетъ произойти. Ясно, что только одна безсознательность можетъ выручить простеца въ его затруднительномъ положеніи. Если человѣкъ беззащитенъ, если у него нѣтъ средствъ бороться ни за ни противъ немощной плоти, то ему остается только безусловно отдаться на волю гнетущей необходимости, въ какой бы формѣ она ни представлялась. Исполнивши это, онъ, по крайней мѣрѣ, освобождаетъ себя отъ вмѣняемости передъ судомъ собственной совѣсти, отъ ужасовъ, которыми она грозитъ ему на каждомъ шагу. Подобно лунатику, онъ идетъ навстрѣчу препятствію, столь же чуждый сознательному намѣренію преодолѣть его, какъ и сознательному опасенію разбить себѣ лобъ. Случись первое,—онъ совершаетъ подвигъ безъ всякой мысли о его совершеніи; случись второе,—онъ встрѣчаетъ смерть, какъ одну изъ внезапностей, сцѣпленіемъ которыхъ была вся его жизнь".

Все это говоритъ г. Щедринъ въ началѣ своихъ *Благонамѣренныхъ рѣчей*, въ предисловіи къ читателямъ, словно нарочно для разъясненія, что заставляетъ иныхъ людей ѣхать въ Сербію и класть тамъ свою буйную голову.

Заурядный читатель (А. М. Скабичевскій).

---

[1]) Т.-е. совокупность условій, которыя сложились безъ его участія и опредѣляютъ его отношенія къ окружающему.

„Благонамѣренныя рѣчи", М. Е. Салтыкова [1]).

Г. Салтыковъ—одинъ изъ тѣхъ писателей, которыхъ никакая критика не можетъ ни направить, ни передѣлать, ни подорвать, ни установить и упрочить. Талантъ его сложился вполнѣ и давно уже принялъ свою болѣе рѣзкую и выразительную, чѣмъ прекрасную и миловидную физіономію, похожую на физіономію стараго провинціальнаго служаки, полнаго знанія статей и параграфовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и знанія своей сферы, ея людей и людишекъ, ея прошлаго и настоящаго, ея идеаловъ и вожделѣній. Недостатки этого интереснаго и популярнаго таланта столь же велики и несомнѣнны, какъ и его заслуги; многіе видятъ только заслуги, но многіе (и не подумайте, чтобъ это были однѣ только жертвы его справедливой сатиры) склонны видѣть одни только недостатки. Но если критика не можетъ ни подорвать ни упрочить значеніе г. Салтыкова, то еще менѣе можетъ она обойти его молчаніемъ. Не для него, но для читателей она должна, отъ времени до времени, отмѣчать тѣ новые шаги, которые авторъ дѣлаетъ если не въ развитіи, то въ примѣненіи своего пера къ измѣняющимся условіямъ дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ, какъ появились *Губернскіе очерки* въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1856 года (новое слово въ новомъ органѣ, одинъ изъ первыхъ проблесковъ *гражданственности* въ русскомъ печатномъ словѣ), настроеніе автора и взглядъ его на окружающіе его предметы не измѣнились; но страшно измѣнились эти окружающіе предметы, и сатира, которая въ настоящее время занялась бы, исключительно, тогдашними предметами сатирическаго гнѣва и сатирическаго хохота, была бы сатирой несвоевременною. Говоря это, я отнюдь не хочу ставить требованіе, чтобы беллетристика, исключительно, занималась интересами минуты. Ничто такъ хорошо не обезпечено въ пе-

[1]) „Голосъ", 1876 г., № 262. (См. выпускъ I-й, стран. 266.)

чати и мысляхъ публики, какъ интересы минуты; ничто не занимаетъ такъ много мѣста, ни на что такъ не направлены взоры, ни о чемъ такъ неумолчно не трубятъ голоса, какъ все объ этихъ же интересахъ минуты. Для нихъ есть и опека, охраняющая то, что пока существуетъ; есть и законодательная дѣятельность, создающая постепенно то, чего недоставало или недостаетъ; есть и земскія и городскія учрежденія, дополняющія охрану и реформу правительства словомъ и дѣломъ, выходящимъ изъ среды самаго общества; есть и общественное мнѣніе и общественное любопытство, обыкновенно, занятое именно интересами минуты и смотрящее на нихъ не только подслѣповатымъ глазомъ большинства, но и зоркимъ, проницательнымъ глазомъ меньшинства; есть, наконецъ, и печать, отражающая въ себѣ это общественное мнѣніе, утоляющая голодъ этого общественнаго любопытства и достаточно обширная, достаточно многочисленная, чтобы отразить въ себѣ не только просвѣщенный взглядъ меньшинства, но и предразсудки, недоразумѣнія и страсти большинства. Все это—въ пользу интересовъ минуты; все это—для ихъ защиты, для ихъ уясненія, для ихъ всесторонней оцѣнки. Я сдѣлалъ это отступленіе не безъ мысли о томъ главномъ предметѣ, которому посвященъ настоящій очеркъ. Повторяю, сатира, которая въ настоящее время, занялась бы, исключительно, предметами сатирическаго гнѣва и хохота, представлявшимися во время Крымской войны или, непосредственно, послѣ Парижскаго мира, была бы сатирой несвоевременною; не всѣ роды литературы, но нѣкоторые, и, быть-можетъ, всѣхъ болѣе именно сатирическій, должны слѣдить за измѣняющимися условіями ежедневной жизни; смѣяться надъ тѣмъ, что мало доступно общему взору, мало извѣстно (а сюда принадлежитъ все историческое, все давно прошедшее) — незанимательно и неразумно: смѣхъ есть дѣйствіе моментальное и потому не можетъ быть результатомъ исканій, усилій и напряженія памяти и любознательности. Сатирики всѣхъ временъ бичуютъ то, что у нихъ передъ глазами, а не то, что имъ извѣстно изъ преданій. Въ этомъ отношеніи сатира г. Салтыкова не оставляетъ ничего желать. Чуткій, зоркій, желчный, онъ постоянно слѣдитъ за нелѣпостью и уродствомъ, принимающими все новыя и новыя формы, по не вымирающими въ русскомъ обществѣ, какъ не вымираютъ

онѣ ни въ одномъ обществѣ, ни первобытномъ, ни высокоцивилизованномъ, ни процвѣтающемъ, ни распадающемся. *Благонамѣренныя рѣчи* изображаютъ намъ вещи и людей самой послѣдней формаціи. Если вы встрѣтите въ этихъ двухъ томахъ старыхъ знакомыхъ, то знакомые эти или возмужали и остепенились, или состарились и одряхлѣли. „Да, это онъ!“ съ изумленіемъ, но безъ умиленія восклицаетъ нашъ авторъ, встрѣтившись съ „длинной фигурой“, которая показалась ему какъ-будто бы знакомою.

„Да, это онъ, свидѣтель дней моей юности, отставной капитанъ Никифоръ Петровичъ Терпибѣдовъ. Но какъ онъ постарѣлъ, полинялъ и износился! какъ мало онъ походилъ на того дѣятельнаго куроцапа, какимъ я его зналъ въ дни моего счастливаго рѣзваго дѣтства!.. Наружность Терпибѣдова очень оригинальная Это человѣкъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ, необыкновенно длинный и весьма узкій въ кости. На этомъ длинномъ туловищѣ посажена непропорціонально маленькая головка, почти лишенная подбородка, съ крошечнымъ остаткомъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ заостреннымъ носомъ, какъ у копчика, съ воспаленными глазами, на выкатѣ, и съ совершенно покатымъ лбомъ. Изъ внутренностей его, словно изъ пустого пространства, безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ громкій, словно лающій голосъ... Одѣтъ онъ тоже не совсѣмъ обыкновенно. На немъ свѣтлокоричневый фракъ съ узенькими фалдочками стараго покроя, сѣрые клѣтчатые штаны со штрипками и темно-малиновый кашемировый двухбортный жилетъ. На шеѣ волосяной галстукъ, мѣстами сильно обившійся, изъ-подъ котораго высовываются туго накрахмаленные заостренные воротнички, словно стрѣлы врѣзывающіеся въ его обрюзглыя щеки...—Ба! сочинитель! залаялъ онъ, увидавъ меня. На меня вдругъ пахнуло словно сыростью. Какъ-будто распахнулись двери давно неотпиравшагося подвала, въ которомъ безъ толку навален былъ старый, заплѣснѣвшій отъ времени хламъ“.

Этотъ оригинально - костюмированный чудакъ былъ когда-то дворянскимъ засѣдателемъ въ земскомъ судѣ, славился, какъ „куроцапъ“, то-есть, какъ ловецъ чужихъ куръ (хотя жаловался, бывало, что „нынѣшніе, сударь, курчата некормленные, а ежели которые покормнѣе, такъ на тѣхъ уже давно капитанъ-исправникъ петлю закинулъ“); когда-то судился по дѣлу о сокрытіи убійства, за что его дразнили фофаномъ, онъ же, оправдываясь, отвѣчалъ, что „одну минуточку только не опоздай онъ къ секретарю губернскаго правленія — и ничего бы этого не было“. Затѣмъ онъ на время исчезъ „въ той общей пучинѣ, въ которую кануло крѣпостное право“. И вдругъ оказывается, что онъ живъ-живёхонекъ, что онъ „притаился, претерпѣлъ либеральныхъ мировыхъ посредниковъ и, все-таки, не погибъ. Да и не

только не погибъ, но даже всталъ на стражѣ, всталъ безкорыстно, памятуя и зная, что ремесло стража общественной безопасности вознаграждается у насъ болѣе пинками, нежели кредитными рублями". Такимъ же или еще бо́льшимъ метаморфозамъ подвергаются многіе старые типы. Вотъ бывшій прасолъ, Осипъ Ивановичъ Деруновъ, объѣзжавшій, въ былое время, помѣщичьи усадьбы, скупать хлѣбъ, полотно, бараньи шкуры, сушеные грибы—словомъ, все, что производило незатѣйливое помѣщичье хозяйство. Позовутъ, бывало, Дерунова въ столовую и посадятъ *вмѣстѣ съ господами* чай пить. Сидитъ онъ скромно, пьетъ неторопко, блюдечко съ чаемъ всею пятерней держитъ... Разсказываетъ, что въ скоромъ времени „объявленіе народу ждать надо", и что хотя наборъ—„оно, конечно", „одначе, и безъ набору нельзя". Онъ держалъ постоялый дворъ и при немъ небольшой хлѣбный лабазъ. Была тутъ черная изба для мужиковъ и „чистые покои", гдѣ за перегородкой ютился самъ хозяинъ съ женой, и въ которыхъ пахло затхлостью, мышами и тараканами; половицы шатались, изобильныя дыры и щели были прогрызаны крысами. Самъ Деруновъ, выписавшійся изъ мѣщанъ въ купцы, велъ самую скромную жизнь „основательнаго" и непритязательнаго прасола. Совсѣмъ не такимъ представился онъ *въ наши дни* автору, когда тотъ, идя по Невскому, мимо парикмахерской Дюбюра, увидѣлъ его сходящимъ съ лѣстницы. Соболья шуба рѣдчайшей воды украшала его мужицкія плечи; на головѣ былъ надѣтъ цилиндръ; отъ расчесанной, мягкой какъ пухъ бороды разило духами... Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ молоденькой, хорошенькой женой своего непокорнаго, непутёваго сына. Авторъ дѣлаетъ имъ визитъ и застаетъ красавицу лежащею, въ роскошномъ пеньюарѣ, на кушеткѣ; кругомъ, па стульяхъ, четверо военныхъ и одинъ штатскій. Здѣсь вранье, шутки и шансонетки; дальше, въ столовой, цѣлая батарея винъ и водокъ. Г. Деруновъ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о концессіи. Другой разъ, авторъ незваный пріѣзжаетъ къ почтенной четѣ вечеромъ. Онъ застаетъ въ кабинетѣ Осипа Ивановича крупную игру и, черезъ облако табачнаго дыма, различаетъ нѣсколько физіономій, несомнѣнно финансовыхъ и несомнѣнно восточныхъ. Въ гостиной, вокругъ хорошенькой невѣстки, опять молодежь, и въ числѣ ея—дипломатъ, сухой, длинный, желтый, объясняющій хозяйкѣ происхо-

жденіе, значеніе и цѣль брюссельской конференціи... Превращеніе охватываетъ не только отдѣльныя личности, но и цѣлый край.

„Въ настоящее время все составляетъ бремя для помѣщика: и вода, и небо, и земля, и даже собственный, приходящій въ разрушеніе домъ. Пашни лежатъ запустѣлыя, потому что хотя и пробовали сгоряча на первыхъ порахъ пахать, но напахали къ себѣ въ карманъ и бросили. Луга заѣзжены и потравлены, потому что прежнее властное слово „не смѣть!“ никого уже не сдерживаетъ. Пустоши никому ненужны и поросли чортъ знаетъ чѣмъ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла нѣтъ иного спасенія, кромѣ ликвидаціи. Но вопросъ: какъ ликвидировать?.. И вдругъ, всѣ какъ-то разомъ прозрѣли: нашлась статья настоящая, серіозная—лѣса... На выручку подоспѣли желѣзныя дороги, которыя значительно приблизили пункты сбыта. Вмѣстѣ съ первымъ слухомъ о желѣзныхъ дорогахъ появились и личности изъ мѣстныхъ прасоловъ, кабатчиковъ, бывшихъ приказчиковъ, бурмистровъ и прочаго деревенскаго дѣлового люда, которыя начали неутомимо разъѣзжать на бѣговыхъ дрожкахъ отъ помѣщика къ помѣщику, предлагая свое содѣйствіе по устройству ликвидаціи“...

Авторъ ѣдетъ по направленію отъ Москвы къ Ярославлю и не узнаетъ пейзажа, нѣкогда хорошо ему знакомаго.

„Вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, стояла сплошная стѣна лѣса; теперь, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ необозримыя пространства, покрытыя пеньками. Помѣщикъ зря продалъ лѣсъ; купецъ зря срубилъ его; крестьянинъ зря выпустилъ на порубку стадо. *Никому ничего не жалко; никто не заглядываетъ въ будущее; всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно.* И вотъ, давно ли началась эта вакханалія, а окрестность уже имѣетъ обнаженный, *почти безнадежный* видъ“.

Авторъ говоритъ о частномъ, конкретномъ случаѣ и объ отдѣльномъ, опредѣленномъ краѣ подъ Москвой; слова его нужно понимать буквально. Но почему такъ широка цѣль, такъ обширно больное мѣсто, въ которое онъ безъ труда попалъ, и почему мы всѣ ощущаемъ у себя это больное мѣсто и, негодуя на самихъ себя, беремъ сатирическій ударъ на собственный счетъ? Не потому ли, что эту жалкую и пошлую всеобщую потребность ликвидаціи можно принять и въ болѣе общемъ, отвлеченномъ смыслѣ? Не потому ли, что мы, и вообще говоря, ни въ одномъ серіозномъ вопросѣ „не заглядываемъ въ будущее“, что „никому ничего не жалко“, что, при общей лихорадочной потребности въ наживѣ безъ труда, „всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно“, а тотъ, кому нельзя, не находитъ исхода, кромѣ лежанія на боку или рутинной, полусонной дѣятельности безъ надеждъ, безъ честолюбія и безъ идеала? У насъ (за исключеніемъ весьма немногихъ дѣятелей, едва ли не

наперечетъ извѣстныхъ) нѣтъ ни общаго интереса, ни общихъ идей, ни общей любви, а есть только личная выгода и личное удовольствіе, забота о своемъ углѣ и о своей семьѣ или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, интересы и идеи небольшой клики. Пишу эти слова въ такой моментъ, который, повидимому, наименѣе допускаетъ упрекъ и, повидимому, наиболѣе выказываетъ присутствіе въ русскомъ обществѣ высшихъ стремленій, патріотическихъ порывовъ на *общее* дѣло. Мы всѣ жадно читаемъ извѣстія о войнѣ и, сравнительно съ прежнимъ, охотно жертвуемъ копейки на братьевъ-славянъ. Говорю „копейки", потому что читалъ на-дняхъ, что крошечныя сербскія облигаціи покупаются туго, несмотря на шесть процентовъ дохода, несмотря на то, что, помимо всякихъ процентовъ, онѣ—*сербскія*. Но если даже газетное извѣстіе было невѣрно; если даже капиталъ ринется на помощь несчастному и геройскому народу; если облигаціи достигнутъ курса 200 %; если тысячи русскихъ волонтеровъ лягутъ костьми за общее дѣло, за общую идею, за любовь къ великому цѣлому,—то и тогда сатирикъ останется правъ, и не будетъ нужды ни въ одномъ смягчающемъ штрихѣ. Мы патріоты, но только пока гремятъ пушки и обагряются кровью ятаганы. Прозаическій партіотизмъ во время мира, патріотизмъ по отношенію къ будничнымъ вопросамъ ежедневной жизни намъ недоступенъ и, чаще всего, смѣшонъ. Въ одномъ изъ очерковъ *Благонамѣренныхъ рѣчей* разсказывается, какъ дамы, ѣхавшія изъ Кёнигсберга въ Вержболово и сидѣвшія съ мужчинами, незадолго передъ русскою границей ушли въ свое, дамское, купе и возвратились оттуда *значительно пополнѣвши*. Это онѣ, подъ платьями, намотали на себя шелковыя матеріи, купленныя для безпошлиннаго провоза. Штука извѣстная и, сравнительно, безвредная: нѣтъ нужды гремѣть противъ нарушителей тарифа, внушеннаго отсталыми идеями протекціонизма. Но честность, руководившая этихъ дамъ, есть, такъ-сказать, наша общая, форменная, мундирная честность: и въ лѣсномъ, и въ питейномъ, и въ желѣзподорожномъ, и въ банковомъ, и во всякомъ вопросѣ, гдѣ только представляется возможность жать не сѣя, мы смотримъ на Россію, какъ на непріятельскую землю, съ которой надо сорвать возможно большую контрибуцію въ возможно кратчайшій срокъ. Никому-то изъ насъ, безстыдниковъ, не придетъ въ голову, что мы, своею жадностью

и недобросовѣстностью, расхищаемъ не отвлеченную „казну“, и даже не „публику“, въ смыслѣ богатаго и обезпеченнаго класса, а, главнымъ и, нерѣдко, исключительнымъ образомъ, все тотъ же мужицкій кошелекъ, все то же убогое, полуголодное, на аукціонъ глядящее мужицкое хозяйство, что мы косвеннымъ образомъ содѣйствуемъ расширенію области неурожаевъ, увеличенію недоимокъ и экзекуцій!.. Ѣдетъ авторъ проселкомъ на ямщицкой тройкѣ; разговариваетъ съ ямщикомъ; ямщикъ указываетъ ему виды—дома, озеро, мельницу. Вездѣ хозяиномъ и собственникомъ дѣлается „нѣмецъ“. „Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!“ вотъ общій вопль, который авторъ въ этомъ краѣ слышитъ и отъ кабатчика, и отъ лабазника, и отъ содержателя постоялаго двора. „И вамъ,—продолжаетъ нашъ наблюдатель,—ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами, „чуете сердцемъ, какъ всюду, на землѣ и подъ землею, и на водѣ и подъ водою, всюду ползетъ нѣмецъ“. А вотъ, и окончательное разрѣшеніе вопроса, весьма животрепещущаго и важнаго въ глазахъ многихъ честныхъ и добрыхъ людей, мнящихъ исправлять послѣдствія, когда они никоимъ образомъ не могутъ коснуться причины, именно, вопроса о покровительствѣ животныхъ:

„Намеднись, говоритъ ямщикъ:—я съ Крестьянъ Иванычемъ (нѣмцемъ-спекуляторомъ) въ Высоково на базаръ ѣздилъ, такъ онъ мнѣ:—какъ это вы, русскіе, такъ лошадей своихъ калѣчите, говоритъ. Неужто же, говоритъ, ты не понимаешь, что лошадь твоя тебѣ хлѣбъ даетъ? Ну, намъ какъ этого не понимать? Понимаемъ, извѣстно, понимаемъ. Я вотъ тоже Крестьяну-то Иванычу и говорю: *а тебя, Крестьянъ Иванычъ, по зубамъ-то, вѣрно, не чищивали?*—Нѣтъ, говоритъ, не чищивали.—Ну, а насъ, говорю, чистили. Только и всего. Эй вы, калѣлыя!“

И тройка заморенныхъ клячъ, почувствовавъ въ зубахъ и на спинѣ примѣненіе методы, несходной съ методой Крестьяна Иваныча, помчалась съ версту во весь опоръ.

„Выморочный“, Н. Щедрина [1]).

*) Въ послѣднихъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе два очерка г. Щедрина, изъ которыхъ послѣдній весьма замѣчателенъ и долженъ быть названъ блестящимъ. Въ августовской книжкѣ г. Щедринъ продолжаетъ свою длинную эпопею о семействѣ Головлевыхъ и, подъ заглавіемъ *Выморочный*, изображаетъ отупѣніе главнаго члена этой семьи—ехиднаго Іудушки. Мы уже говорили прежде, что не принадлежимъ къ поклонникамъ этой эпопеи, написанной не въ обычной манерѣ произведеній Щедрина. Авторъ пожелалъ явиться здѣсь въ роли объективнаго художника и облекъ свою сатиру въ какую-то торжественную одежду; но намъ кажется, что онъ плохо успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Ѣдкое остроуміе, сатирическая веселость—дорогія качества таланта г. Щедрина—здѣсь почти отсутствуютъ, и самъ г. Щедринъ добровольно лишаетъ себя атрибутовъ своей силы. Самая личность Іудушки представляется намъ крайне искусственною, приду-

---

1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1876 г., № 265. (См. выпускъ I-й, стр. 74.)

*) Эта статья принадлежитъ Василію Васильевичу Маркову, извѣстному критику, переводчику и поэту (род. въ 1834 г., ум. въ 1883 г.). Началъ свою литературную дѣятельность Марковъ въ „Современникѣ“ и работалъ въ этомъ журналѣ 25 лѣтъ (съ 1858 г.). Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ Марковъ велъ иностранный отдѣлъ. Когда В. Коршъ обновилъ „Спб. Вѣдомости“ привлеченіемъ талантливыхъ сотрудниковъ и измѣненіемъ направленія газеты, въ смыслѣ перехода въ лагерь умѣренныхъ либераловъ, Марковъ вступаетъ въ число сотрудниковъ этой газеты и ведетъ здѣсь отдѣлъ русской журналистики. Помимо этихъ органовъ, Марковъ принималъ участіе во многихъ журналахъ и газетахъ [„Библіотекѣ для чтенія (1860-хъ гг.), „Нов. Вр.“ (прежнихъ редакцій), „Загран. Вѣстн.“ (1864—65 г.), „Недѣлѣ“ и „Изящной Литерат.“ Вейнберга]. Марковъ сдѣлалъ много переводовъ, между прочимъ, стихотв. Роберта Бёрнса, эпопеи Рабле, „Гаргантюа и Пантагрюэль“, „Исторію XVIII ст.“, Шлоссера и Маколея и мн. др. *Прим. Н. Денисюка.*

манною, очень далекою отъ психологической правды. Въ изображеніи Іудушки вовсе незамѣтно пріемовъ объективнаго творчества, къ которому, повидимому, стремился авторъ. Здѣсь нѣтъ даже юмористической струи, а взятъ, исключительно, какой-то обличительно-дидактическій тонъ... Характеръ Іудушки обрисованъ такъ, какъ могъ его обрисовать только самый завзятый сатирикъ, видящій въ человѣческой природѣ только темныя ея стороны. Это голая, рѣзкая сатира и ничего болѣе, но для правильнаго сатирическаго впечатлѣнія здѣсь недостаетъ освѣжающаго, просвѣтляющаго смѣха, который придаетъ высшее значеніе сатирическому изображенію. Такимъ образомъ, не получается ни объективной художественности, ни яркой правдивой сатиры. Главное же, въ этихъ разсказахъ не видно творческой кисти,—того воодушевленія, которое придаетъ истинную цѣну литературному произведенію. Только въ двухъ мѣстахъ пробивается это воодушевленіе: въ комическомъ письмѣ двухъ провинціальныхъ актрисъ, весело описывающихъ свои кутежи съ адвокатами, и потомъ въ сценахъ, гдѣ Іудушка, одурѣлый отъ одиночества и погрузившійся въ дикія фантастическія мечтанія, вспоминаетъ свое прошлое, какъ онъ хозяйничалъ, ловилъ мужиковъ на порубкѣ лѣса и давалъ имъ хлѣбъ взаймы на ужасныхъ, ростовщическихъ условіяхъ. Эти мѣста хороши, и въ нихъ чувствуется сатирическій огонекъ.—Затѣмъ, Іудушка, какъ характеръ, крайне однообразенъ, и всѣ его рѣчи суть не что иное, какъ амплификаціи на тему лицемѣрнаго смиренія; онъ даже весь состоитъ изъ рѣчей, и мы постоянно видимъ его говорящимъ, болтающимъ, но не дѣйствующимъ; притомъ, всѣ эти рѣчи очень отзываются сочиненностью. Самое лучшее въ рядѣ разсказовъ о семьѣ Головлевыхъ—это старательность въ отдѣлкѣ, добросовѣстность композиціи—особенности, далеко не всегда присущія торопливымъ работамъ г. Щедрина. Зато чрезвычайно удаченъ во всѣхъ отношеніяхъ разсказъ г. Щедрина: *Экскурсіи въ область умѣренности и аккуратности* напечатанный въ сентябрьскомъ нумерѣ того же журнала,—разсказъ, составляющій продолженіе очерковъ, печатавшихся подъ этимъ заглавіемъ въ 1874 г. По всѣмъ признакамъ, къ этому времени относится и самое происхожденіе этой сатиры. Нельзя сказать, чтобы содержаніе ея не примѣнялось во многомъ и къ настоящей минутѣ; но подробности,

намеки и, отчасти, тонъ очерка указываютъ, что тутъ схваченъ уже пережитой моментъ. Мы не будемъ ни передавать содержанія этого очерка, ни приводить изъ него цитатъ, а ограничимся замѣчаніемъ, что въ немъ обрисована, въ самыхъ комическихъ чертахъ, исполненная треволненій, дѣятельность газеты „Чего изволите?", прикрывающейся либеральнымъ знаменемъ и полемизирующей съ газетой „Бреющее шило". Здѣсь выступаютъ всѣ лучшія качества крупнаго таланта г. Щедрина: язвительная насмѣшка, оживленная комическимъ элементомъ, сатирическая мѣткость, бьющая прямо въ цѣль, и блестящее остроуміе, разсыпаемое щедрою рукою. Здѣсь г. Щедринъ вращается вполнѣ въ свойственной ему сферѣ, и набросанныя имъ сцены представляютъ живую картину, мѣтко схватывающую, съ сатирической точки зрѣнія, извѣстный рядъ явленій нашей умственной жизни.

В. М. (Марковъ).

Новые разсказы г. Щедрина, подъ общимъ заглавіемъ: „Благонамѣренныя рѣчи“ [1]).

*) Намъ давно не приходилось говорить о новѣйшихъ произведеніяхъ г. Щедрина, между тѣмъ, рѣдкая книга „Отечественныхъ Записокъ“ появляется безъ продолженія его *Благонамѣренныхъ рѣчей*. Въ теченіе послѣдняго года нашъ сатирикъ вышелъ на нѣсколько новую дорогу: *Благонамѣренныя рѣчи* теряютъ тотъ своеобразный и привычный обликъ, въ который до сихъ поръ выливались его произведенія. Это уже не сатира, а, просто, рядъ разсказовъ изъ исторіи семейства Головлевыхъ. Правда, разсказы носятъ на себѣ, по временамъ, сатирическій оттѣнокъ, но чисто художественно-повѣствовательная форма и всѣ пріемы сильно его затушевываютъ. Мы ровно ничего не имѣемъ противъ такого отдохновенія г. Щедрина отъ сатиры, такъ какъ сатира его въ послѣдніе годы потеряла свою соль и свѣжесть, и, ради одной удачной страницы, часто приходится прочесть много страницъ совершенно неудачныхъ. Долгіе годы почти ежемѣсячной поставки сатирическаго матеріала и не могли привести ни къ чему другому нашего талантливаго автора. Какъ бы ни была велика извѣстная сила чело-

---

1) „Русскій Міръ“, 1876 г., № 147. (См. выпускъ II-й, стран. 100.)

*) Статья эта принадлежитъ Всеволоду Сергѣевичу Соловьеву, сыну извѣстнаго историка и брату извѣстнаго философа Владиміра Сергѣевича. Всеволодъ Соловьевъ выступилъ на литературномъ поприщѣ, въ качествѣ поэта, въ концѣ 60-хъ годовъ; затѣмъ, помѣщалъ свои критическіе фельетоны въ „Спб. Вѣдом“. и „Русск. Мірѣ“. Въ 1876 г. Соловьевъ выступаетъ въ роли беллетриста исторической повѣстью „Княжна Острожская“ въ „Нивѣ“ и съ этого момента помѣщаетъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ извѣстной части читающей публики и выдержавшихъ по нѣскольку изданій. Главнымъ образомъ, эти романы и подняли спросъ на „Ниву“ среди невзыскательнаго класса читателей, а впослѣдствіи, когда они печатались въ „Сѣверѣ“, они подняли и тамъ подписку. *Прим. Н. Денисюка.*

вѣка, она неизбѣжно умаляется отъ долгихъ злоупотребленій ею. Такимъ образомъ, мы даже чрезвычайно рады новымъ разсказамъ г. Щедрина. Мы, прежде всего, смотримъ на нихъ, именно, какъ на отдыхъ автора, и надѣемся, что они дадутъ ему возможность еще разъ сказать новое и сильное слово своей сатиры. Къ тому же, разсказы эти далеко не безъ достоинствъ. Въ нихъ вы не найдете ничего особенно оригинальнаго и свѣжаго, но невольно замѣтите присутствіе таланта, а нѣкоторыя мѣста ихъ даже весьма хороши, какъ чисто-художественныя сцены. Мы уже говорили, въ свое время, о первыхъ эпизодахъ изъ исторіи семейства Головлевыхъ. Мы видѣли Арину Петровну Головлеву полноправною хозяйкой-устроительницей, самодержавною помѣщицей и главою семейства, жестокою матерью, подъ немилосердною рукой которой трепетали и погибали ея дѣти. Мы видѣли, какъ измѣнились ея обстоятельства, какъ сынъ ея, Порфирій Владимировичъ, по прозвищу Іудушка, сумѣлъ забрать все въ руки, придавилъ ея волю и устроилъ весьма плачевное существованіе „милому другу маменькѣ“. Іудушку — русскаго Тартюфа — авторъ обрисовалъ очень тщательно, и фигура его, несмотря даже на нѣкоторую утрировку и карикатурность, производитъ цѣльное впечатлѣніе. Гаже и отвратительнѣе этого Іудушки трудно что-нибудь придумать. Крайняя безсердечность и алчность, отсутствіе какихъ бы то ни было человѣческихъ чувствованій и, при этомъ, нахальный цинизмъ неудержимаго пустословія, омерзительное, лживое святошество. Въ новомъ очеркѣ г. Щедрина, помѣщенномъ въ майской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“, мы застаемъ Іудушку уже совершившимъ всѣ свои подвиги: онъ уморилъ своихъ сыновей, уморилъ мать и остался одинъ со своимъ стяжаніемъ. Онъ еще не понималъ своего одиночества; онъ былъ погруженъ въ перечитываніе бумагъ покойной матери, учитываніе всякаго гроша. Онъ не зналъ, для чего онъ это дѣлаетъ и кто воспользуется плодами дѣлъ его. Въ это-то время пріѣхала вступать во владѣніе своимъ имуществомъ одна изъ его племянницъ-сиротокъ, воспитанныхъ Ариной Петровной. Она съ сестрою, нѣсколько времени тому назадъ, покинули бабушку и сдѣлались провинціальными актрисами. Аннинька является героиней новаго разсказа и, по нашему мнѣнію, очень удалась автору. Вотъ, въ какомъ видѣ вернулась на родину молодая дѣвушка:

„Въ теченіе недолгой артистической карьеры Аннинька значительно выровнялась. Это была уже не прежняя наивная, малокровная и нѣсколько вялая дѣвушка, которая въ Дубровинѣ и Погорѣловкѣ, покачиваясь и потихоньку напѣвая, ходила изъ комнаты въ комнату, словно не зная, гдѣ найти себѣ мѣсто. Нѣтъ, это была дѣвица, вполнѣ опредѣлившаяся, съ рѣзкими и даже развязными манерами, по первому взгляду на которую можно было безъ ошибки заключить, что она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Наружность ея тоже измѣнилась и довольно пріятно поразила Порфирія Владиміровича. Передъ нимъ явилась рослая и статная женщина, съ красивымъ румянымъ лицомъ, съ высокою, хорошо развитою грудью, съ сѣрыми глазами на выкатѣ и съ отличнѣйшей золотистой косой, которая тяжело опускалась на затылокъ,—женщина, которая, повидимому, проникнута была сознаніемъ, что она-то и есть та самая „Прекрасная Елена“, по которой суждено вздыхать господамъ-офицерамъ...“

Аннинька сразу объявила, что у дяди ужасная скука, а Іудушка, между тѣмъ, уже поглядывалъ масляными глазами на племянницу и намѣревался задержать ее у себя на жительство. Пока же онъ совѣтовалъ ей съѣздить на могилу къ бабушкѣ; но прежде ей, по его мнѣнію, слѣдовало выстоять обѣдню.

„Только знаешь что?—ты бы сначала очистилась!—Какъ это... очистилась?—Ну, все-таки... актриса... ты думаешь, бабушкѣ это легко было? Такъ прежде, чѣмъ на могилку-то ѣхать, обѣденку бы тебѣ отстоять, очиститься бы! Вотъ я завтра пораньше велю отслужить, а потомъ и съ Богомъ!—Какъ ни нелѣпо было Іудушкино предложеніе, но Аннинька, все-таки, на минуту смѣшалась. Но, вслѣдъ затѣмъ, сдвинула сердито брови и рѣзко сказала:—Нѣтъ, я такъ... я сейчасъ пойду!“

Предложеніе очиститься и чувство, вызванное въ Аннинькѣ этимъ предложеніемъ, было началомъ совсѣмъ новыхъ ощущеній, которыя ей предстояло испытать на своемъ старомъ пепелищѣ и которыя до сихъ поръ были очень далеки отъ нея. Авторъ художественно подмѣтилъ и выразилъ это пробужденіе сознанія въ „Прекрасной Еленѣ“. Она сначала очень холодно говорила о бабушкѣ и о ея смерти, но на могилѣ расплакалась. Пріѣзда ея не ожидали, и домъ, въ которомъ умерла бабушка, стоялъ пустой и холодный. Все было въ безпорядкѣ и пыли. Аннинька сѣла въ бабушкино кресло и задумалась. Еще недавно она рвалась на волю изъ этой постылой деревни. Теперь же ей хотѣлось бы пожить тутъ. Здѣсь много воздуху, здѣсь привольно...

„А *тамъ*, въ этой полукочевой средѣ, изъ которой она только-что вырвалась, и куда опять *должна* возвратиться,—что ее ждетъ? и что она оттуда вынесла?—Воспоминаніе о пропитанныхъ вонью гостиницахъ, о вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ общей столовой и изъ билліардной, о нечесаныхъ и немытыхъ половыхъ, о репетиціяхъ среди царствующихъ на сценѣ

сумерокъ, среди кулисъ, до которыхъ дотронуться гнусно, на сквозномъ вѣтру, на сырости... Вотъ и только! А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пустыя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма, и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ! И что они говорили ей! Съ какимъ цинизмомъ къ ней прикасались!.. Особливо тотъ, усатый, съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... ахъ, что онъ ей говорилъ!..“

Аннинька недолго пробыла въ домѣ и собралась ѣхать. Старикъ слуга говорилъ ей: „А мы, было, думали, что вы къ намъ вернетесь! съ нами поживете“.—„Нѣтъ ужъ... что! Все равно... живите!“ отвѣчала Аннинька, и слезы ея полились снова. И ничего, казалось, ей не жаль, и даже помянуть нечѣмъ, а все же лились слезы. Она опять заѣхала на могилу бабушки—и стало ей „всѣмъ существомъ“ горько, не надъ бабушкой, а надъ самой собой. Скучная и тихая вернулась она къ дядѣ Іудушкѣ, который все оттягивалъ время устроить дѣла ея по вводу во владѣніе, все уговаривалъ ее остаться у него и лѣзъ цѣловаться, объясняя свою нѣжность такимъ образомъ: „Отчего же и не поцѣловаться! Не чужая ты мнѣ,—племяннушка! Я, мой другъ, по-родственному! Я для родныхъ всегда готовъ! Будь хоть троюродный, хоть четвероюродный, я, все-таки, всегда...“. Разумѣется, Іудушка былъ очень противенъ Аннинькѣ; ей хотѣлось скорѣе вырваться отсюда и уѣхать; но въ настоящую минуту она была занята другими мыслями. Толчокъ, данный ей посѣщеніемъ бабушкиной могилы и дома, возбудилъ въ ней мученіе, отъ котораго она не могла отвязаться. Авторъ подробно слѣдитъ за ея мыслями и чувствами. Уйдя изъ скучной и суровой бабушкиной обстановки, Аннинька попала въ сравнительную роскошь, о которой теперь не могла безъ стыда вспомнить. Она вовсе не хотѣла того, что съ ней случилось: ея желанія были сначала весьма скромны, она мечтала о трудовой жизни, объ искусствѣ и рѣшительно не знала, „какъ сама-собою сложилась такая практика, которая сразу разбила впрахъ мечты“. Перерожденіе изъ институтки и деревенской барышни въ „Прекрасную Елену“ совершилось для нея незамѣтно. Она плыла по теченію. Она оправдывала свое рѣшеніе вступить на подмостки провинціальной сцены *святымъ искусствомъ*. Но святое искусство привело ее въ помойную яму. Она какъ-то закружилась и не замѣчала окружавшаго ее безобразія. Она не замѣчала даже, что окружена только мужчинами, и что между нею и

„женщинами, имѣющими *постоянное положеніе*“, легла бездна. И вдругъ, пріѣздъ въ Головлево отрезвилъ ее. Она сразу почувствовала себя „барышней“. И въ то же время дѣйствительность сказала ей, что прежняя „барышня“ умерла, что осталась только актриса жалкаго провинціальнаго театра и что „положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины“. Она жила до сихъ поръ какъ во снѣ; она не сознавала позора пѣнія скабрезныхъ шансонетокъ съ непристойными тѣлодвиженіями.

„Она старалась только о томъ, чтобы все у нея выходило „мило“, чтобы ею восхищались, аплодировали ей. Теперь же, почувствовавъ себя „барышней“, она почувствовала весь позоръ своей жизни, ей стало невыносимо мерзко. Какъ-будто съ нея сняли всѣ покровы до послѣдняго и всенародно вывели ее обнаженною; какъ-будто эти подлыя дыханія разомъ охватили ее; какъ-будто она на всемъ своемъ тѣлѣ почувствовала прикосновеніе потныхъ рукъ, слюнявыхъ губъ и блужданіе этихъ мутныхъ, исполненныхъ плотоядной животности глазъ, которые безсмысленно скользятъ по кривой линіи ея обнаженнаго тѣла, словно требуютъ отъ него отвѣта: что такое „la chose“?

Мы привели эти грубо-безцеремонныя строки и спѣшимъ оговориться, припоминая подобную же безцеремонность выраженій и *цинизмъ слога* писателей новѣйшей французской школы, неодобрять которыхъ намъ часто приходится.

Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы не можемъ имѣть ничего противъ *цинизма* слога въ мысляхъ Аннинькп. Здѣсь положеніе художника таково, что онъ *долженъ* употребить грубыя краски, и обвинять его за это было бы безсмысленно. Описаніе ужаса, охватившаго несчастную дѣвушку, должно быть выражено въ соотвѣтственной формѣ, воспоминанія отвратительны и грязны—и таковыми долженъ представить ихъ авторъ. Грязное описаніе здѣсь не цѣль, оно вполнѣ законно, а потому и не вредитъ художественности; мы возстаемъ только противъ *ненужной* грязи, хотя бы ея *ненужность* и была скрыта искусственнымъ образомъ. И г. Щедринъ иной разъ любитъ *ненужную* грязь; но, по поводу настоящаго разсказа, ему нельзя сдѣлать этого упрека. Здѣсь у него мотивъ, дѣйствительно, серіозный и заслуживающій вниманія... Но, несмотря на весь ужасъ своихъ воспоминаній, Аннинька даже и не подумала остаться въ деревнѣ. „Ей былъ данъ отпускъ, и она уже заранѣе распредѣлила все время его и назначила день отъѣзда изъ Головлева. Для людей слабохарактерныхъ тѣ внѣшнія грани,

которыя обставляютъ жизнь, значительно облегчаютъ бремя ея. Въ затруднительныхъ случаяхъ слабые люди инстинктивно жмутся къ этимъ гранямъ и находятъ въ нихъ для себя оправданіе". Такъ именно поступила и Аннинька: она рѣшилась какъ можно скорѣе уѣхать изъ Головлева, къ тому же, здѣсь все было такъ мрачно, такъ пахло отчужденіемъ и выморочностью. Но, прежде чѣмъ уѣхать, ей предстояло до конца испить чашу, подготовленную ея позоромъ. Дядя Іудушка не ограничился предложеніемъ „очиститься". Онъ начиналъ все сквернѣе и сквернѣе на нее посматривать и убѣдительнѣе упрашивать ее остаться съ нимъ жить. Наконецъ, между ними произошла такая сцена. Видя упорство племянницы, не желавшей оставаться, онъ ужъ и не зналъ, что придумать.

— „А бабенька (покойница) что скажетъ? Скажетъ: „Вотъ такъ внучка! Пріѣхала, попрыгала и даже благословиться у меня не захотѣла!" Порфирій Владимировичъ остановился и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ семенилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то взглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно, онъ рѣшался и не рѣшался что-то высказать. „Постой-ка, я тебѣ что-то покажу!" наконецъ, рѣшился онъ и, вынувъ изъ кармана свернутый листокъ почтовой бумаги, подалъ его Аннинькѣ: „Натко, прочти!" Аннинька прочла: „Сегодня я молился и просилъ Боженьку, чтобъ Онъ мнѣ оставилъ мою Анниньку. И Боженька мнѣ сказалъ: „Возьми Анниньку за полненькую талью и прижми къ своему сердцу".—Такъ, что ли?" спросилъ онъ, слегка поблѣднѣвъ. — Фу, дядя! какія гадости!—отвѣчала она, растерянно смотря на него. Порфирій Владимировичъ поблѣднѣлъ еще больше и, произнеся сквозь зубы: „Видно, гусаровъ намъ нужно!" перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты.

Въ этой скверной сценѣ сказался весь Іудушка. Впрочемъ, онъ, пожалуй, сдѣлалъ бы то же самое и такъ же взглянулъ бы на нее, если бы она даже была чистою дѣвушкой. Но всѣ остальные, всѣ, кого ни встрѣчала Аннинька, смотрѣли на нее, какъ на потерянную, и бередили ея рану. Заговоритъ она съ экономкой дяди,—та ее спрашиваетъ: „А правда ли, Порфирій Владимировичъ мнѣ сказывали: будто бы актрисъ чужіе мужчины все за талію держатъ?" Бесѣдуетъ ли она со священникомъ и его женою— то же самое. Попъ и попадья были люди бѣдные, забитые обстоятельствами; но и они, очевидно, относились къ ней не просто, а съ сожалѣніемъ, какъ къ существу погибшему. Попадья никакъ не могла утерпѣть и спросила Анниньку:

„Правда ли, что съ актрисами обращаются, словно бы онѣ — не настоящія женщины?" Попъ совсѣмъ, было, всполошился и даже полы рясы

распустилъ; но, увидѣвъ, что Аннинька относится къ вопросу довольно равнодушно, подумалъ: „Эге! да ее, видно, и въ самомъ дѣлѣ не прошибешь!“ и успокоился.—То-есть какъ же это не настоящія женщины? спросила Аннинька.—„Ну, да вотъ, будто, цѣлуютъ ихъ, обнимаютъ, что ли... Даже будто, когда и не хочется, и тогда онѣ должны...“—Тщетно объясняла ей Аннинька, что сцена и дѣйствительная жизнь—двѣ вещи разныя. Сбить попадью было трудно. „Хоть и по пьесѣ, а все-таки... Иной съ слюнявымъ рыломъ лѣзетъ, на него и глядѣть-то претитъ, а ты губы ему подставлять должна“. Аннинька невольно зардѣлась; въ воображеніи ея вдругъ промелькнуло слюнявое лицо храбраго ротмистра Папкова, которое именно „лѣзло“. А попъ, въ свою очередь, толковалъ о томъ, что пуще всего нужно соблюсти свое сокровище, и что вотъ это-то сокровище, мнится, въ актерскомъ званіи соблюсти—дѣло довольно сумнительное. Что могла сказать на эти слова Аннинька! Мало-по-малу ей начинало казаться, что разговоръ этихъ простодушныхъ людей „о сокровищѣ“ совершенно одинаковаго достоинства съ разговорами господъ-офицеровъ „расквартированнаго въ здѣшнемъ городѣ полка“ о „la chose“. Вообще же, она убѣдилась, что и здѣсь, какъ и у дяденьки, видятъ въ ней явленіе совсѣмъ особенное, къ которому хотя и можно отнестись снисходительно, но въ нѣкоторомъ отдаленіи, дабы „не замараться“. А попадья, между тѣмъ, не унималась и, въ наивности своей, нанесла ей послѣднее оскорбленіе: „Вотъ еще о чемъ я хотѣла васъ спросить,—говорила попадья,—въ приходѣ у насъ дѣвушка одна есть, лыщевскаго двороваго дочка; такъ, она въ Петербургѣ у одной актрисы въ услуженіи была. Хорошо, говоритъ, въ актрисахъ житье, только билетъ каждый мѣсяцъ выправлять надо... Правда ли это?“

Дальше Аннинька уже не могла выдержать: она простилась; но обиды еще не кончились. Старикъ Ѳедулычъ, уговаривая ее остаться въ бабушкиномъ наслѣдственномъ домикѣ, говорилъ ей: „Что хорошаго по ярмаркамъ съ торбаномъ ѣздить! Пьяницъ утѣшать! Чай, вы — барышня!“ И далѣе:

„Сказывала тутъ дѣвка одна,—безчеловѣчно настаивалъ Ѳедулычъ,—въ Петербургѣ она въ услуженьѣ жила, такъ говорила, будто всѣ актерки—билетныя. Каждый мѣсяцъ должны въ части билетъ представлять!..“ Анниньку словно обожгло: цѣлый день она все эти слова слышитъ. — Ѳедулычъ!—съ крикомъ вырвалось у нея:—неужели вамъ доставляетъ удовольствіе оскорблять меня?—Съ нея было довольно. Она чувствовала, что ее душитъ, что еще одно слово—и она не выдержитъ“...

Здѣсь авторъ покамѣстъ оканчиваетъ свой разсказъ. Онъ можетъ съ Аннинькой кончить, какъ ему угодно. Разумѣется, онъ не станетъ спасать ее и наставлять на путь истинный, не заставитъ ее бороться тамъ, гдѣ она, по своему характеру, бороться не въ силахъ. Аннинька, въ разсказѣ г. Щедрина, является совершенно живою фигурою: художественный талантъ автора не навѣшалъ на нее ни особенныхъ добродѣтелей ни особенныхъ пороковъ. Мы весьма довольны,

находя въ новыхъ разсказахъ г. Щедрина неподдѣльную художественность. Онъ долгое время заставлялъ насъ смѣяться надъ людскою пошлостью; затѣмъ, смѣхъ этотъ начиналъ ослабѣвать все больше и больше... Въ рѣзко опредѣленныя рамки щедринской сатиры начало пробиваться, съ одной стороны, много лишняго, съ другой—много однообразія въ повтореніи однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Часто встрѣчался ненужный, насильственно вызываемый цинизмъ; дѣйствительная оригинальность переходила въ оригинальничанье. Чувствовалось полное отсутствіе свѣжести, чувствовалась сильная усталость. И со всѣмъ этимъ, автору недоставало того добраго и грустнаго чувства, которое неизбѣжно должно проникать въ художника при столкновеніяхъ съ нѣкоторыми сторонами современной жизни. Именно, это-то доброе, грустное чувство мы замѣтили въ новомъ его разсказѣ. Оно-то и придало художественное значеніе фигурѣ Аннипьки. Мы спѣшимъ отмѣтить такое проявленіе новыхъ сторонъ въ талантѣ нашего сатирика.

Вс. С—въ. (В. С. Соловьевъ.)

„Дворянскія мелодіи", Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки", 1877 г., № 11.

Г. Щедринъ—этотъ неистощимый юмористъ—продолжаетъ шутить и надъ прошедшимъ, и надъ настоящимъ, и надъ тѣмъ, что̀ уже прожито и пройдено, и надъ тѣмъ, что еще проходится и проживается. Въ его новомъ сатирическомъ очеркѣ *Дворянскія мелодіи* достается и тому и другому. Къ настоящему онъ немилостивъ; его зоркій глазъ подмѣчаетъ въ немъ черты очень дурныя, видитъ язвы общественныя, которыя возмущаютъ нравственное чувство. Вотъ характеристика этихъ язвъ и недоброкачественныхъ явленій:

„Мы переживаемъ, говоритъ онъ, время, которое представляетъ замѣчательно полное осуществленіе ликующаго хищничества. Безсовѣстность, заручившись союзомъ съ невѣжествомъ и неразвитостью, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили свои отношенія къ вещамъ и лицамъ, что не стѣсняясь возводятъ насилія на степень единственнаго жизненнаго регулятора. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но думаю, что такого нагло-откровеннаго заявленія „принципій" давно не бывало. Прежде, даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей, можно было изрѣдка разслышать слова въ родѣ: великодушіе, совѣсть, долгъ: нынѣ эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона торжествующихъ людей. Прежде, люди, сдѣлавшіе пакость, хотя и пользовались плодами ея, но молились Богу, чтобъ объ этомъ не узнали; нынче Богу, вообще, молиться не принято и краснѣютъ по поводу затѣянной пакости только тогда, когда она не удалась. Весьма возможно, что въ этой темной оцѣнкѣ современности (то-есть торжествующей ея части) очень значительную роль играетъ мое личное чувство,—чувство отживающаго человѣка, но, во всякомъ случаѣ, я дѣлаю ее *искренно*, и затѣмъ предоставляю читателямъ распутывать, сколько изъ приведенной выше характеристики принадлежитъ брюжжанію усталаго старика и сколько дѣйствительности. Но если даже такое простое слово, какъ „совѣсть" оказывается слишкомъ тяжеловѣснымъ для современныхъ діалоговъ, то какое же значеніе могутъ имѣть слова болѣе мудреныя, какъ, напримѣръ: любовь, самоотверженность и пр.? Очевидно, что

---

[1]) „Сынъ Отечества", 1877 г., № 282. (См. выпускъ І-й, стран. 65.)

единственная оцѣнка, на которую можно въ этомъ случаѣ разсчитывать, это—хохотъ. Что-то отрепанное, жалкое, полупомѣшанное представляется: не то салопница, не то Донъ-Кихотъ, выѣзжающій на битву съ мельницами. И всѣмъ по этому поводу весело; и всѣ хохочутъ: и преднамѣренные бездѣльники и искренніе глупцы. Этотъ хохотъ наполняетъ сердце смутными предчувствіями. Сначала человѣкъ видитъ въ немъ не болѣе, какъ безсмысленное изліяніе возбужденныхъ интересовъ веселонравія, но мало-по-малу онъ начинаетъ угадывать оттѣнки и тоны, предвѣщающіе нѣчто болѣе горькое и зловѣщее. Увы! подобныя предчувствія рѣдко обманываютъ. Хохотъ самъ-по-себѣ заключаетъ такъ много зачатковъ плотоядности, что тяготѣніе его къ проявленіямъ чистаго звѣрства представляется уже чѣмъ-то неизбѣжнымъ, фаталистическимъ. Однимъ простымъ хохотомъ Донъ-Кихота не проймешь, да онъ не удовлетворяетъ и самого хохочущаго. Является потребность проявить себя чѣмъ-нибудь болѣе дѣятельнымъ, напримѣръ: наплевать въ лицо, повалить на землю и топтать ногами. Конечно, всѣ эти дѣйствія могутъ быть производимы и самостоятельно, но несомнѣнно, что чаще всего они представляютъ собой видоизмѣненія хохота и, такъ-сказать, естественное его развитіе. Поэтому, ежели вамъ выпало на долю несчастіе, случайно или не случайно возбудить хохотъ толпы, то бойтесь, ибо хохотъ не только не противорѣчитъ остервенѣнію, но вызываетъ его".

А вотъ, затѣмъ, не менѣе характеристическій очеркъ прошлаго:

„Я принадлежу къ поколѣнію, которое воспитывалось на лонѣ эстетическихъ преданій и матеріальной обезпеченности. Конечно, и мы не всегда оставались вѣрны чисто-эстетическимъ традиціямъ, но по временамъ дѣлали набѣги въ область дѣйствительности... Нѣтъ, впрочемъ, не туда, а скорѣе въ область „униженныхъ и оскорбленныхъ". Но, подъ прикрытіемъ обезпеченности, эти набѣги производились словно во снѣ, безъ строгой послѣдовательности, порывами, которые столь же быстро потухали, какъ и разжигались. Много вышло изъ этой школы проходимцевъ и негодяевъ, но довольно и людей просто безсильныхъ и неумѣлыхъ. Проходимцы оказались живучими; неумѣлые, какъ и слѣдовало ожидать, вымираютъ, ибо набѣги въ область униженныхъ и оскорбленныхъ, несмотря на свою платоничность все-таки не прошли для нихъ даромъ".

„Въ жизни моей, продолжаетъ сатирикъ характеризовать прошлое, никогда не было насущнаго дѣла—вотъ въ чемъ моя боль. Бремя эстетическихъ традицій, бремя обезпеченнаго и легкомысленнаго срыванія жизненныхъ цвѣтовъ надвигалось на мои плечи съ такою вкрадчивой постепенностью, что я и не замѣтилъ, какъ эти плечи совсѣмъ онѣмѣли и сдѣлались неспособными къ принятію какого-нибудь другого бремени". „Не могу" и „не умѣю", продолжаетъ онъ, мучительно повторяю я себѣ, и только одно сознаю вполнѣ открыто, что никакихъ жизненныхъ итоговъ у меня нѣтъ, кромѣ чрезмѣрной тоски, которою преисполнено все мое существо".

И затѣмъ авторъ обрисовываетъ тѣ разговоры, какіе ведутъ между собой эти представители прошлаго, и которые онъ, вообще, называетъ „дворянскими мелодіями".

„Отличительныя свойства этихъ мелодій, продолжаетъ онъ,—елейность, хорошій слогъ, обиліе околичностей (обстановокъ) и въ то же время отсутствіе конкретнаго объекта, и, какъ существенный результатъ всѣхъ этихъ свойствъ, взятыхъ вмѣстѣ, неуловимость. Можно наслушаться ихъ, можно вздохнуть подъ ихъ переливы, но сжать и сформулировать точный ихъ смыслъ невозможно. Мелодіи эти раздаются и понынѣ, хотя съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже. Правда, что въ большинствѣ случаевъ дворянскія мелодіи довольно свободно превратились въ дворянскія же рычанія, но все-таки существуютъ разсѣянныя по лицу земли стыдливыя единицы, которыя упорствуютъ и до-днесь. Только мнѣ кажется, что и со времени упраздненія крѣпостного права, мелодіи эти сдѣлались еще тоскливѣе. Да, раздаются еще наши мелодіи и даже имѣютъ представителей въ литературѣ. Произведенія этой дворянско-литературной школы и теперь читаются охотно, потому что читатель находитъ въ нихъ и отличный слогъ, искусную обстановку (въ противоположность наготѣ современныхъ реалистовъ) и даже послѣдовательность; въ сущности, эта послѣдовательность есть плодъ умѣнья цѣлесообразно пользоваться частицами рѣчи: между тѣмъ, такъ какъ, за всѣмъ тѣмъ и т. п.; какъ бы то ни было, но ежели читатель берется за книгу, главнымъ образомъ, съ намѣреніемъ убить праздное время и при этомъ исполнить еще одно условіе, совершенно необходимое при чтеніи подобныхъ произведеній, то-есть остережется отъ возстановленія всего прочитаннаго въ своей памяти, то цѣль его будетъ достигнута, несомнѣнно. И время пройдетъ незамѣтно, и особенной тяжести въ головѣ не останется“.

Интересенъ затѣмъ разговоръ между выводимымъ авторомъ лицомъ и Глумовымъ, имѣющій характеръ самобичеванія:

— Хворы мы, братъ, вотъ что!—наконецъ, произнесъ онъ.

— Да и не теперь только хворы, а всегда были!—подхватилъ онъ съ жаромъ.—Вѣдь, коли по совѣсти-то говорить, помянуть нечѣмъ прошлаго... Эти экскурсіи въ область униженныхъ и оскорбленныхъ—ахъ! я забыть о нихъ не могу.

— А это еще лучшее, что было!

— Но, вѣдь, это развратъ! Это сонное любострастіе—вотъ это что! Какъ вспомнишь теперь, что по временамъ я лишалъ себя настоящаго обѣда, питался колбасой, да вареной ветчиной... ты думаешь, для чего? А для того, любезный другъ, чтобы на сбереженныя отъ обѣда деньги въ такихъ же клѣтчатыхъ штанахъ щеголять, какъ нашъ общій товарищъ Сеня Бирюковъ носилъ. Ахъ! даже кровь въ голову бросается! Вѣдь, я сгоралъ завистью къ тѣмъ, которые къ графинѣ Мильдефлеръ на балы ѣздили! Я, отроду ея не видавъ, анекдоты изъ жизни Мильфлерши разсказывалъ! Я стихи Лермонтова: „Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва“, на всѣхъ перекресткахъ съ пѣной у рта декламировалъ!

— И въ то же время отдавалъ часы досуга сочувствію униженнымъ и оскорбленнымъ... было, братъ, это! Было! И не съ однимъ тобой!

— Развѣ это не сонное любострастіе? Ахъ! что это за молодость была! Вѣдь, ни одного послѣдовательнаго шага, ни одного связнаго поступка не было—ничего, кромѣ нервной искренности, то-есть искренняго лганья! Не

лжи, а, именно, лганья, безобразнаго, нескладнаго, которое каждый насквозь видитъ. И страшное дѣло! Всѣ, вѣдь, знали и понимали, что мы лжемъ, лжемъ и лжемъ, и никто не далъ себѣ труда уличить насъ, никто не сказалъ: „Молодые лгуны, подумайте, какую вы готовите себѣ старость".

— Тогда, любезный другъ, всѣ лгали, а о молодыхъ людяхъ даже прямо такое мнѣніе было, что имъ лгать приличествуетъ. И дамочки тогдашнія такое направленіе имѣли, что только передъ лганьемъ и полагали оружіе. Ручательство страстности и пылкости онѣ въ лганьѣ видѣли.

— И вотъ, теперь мы—старики, и никому до насъ дѣла нѣтъ. Даже самимъ себѣ... да и самимъ себѣ мы опостылѣли и, словно прокаженные, жмемся и разнемогаемся по своимъ угламъ.

Это было такъ горько, такъ горько, что я совсѣмъ незамѣтно увлекся и, уже совершенно непослѣдовательно, заключилъ свою діатрибу [1]) восклицаніемъ:

— За что?

— А вотъ за то самое, въ чемъ ты сейчасъ самъ себя уличилъ. За лганье! Чудакъ, братецъ, ты! Цѣлый часъ самъ себѣ нотацію читаешь и вдругъ, за что?

— Да, но, вѣдь, все-таки... Не все же умерло... напримѣръ, хоть бы во мнѣ: вѣдь, хоть и поздно, а я очнулся-таки! Весь этотъ угаръ, всѣ эти странныя понятія о свойствахъ, составляющихъ украшеніе благороднаго юноши—все это уже давнымъ-давно похѣрено и сдано въ архивъ! Вѣдь, я теперь...

На этомъ словѣ я осѣкся и покраснѣлъ.

— Что же теперь?—спросилъ меня Глумовъ угрюмо.

— Зла я не дѣлаю! Зла!

— Христосъ съ тобой! Зачѣмъ дѣлать зло?

— Да, но, вѣдь, и это... Нельзя же не принять въ расчетъ... потому что, въ противномъ случаѣ, при чемъ же мы состоимъ? И что же, наконецъ, намъ дѣлать?

— Жаль. Если жизнь привязалась и не отпускаетъ тебя—ну, и живи. Удивляй міръ отсутствіемъ поступковъ и опрятностью чувствъ. Не пиши преднамѣренныхъ романовъ съ переодѣваньями, но и отъ гимновъ воздержись, потому что въ эти самые гимны твои, помимо твоей воли, непремѣнно проникнетъ водевильная струя. Тоскуй, стыдись, тяготись жизнью, но живи въ своихъ четырехъ стѣнахъ, благо ты уже обжился въ нихъ, и въ чужія существованія не впутывайся. Наблюдай эти существованія и, буде чего не поймешь въ нихъ, то не огрызайся, но и не славословь, а говори прямо: я этого не понимаю! Живи!

Въ этомъ небольшомъ очеркѣ Щедринъ указываетъ то мѣсто и роль, которую играетъ въ современномъ обществѣ человѣкъ, не потерявшій еще способности стыдиться. Среди всеобщаго шабаша безстыдства, плутовства, лжи, ограбленія и безпринципности живетъ небольшая группа лицъ, сохранившая способность не только активно не участвовать въ

---

[1]) *Діатриба*—рѣзкая критика, произносимая съ личными цѣлями.

этой вакханаліи непотребства и нравственнаго растленія, но сохранила способность понимать, что этотъ образъ жизни недостоинъ человѣка. Они ушли отъ жизни, и это былъ ихъ протестъ. Они—не герои, они не могли активно протестовать противъ озвѣрѣнія общества, но они скромно, стыдясь, удалились отъ всего того, что имъ предлагала эта жизнь, и тѣмъ остановили на своемъ поступкѣ вниманіе и тѣхъ, у которыхъ не совсѣмъ еще пропали совѣсть и стыдъ, и для будущаго поколѣнія явятся указателемъ язвъ общества. Они ушли, исчезли безъ пользы для себя, но съ пользой для другихъ, болѣе сильныхъ и умѣлыхъ. Придетъ новое поколѣніе и, остановивъ вниманіе на ихъ поступкѣ, спроситъ себя: „Отчего ушли они отъ жизни?“ И логика вещей подскажетъ имъ:—Оттого, что жить такъ, какъ жило общество, они не могли, потому что еще не утратили способности стыдиться. А такъ какъ это были не худшіе люди, слѣдовательно, устои общественные таковы, что не даютъ возможности жить и дѣйствовать всѣмъ тѣмъ, кто не желаетъ съ волками жить и по-волчьи выть... И новые люди не пожелаютъ безслѣдно исчезать и безропотно подчиняться существующему порядку вещей, а станутъ сомкнутыми рядами и опрокинутъ это зданіе безправія, невѣжества, безсовѣстности, насилія и ликующаго хищничества. Они придутъ и скажутъ: „Баста! такъ дольше жить нельзя!..“ На костяхъ этихъ людей, не пожелавшихъ сѣсть за пиршественный столъ фарисеевъ и мытарей, загорится заря новаго времени и прозвучитъ: Nultus liber homo capiatur vel imprisonetur, aut exulétur, aut aliquo modo des truator и т. д. *). Они погибнутъ для жизни, но не для будущаго, и, какъ въ концѣ очерка говоритъ Щедринъ, ихъ слѣдуетъ напутствовать въ иной лучшій міръ словами древнихъ римлянъ: „Sit tibi terra levis!“ [1]).

*) Здѣсь приведены начальныя фразы 39-й статьи Великой хартіи, положившей навсегда для англійскаго народа непреодолимое препятствіе самодержавію королей и установившей, на смѣну абсолютизму, народное представительство, неприкосновенность личности и огражденіе отъ административнаго произвола. *Прим. Н. Д.*

[1]) Да будетъ тебѣ легка земля!

„Тряпичкины-очевидцы“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1877 г., № 8.

Мы на-дняхъ говорили, что война, обнаруживъ много прекрасныхъ чертъ русскаго общества, въ то же время указала на нѣкоторыя ненормальности жизни ея и дала возможность выплыть наружу и нѣкоторымъ явленіямъ грустнымъ. Мы должны прибавить, что такого рода явленія нашлись и у самой литературы, обнаружились и въ ея дѣлѣ. Именно, такого рода явленія выразились относительно попытки нашихъ редакцій послать на поле военныхъ дѣйствій, по примѣру заграничныхъ газетъ, собственныхъ корреспондентовъ. Много возлагалось надеждъ на этихъ корреспондентовъ, но, въ большинствѣ случаевъ, вышло не что иное, какъ карикатура. И вотъ, такимъ богатымъ и подходящимъ матеріаломъ и воспользовался нашъ извѣстный сатирикъ въ напечатанномъ, въ вышедшей книжкѣ „Отечественныя Записки“, очеркѣ: *Тряпичкины-очевидцы.* Онъ выводитъ редакцію „Краса Демидрона“, которая послала двухъ корреспондентовъ: Подхалимова 1-го на Дунай и Подхалимова 2-го въ Малую Азію, оповѣщая читателей, что „оба они-де намъ извѣстны, какъ молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовѣстные и, главное, непьющіе“, и „надѣемся-де, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это новое доказательство нашихъ заботъ объ ихъ интересахъ, которое стóитъ намъ при этомъ довольно значительныхъ издержекъ“. И вотъ, является письмо Подхалимова 1-го, помѣченное „Станція Бологое“, въ которомъ онъ оповѣщаетъ, что онъ „выѣхалъ и на пути къ Дунаю“.

„Не знаю, что будетъ дальше, пишетъ онъ, но первыя впечатлѣнія, вынесенныя на пути между Петербургомъ и Бологимъ, удивительно отрадны. Я не буду занимать васъ описаніемъ нашего перехода черезъ Валдайскій хребетъ, хотя, по словамъ спеціалистовъ, эти горы представляютъ въ стра-

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1877 г., № 204. (См. выпускъ 1-й, стран. 65.)

тегическомъ отношеніи отличнѣйшія удобства. Описаніе это было бы небезынтересно только въ такомъ случаѣ, если бъ возможно было предположить, что театръ военныхъ дѣйствій перенесется сюда, но такъ какъ турки, навѣрно, никогда не дерзнутъ проникнуть такъ далеко, то я полагаю, что говорить объ этомъ предметѣ преждевременно нечего. Пускай Европа думаетъ, что въ этихъ мѣстахъ ничего нѣтъ, кромѣ валдайскихъ колокольчиковъ и валдайскихъ баранокъ: для насъ, съ стратегической точки зрѣнія, такое невѣжество даже выгодно".

Упомянувъ, какъ онъ купилъ въ гостиномъ ряду чемоданъ и ради чего попалъ въ вагонъ третьяго класса, такъ какъ-де для наблюденій чувствъ, одушевляющихъ въ настоящую минуту русскій простой народъ, „вагонъ третьяго класса—сущій кладъ", Подхалимовъ 1-й продолжаетъ:

„Какъ и слѣдовало ожидать, настроеніе нашего вагона было отличное. Пассажиры были точно на подборъ, молодецъ къ молодцу. Всѣ имѣли видъ увѣренный, добрый, и, какъ только прошли первыя минуты обычной суматохи и усаживанья, такъ тотчасъ же, разумѣется, выступилъ на сцену животрепещущій восточный вопросъ. Насчетъ участи, ожидающей турокъ, судили разно, но замѣчательно, что ни въ комъ не было ни тѣни колебанія или сомнѣнія; напротивъ того, всѣхъ одушевляла твердая рѣшимость не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока самое имя Турціи существуетъ на картѣ Европы. Никому изъ нихъ лично не приходилось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе большинство выказывало такую отвагу, что я безъ труда понялъ, чего можно бы было ожидать отъ этихъ людей, если бъ ихъ не стѣсняли предѣлы вагона, подобно тому, какъ меня стѣсняютъ предѣлы газетной статьи. Многіе буквально рвались на поле битвы; одинъ почтенный мѣщанинъ (онъ содержитъ въ Углицкомъ уѣздѣ питейный домъ и мелочную лавку) сказалъ мнѣ:

— Кажется, пусти меня теперь на страженіе, такъ я одинъ десяти туркамъ-чуркамъ головы поснесу.

А сидѣвшій тутъ же, поблизости, духовный пастырь, движимый похвальнымъ соревнованіемъ, присовокупилъ:

— Духовно мы, сударь, давно ужъ за Дунаемъ, и нѣкоторые даже и далѣе.

Разумѣется, я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вступить въ собесѣдованіе.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—спросилъ я.

— А за тѣмъ и стало, что дома своихъ дѣловъ много,—отвѣтилъ мѣщанинъ. Священникъ, соревнуя ему, объяснилъ:

— Духомъ мы высоко паримъ, но немощная плоть паренью нашему не мало препонъ представляетъ, отчего и унываемъ. Питейный-де домъ, напримѣръ, ихній, по настоящимъ обстоятельствомъ прикрыть бы можно, дабы съ легкимъ сердцемъ устремиться туда, куда гласъ чести всѣхъ вѣрныхъ призываетъ, а мы на мѣсто того немоствуемъ.

Пускаясь, по этому поводу, въ своеобразную философію, Подхалимовъ 1-й продолжаетъ:—Покуда я такимъ образомъ размышлялъ, кто-то въ углу вагона крикнулъ:

— Что долго разговаривать! Идемъ вcѣ противъ турка, и весь сказъ!

Что произошло въ эту минуту, я не берусь описать. Представьте себѣ поѣздъ, несущійся на всѣхъ парахъ, представьте грохотъ колесъ, тяжелое дыханіе паровоза... и что же? Даже всего этого оказалось недостаточнымъ, чтобы заглушить гулъ нашихъ голосовъ, слившихся въ одномъ общемъ чувствѣ. Да, нужно имѣть перо г. Немировича-Данченко, чтобы передать эту картину! Всѣ поздравляли другъ-друга, обнимались, цѣловались, а одна старушка, сидя углу, тихо плакала. Откуда взялся этотъ внезапный наплывъ чувствъ? Почему теперь, а не прежде или послѣ? На это я могу отвѣтить только слѣдующимъ: спросите у своего сердца, г. редакторъ.

Ежели человѣкъ имѣетъ сердце чувствительное, то онъ отвѣтитъ на эти вопросы очень легко, а ежели онъ при этомъ еще выпивши, то отвѣтъ и безъ словъ окажется самъ собой начертаннымъ на его лицѣ".

Описывая затѣмъ, какъ его растрогала другая картина, именно, когда часовъ въ одиннадцать всѣ начали выгружать свои котомки и началась преусердная работа зубовъ, Подхалимовъ 1-й говоритъ:

„Я невольно залюбовался этою картиной, хотя, сознаюсь откровенно, лично мнѣ было не совсѣмъ ловко, потому что повсемѣстная ѣда обострила и мой аппетитъ, а я былъ настолько непредусмотрителенъ, что никакого запаса съ собой не взялъ. Къ счастью, я какъ-то проговорился, что я корреспондентъ, отправляющійся на Дунай, и этого одного достаточно было, чтобы вывести меня изъ затруднительнаго положенія. Какъ только слово „корреспондентъ" облетѣло всѣ скамьи вагона, такъ мнѣ въ одну минуту накидали цѣлую массу печеныхъ яицъ. Скажите по совѣсти, возможно ли что-нибудь подобное за границей или гдѣ бы то ни было, кромѣ нашей хлѣбосольной и обильной Россіи! Этого мало: меня обступила цѣлая толпа съ вопросами: въ чемъ заключается должность корреспондента и платятъ ли за нее жалованье. Я, разумѣется, какъ могъ, удовлетворилъ законному любопытству этихъ добрыхъ людей и, къ удовольствію моему, могу сказать, что объясненія мои вездѣ были встрѣчены сочувствіемъ. Одни, совершенно въ стилѣ Немировича-Данченко, воскликнули:

— Господи! хоть бы глазкомъ на страженье-то посмотрѣть!

Другіе наивно замѣчали:—Ишь ты, за что нонче деньги платятъ. Затѣмъ, по русскому обычаю, раздалось: „Выпьемъ!" и пошла круговая. Всѣ подходили ко мнѣ и пили за мое здоровье, а также и за ваше, г. редакторъ, потому что я объявилъ, что, лишь благодаря вашему иждивенію, я могъ осуществить давнишнее желаніе моего сердца—увидѣть Дунай и Балканы.

Покуда все это происходило, подошелъ ко мнѣ почтенный рыбинскій купецъ (называется онъ, какъ я послѣ узналъ, Иванъ Ивановичъ Тр.) и сталъ уговаривать меня, чтобы я ѣхалъ съ нимъ въ Рыбинскъ.

— Ты малый проворный, на войну завсегда поспѣешь, а лясы точить и у насъ, въ Рыбинскѣ, можно.

Къ этой же просьбѣ присоединилъ свой голосъ и отецъ Николай (имя священника, говорившаго о людской немощи), который тоже оказался обитателемъ рыбинскихъ палестинъ. Напрасно я отговаривался, во-первыхъ, тѣмъ, что для корреспондента время—тѣ же деньги, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что я уже заплатилъ за свое мѣсто до самой Москвы,—гостепріимный Иванъ Ивановичъ ни о чемъ слышать не хотѣлъ.

— Пустое ты городишь,—говорилъ онъ:—времени тебѣ дѣвать некуда, а деньги, которыя за мѣсто тобой плачены, всѣ до копеечки возвратимъ. Полюбился ты мнѣ: парень-то очень ужъ ты проворный. На Дунай собрался—легкое ли дѣло!

Я попробовалъ еще сопротивляться, но когда отецъ Николай мнѣ разсчиталъ по пальцамъ, что если я нѣсколько дней и опоздаю на поля битвъ, то потери отъ этого не будетъ никакой, а между тѣмъ, я могу упустить единственный, въ своемъ родѣ, случай наблюденія за проявленіями русскаго духа, такъ какъ именно теперь въ Рыбинскѣ проходятъ караваны съ хлѣбомъ,—то я вынужденъ былъ согласиться. Не знаю, похвалите ли вы меня за это уклоненіе отъ первоначально утвержденнаго вами маршрута, но увѣряю васъ, что газета отъ этого ничего не проиграетъ. Съѣзжу въ Рыбинскъ, наблюду за проявленіями русскаго духа и затѣмъ маршъ—на Дунай!

Что было потомъ, я не помню, потому что очень крѣпко уснулъ. Не видѣлъ ни Любани, ни Малой Вишеры, ни Окуловки и только въ Березайкѣ былъ разбуженъ моими будущими спутниками. Проснулся, и не безъ изумленія увидѣлъ, что кто-то взялъ на себя трудъ собрать мои печеныя яйца и уложить ихъ въ плетушку, которая и стояла возлѣ меня. Вотъ, еще замѣчательная черта русскаго характера! Кто въ другой странѣ проявилъ бы такую трогательную заботливость о спящемъ корреспондентѣ? Такимъ образомъ я очутился въ Бологовѣ, откуда и бесѣдую съ вами.

Содержатель буфета, узнавъ, что я отправляюсь черезъ Рыбинскъ на Дунай, отъ всей души предложилъ мнѣ графинъ очищенной, при чемъ на отрѣзъ отказался отъ уплаты денегъ по таксѣ. Вотъ вамъ и еще фактъ! Ужели, послѣ всего этого, нужно усомниться въ силѣ русскаго чувства? Чтó я содержателю бологовскаго буфета? Чтó онъ мнѣ? И вотъ, однакожъ, оказывается, что между нами существуетъ невидимая духовная связь, которая его заставляетъ жертвовать графиномъ водки, а меня—принять эту жертву".

Второе письмо Подхалимова слѣдуетъ изъ Рыбинска. Онъ пускается въ описаніе дороги отъ Бологова до Рыбинска и своихъ спутниковъ.

„Спутники мои, пишетъ онъ, оказались отличнѣйшими людьми. Иванъ Ивановичъ Тр.—веселый малый, высокій, плотный, румяный, кудрявый, съ голубыми, но необыкновенно странными глазами, которые дѣлались совершенно круглыми, по мѣрѣ того, какъ опорожнялась висѣвшая у него черезъ плечо фляга. Подобно всѣмъ русскимъ, не отказывающимъ себѣ въ удовольствіи выпить лишнюю рюмку водки, онъ говорилъ разбросанно, не только не вникая въ смыслъ выраженій, но даже не имѣя, повидимому, достаточно разнообразнаго запаса ихъ. Однако, я не скажу, чтобъ онъ былъ глупъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, но только, вслѣдствіе удачно сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ, не чувствовалъ настоятельной надобности въ размышленіи. Такіе люди въ общежитіи чрезвычайно пріятны. Они никого собой не обременяютъ, никому не навязываютъ своихъ мнѣній, но, взамѣнъ того, являются отличнѣйшими собутыльниками и хотя не поражаютъ своимъ краснорѣчіемъ, но охотно смѣются, поютъ, стучатъ ногами и, вообще, выказываютъ веселое расположеніе духа. Тѣмъ не менѣе,

такъ какъ людямъ, вообще, свойственно заблуждаться, то и личности, подобныя Тр., не изъяты, конечно, отъ недостатковъ. Во-первыхъ, они любятъ прибѣгать къ шуткамъ черезчуръ испытательнаго характера и, во-вторыхъ, не довольно смирны во хмелю. Противъ перваго изъ этихъ недостатковъ никакихъ средствъ еще не придумано; что же касается до второго, необходимо только зорко слѣдить, чтобы эти люди не пили больше того числа бутылокъ, которое человѣкъ, вообще, можетъ вмѣстить, и какъ только предѣлъ этотъ достигнутъ, то надобно, какъ можно скорѣе, укладывать ихъ спать. Затѣмъ, относительно отца Николая могу сказать, что отличнѣйшія качества его ума и сердца были для меня, въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онъ являлся прекраснымъ комментаторомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ рѣчей Ивана Ивановича дѣлался слишкомъ загадочнымъ. Судя же по тому, какъ онъ выражался о препонахъ, представляемыхъ плотскою немощью паренью ума, я едва ли ошибусь, сказавъ, что изъ него могъ бы выйти очень даровитый духовный витія, если бы арена его дѣятельности была нѣсколько пообширнѣе.

Описывая, затѣмъ, бесѣды свои съ этимъ Иваномъ Ивановичемъ и, между прочимъ, разговоръ о томъ, что такое корреспондентъ, Подхалимовъ пишетъ:

Иванъ Ивановичъ не далъ мнѣ окончить и съ изумленіемъ спросилъ:

— Такъ и корреспондентамъ деньги платятъ?

— Конечно, и даже совершенно достаточно, чтобы на...

— Ахъ, прахъ-те побери! Отецъ Николай, слышь?

— Слышу и ничего въ этомъ предосудительнаго не нахожу, ибо знаю по собственному опыту, что такое духовный трудъ, особливо, ежели оный совершается въ благоприличныхъ формахъ и въ благопотребное время.

— Нѣтъ, да ты шутишь! Настоящими ли деньгами-то платятъ вамъ? Не гуслицкими ли?

— Настоящими,—сказалъ я,—и вотъ вамъ доказательство.—Я вынулъ изъ бумажника десятирублевую и подалъ ему. Онъ поднесъ ее къ фонарю, посмотрѣлъ на огонь и вдругъ съ быстротою молніи опустилъ ее въ свой карманъ.

— Я ее дома ужо въ рамку вставлю и на стѣнкѣ въ гостиной у себя повѣшу!—сказалъ онъ.

Положеніе мое было критическое. Съ одной стороны, я понималъ, что это шутка (испытательнаго характера), но, съ другой, мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ жалко, такъ жалко этой десятирублевой бумажки, что даже сердце въ груди невольно стѣснилось. Не желая, однакоже, выразить свои опасенія, я рѣшился пойти на компромиссъ (опять вспомнилъ ваши передовыя статьи, гдѣ слово это такъ часто употребляется).

— Прекрасно,—сказалъ я,—въ такомъ случаѣ, вы мою бумажку вывѣсите, а мнѣ отдадите свою равносильной цѣнности.

Къ несчастью, голосъ мой при этомъ дрогнулъ, и это дало ему поводъ продолжать свою шутку.

— Жирно будетъ!—воскликнулъ онъ.

— Но почему же?

— А потому что... потому... выпьемъ, корреспондентъ!

Онъ откупорилъ фляжку, налилъ чарочку и поднесъ ее къ моему.

лицу, но, въ то время, какъ я почти касался губами, онъ ловкимъ маневромъ отдернулъ вино и выпилъ самъ.

— За твое здоровье, корреспондентъ!—Это была новая шутка, испытательнаго характера, но на сей разъ я рѣшился не высказывать своихъ чувствъ.

— Итакъ,—сказалъ я, возвращаясь къ прерванному разговору о позаимствованной у меня бумажкѣ,—за вами десять рублей.

— Шалишь, любезный, хочешь грѣхъ пополамъ?

— Но зачѣмъ же я получу пять рублей, коль скоро вы взяли у меня цѣлыхъ десять?

— Ну, слушай, пойдешь на аккордъ: пять рублей я тебѣ сейчасъ отдамъ, а пять—черезъ годъ. Хочешь? А твою бумажку въ рамку вставить велю и подпишу: корреспондента бумажка. Хочешь... что ли?"

Подхалимовъ описываетъ, какъ такія шутки продолжались всю дорогу, когда, въ концѣ-концовъ, онъ, проснувшись, увидѣлъ, что бумажка пришита на самомъ видномъ мѣстѣ къ полѣ пальто и такъ тщательно, что пришлось употребить не мало времени, чтобы отшить ее, при чемъ добродушный смѣхъ собесѣдниковъ оглашалъ стѣны вагона все время, покуда продолжалась операція отшиванія.

Затѣмъ слѣдуетъ телеграмма изъ Кинешмы, которая сбиваетъ уже съ толку самую редакцію „Краса Демидрона", и она выражаетъ по поводу ея изумленія. Телеграмма гласитъ:

„Сейчасъ получено извѣстіе, что мы перешли черезъ Дунай. Городъ иллюминованъ. Отецъ Макридій сказалъ приличное обстоятельствамъ слово. Завидую вамъ! Ура!"

Редакція пришла въ рѣшительное недоумѣніе, какимъ образомъ корреспондентъ могъ попасть къ Кинешму, и выразила предположеніе, что надо читать „Кишиневъ", превратившійся въ Кинешму, „вслѣдствіе одной изъ тѣхъ прискорбныхъ ошибокъ, отъ которыхъ, къ величайшему нашему сожалѣнію, телеграфное наше вѣдомство далеко не можетъ считать себя свободнымъ". И по этому поводу редакція пускается въ разглагольствованія и относительно неисправности телеграфнаго вѣдомства и той горести, какую доставляютъ корреспонденты редакціямъ: при этомъ приносится жалоба, что съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ Подхалимовъ 2-й, о немъ нѣтъ ни слуху ни духу. А, между тѣмъ, Подхалимовъ 1-й телеграфировалъ, дѣйствительно, изъ Кинешмы, а слѣдующую корреспонденцію прислалъ изъ Варнавина. Дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ, продѣлавъ надъ нимъ нѣсколько штучекъ, пригласилъ потомъ ѣхать съ собой въ Нижній и соннаго высадилъ на пустынномъ берегу Волги, положивъ ему, въ знакъ памяти, въ карманы пальто булку,

кусокъ колбасы, бутылку водки, сторублевый кредитный билетъ, на которомъ, ради все той же шутки, не забылъ нарисовать усы, и записку: „Прощай, корреспондентъ!“ Описывая все это, Подхалимовъ первый восклицаетъ:

„Да, печальна участь русскаго корреспондента! Мало того, что онъ, подобно американскимъ піонерамъ, рискуетъ, изслѣдуя русскія дебри, быть растерзаннымъ дикими звѣрьми,—надъ нимъ еще всячески издѣваются люди, которымъ, по ихъ богатству и положенію, слѣдовало бы стоять на стражѣ отечественной культуры“.

Эта жалоба заставляетъ, однако, редакцію „Красы Демидрона“ замѣтить отъ себя:

„Печальна, правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ заслужена. Если мы желаемъ, чтобы насъ уважали, необходимо, во-первыхъ, чтобы мы сами выполняли принятыя нами добровольно обязанности честно и добросовѣстно, не ставя лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ, въ затруднительное положеніе передъ подписчиками, а, во-вторыхъ, чтобы мы даже для выраженія чувствъ восторга присвоивали болѣе приличныя формы, а не впадали въ крайности, которыя позволяютъ, безъ нашего вѣдома, высаживать насъ на пустынный берегъ Волги“.

Изъ Кинешмы Подхалимовъ, хотѣлъ, видите ли, добраться до Москвы, чтобы ѣхать на Дунай, но, вмѣсто желѣзной дороги, попалъ на пароходъ, который привезъ его въ Юрьевецъ, гдѣ съ нимъ случился новый казусъ: выйдя съ парохода погулять, онъ попалъ потомъ, вмѣсто нижегородскаго парохода, на ѣдущій въ Макарьевъ. А такъ какъ паспортъ его былъ отобранъ въ Кинешмѣ, то онъ, изъ опасенія непріятной исторіи, поспѣшилъ выбраться до Макарьева и очутился въ Варнавинѣ. Далѣе онъ пишетъ изъ села Баки; телеграфируетъ изъ Козьмодемьянска о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы; пишетъ изъ Чебоксаръ, гдѣ, какъ оказывается, встрѣчаетъ Подхалимова 2-го. Эту встрѣчу онъ передаетъ такъ:

„Проходитъ два часа, и Чебоксары уже въ виду. Пристаемъ. Я выхожу на берегъ и спѣшу въ первый попавшійся на глаза трактиръ.

— Подхалимовъ 2-й, ты?

— Я.

— Какими судьбами? У родственниковъ что ли загостился? Помнится, ты говорилъ, что у тебя въ Чебоксарахъ родные живутъ?

— Какіе къ чорту, братъ, родственники! Развѣ у Подхалимова бываютъ родственники?

Слова эти опечалили меня. Горемычные мы, въ самомъ дѣлѣ, Подхалимовы, люди! Безъ роду, безъ племени, (все-то мы растеряли!) шатаемся изъ трактира въ трактиръ, разыскивая, гдѣ хоть бы крошечку пріютиться. Выйдетъ мѣстечко,—не успѣешь и оглянуться, смотришь—и опять чѣмънибудь не потрафилъ. Неуживчивы мы, мятежа въ насъ много.

— Вотъ оно что! Но, съ другой стороны, кабы не было этого мятежа, что̀ бы поддерживало насъ. Вотъ и вы, поди, теперь думаете: безпремѣнно я этому Подхалимову 1-му, за его неисправность, отъ мѣста откажу! Что жъ, откажите!

— Что же такое случилось? Деньги что ли потерялъ?

— Деньги потерялъ, паспортъ потерялъ,—все какъ слѣдуетъ: а главное, штучка у меня тутъ завелась.

— Гм... штучка! Интересно, братъ, интересно!

— Да что! Бестія, братъ, m-lle,—такая выжига, что Боже упаси.

— Какъ же ты на нее напалъ?

— А знаешь, Васильевъ, который въ гостиницѣ „Москва" половымъ, ну, такъ это—его сестра. Самъ-то онъ изъ черемисъ, а Чебоксары—это черемисская столица. Когда отправлялся подъ Карсъ, то, вотъ, онъ и говоритъ мнѣ: „Будете ѣхать мимо нашихъ мѣстовъ, такъ потрудитесь сестрицѣ письмецо да пять рублей денегъ отдать".

— Что жъ, хороша, по крайней мѣрѣ?

— Разсыпчатая.

— Дѣвица?

— Замужемъ. И сама—бестія и мужъ—бестія. Засталъ я ихъ въ лачугѣ, съ голоду мрутъ, а теперь распивочную продажу открыли.

— Эге! Такъ вотъ куда корреспондентское содержаніе ушло!

— Туда. Сперва всѣ наличныя изъ меня высосали, а потомъ и векселя въ ходъ пошли. Сколько я этихъ векселей надавалъ—страсть".

Однимъ словомъ, Подхалимовы на театръ военныхъ дѣйствій не попали, путнаго ничего не сообщали, и „Краса Демидрона" должна была оповѣстить, что Подхалимовы задержаны въ Чебоксарахъ, какъ безпаспортные, что избранный, вмѣсто Подхалимова 2-го, Ящерицынъ принялъ мѣсто квартальнаго надзирателя въ Сызрани. „За всѣмъ тѣмъ, говоритъ редакція „Красы Демидрона", мы продолжаемъ не щадить ни трудовъ ни издержекъ для удовлетворенія нашихъ подписчиковъ. На-дняхъ мы приусловили двоихъ молодыхъ талантливыхъ людей: г. Миловзорова и г. Прелестникова, и уже отправили перваго за Дунай, а второго—въ Малую Азію. Оба они — изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, обладаютъ прекрасными голосами и чрезвычайно солиднаго характера. Мы не станемъ увѣрять, что они совсѣмъ не пьютъ, но, кажется, не ошибемся, ежели скажемъ, что они пьютъ въ мѣру".

Вообще, въ очеркѣ г. Щедрина юмора много, а жизненной правды еще больше. Здѣсь газетный духъ, здѣсь газетнымъ духомъ пахнетъ. Развѣ вы не узнаете нашихъ „корреспондентовъ", способныхъ дать Хлестакову сорокъ очковъ впередъ? Безпардонные, изолгавшіеся, безграмот-

ные, съ неудержимымъ тяготѣніемъ къ трактиру и трактирной жизни, съ „бойкимъ“, беззастѣнчивымъ перомъ, способнымъ и очернить и обѣлить, смотря по надобности, съ восторгомъ, подогрѣтымъ построчною платой, съ гражданскимъ гнѣвомъ, разсчитаннымъ на карьеру и популярность, свободные отъ нравственныхъ, общественныхъ и научныхъ принциповъ, въ очеркѣ Щедрина они выведены живьемъ и навсегда увѣковѣчены его мастерскою кистью. Эти нѣсколько страницъ очерка *Тряпичкины-очевидцы* лучше исчерпали тему, чѣмъ все, что было написано до сихъ поръ на эту тему. Языкъ газетныхъ вралей, особенности пріемовъ ихъ статей, характеръ и способъ обобщенія переданы прекрасно.

„Тряпичкины-очевидцы", Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки", 1877 г., № 8.

*) Никто въ настоящее время въ такой степени не просится подъ бичъ сатиры, какъ наши военные корреспонденты, и г. Щедринъ, какъ нельзя болѣе кстати, разразился ударами своего сатирическаго бича, въ видѣ разсказа *Тряпичкины-очевидцы*, помѣщеннаго въ № 8 „Отечественныхъ Записокъ". Но ударъ г. Щедрина, по моему мнѣнію, на этотъ разъ промахнулся и задѣлъ совершенно не то, на что былъ направленъ. Вообще, разсказъ г. Щедрина не оправдываетъ ожиданій и оставляетъ послѣ себя какое-то не то недоумѣніе, не то разочарованіе.

Это произошло не оттого, конечно, что у г. Щедрина не хватило бы пороху для достодолжнаго покаранія нашихъ военныхъ корреспондентовъ, или не удалось бы ему встать въ своемъ разсказѣ во всей величинѣ своего таланта. Ничуть не бывало: г. Щедринъ передъ нами и, на этотъ разъ, все тотъ же г. Щедринъ, какимъ онъ является въ лучшихъ и наиболѣе удачныхъ своихъ произведеніяхъ: тотъ же убійственный сарказмъ, тотъ же рѣжущій и бьющій наповалъ смѣхъ... Но, тѣмъ не менѣе, произведеніе въ цѣль не попало. Аллегорически можно выразить это такъ: раздался все тотъ же оглушительный выстрѣлъ все изъ того же колоссальнаго мощнаго оружія, но выстрѣлъ попалъ въ двухъ-трехъ паршивенькихъ воробышковъ, а коршуны остались сидѣть на деревахъ и посмѣиваться надъ несчастными и жалкими жертвами охотничьей забавы. Судите сами по содержанію разсказа.

1) „Биржевыя Вѣдомости", 1877 г., № 211. (См. выпускъ II-й, стран. 130.)

*) Эта статья принадлежитъ А. М. Скабичевскому. (См. выпускъ II-й, стран. 299.)

Героемъ его является дунайскій корреспондентъ Подхалимовъ 1-й, посланный на мѣсто военныхъ дѣйствій редакціею „Краса Демидрона". Первое письмо пишетъ онъ со станціи Бологое, въ которомъ описываетъ свой переѣздъ черезъ Валдайскій хребетъ, замѣчая, что эти горы представляютъ въ стратегическомъ отношеніи отличнѣйшія удобства, но „пускай Европа думаетъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ ничего нѣтъ, кромѣ валдайскихъ колокольчиковъ и валдайскихъ баранокъ: для насъ, молъ, съ стратегической точки зрѣнія, такое самоувѣренное невѣжество даже выгодно". Затѣмъ, онъ сообщаетъ вагонные разговоры, выражающіе патріотически-военное настроеніе населенія, и далѣе описываетъ свое знакомство съ рыбинскимъ купцомъ Иваномъ Ивановичемъ Тр., который уговариваетъ его ѣхать съ нимъ въ Рыбинскъ. „Ты, говоритъ, малый проворный, на войну завсегда поспѣешь, а лясы точить и у насъ, въ Рыбинскѣ, можно". Корреспондентъ и отправляется въ Рыбинскъ: „Съѣзжу, говоритъ, въ Рыбинскъ, наблюду за проявленіями русскаго духа и затѣмъ—маршъ на Дунай!"

По дорогѣ въ Рыбинскъ, которую Подхалимовъ 1-й, помнитъ очень смутно, вслѣдствіе постоянныхъ угощеній со стороны купца Тр., приключается съ нимъ исторія весьма некрасивая. Купецъ Тр. оказывается шутникомъ. Разспрашивая героя о томъ, что́ за птица корреспондентъ, неужели ему тоже платятъ деньги и, поди-ка, чай, не настоящія, а гуслицкія, онъ выманиваетъ у героя 10-тирублевую бумажку, чтобы посмотрѣть, настоящая ли она, и опускаетъ ее въ карманъ. „Я, говоритъ, дома ужо въ рамку вставлю и на стѣнкѣ въ гостиной у себя повѣшу!"

Далѣе слѣдуетъ длинная сцена жалкаго выпрашиванья корреспондентомъ своей 10-тирублевой бумажки у купца Тр. и ломанья послѣдняго надъ злополучнымъ корреспондентомъ. Послѣ цѣлаго ряда глупѣйшихъ шутокъ надъ Подхалимовымъ купецъ Тр. пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ Нижній, но высадилъ его ночью, соннаго, на пустынномъ берегу Волги.

„Я,—объясняетъ герой,—на другой день проснулся, томимый жаждою, подъ палящими лучами солнца, и только отъ проходящихъ бурлаковъ узналъ, что нахожусь въ семи верстахъ отъ Кинешмы. Справедливость, однакожъ, требуетъ сказать, что я нашелъ свой сакъ въ сохранности, и, сверхъ того, въ карманы моего пальто заботливою рукою г. Тр. были положены: булка, кусокъ колбасы и бутылка водки. Сверхъ того, я нашелъ

у себя въ боковомъ карманѣ сторублевый кредитный билетъ и записку слѣдующаго содержанія: „Прощай, корреспондентъ!“ Однако, и этому доброму дѣлу онъ придалъ шутовскія формы, надѣлавшія мнѣ не мало хлопотъ, а именно: нарисовалъ на сторублевомъ билетѣ усы, такъ, что-когда я, придя въ Кинешму, хотѣлъ размѣнять ассигнацію на мелкія, то меня повели къ исправнику въ качествѣ обвиняемаго въ превратныхъ толкованіяхъ! Исправникъ же, хотя и убѣдился моими объясненіями въ моей невинности, но все-таки отобралъ отъ меня паспортъ, на случай, какъ онъ выразился, возникновенія обо мнѣ дѣла, и обязалъ меня подпискою увѣдомлять его, каждонедѣльно, о своемъ мѣстопребываніи! Вотъ каковы результаты моей поѣздки въ Рыбинскъ!“

Я не буду передавать подробности всѣхъ приключеній злополучнаго Подхалимова. Замѣчу только въ общихъ чертахъ, что онъ побывалъ въ Кинешмѣ, Варнавинѣ, въ селѣ Баки, Козьмодемьянскѣ, Васильсурскѣ, Чебоксарахъ. Повсюду, не находя у него паспорта, принимали его за поджигателя, по случаю мѣстныхъ пожарныхъ эпидемій. Изо всѣхъ мѣстъ онъ присылалъ телеграммы въ „Красу Демидрона“, въ родѣ слѣдующихъ:

„*Кинешма* (не Кишеневъ ли?). Сейчасъ получено извѣстіе, что мы перешли черезъ Дунай. Городъ иллюминованъ. Отецъ Мокридій сказалъ приличное обстоятельствамъ слово. Завидую вамъ! Ура!..“ или:

„*Козьмодемьянскъ*, 20-го іюня. Наши войска перешли за Балканы. Ура генералу Гурко! Всеобщій восторгъ. Пью за ваше здоровье, Аннушка! (Не понимаемъ! [1]). Кажется, успѣлъ напасть на слѣды Подхалимова 2-го, который дня три тому назадъ былъ здѣсь. Подробности почтою. Подхалимовъ 1-й“.

Подхалимовъ 2-й, упоминаемый въ послѣдней телеграммѣ, оказывается, въ свою очередь, корреспондентомъ „Красы Демидрона“, посланнымъ редакціею этой газеты, ранѣе еще Подхалимова 1-го, въ Малую Азію, но неизвѣстно, куда и какъ исчезнувшимъ. „Очень возможно,—предполагаетъ редакція „Красы Демидрона“,—что онъ взятъ въ плѣнъ, и въ такомъ случаѣ намъ приходится только пожалѣть объ участи талантливаго юноши и сотрудника, который намъ былъ особенно дорогъ своею готовностью выполнять порученія редакціи“. Но Подхалимовъ 2-й оказался застрявшимъ въ Чекбоксарахъ, гдѣ былъ обрѣтенъ своимъ коллегою Подхалимовымъ 1-мъ. Все это очень забавно и остроумно, но,

[1]) Примѣчаніе редакціи „Краса Демидрона“.

еще разъ повторяю, далеко не бьетъ въ цѣль. Въ лицѣ Подхалимовыхъ караются здѣсь какіе-то жалкіе пропойцы, безъ роду, безъ племени, посылаемые редакціями мелкой прессы, представительницею которой является въ разсказѣ г. Щедрина „Краса Демидрона". Я не спорю, чтобы не было у насъ подобнаго рода корреспондентовъ, но согласитесь сами, что они заслуживаютъ скорѣе горькаго сожалѣнія, чѣмъ того сатирическаго смѣха, какимъ осмѣиваются различные помпадуры и ташкентцы. Что же касается до корреспондентовъ большихъ газетъ, до всѣхъ этихъ гг. Бурениныхъ, Каразиныхъ, Немировичей-Данченко и tutti quanti, представляющихъ безобразнѣйшую амальгаму чичиковщины, хлестаковщины, ноздревщины и маниловщины, то всѣ эти господа остаются здѣсь въ сторонѣ: ни они сами себя ни другіе ихъ не узнаютъ въ Подхалимовыхъ. А они-то больше всего и заслуживаютъ бичей щедринской сатиры. Остается только пожалѣть, что выстрѣлъ г. Щедрина не пришелся по нимъ, потому что г. Щедринъ, по всей вѣроятности, не возвратится къ этому предмету, а кому же стрѣлять, кромѣ него.

Заурядный читатель. (А. М. Скабичевскій.)

„Тряпичкины-очевидцы“ [1]).

„Отечественныя Записки, 1877 г., № 8“.

Сатирическое перо Щедрина не могло не найти себѣ пищи теперь, когда поверхность народной жизни, до сихъ поръ ровная, спокойная и только покрытая мало замѣтнымъ невооруженному глазу налетомъ тины, вдругъ взбороздилась волнами, понесшими на себѣ не мало грязныхъ щепокъ, комьевъ сору, сорванныхъ водорослей... Всегда готовый сачокъ усерднаго ловца тотчасъ закинулся въ ту сторону, гдѣ показалась добыча, и, предоставивъ другимъ добываніе глубже лежащихъ цѣнныхъ раковинъ, по своему обыкновенію, занялся подхватываніемъ сору, съ цѣлью очистить поверхность и не дать всей этой дряни пробиться къ берегамъ, откуда она всегда готова будетъ оторваться, чтобы, при первомъ удобномъ случаѣ, опять запрудить собою теченіе. *Тряпичкины-очевидцы*—вотъ тотъ комокъ, который на этотъ разъ вытаскивается Щедринымъ теперь, къ общему смущенію всѣхъ, еще вчера въ Тряпичкина вѣрившихъ, на Тряпичкина ссылавшихся, Тряпичкину дававшихъ деньги, именно, за то, чтобъ онъ былъ „очевидцемъ“. За нѣсколько времени до появленія сатиры, о ней уже стали ходить слухи: каждый газетный корреспондентъ, вѣроятно, побаивался ея и поджидалъ, силенъ ли будетъ ударъ. Оказалось, однако, что авторъ намѣтился не совсѣмъ вѣрно, такъ-что „большія газеты“ сразу подняли головы, сдѣлали видъ, что это до нихъ совсѣмъ не касается, и усердно пустились на поиски несчастнаго Петра, вѣчно служащаго Климычу козломъ отпущенія и мишенью для насмѣшливыхъ кивковъ. За Петромъ этимъ, конечно, дѣло не стало, и, такимъ образомъ, разыгрался водевиль на давно извѣстную тему: „Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ“.

Интересно бы знать, замѣтилъ ли теперь Щедринъ свой промахъ и не попробуетъ ли его исправить: это слѣдовало бы

---

[1]) „Кронштадтскій Вѣстникъ“, 1877 г., № 109.

сдѣлать, такъ какъ, право, жаль совершенно даромъ потраченнаго труда. Съ самой первой страницы очерка читатель, сочувствующій охотѣ, уже съ сожалѣніемъ видитъ, что взглядъ ловца направляется не туда, куда слѣдуетъ. Не новѣйшія „Россійскія Пѣнкоснимательницы", когда-то фигурировавшія въ щедринской сатирѣ, а жалкая „Краса Демидрона" привлекаетъ вниманіе автора. Редакція этой газеты отправляетъ отъ себя па театръ войны двухъ корреспондентовъ: на Дунай—г. Подхалимова 1-го и въ Малую Азію—г. Подхалимова 2-го. Своимъ подписчикамъ она сообщаетъ объ ихъ отправленіи и прибавляетъ: „Оба намъ извѣстны, какъ молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовѣстные и, главное, непьющіе. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это новое доказательство нашихъ заботъ объ ихъ интересахъ, которое сто́итъ намъ, при этомъ, довольно значительныхъ издержекъ". Такой усердно-заискивающій тонъ тотчасъ рекомендуетъ „Красу Демидрона" не какъ могущественную представительницу шестой великой державы, называемой прессою, а какъ заглядывающую въ глаза покупателя торговку, немножко смѣшную, немножко жалкую и, ни въ какомъ случаѣ, не особенно опасную. Товаръ, которымъ она торгу́етъ, оказывается, именно, тѣмъ, чего и слѣдуетъ ожидать: дешевымъ гнильемъ. „Непьющіе" сотрудники превращаются въ „пьющихъ"; одинъ изъ нихъ, Подхалимовъ 1-й, еще не доѣхавъ до Москвы, поддается искушенію, являющемуся ему въ лицѣ нѣкоего купчины — Ивана Ивановича. Этотъ Иванъ Ивановичъ, въ силу сохраняющейся еще во многихъ натурахъ наклонности къ самодурству, рѣшаетъ на свой счетъ завезти Подхалимова къ себѣ, въ Рыбинскъ, чтобы тамъ, на досугѣ, поближе разсмотрѣть, что это за штука такая—„корреспондентъ", и, кстати, позабавиться надъ нимъ. „Ты малый проворный", убѣждаетъ онъ путешественника, „на войну завсегда поспѣешь, а лясы точить и у насъ, въ Рыбинскѣ, можно!" Проворный малый не могъ не согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе, что дорожная фляжка Ивана Ивановича неистощима и не жалѣетъ своего содержимаго.

Вообще, рыбинскій житель постепенно вполнѣ убѣждается въ томъ, что посланца „Красы Демидрона" можно третировать вполнѣ безцеремонно и что онъ только на то и годенъ, чтобы надъ нимъ тѣшиться. „Ѣхалъ казакъ за Дунай... по-

палъ въ Рыбинскъ!" подшучиваетъ Иванъ Ивановичъ.—„Да, въ Рыбинскъ", бравируетъ Подхалимовъ; „во-первыхъ, вы сами меня пригласили, а, во-вторыхъ, такъ какъ военныя дѣйствія еще не начались, то отчего же мнѣ, предварительно, не быть свидѣтелемъ драгоцѣнныхъ выраженій русскаго духа".

Дѣлясь съ редакціею всѣми разговорами и наблюденіями, Подхалимовъ шлетъ длинныя письма, но постепенно они все болѣе и болѣе наполняются разсказами о личныхъ похожденіяхъ, и при этомъ Одиссея принимаетъ очень печальный характеръ. Изъ Рыбинска дунайскій корреспондентъ, помимо своей воли, попадаетъ въ Кинешму, изъ Кинешмы—въ Юрьевецъ, Макарьевъ, Варнавинъ, Козьмодемьянскъ, Васильсурскъ и, наконецъ, въ Чебоксары, гдѣ онъ сталкивается съ Подхалимовымъ 2-мъ, тоже застрявшимъ, по дорогѣ въ Малую Азію, тоже спившимся съ кругу и потерявшимъ паспортъ. (Подхалимовъ 1-й еще въ Кинешмѣ разстался со своимъ паспортомъ, отобраннымъ у него исправникомъ, заподозрившимъ его за то, что онъ хотѣлъ размѣнять на мелкія сторублевую бумажку, на которой рыбинскій самодуръ Иванъ Ивановичъ нарисовалъ усы.) Въ концѣ-концовъ, редакція „Красы Демидрона", не перестающая, подобно бѣдной торговкѣ-вдовѣ, пѣть жалобно сердитую пѣсню о пропавшихъ у нея деньгахъ, получаетъ отъ чебоксарскаго исправника офиціальную бумагу о томъ, что въ Чебоксарахъ схвачены двое безпаспортныхъ бродягъ, именующихъ себя Подхалимовыми—корреспондентами газеты. Разумѣется, она спѣшитъ сообщить все, что ей извѣстно объ этихъ господахъ, вмѣстѣ со своими сѣтованіями на нихъ и съ отреченіемъ отъ ихъ услугъ на будущее время... Занавѣсъ сатиры опускается, и, такимъ образомъ, изловленными остаются только двое бѣдняковъ, которые сами про-себя такъ разсуждаютъ: „Горемычные мы, Подхалимовы, люди! Безъ роду, безъ племени (все-то мы растеряли!), шатаемся изъ трактира въ трактиръ, разыскивая, гдѣ бы хоть крошечку пріютиться! Выйдетъ мѣстечко — не успѣешь и оглянуться, смотришь—и опять чѣмъ-нибудь не потрафилъ...". Стоило ли ихъ бить послѣ этого, и Щедрину ли пускаться на охоту за ними!

Нѣкто изъ толпы.

„Тряпичкины-очевидцы". Сатирическій очеркъ г. Щедрина [1]).

*) Петербургская литература такъ-называемаго новаго направленія не напрасно считаетъ г. Щедрина весьма опаснымъ союзникомъ. Вдохновеніе этого сатирика—очень капризное и независимое, и нерѣдко бьетъ вовсе не по тому направленію, по какому бы было желательно его друзьямъ и почитателямъ. Мы помнимъ, что въ то самое время, когда вся наша печать восторженно привѣтствовала дебюты нашихъ первыхъ земскихъ дѣятелей и упивалась ихъ краснорѣчіемъ, г. Щедринъ, къ большому неудовольствію этой печати, вдругъ выпустилъ очень злую сатиру, именно, на нашихъ первыхъ земскихъ дѣятелей. Послѣ того, случалось не разъ, что сатира г. Щедрина била по друзьямъ гораздо больнѣе и удачнѣе, чѣмъ по врагамъ, къ великому смущенію иныхъ газетныхъ рецензентовъ. Но никогда, кажется, эффекты, производимые своеволіемъ сатирика, не были такъ сильны, какъ на нынѣшній разъ. *Тряпичкины-очевидцы*

1) „Русскій Міръ", 1877 г., № 245. (См. выпускъ II-й, стран. 100.)

*) Статья эта принадлежитъ извѣстному библіографу, историку литературы и критику Сем. Аѳан. Венгерову. Его монографіи, статьи по исторіи литературы, сборники и „критико-біографическій словарь русск. писат. и ученыхъ" хорошо извѣстны читающей публикѣ. Неутомимое трудолюбіе и любовное отношеніе къ вопросамъ литературы сдѣлало его имя почетнымъ и доставило ему всеобщее уваженіе.

Въ тотъ періодъ, когда г. Венгеровъ писалъ свои фельетоны въ „Русск. Мірѣ", направленіе газеты рѣзко измѣнилось. Изъ органа, воевавшаго противъ реформъ Александра II, онъ перешелъ въ лагерь прогрессистовъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ газета переходитъ въ руки Е. К. Раппъ и ведется сообразно воззрѣнія главныхъ сотрудниковъ: Л. З. Слонимскаго, Н. М. Минскаго, писавшаго воскресный фельетонъ, и С. А. Венгерова (критическій фельетонъ). Газета подвергалась неоднократнымъ предостереженіямъ, временнымъ пріостановкамъ и воспрещеніямъ розничной продажи за „вредное направленіе". *Прим. Н. Денисюка.*

произвели въ нашей прессѣ нѣкоторый переполохъ. Всѣ спѣшатъ заявить, что это до нихъ не относится. Авторъ, между тѣмъ, въ прямомъ выигрышѣ, потому что всѣ хвалятъ его сатиру—хотя бы, именно, затѣмъ, чтобы показать, что она до нихъ не относится. И въ самомъ дѣлѣ, сатира, очевидно, ни до кого не относится, такъ какъ передаетъ фактъ лишь неправдоподобный. Конечно, ни одна газета, посылавшая корреспондентовъ на театръ войны, не выбирала ихъ между маркерами и половыми трактира „Старый Пекинъ", и, конечно, ни одинъ изъ корреспондентовъ не испыталъ тѣхъ приключеній, которыя выпали на долю обоихъ героевъ сатиры, Подхалимова 1-го и Подхалимова 2-го. Но, намъ кажется, смыслъ сатиры надо искать не тамъ. Г. Щедринъ, очевидно, не имѣлъ въ виду ни корреспондентовъ съ театра войны вообще, ни тѣмъ болѣе какихъ-либо извѣстныхъ въ журналистикѣ лицъ. Предметъ сатиры—общая физіономія журналистики, и не нашей только, а, вообще, всей, схваченная съ самой невыгодной ея стороны—именно, со стороны навязчиваго стремленія сойти въ толпу, захватить улицу, овладѣть погребками и полпивными. Въ Европѣ, гдѣ, вообще, обороты печати гораздо значительнѣе чѣмъ у насъ, это стремленіе выражается, пожалуй, еще очевиднѣе, хотя тамъ лучше сумѣютъ соблюсти внѣшнюю опрятность. Разумѣется, г. Щедринъ, какъ и всегда, исполнилъ свою задачу самымъ карикатурнымъ образомъ, и пониженный уровень современной журналистики отразился въ его сатирѣ чертами, почти ужасающими. Но основная идея очерка—насмѣшка надъ присутствіемъ въ журналистикѣ людей совершенно нелитературныхъ и необразованныхъ; насмѣшка надъ пониженіемъ газетнаго уровня и тона—есть очень здравая идея, и было бы желательно, чтобы *Тряпичкины-очевидцы* были поняты именно въ этомъ смыслѣ.

Впрочемъ, и независимо отъ гг. Подхалимовыхъ, въ сатирѣ г. Щедрина есть вещи весьма остроумныя и не лишенныя серіознаго значенія.

W. (С. А. Венгеровъ.)

Новый сатирическій фельетонъ г. Щедрина [1]).

Въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, безъ сомнѣнія, выдающеюся вещью, какъ всегда, слѣдуетъ признать фельетонъ г. Щедрина: *Тряпичкины-очевидцы*. Фельетонъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе не только самъ-по-себѣ, но и по тому впечатлѣнію, какое онъ произвелъ на нашу газетную критику, поспѣшившую отозваться на него чуть не на другой день послѣ его появленія. Первымъ на этотъ фельетонъ отозвался г. Скабичевскій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. Со свойственнымъ ему глубокомысліемъ и проникновеніемъ въ самую суть дѣла, почтенный критикъ заявилъ, что фельетонъ г. Щедрина, при всѣхъ обычныхъ достоинствахъ его юмора, составляетъ сатирическій промахъ со стороны знаменитаго писателя. Въ фельетонѣ, по объясненію критика, задѣты какіе-то жалкіе пропойцы и прохвосты, по всѣмъ признакамъ смахивающіе на литераторовъ малой прессы и отнюдь не похожіе на корреспондентовъ нашихъ большихъ газетъ, которые, по мнѣнію г. Скабичевскаго, принадлежатъ къ категоріи счастливыхъ петербургскихъ бонвивановъ и донъ-жуановъ, пользующихся всѣми пріятностями жизни на издательскія деньги. „Этихъ-то счастливыхъ бонвивановъ и донъ-жуановъ, говоритъ г. Скабичевскій, и подобало г. Щедрину отхлестать бичомъ своей сатиры, разстрѣлять выстрѣлами своего остроумія, а онъ, между тѣмъ, напалъ на несчастныхъ „пропойцъ“, ютящихся въ различныхъ изданіяхъ „литературныхъ, политическихъ и ассенизаціонныхъ“, напалъ на нихъ со своимъ ядовитымъ смѣхомъ, тогда какъ они, эти несчастные пропойцы и прохвосты, достойны отнюдь не смѣха, а сожалѣнія“.

Заявленіе глубокомысленнаго критика о томъ, что сатира г. Щедрина задѣла пропойцъ и прохвостовъ, ютящихся въ

---

[1]) „Новое время“, 1877 г., № 543. (См. выпускъ II-й, стран. 61.)

малой прессѣ, возбудила совершенный переполохъ въ разныхъ „литературно-политическо-ассенизаціонныхъ“ петербургскихъ листкахъ и петербургскихъ газетахъ. Они накинулись съ гнѣвомъ на глубокомысленнаго критика за такое объясненіе сатиры г. Щедрина и начали уязвлять г. Скабичевскаго съ тѣмъ пахучимъ и забористымъ остроуміемъ, которое доставляетъ истинную утѣху обычной публикѣ малой прессы—петербургскимъ лакеямъ, городовымъ, кабачнымъ завсегдателямъ и т. п. И нельзя не сознаться, что они, эти листки и газеты, имѣли право обидѣться на г. Скабичевскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое? Неужели, подъ именемъ Подхалимовыхъ, выведенныхъ въ фельетонѣ г. Щедрина, слѣдуетъ, согласно объясненію критика „Биржевыхъ Вѣдомостей“, разумѣть различныхъ гг. Гусей, Философовъ, Гаврилъ, Соколовыхъ, Худяковыхъ, Лейкиныхъ, Жулевыхъ и прочихъ, бойкихъ и расторопныхъ сочинителей малой прессы, столь успѣшно идущихъ по стопамъ ея родоначальниковъ, гг. Ильи Арсеньева и Алексѣя Зарудпаго? *) Помилуйте, вѣдь, Подхалимовы, изображенные у г. Щедрина, оказываются половыми и маркерами изъ трактира „Старый Пекинъ“; вѣдь, Подхалимовымъ, по заявленію сатирика, платятъ ихъ редакціи по копейкѣ за строку, тогда какъ трудъ всѣхъ помянутыхъ сочинителей оплачивается, по крайней мѣрѣ, пятачковымъ гонораромъ; вѣдь, надъ Подхалимовыми г. Щедрина какіе-то купцы надругиваются и издѣваются самымъ наглымъ образомъ, тогда какъ сочинители листковъ и газетъ держатъ всякихъ купцовъ въ страхѣ и трепетѣ и сами ежедневно надругиваются и издѣваются надъ купцами. Возможно ли столь несправедливо позорить сочинителей листковъ и газетъ—объявлять ихъ тождественными съ героями фельетона Щедрина! Какъ ни невѣжественны, какъ ни безграмотны, какъ ни наглы они въ своихъ сочиненіяхъ—все же они нѣсколько выше половыхъ и маркеровъ. До какой сте-

---

*) Продажные публицисты, пріобрѣтшія печальную извѣстность своими печатными доносами. Такъ, наприм., И. А. Арсеньевъ, въ началѣ польскаго возстанія 1863 г., поѣхалъ въ Варшаву и, по порученію гр. Ламберта, корреспондировалъ въ брюссельскія газеты „Le Nord“ et „L'indépendance Belge“, субсидированныя русск. правительств. Свѣдѣнія для своихъ корреспонденцій Арсеньевъ получалъ отъ варшавской политической полиціи. Имъ же основаны типичнѣйшіе органы уличной прессы: „Петерб. Листокъ“, „Петерб. Газета“ и сатирич. журн. „Заноза“. *Н. Д.*

пени литературнаго шаромыжничества ни доходятъ они, но все-таки уже не такіе шаромыжники, чтобы позволить себѣ такъ пропойствовать, чтобъ ихъ отправлять по этапу.

Справедливо вломившись въ обиду на г. Скабичевскаго, сочинители газетъ и листковъ начали доказывать публикѣ, что въ фельетонѣ г. Щедрина выведены вовсе не они, а корреспонденты большихъ газетъ. Между прочими аргументами противъ заявленій почтеннаго критика, сочинители газетъ и листковъ, съ забавною торопливостью, приводятъ слѣдующій: у малой прессы не было корреспондентовъ ни на Дунаѣ ни въ Малой Азіи. Аргументъ этотъ, очевидно, крайне слабъ и нисколько не опровергаетъ мнѣнія г. Скабичевскаго. Почтенный критикъ побѣдоносно можетъ возразить на него такимъ образомъ: „Да, вѣдь, въ сатирическомъ фельетонѣ г. Щедрина изображаются вовсе не тѣ корреспонденты, которые были на Дунаѣ и въ Малой Азіи, а, именно, тѣ, которые ѣхали на Дунай да не доѣхали дальше Чебоксаръ, по случаю безпробуднаго пьянства и шаромыжничества на дорогѣ. А кто же намъ поручится, что такихъ недоѣхавшихъ корреспондентовъ не посылали листки и газеты, и что съ ними не было тѣхъ приключеній, которыя такъ смѣшно изображаетъ г. Щедринъ?“ Что могутъ сказать на такое побѣдоносное возраженіе г. Скабичевскаго гг. Худяковы, Соколовы, Лейкины, Жулевы и другіе сочинители малой прессы? Рѣшительно ничего. Имъ остается только покраснѣть отъ стыда и сознаться, что, пожалуй, критикъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ совершенно правъ въ своемъ предположеніи; что, пожалуй, дѣйствительно, въ фельетонѣ г. Щедрина, въ образѣ „пропойцъ“, половыхъ и маркеровъ, пустившихся въ литературу, выводятся именно они, дѣятели литературно-политическихъ и ассенизаціонныхъ петербургскихъ органовъ.

Однако, пусть они утѣшатся. Конечно, это не такъ; конечно, только проницательному г. Скабичевскому могла притти въ голову такая дикая мысль, что г. Щедринъ, хотя бы и въ сатирическомъ фельетонѣ, станетъ заниматься такими мелкими явленіями, какъ малая пресса и ея дѣятели. Въ самомъ дѣлѣ: странно было бы писать сатиру на эту прессу и этихъ господъ; странно было бы расточать стрѣлы сатирическаго отрицанія на то, что ровно не заслуживаетъ никакого вниманія сатирика. Хороша была бы сатира г. Щедрина, если бы она избирала для посмѣянія такіе пред-

меты, какъ грязное поведеніе, пьяную брань пьянаго лакея или извозчика, уличную грязь и слякоть и т. п. Малая пресса и ея дѣятели, конечно, не требуютъ никакой сатиры, ибо, къ сожалѣнію, они, сами-по-себѣ, сатира на самихъ же себя. Различные листки и газеты, какъ извѣстно, находятся въ такомъ всеобщемъ презрѣніи, пользуются такою скандальною репутаціей въ порядочной публикѣ, что выраженіе:—редакторъ изъ „Листка" или изъ „Петербургской Газеты"—считается почти нѣкоторою бранью. Репутація, какую создала себѣ у насъ малая пресса и ея сочинители, самая прискорбная. Грубость, безшабашная ругатня, грязныя сплетни, наглость, невѣжество, безграмотность, мелочность и, что всего горше, литературный шантажъ, практикуемый самымъ безцеремоннымъ образомъ,—вотъ элементы этой прессы. Эта пресса, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ клоаку, въ которую стекаютъ самые мутные подонки журналистики. Всѣ это очень хорошо знаютъ, и никто въ этомъ никогда не сомнѣвался. Прикасаться сатирику къ грязи, наполняющей эту клоаку, по меньшей мѣрѣ, было бы странно и неопрятно... Сатирикъ, вѣдь, не ассенизаторъ, въ самомъ дѣлѣ... Повторяю: только такому критику, какъ г. Скабичевскій, могло взбрести на умъ, что г. Щедринъ въ своемъ сатирическомъ фельетонѣ изобличаетъ „пропойцъ" малой прессы.

Съ другой стороны, точно также только подобному „проницательному" критику могла притти фантазія упрекнуть сатирика за то, что онъ не коснулся въ своемъ фельетонѣ корреспондентовъ большихъ газетъ. Сатирическій талантъ г. Щедрина слишкомъ глубокъ и широкъ для того, чтобы почтенный писатель сталъ сводить свою сатиру на личности. Въ долголѣтней сатирической дѣятельности г. Щедрина очень немного можно указать примѣровъ, гдѣ нашъ авторъ, по свойственному всѣмъ писателямъ заблужденію, нисходилъ изъ области общей сатиры и касался тѣхъ или иныхъ частныхъ дѣятелей. Да и эти немногіе примѣры послужили даровитому сатирику лишь для того, чтобы наглядно, на опытѣ увидѣть безполезность и нецѣлесообразность личной сатиры: очерки г. Щедрина, отличающіеся личнымъ направленіемъ, не имѣли успѣха. Можно было бы указать на два, на три примѣра, въ этомъ родѣ, указать не ради упрека г. Щедрину, а, во-первыхъ, для доказательства того, какъ личная, мелкая сатира бываетъ всегда неудачна,

и, во-вторыхъ, для оцѣнки нашего сатирика, который, за послѣднее время, отрѣшился совершенно отъ узкаго личнаго направленія и обобщаетъ свои сатирическіе этюды съ искусствомъ, поистинѣ достойнымъ удивленія, особенно, когда возьмемъ въ расчетъ исключительныя условія, въ которыя поставлена русская литературная мысль. Новый сатирическій этюдъ даровитаго автора показываетъ это искусство необыкновенно рельефно и убѣждаетъ съ несомнѣнною ясностью въ томъ, что г. Щедринъ стоитъ неизмѣримо выше близорукой и мелкой критики въ своихъ отрицательныхъ задачахъ и въ сатирическомъ выполненіи ихъ. Г. Щедринъ, вопреки нелѣпымъ совѣтамъ близорукой и тупой критики, очень хорошо понялъ, что съ его стороны сатирическій промахъ вышелъ бы именно тогда, если бы онъ свелъ свою сатиру на простое изобличеніе личностей и недостатковъ корреспондентовъ такихъ или иныхъ газетъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, за ужасные люди эти пресловутые корреспонденты, о которыхъ жалкая малая пресса, критики и фельетонисты нѣкоторыхъ „большихъ“, но тѣмъ не менѣе тупыхъ газетъ кричатъ неумолчно съ самаго начала войны, кричатъ чуть ли не столько, сколько о военныхъ событіяхъ? Неужели эти корреспонденты, которыхъ счетомъ-то соберется всѣхъ пять-шесть человѣкъ, могутъ представлять собою явленіе какого-то общественнаго зла, которое подлежитъ изобличенію серіозной сатиры? Думать такимъ образомъ было бы необыкновенно смѣшно и необыкновенно глупо. Только недоуміе и мелкая зависть способны утверждать съ куріознымъ азартомъ, что тѣ пять-шесть литераторовъ, которые писали и пишутъ съ театра войны, суть изверги, соединяющіе въ себѣ всѣ отрицательныя качества самыхъ возмутительныхъ и смѣшныхъ героевъ Гоголя, что преслѣдованіе этихъ людей въ сатирѣ составляетъ настоятельную необходимость. Помянутые пять-шесть литераторовъ, вѣдь, не свалились вдругъ съ неба, дабы ниспослать на наше отечество одну изъ египетскихъ казней, въ формѣ безнравственныхъ корреспонденцій: литераторы эти были и прежде, и каждый изъ нихъ хорошо или худо, по мѣрѣ силъ, дѣлалъ въ литературѣ то скромное дѣло, которое ему было доступно. Точно такъ же, сдѣлавшись корреспондентами, эти литераторы работали и работаютъ, какъ и прежде: одни съ успѣхомъ, другіе безъ успѣха, одни съ большею, другіе съ меньшею добро-

совѣстностью,—но все-таки же работаютъ, дѣлаютъ свое дѣло. Можно, пожалуй, находить, что ихъ корреспонденціи неудовлетворительны въ томъ или иномъ отношеніи, но прозрѣвать въ этихъ корреспонденціяхъ и въ ихъ авторахъ какое-то развращающее значеніе, дѣлать вопросъ „изъ этого", возводить въ „общественное" явленіе ошибки или недостатки пяти-шести личностей, осмѣивать ихъ въ сатирѣ,—развѣ можетъ подобный вздоръ зародиться въ чьей-либо мысли, кромѣ „текущей" и давно совершенно истекшей мысли критика биржевой газеты, рекомендующаго г. Щедрину заняться этимъ дѣломъ и сожалѣющаго, что сатирикъ, вѣроятно, имъ не займется, сдѣлавъ, будто бы, разъ промахъ въ своемъ сатирическомъ фельетонѣ.

Между тѣмъ, г. Щедринъ, повторяю, не только не сдѣлалъ никакого промаха, оставивъ совершенно въ сторонѣ личности корреспондентовъ какъ большихъ, такъ, равно, и малыхъ газетъ, но прямо попалъ въ цѣль, обобщивъ свою сатиру и тѣмъ придавъ ей настоящій вѣсъ и серіозное значеніе, при всей забавности и шаловливости ея формы. Сатирическій фельетонъ даровитаго автора вовсе направленъ не на корреспондентовъ съ театра войны—его сатирическое значеніе гораздо шире—онъ осмѣиваетъ, вообще, то положеніе русской прессы и даже, если хотите, русскаго общества, въ какомъ они находятся, по отношенію къ событіямъ борьбы на Востокѣ. Вотъ настоящій смыслъ фельетона талантливаго сатирика, смыслъ, къ сожалѣнію, нѣсколько затемненный недовольно опредѣленною формой, излишнимъ аксессуарнымъ юмористическимъ балагурствомъ и, наконецъ, недомолвками, обычными у нашего сатирика и вызываемыми, отчасти, самою сущностью и привычкою сатирической мысли его, склонной больше къ ядовитымъ экивокамъ. Винить, впрочемъ, г. Щедрина за указанную темноту его сатиры на этотъ разъ невозможно. Для каждаго, кто привыкъ въ сатирическомъ произведеніи искать „дѣйство вещей и причины", указанная широкая и общая идея новой сатиры г. Щедрина не подлежитъ сомнѣнію, и ея мелкая и частная форма нисколько не препятствуетъ отгадать загадку, изложенную въ видѣ забавной одиссеи какихъ-то двухъ господъ Подхалимовыхъ. Для пониманія смысла сатиры г. Щедрина достаточно привести нѣкоторые изъ нея отрывки:

„Многіе, буквально, рвались на поле битвы. Напримѣръ, одинъ почтенный мѣщанинъ (онъ содержитъ въ Углицкомъ уѣздѣ питейный домъ и мелочную лавку) сказалъ мнѣ:

— Кажется, пусти меня теперича въ страженіе, такъ я одинъ десяти туркамъ-чуркамъ головы поснесу!

А сидѣвшій тутъ же, поблизости, духовный пастырь, движимый похвальнымъ соревнованіемъ, присовокупилъ:

— Духовно, мы, сударь, давно ужъ за Дунаемъ, а нѣкоторые даже и далѣе.

Разумѣется, я охотно воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вступить въ собесѣдованіе.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—спросилъ я.

— А за тѣмъ и стало, что дома своихъ дѣловъ много,—отвѣтилъ мѣщанинъ. Священникъ же, соревнуя ему, пояснилъ:

— Духомъ мы высоко паримъ, но немощная плоть паренью нашему не мало препонъ представляетъ, отъ сего и унываемъ. Питейный-то домъ, напримѣръ, ихній, по настоящимъ обстоятельствамъ, прикрыть бы можно, дабы съ легкимъ сердцемъ устремиться туда, куда гласъ чести всѣхъ вѣрныхъ призываетъ, а мы, намѣсто того, немоществуемъ.

Выясненіе это заставило меня задуматься. Священникъ правъ, думалось мнѣ, но не вполнѣ. Спору нѣтъ, что было бы и патріотичнѣе и согласнѣе съ чувствами истиннаго русскаго прикрыть на время кабакъ, чтобъ удовлетворить святой потребности сразиться съ исконнымъ врагомъ цивилизаціи и христіанства, но, съ другой стороны, если всѣ пойдутъ сражаться, кто же тогда будетъ производить торговлю распивочно и на-выносъ, вносить гильдейскіе сборы? Провидѣніе не безъ расчета, конечно, устраиваетъ, предоставляя однимъ спеціальность охранять и защищать границы, а другимъ—спеціальность воздѣлывать землю, производить торговые обороты и уплачивать соотвѣтствующіе окладные и неокладные сборы. Извѣстно, что въ странахъ цивилизованныхъ силы матеріально-производительныя составляютъ такой же зиждущій государственный нервъ, какъ и силы духовно-производительныя, такъ-что, ежели послѣднія и нагляднѣе двигаютъ государство по пути преуспѣянія, то первыя, хотя и не столь наглядно, но столь же несомнѣнно споспѣшествуютъ этому, снабжая (въ видѣ жалованья, столовыхъ, квартирныхъ и проч.) необходимыми матеріальными средствами воиновъ, администраторовъ, ученыхъ, литераторовъ и даже насъ грѣшныхъ, корреспондентовъ. Ваша уважаемая газета давно уже сознала эту важную истину и неоднократно развивала ее въ передовыхъ статьяхъ своихъ. Помнится, вы однажды сказали: отнимите у войны ея нервъ—деньги, и она немедленно утратитъ свою цѣлесообразность! Пушки, лишенныя пороха, не будутъ палить (да еще вопросъ: осуществимы ли самыя пушки безъ денегъ?); люди и лошади, лишенные провіанта и фуража, въ непродолжительномъ времени впадутъ въ изнеможеніе. Англичане отлично это поняли, и мнѣ кажется, что нашимъ господамъ-шовинистамъ, проповѣдующимъ, сидя дома на печи, поголовное ополченіе, тоже не мѣшало бы зарубить эту истину у себя на носу.

Вотъ почему я думаю, что почтенный батюшка былъ не совсѣмъ правъ, обвиняя кабатчиковъ и прочихъ негоціантовъ въ немощи плотской (впрочемъ, онъ и самъ, впослѣдствіи, сознался мнѣ, что высказался въ

этомъ смыслѣ болѣе для того, чтобъ выдержать свойственную его званію учительную роль). Если и дѣйствительно плотская немощь не дозволяетъ имъ прикрывать, по чувству патріотизма, кабаки, то это—немощь естественная, обусловливаемая недостаткомъ не патріотизма, по самымъ распредѣленіемъ Божіихъ даровъ между людьми".

Я надѣюсь, что въ приведенныхъ страницахъ сатирическаго фельетона читатели найдутъ многое, имѣющее значеніе, помимо прелестнаго юмора, который сквозитъ въ простодушно-ироническомъ тонѣ сатирика, укрывшагося за куріозно-фантастическую личность корреспондента Подхалимова 1-го. Это, впрочемъ, не единственное такое мѣсто въ сатирѣ:

„Я не отказался сдѣлать ему удовольствіе, но восклицаніе его, все-таки, мало удовлетворило меня. Отецъ Николай, видя мое недоумѣніе, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь.

— Вмѣстѣ съ прочими, значитъ,—сказалъ онъ,—какъ прочіе, такъ и мы.

— Вѣрррно!—подтвердилъ и Иванъ Иванычъ.

— Но, лично, что же вы думаете? Личное ваше мнѣніе въ чемъ заключается?—настаивалъ я, ничего не понимая въ этой странной воздержности.

— А въ кутузку не желаешь... корреспондентъ?—отвѣтилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Не только не желаю, но даже не понимаю, при чемъ тутъ кутузка.

— Ну, а мы даже очень отлично понимаемъ.

— Позвольте, однакожъ! Если въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, то почему не высказать ихъ? Если энтузіазмъ самъ просится изъ вашей груди, то почему не выразить его публично, всенародно? Неужели вамъ неизвѣстно, что нынче никому выражать свой энтузіазмъ не воспрещается?

— И не воспрещается и извѣстно, а все-таки... выпьемъ, корреспондентъ!

Я опять не отказалъ ему въ удовольствіи вмѣстѣ выпить, но, все-таки, стоялъ на своемъ.

— Но почему же? почему?

— А потому что—потому... вотъ тебѣ и сказъ!

— Боязно-съ,—пояснилъ отецъ Николай:—думаютъ: слово-то нетрудно молвить, анъ оно, пожалуй,—не то, какое надобно. Ну, и кутузка притомъ же. Хоша нынче она и утратила прежнее всенародное значеніе, а, все-таки, въ совершенствѣ забвенію не предана!

— Вѣрррно,—опять подтвердилъ Иванъ Иванычъ.

— Но, вѣдь, вы сами были давеча очевидцемъ, какъ люди, совершенно простые, выражали свой энтузіазмъ! И выражали такъ открыто, что, навѣрное, никто изъ нихъ не опасался подвергнуться за это административному воздѣйствію.

— То мужики, имъ все можно, потому что имъ и подъ замкомъ посидѣть ничего; а мы—люди обстоятельные. Для насъ не токмо что день или недѣля, а всякій часъ дорогъ! Будетъ... выпьемъ!

Я убѣдился, что продолжать этотъ разговоръ было бы безполезно, но, при-

знаюсь, сдержанность почтеннѣйшаго Ивана Иваныча сдѣлала на меня горькое впечатлѣніе. Я никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобы представленіе о кутузкѣ было до сихъ поръ такъ живо среди народа. Пришлось опять припомнить вашу газету или, лучше сказать, безчисленныя передовыя статьи ея, въ которыхъ выражалась мысль, что физіономія народа надолго, если не навсегда, опредѣляется его воспитаніемъ. Святая, безспорная истина! Подумайте, какъ давно уже пали стѣны кутузки, но такъ какъ, въ продолженіе вѣковъ, она составляла главную основу нашего народнаго воспитанія, то и теперь стоитъ передъ нами, какъ живая! Кутузокъ уже нѣтъ, самый характеръ нашей культуры настолько измѣнился, что не только исправники и становые пристава, но даже сотскіе служатъ образцомъ предупредительности и вѣжливости, а мы все еще жмемся къ сторонкѣ, скрываемся, боимся проронить лишнее слово, какъ-будто вотъ-вотъ насъ сейчасъ возьмутъ за шиворотъ! Спрашивается: сколько прекраснѣйшихъ изліяній чувствъ остается, вслѣдствіе этого, подъ спудомъ! Сколько драгоцѣнныхъ и поистинѣ умилительныхъ картинъ мы лишаемся случая быть свидѣтелями!

Начните хоть бы съ насъ, корреспондентовъ: какую массу совершенно неожиданныхъ бытовыхъ сценъ мы могли бы воспроизвести, если бы не существовало этого фаталистическаго самозапрета относительно изліяній чувствъ! Конечно, и теперь мы достаточно сильны по части подражанія мужицкому жаргону, но, все-таки, намъ нужно насиловать свое воображеніе или прибѣгать къ перу Немировича-Данченко, чтобы достигнуть какихъ-нибудь солидныхъ результатовъ, въ смыслѣ увеличенія розничной продажи газетъ. Тогда какъ, не будь этого... Но этого мало: само начальство, смѣю спросить, развѣ оно не теряетъ отъ этого, въ смыслѣ самоутѣшенія и самопоощренія? Увы! взирая на ровную поверхность нашего общества, изрѣдка возмущаемую восторгами мужиковъ, само общество не знаетъ, что скрывается въ этихъ глубинахъ: доброе ли чешуйчатое, которое можно выпотрошить и употребить въ снѣдь, или злой крокодилъ, который самъ можетъ поглотить, ежели приблизиться къ нему безъ достаточной осторожности?!

Нѣтъ, прочь кутузки! прочь самое воспоминаніе о нихъ! По крайней мѣрѣ, на время войны... Пусть всякій полагаетъ, что онъ обо всемъ можетъ откровенно высказать свою мысль! И пусть не только полагаетъ, но и въ самомъ дѣлѣ высказывается! Результатовъ отъ такой политики можно ожидать только вполнѣ удовлетворительныхъ. Во-первыхъ, всякій, другъ передъ другомъ, навѣрное, будетъ стараться, чтобы мысль его была, по возможности, восторженная и патріотическая; во-вторыхъ, если бъ въ общемъ строѣ голосовъ и оказались нѣкоторые диссонансы, то можно бы таковые отмѣтить въ особыхъ спискахъ и, по окончаніи войны, съ выразителями ихъ поступать на основаніи существующихъ постановленій. Тогда какъ теперь, при общемъ молчаніи, невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается область превратныхъ толкованій...

— Скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, что̀ это за должность такая: корреспондентъ?—прервалъ мои размышленія Иванъ Иванычъ.

Я объяснилъ, что въ недавнее время возникла шестая великая держава, называемая прессою, которая, стремясь къ украшенію столбцовъ и страницъ, повсюду завела корреспондентовъ. Эти послѣдніе обязуются замѣ-

чать все, что происходитъ на ихъ глазахъ, и описывать въ легкой и забавной формѣ, способной заинтересовать и увеселить читателя. Писанія свои корреспонденты отправляютъ въ газеты для напечатанія; но бабушка еще на-двое сказала, увидятъ ли они свѣтъ. Все искусство корреспондента въ томъ заключается, чтобъ угадать, какіе восторги своевременны и какіе преждевременны. Напримѣръ, во время Сербской войны, нѣкоторые восторги были сочтены преждевременными, и потому множество корреспондентовъ погибло напрасною смертью; теперь же, повидимому, эти самые восторги вполнѣ своевременны. Но и то только, повидимому, ибо, ежели будущее неисповѣдимо, вообще, то, въ отношеніи къ корреспонденту, оно неисповѣдимо сугубо. „Лови моментъ!"—вотъ единственное правило, которое умный корреспондентъ обязанъ вполнѣ себѣ усвоить".

Необыкновенно хороша также въ сатирѣ юмористическая бесѣда корреспондента съ купцомъ на тему: „Отчего нашъ рубль теперича шесть гривенъ на базарѣ стоитъ". Эту загадку, загаданную корреспонденту купцомъ, Подхалимовъ самъ себѣ разъясняетъ такимъ образомъ: „Не оттого ли это, что у насъ, взамѣнъ книгопечатанія, въ усиленной степени развито билетопечатаніе?" Не менѣе этой бесѣды выразительна бесѣда насчетъ пожертвованій на войну.

... „Скажите мнѣ вотъ что. Теперь время трудное: одни жертвуютъ жизнью, другіе—знаніями, третьи, корреспонденты, напримѣръ,—поддерживаютъ въ публикѣ духъ, знакомятъ ее съ ходомъ военныхъ дѣйствій... Ну, а прочіе какъ?

— А тебѣ зачѣмъ нужно знать?

— А хоть бы затѣмъ, чтобы познакомить публику съ дѣйствительнымъ настроеніемъ русскаго общества въ настоящую минуту.

— Изволь, братецъ. А мы... прочіе, то-есть... какъ чуть что, сейчасъ пошлемъ за ящичкомъ—и деньги готовы.

— За какимъ же это ящичкомъ?

— А за анчественнымъ. Прежде у насъ анчественыхъ денегъ не было, а нынче — есть. Такъ, замѣсто того, чтобъ со списочкомъ по домамъ ходить, взялъ, сколько требуется, изъ ящичка—и шабашъ!

— Оно изъ общественнаго-то ящичка ровнѣе,—пояснилъ отецъ Николай.

— Почему же ровнѣе?

— Чудакъ ты! Про англичанина знаешь, а не можешь понять! Извѣстно анчественный ящикъ всѣхъ равняетъ. Тамъ и твой гривенникъ, и его пятакъ, и твоя копейка—все тамъ складено! Значитъ, отъ всякаго и жертва идетъ, глядя по состоянію.

— Стало-быть, вы лично никакой тягости отъ этихъ пожертвованій не ощущаете?

— Какая тягость! Сказано тебѣ: со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

Вотъ вамъ фактъ! Мнѣ кажется, что, при разсмотрѣніи вопроса о русской общинѣ, онъ долженъ имѣть первостепенное значеніе. Удивительное дѣло! Какъ было дано разрѣшеніе завести общественныя кассы, такъ тотчасъ же онѣ получили у насъ такое же право гражданственности, какъ и растрата оныхъ! Это—уже не фантазія, не вымыселъ безпокойнаго и

празднаго воображенія, а фактъ. Кассы наполняются, потомъ растрачиваются... и снова наполняются—какая изумительная, знаменательная и, въ то же время, отрадная настойчивость! Гдѣ, въ какой странѣ вы увидите что-либо подобное?"

Вотъ тѣ мѣста сатиры г. Щедрина, въ которыхъ исчерпывается ея настоящій смыслъ. Все остальное—это издѣвательство надъ пьянымъ Подхалимовымъ самодура-купца, куріозная одиссея Подхалимова 1-го и 2-го, безобразія и пьянства этихъ фантастическо-сатирическихъ корреспондентовъ—вся эта аксессуарная часть сатиры, представляющая, какъ это часто бываетъ у нашего сатирика, забавное балагурство. Это балагурство постоянно возбуждаетъ веселый смѣхъ толпы, и даже многіе проницательные критики полагаютъ въ немъ суть сатиры г. Щедрина. Но кто понимаетъ нашего сатирика поглубже, тотъ очень хорошо знаетъ, что это веселое балагурство, обыкновенно, пристегивается имъ ради внѣшнихъ соображеній и, отчасти, ради долгой, укоренившейся привычки къ мѣшанію крупной сатирической соли съ мелкимъ забавничаньемъ.

В. Буренинъ.

Новая сатира Щедрина [1]).

*) Самая замѣчательная статья въ № 8 „Отечественныхъ Записокъ"—безъ сомнѣнія, сатира Щедрина: „*Тряпичкины-очевидцы*". Сатиру это, вѣроятно, уже многіе прочитали, и я, разумѣется, не буду ни подробно разсказывать ея содержаніе, ни дѣлать изъ нея обширныхъ выписокъ. Вкратцѣ же, содержаніе заключается въ томъ, что редакція газеты „Краса Демидрона" отправила на Дунай и въ Малую Азію двухъ корреспондентовъ: Подхалимова 1-го и Подхалимова 2-го. Оба они, прежде, занимали должности половыхъ въ трактирѣ, но редакторъ, замѣтивъ ихъ расторопность и способность воспѣвать, сдѣлалъ ихъ корреспондентами. Пер-

---

[1]) „Одесскій Вѣстникъ", 1877 г., № 207. (См. выпускъ II-й, стр. 143.)

*) Въ приводимой здѣсь статьѣ авторъ, отдавая должное таланту и „неподдѣльнымъ перламъ щедринскаго юмора", отказываетъ ей въ жизненной правдѣ и глубинѣ. Щедринъ, по его мнѣнію, является въ этомъ очеркѣ все тѣмъ же забавникомъ, юмористомъ во что бы то ни стало, пишущимъ для улицы, ищущимъ дешевой популярности, продающимъ „право великаго художника за чечевичную похлебку блестящей, но эфемерной сатиры".

Вопросъ, выдвинутый сатирикомъ въ „*Тряпичкиныхъ-очевидцахъ*", имѣетъ несомнѣнный общественный интересъ. Здѣсь выведены дѣятели нашей прессы и тѣ пріемы рекламы, къ которымъ прибѣгаютъ наши печатные органы. Въ небольшомъ остроумномъ разсказѣ передъ читателемъ рисуется газетный міръ, его нравы, умственный кругозоръ, взгляды на дѣло служенія обществу, стиль статей, скрытыя побужденія и редакціи и корреспондентовъ, внѣшнія условія работы и т. д. Съ одной стороны, „кутузка" и необходимость угадывать „какіе восторги своевременны и какіе преждевременны"; съ другой—невѣжественная толпа, которую надо увеселять и преподносить статьи въ „легкой и забавной формѣ"; съ третьей,—редакція, стремящаяся, исключительно, только къ увеличенію розничной продажи. При наличности этихъ условій, кто можетъ быть корреспондентами? Послѣ того, какъ написанъ очеркъ Щедрина, передъ нашими глазами прошла еще одна война, и мы читали корреспонденціи въ томъ же духѣ: „Иди и воспѣвай". Мы видѣли и погоню за розничною продажей, и корреспонденціи „въ легкой и забавной формѣ", и описанія побѣдъ и одолѣній въ такихъ краскахъ, для которыхъ нужно „перо Немировича-Данченко". *Прим. Н. Денисюка.*

вый, отправившись на Дунай черезъ Москву, попалъ, по дорогѣ, въ Рыбинскъ, благодаря одному купцу, которому хотѣлось надъ нимъ потѣшиться. Натѣшившись вдоволь, этотъ купецъ высадилъ, также ради потѣхи, этого пьянаго корреспондента на пустынный берегъ Волги, около Кинешмы, заплативъ ему за шутовство 100 руб. сер. Въ Кинешмѣ этотъ корреспондентъ попалъ ошибкой не на тотъ пароходъ и пріѣхалъ въ Юрьевецъ, а оттуда, опять ошибкой, пріѣхалъ, вмѣсто Нижняго-Новгорода, въ Макарьевъ (Костромской). Затѣмъ, по случаю безпаспортности, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Макарьева, оттуда въ Васильсурскъ, Козьмодемьянскъ и Чебоксары, гдѣ отыскалъ малоазіатскаго корреспондента, застрявшаго въ сѣтяхъ одной чебоксарской Венеры-кабачницы. Затѣмъ, оба корреспондента были препровождены чебоксарскимъ исправникомъ по этапу на мѣсто жительства, какъ безпаспортные, а редакція „Красы Демидрона“ принаняла двухъ другихъ корреспондентовъ—Миловидова и Прелестникова, изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, людей, пьющихъ въ мѣру, солиднаго характера и съ прекрасными голосами, и отправила одного на Дунай, другого въ Малую Азію...

Такова фабула сатиры Щедрина. Но дѣло не въ ней. Она—только канва, по которой знаменитый сатирикъ вышиваетъ свои разнообразные узоры. Попробуемъ же обозрѣть предметъ его сатиры.

Во-первыхъ, редакція приглашаетъ корреспондентовъ изъ половыхъ да изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, т.-е. изъ людей, которые или пьютъ не въ мѣру, или охотно мѣняютъ званіе корреспондента на должность квартальнаго надзирателя въ Сызрани, какъ поступилъ г. Ящерицынъ, пятый корреспондентъ „Красы Демидрона“.—Ни та ни другая категорія корреспондентовъ не даетъ, конечно, такихъ статей, которыя бы знакомили съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.

Во-вторыхъ, редакторъ, выкладывая деньги, говоритъ: „Иди и воспѣвай“, а Подхалимовъ 1-й, объясняя бинскому купцу значеніе слова „корреспондентъ“, говоритъ: „Корреспонденты обязываются замѣчать все, что происходитъ на ихъ глазахъ, и описывать въ легкой и забавной формѣ, способной заинтересовать и увеселить читателя. Все искусство корреспондента въ томъ заключается, чтобъ угадать, какіе восторги своевременны и какіе преждевременны“.

Въ-третьихъ, для того чтобы выслѣдить, надъ чѣмъ смѣется Щедринъ въ нашихъ газетныхъ корреспонденціяхъ, надобно изложить содержаніе хоть одной изъ корреспонденцій Подхалимова. Выбираю Васильсурскую корреспонденцію. Начинается она историческими и литературными воспоминаніями, при чемъ сообщаются свѣдѣнія „о восторгахъ обитателей, по случаю военныхъ обстоятельствъ", и о томъ, что̀ г. Подхалимовъ ѣлъ и пилъ. Затѣмъ онъ упоминаетъ о стратегическомъ значеніи приветлужскихъ мѣстностей и о бытовыхъ сценахъ въ Васильсурскѣ. Далѣе слѣдуютъ географическія и статистическія данныя о Васильсурскѣ, по календарю Суворина, и предположенія о его будущности, заимствованныя изъ словъ посѣтителей трактира, гдѣ корреспондентъ ѣлъ уху. Потомъ корреспондентъ сообщаетъ о томъ, что представлялся мѣстному инвалидному начальнику, пять человѣкъ команды котораго горѣли желаніемъ сразиться съ врагомъ. „Съ такими молодцами мы будемъ скоро за Балканами",—прибавляетъ г. Подхалимовъ. Въ концѣ корреспонденціи опять сообщается, что̀ корреспондентъ ѣлъ и пилъ и какъ спалъ.

Въ-четвертыхъ, телеграммы были получены отъ корреспондентовъ слѣдующія: изъ Кинешмы — о переходѣ черезъ Дунай, о словѣ, по этому поводу, отца Мокридія и объ иллюминаціи Кинешмы; изъ Козьмодемьянска—о переходѣ черезъ Балканы и о всеобщемъ восторгѣ. Къ первой изъ этихъ телеграммъ редакція дѣлаетъ обширное примѣчаніе, гдѣ, принимая слово *Кинешма* за опечатку, вмѣсто—*Кишеневъ*, расточаетъ вѣжливые упреки телеграфному вѣдомству за невниманіе, а полевому телеграфному вѣдомству—за медленность. При слѣдующей корреспонденціи ей приходится извиняться въ этихъ упрекахъ, такъ какъ оказывается, что оба телеграфныя вѣдомства были правы.

Въ-пятыхъ. Беру на-удачу нѣсколько щедринскихъ афоризмовъ: Ростовскій купецъ „не былъ глупъ, въ полномъ смыслѣ слова, а только, вслѣдствіе удачно сложившихся жизненныхъ обстоятельствъ, не чувствовалъ настоятельной потребности въ мышленіи". Такіе люди чрезвычайно пріятны въ общежитіи,—говоритъ г. Щедринъ,—они никого собой не обременяютъ, никому не навязываютъ своихъ мнѣній, и хотя не поражаютъ своимъ краснорѣчіемъ, но охотно смѣются, поютъ, стучатъ ногами и, вообще, выказываютъ веселое расположеніе духа. Говоря о вредѣ „кутузки", г. Подхалимовъ

прибавляетъ: „Конечно, и теперь мы достаточно сильны по части подражанія мужицкому жаргону, но, все-таки, пока намъ нужно насиловать свое воображеніе или прибѣгать къ перу Немировича-Данченко, чтобы достигнуть какихъ-нибудь солидныхъ результатовъ, въ смыслѣ увеличенія розничной продажи газетъ. Но и самое начальство, смѣю спросить, развѣ оно не теряетъ отъ этого, въ смыслѣ самоутѣшенія и самопоощренія?.. Нѣтъ! Прочь кутузки! Прочь самое воспоминаніе о нихъ, по крайней мѣрѣ, на время войны!.. Если бы даже, продолжаетъ онъ, въ общемъ строѣ голосовъ и оказались нѣкоторые диссонансы, то можно бы таковые отмѣтить въ особыхъ спискахъ и, по окончаніи войны, съ выразителями ихъ поступать на основаніи существующихъ постановленій. Тогда какъ теперь, при общемъ молчаніи, невозможно даже опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается область превратныхъ толкованій".

Въ одномъ мѣстѣ корреспондентъ освѣдомляется у своего собесѣдника, купца, какимъ образомъ у нихъ выражается восторгъ и сочувствіе. „А мы, чуть что...—отвѣчаетъ собесѣдникъ,—сейчасъ пошлемъ за ящичкомъ, и деньги готовы!"— За какимъ же это ящичкомъ? спрашиваетъ корреспондентъ.— „А за апчественнымъ. Прежде у насъ апчественныхъ денегъ не было, а нынче есть. Такъ, замѣсто того, чтобы со списочкомъ по домамъ ходить, взялъ сколько требуется изъ ящичка, и шабашъ!.."

Такихъ афоризмовъ можно бы привести еще много, но я вспоминаю данное мною, въ началѣ фельетона, обѣщаніе не дѣлать большихъ выписокъ и останавливаюсь. Впрочемъ, для характеристики предмета настоящей сатиры Щедрина собраннаго выше матеріала достаточно. Попробую обобщить и сдѣлать выводы.

Щедринъ поступаетъ какъ натуралистъ. Онъ увеличиваетъ тѣ стороны, которыя ему нужны, какъ микрологъ увеличиваетъ подъ микроскопомъ тѣ предметы, которые хочетъ изучить, или какъ физикъ и химикъ уединяютъ дѣйствія силъ природы и увеличиваютъ ихъ разными мультипликаторами или реактивами. Пріемъ этотъ вполнѣ естественъ у сатирика и его употребляли почти всѣ знаменитые сатирики. Противъ правды тутъ еще нѣтъ грѣха. Но, дѣйствуя такимъ образомъ, надо соблюдать извѣстную пропорціональность и вѣрную перспективу, иначе, жизненная и художе-

ственная правда будутъ нарушены. Посмотримъ, соблюлъ ли это условіе Щедринъ.

Комичнѣе всего въ его сатирѣ являются блужданія корреспондентовъ, Богъ-знаетъ гдѣ, тѣ шутки и мытарства, которымъ они подвергаются, ихъ склонность къ пьянству, и мистификаціи, которыя, вслѣдствіе этого, продѣлываетъ съ ними всякій, кто хочетъ. Дѣйствительно ли это общія явленія? Не пересолилъ ли сатирикъ въ этомъ случаѣ? Не впалъ ли онъ въ шаржъ и паясничество?.. Я увѣренъ, что всякій, прочитавшій послѣднюю сатиру Щедрина, скажетъ вмѣстѣ со мною: *да*, несмотря на все наше глубокое уваженіе къ лучшему изъ русскихъ сатириковъ.

Второю бьющею въ глаза чертой, увеличенною авторомъ въ видахъ сатиры, является обиліе „бытовыхъ“ сценъ въ корреспонденціяхъ, множество мелкихъ, совершенно лишнихъ подробностей, относящихся къ пищѣ, питью и сну корреспондента, богатство совершенно банальныхъ и пошлыхъ мыслей и разсужденій, научныя свѣдѣнія изъ календарей, приводимыя ни къ селу ни къ городу, забавный шовинизмъ, уморительныя разсужденія о стратегическомъ значеніи разныхъ пунктовъ и казенные восторги,— однимъ словомъ, возмутительное многословіе и болтовня, нимало не относящаяся къ дѣлу.

Разсматривая эту черту по отношенію къ современнымъ корреспондентамъ и корреспонденціямъ, мы можемъ только удивляться мѣткости щедринской сатиры. За исключеніемъ весьма немногаго, его корреспонденція кажется рѣшительно скопированною съ какого-нибудь подлинника... Я увѣренъ, что многіе Тряпичкины-очевидцы покраснѣли до корней волосъ, прочитавъ корреспонденціи Подхалимова.

Но вѣрны ли причины, которыя указываетъ Щедринъ? Дѣйствительно ли корреспонденціи таковы оттого, что, a) редакціи берутъ корреспондентовъ изъ половыхъ и архіерейскихъ пѣвчихъ, b) оттого, что корреспонденты не всегда умѣютъ различить своевременные восторги отъ преждевременныхъ и c) оттого, что кутузка еще существуетъ? Первой изъ этихъ причинъ я разбирать не берусь. Мы имѣемъ и Суворина, и Максимова, и Гирса, и Буренина на театрахъ военныхъ дѣйствій... Противъ нихъ трудно что-нибудь сказать... А что до стихійныхъ силъ, такъ тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Итакъ, я не принимаю цѣликомъ первой причины, выставленной Щедринымъ. Онъ слишкомъ строгъ и несправедливъ. Положимъ, онъ не любитъ Немировича-Данченко и Суворина. Ну, а другіе-то чѣмъ виноваты?.. Зачѣмъ выставлять неумѣлость и необразованность, какъ общую черту нашихъ корреспондентовъ, когда это неправда? Неправда эта отразилась и на художественной сторонѣ сатиры Щедрина. Письма Подхалимова вовсе непохожи на письма трактирнаго полового. Загляни Щедринъ въ дѣло глубже и безпристрастнѣе, — онъ нашелъ бы настоящую причину, и произведеніе его выиграло бы съ художественной стороны. Что касается до людей, „не чувствующихъ настоятельной необходимости въ мышленіи", выражающихъ свои восторги посредствомъ „аптечественныхъ" ящиковъ, однако, подъ опасеніемъ кутузки и особыхъ „списковъ",—то здѣсь каждый тотчасъ узнаетъ Щедрина. Ex unque leonem [1]).

Въ результатѣ — послѣдняя сатира Щедрина есть замѣчательнѣйшее изъ эфемерныхъ явленій. Какъ инфузорія она проживетъ весьма короткій срокъ. Какъ всякая современная сатира, она, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пристрастна и невѣрна, но трактуетъ о живомъ современномъ явленіи, блещетъ неподдѣльными перлами щедринскаго юмора.

А все-таки, Щедринъ продалъ право великаго художника за чечевичную похлебку блестящей, но эфемерной сатиры!..

С. С.

---

[1]) Льва можно узнать по когтямъ.

„Тряпичкины-очевидцы“ [1]).

„Отечественныя записки“, 1877 г., № 8.

Въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ мы находимъ сатиру Щедрина на „русскихъ специальныхъ корреспондентовъ“. Какъ и всегда, форма этой сатиры страшно преувеличена. Щедринъ, какъ истый сатирикъ, не дѣлаетъ ничего вполовину. Онъ нисколько не заботится о правдоподобности и относительной вѣрности типовъ, которые онъ выставляетъ на сцену. Онъ старается, главнымъ образомъ, схватить смыслъ специальнаго явленія и выяснить причины, отъ которыхъ оно произошло. Затѣмъ, онъ придаетъ колоссальные размѣры тѣмъ странностямъ, которыя осмѣиваетъ и доводитъ до нелѣпости.

Этотъ способъ имѣетъ двѣ неоспоримыя выгоды. Преувеличеніе типовъ и положеній отнимаетъ у сатиры Щедрина всякій характеръ пасквиля или личныхъ нападокъ. Невозможно выставлять именъ подъ эксцентричными карикатурами, которыя онъ изображаетъ, и нельзя облекать въ ѣдкіе сарказмы, которыми онъ осыпаетъ, странности той или другой группы общества. Съ другой стороны, благодаря умышленной эксцентричности отдѣлки, Щедрину всегда удается запечатлѣвать въ умѣ читателя то, именно, впечатлѣніе, какое онъ желаетъ произвести. Его эскизы вызываютъ такой искренній смѣхъ, его невозможные призраки такъ забавляютъ читателя, что онъ никогда не забываетъ шутокъ блестящаго юмориста и, при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ, который напоминаетъ какою-либо чертой своего характера послѣдній эксцентрическій типъ, созданный Щедринымъ, онъ немедленно приводитъ себѣ на память этотъ типъ.

---

[1]) „Современныя Извѣстія“, 1877 г., № 255. (См. стран. 40).

Форма новой шутки, напечатанной въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ", сама-по-себѣ служитъ настоящею находкой; это—сборникъ спеціальныхъ корреспонденцій, присылаемыхъ въ вымышленный петербургскій листокъ однимъ „уполномоченнымъ", посланнымъ на Дунай. Заглавіе этой шутки: „Краса Демидрона". Редакторъ этого вымышленнаго органа печати, „желая дать своимъ читателямъ самыя новыя, самыя свѣжія и самыя достовѣрныя извѣстія съ театра войны и не отступая ни передъ какимъ расходомъ, отправляетъ въ Малую Азію и на Дунай двухъ своихъ самыхъ способныхъ сотрудниковъ, Подхалимова 1-го и Подхалимова 2-го, предупреждая своихъ подписчиковъ, что эти корреспонденты—молодые люди съ обширнымъ талантомъ и „совершенно трезвые", качество, рѣдко встрѣчающееся между членами редакціи уважаемаго органа печати. Оба спеціальные корреспондента отправляются на мѣсто назначенія, и тутъ-то начинается въ высшей степени потѣшная одиссея. Подхалимовъ, поѣхавши въ Малую Азію, не показываетъ никакихъ признаковъ жизни. Его сослуживецъ, посланный на Дунай, пишетъ, напротивъ, очень много, но, къ великому изумленію редакціи, оказывается, что онъ, „увлеченный волнами народнаго энтузіазма", углубляется все болѣе внутрь Россіи, вмѣсто того, чтобы поспѣшно отправиться на юго-восточную границу. Причины выбора такого пути для поѣздки на Дунай объяснены имъ подробно въ спеціальныхъ корреспонденціяхъ. Соперникъ Макъ-Гахана и Форбеса [1]) хотѣлъ воспользоваться этимъ путешествіемъ, съ цѣлью изучить состояніе умовъ населенія, и для этого онъ взялъ билетъ третьяго класса на Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ вагонѣ онъ сводитъ знакомство съ однимъ „купцомъ-патріотомъ", но пьяницей, который напаиваетъ его до-пьяна и увлекаетъ въ Рыбинскъ „для изслѣдованія состоянія умовъ".

Съ этой минуты корреспондентъ, о трезвости котораго такъ напыщенно отзывался редакторъ, не перестаетъ напиваться до-пьяна, то на счетъ своихъ хозяевъ, то на счетъ редакціи. Несчастный, то и дѣло, сбивается съ пути, ѣздитъ на пароходахъ, которые привозятъ его въ мѣстности, гдѣ ему рѣшительно нечего дѣлать; наконецъ, вмѣсто того,

[1]) Извѣстные англійскіе военные корреспонденты.

чтобы попасть на берега Дуная, попадаетъ на Уралъ. Случающіяся съ нимъ происшествія одно другого смѣшнѣе, но они еще не составляютъ самой пикантной стороны шутки Щедрина. Замѣтки, которыми редакторъ вымышленнаго листка сопровождаетъ разсужденія Подхалимова, еще удачнѣе. Щедринъ пародируетъ здѣсь тонъ нѣкоторыхъ замѣтокъ, которыми петербургскій журналъ „украсилъ“ письма своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ. Такъ, Подхалимовъ объявляетъ о переходѣ черезъ Дунай телеграммой, помѣченною изъ „Кинешмы“. Редакція съ благоговѣніемъ печатаетъ телеграмму, сопровождая ее замѣткой, въ которой говорится, что, вмѣсто „Кинешмы“, очевидно, слѣдуетъ читать „Кишиневъ“, и что ошибка сдѣлана телеграфнымъ управленіемъ, обнаруживающимъ невѣроятную безпечность и роняющимъ себя „въ глазахъ цивилизованной Европы“. Узнавъ впослѣдствіи, что телеграмма была, дѣйствительно, послана изъ Кинешмы, редакція спѣшитъ извиниться передъ телеграфнымъ управленіемъ и объявляетъ безъ всякихъ обиняковъ, что оно „возбуждаетъ удивленіе цивилизованной Европы“.

По другимъ замѣткамъ, редакція извиняется въ томъ, что она вынуждена печатать, вмѣсто корреспонденцій съ театра войны, разсказъ о странствованіяхъ своего сотрудника, говоря, что она дѣлаетъ это „съ цѣлью вознагражденія за громадные расходы, совершонные въ виду удовлетворенія читателей“. Въ другихъ, наконецъ, она журитъ корреспондента, называя его буквально „негоднымъ пьяницей“.

Развязка этой смѣшной исторіи увѣнчиваетъ достойнымъ образомъ неудачи листка, „желавшаго удовлетворить своихъ читателей“. Подхалимовъ отзывается отъ своего „поста“, и на театръ войны посылается другой сотрудникъ, снабженный „значительными суммами“. Этотъ улаживаетъ свои дѣла еще безцеремоннѣе. Прибывъ въ Сызрань на счетъ редакціи, онъ просто-на-просто принимаетъ постъ частнаго пристава, удерживая при себѣ деньги того листка, который возложилъ на него обязанности спеціальнаго корреспондента. Редакція приходитъ въ негодованіе, но, „желая удовлетворить своихъ читателей“, отправляетъ двухъ новыхъ сотрудниковъ на театръ войны. Само-собою разумѣется, что подобная фантастическая исторія не случилась ни съ однимъ спеціальнымъ корреспондентомъ нашихъ листковъ,

но мы убѣждены, что, несмотря на неправдоподобность приключеній, выдуманныхъ юмористомъ, нѣкоторые изъ этихъ господъ, вернувшіеся преждевременно съ театра своихъ „подвиговъ“, будутъ страшно недовольны сатирой, напечатанною въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Мы не станемъ приводить причинъ нашего предположенія. Рана еще не настолько зажила, чтобы можно было дотрогиваться до нея. Достаточно сказать только, что фантастическая шутка Щедрина, несмотря на свою умышленно-преувеличенную форму, способна заставить нѣкоторые русскіе журналы призадуматься надъ неудобствами слишкомъ поспѣшнаго выбора и надъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что всякій „протоколистъ“, одаренный нѣкоторымъ искусствомъ стиля, способенъ исполнить трудныя и отвѣтственныя обязанности „спеціальнаго корреспондента“.

L. V.

„Тряпичкины-очевидцы“ [1]).

„Отечественныя Записки“, 1877 г., № 8.

*) Съ возникновеніемъ настоящей Восточной войны впервые въ русской печати возникъ вопросъ о военномъ корреспондентѣ. Крымская кампанія, въ ея печальномъ и ужасающемъ прошломъ, представлялась, уже впослѣдствіи, въ формѣ замѣтокъ и воспоминаній очевидцевъ, а съ ея радужной и лицевой стороны—въ формѣ реляцій и офиціальныхъ донесеній. Для военнаго корреспондента тамъ не было мѣста: дѣятельность его казалась подозрительною, совершенно неумѣстною, ненужною, а самъ онъ, какъ шпіонъ, подглядывающій грѣхи, а грѣховъ тогда было много, достоинъ былъ въ глазахъ военно-полевого управленія чуть-чуть не смерти.

Взглядъ съ тѣхъ поръ значительно измѣнился; присутствіе корреспондента допускается и терпится на извѣстныхъ условіяхъ. Редакціи россійскихъ газетъ, предвкушая значеніе своевременнаго полученія извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, съ одной стороны—для распространенія газеты, съ другой—для удовлетворенія вполнѣ законной жажды общества знать, что̀ дѣлается на театрѣ войны, употребили, какъ объ этомъ своевременно и громогласно было объявлено многими въ передовыхъ рекламахъ, всѣ усилія для того, чтобы всюду разослать военныхъ корреспондентовъ съ тѣмъ, чтобъ они, отвѣчая, хотя и не вполнѣ, жаждѣ общества, тѣмъ не менѣе удовлетворяли бы извѣстнымъ требованіямъ редакцій; словомъ, сообщали бы такія свѣдѣнія, которыя, въ концѣ-концовъ, дали бы возможность если не содержаніемъ и сущностью извѣстій, то ихъ обиліемъ пускать пыль въ глаза, и, такимъ образомъ, обезпечивали бы успѣхъ газеты. Но, какъ извѣстно, результатъ получился самый плачевный. Редакціи послали на театръ

---

1) „Вечерняя почта“, 1877 г., № 61.

*) „Вечерняя почта“ издавалась въ Спб. съ половины 1877 г., во время послѣдней русско-турецкой войны.

войны, за малымъ исключеніемъ, скорѣе хожалыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ корреспондентовъ.

Проворные малые, посланные редакціями, не понимая своей задачи, вмѣсто представленія редакціямъ и публикѣ свѣдѣній и фактовъ, имѣющихъ дѣйствительный интересъ и стоящихъ въ связи съ переживаемою эпохой, моментомъ, пустились въ переливаніе изъ пустого въ порожнее. Статья, заглавіе которой мы выписали выше, принадлежитъ перу нашего талантливаго сатирика и посвящена описанію дѣятельности и злополучной судьбы двухъ изъ такихъ злополучныхъ корреспондентовъ, посланныхъ на театръ военныхъ дѣйствій редакціей газеты „Краса Демидрона". Оставляя на долю прозорливости читателя угадывать, въ чей огородъ летятъ каменки, кого хлещетъ острая сатира г. Щедрина, передадимъ въ краткихъ словахъ содержаніе самой сатиры. Дунайскій корреспондентъ Подхалимовъ 1-й, отправленный редакціей газеты „Краса Демидрона", уже со станціи Бологое, Николаевской жел. д., считаетъ нужнымъ послать въ редакцію корреспонденцію о восторженномъ настроеніи русскаго общества, о воодушевленіи и даже экзальтаціи всѣхъ его классовъ, по поводу объявленія войны. Въ чемъ это одушевленіе выразилось, гдѣ былъ его источникъ, читатель увидитъ ниже; а теперь мы считаемъ нелишнимъ какъ для характеристики личности самого корреспондента, такъ, равно, и отношеній, существовавшихъ и, можетъ-быть, еще существующихъ между нѣкоторыми редакціями и ихъ корреспондентами, привести начало перваго письма „Станція Бологое": „Ровно недѣлю тому назадъ, вы призвали меня, г. редакторъ, и выложивъ передъ моими обрадованными глазами пачку ассигнацій, сказали: „Ты—малый проворный! вотъ деньги, иди, воспѣвай!"—Тутъ же находимъ подстрочныя замѣтки редакціи, распинающейся передъ своими подписчиками по поводу понесенныхъ трудовъ и издержекъ для удовлетворенія справедливыхъ желаній читателей, и рекомендацію редакціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Оба (корреспондента: на Дунай—г. Подхалимовъ 1-й и въ Малую Азію—г. Подхалимовъ 2-й) намъ извѣстны, какъ молодые люди чрезвычайно талантливые, добросовѣстные и, главное, непьющіе".

Такимъ образомъ, г. Подхалимовъ—въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги, на пути къ Дунаю, и, наконецъ, на

станціи Бологое, откуда и шлетъ корреспонденцію, начало которой нами сейчасъ выписано.

Прекрасенъ разговоръ и, главнымъ образомъ, отвѣты корреспондента по поводу затрудненій, ощущаемыхъ нами на нашемъ денежномъ рынкѣ.

— „Слушай, корреспондентъ!—говоритъ Иванъ Ивановичъ: — ты парень проворный! Постой, я тебѣ загадку загну. Отчего нашъ рубль теперича шесть гривенъ на биржѣ стоитъ?

Я призадумался, потому что мнѣ и самому, правду сказать, какъ-то не приходило въ голову, отчего это такъ? Однако, припомнивъ кое-что изъ вашихъ передовыхъ статей, отвѣтилъ, что всему причиною коварство англичанъ.

— Такъ неужто англичанинъ такую власть надъ нами взялъ, что нашъ рубль въ полтинникъ обратить может̀ъ?

— Это—не власть, а естественное послѣдствіе слабости нашего денежнаго рынка.

— Да рынокъ-то нашъ отчего слабъ?

— А опять-таки оттого, что англичане...

Я остановился въ недоумѣніи и сталъ соображать. Не оттого ли, что— мелькнуло вдругъ у меня въ головѣ—у насъ, взамѣнъ книгопечатанія, въ усиленной степени развито билетопечатаніе?“

Сдѣланныхъ нами выписокъ вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать достоинства новаго очерка г. Щедрина, а потому, чтобы не оставить читателя въ недоумѣніи о дальнѣйшей участи корреспондента Подхалимова, сообщимъ о его послѣдующихъ странствованіяхъ и приключеніяхъ вкратцѣ. Въ Рыбинскѣ Подхалимовъ пробылъ три недѣли и разстался со своимъ пріятелемъ безъ особаго огорченія. Воспользовавшись восторженнымъ состояніемъ Подхалимова (состояніемъ безсознательности, вслѣдствіе опьянѣнія) по случаю взятія Баязета, Иванъ Ивановичъ уложилъ его въ гробъ, накрылъ красною салфеткой и поставилъ по четыремъ угламъ сальныя свѣчи. Пробужденіе среди ночи, при такой обстановкѣ, привело его въ такое состояніе, что онъ чуть-чуть въ дѣйствительности не умеръ. Въ другой разъ, воспользовавшись таковымъ же восторженнымъ состояніемъ Подхалимова по случаю взятія Ардагана, Иванъ Ивановичъ свезъ его въ городской лѣсъ и выбросилъ въ канаву, гдѣ Подхалимовъ, спасаясь отъ собакъ, долженъ былъ влѣзть на дерево. Самъ Иванъ Ивановичъ, упитываясь съ гостями свѣжею стерляжьею ухой, для корреспондента, ради потѣхи, заказывалъ тухлятину и кончилъ тѣмъ, что, пригласивъ Подхалимова съ собою въ Нижній-Новгородъ, высадилъ его,

сонпаго, на пустынномъ берегу Волги, въ семи верстахъ отъ Кинешмы, а, въ вознагражденіе за доставленную потѣху, въ карманъ пальто вложилъ сторублевую бумажку. Бумажка оказалась расписанная, съ усами, и при попыткѣ размѣнять ее, была отобрана, а самъ онъ, Подхалимовъ, предсталъ предъ очи исправника въ качествѣ обвиняемаго въ превратныхъ толкованіяхъ. Въ результатѣ—отобраніе паспорта на случай возникновенія дѣла и подписка съ обязательствомъ увѣдомлять еженедѣльно о мѣстѣ пребыванія. Далѣе уже слѣдуютъ блужданія безпаспортнаго бродяги, котораго судьба бросаетъ въ разные уголки Поволжья, заставляя то спасаться бѣгствомъ отъ ареста по подозрѣнію въ поджигательствѣ, то, по ошибкѣ собственной или недобросовѣстности другихъ, летѣть въ городъ не по направленію къ Дунаю, а въ совершенно обратную сторону. Познакомивъ съ характеромъ корреспонденціи Подхалимова, авторъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи привести отрывокъ изъ подстрочнаго примѣчанія редакціи по поводу корреспонденціи Подхалимова изъ гор. Варнавина:

„Затѣмъ, чтобы сложить съ себя хотя часть отвѣтственности предъ читателями за поступки нашихъ корреспондентовъ, мы заявляемъ: 1) что мы не только не одобряемъ страннаго образа дѣйствій г. Подхалимова 1-го, но даже строго порицаемъ ихъ; 2) что мы не видимъ ничего любопытнаго, ни даже забавнаго въ его корреспонденціяхъ; напротивъ того, находимъ ихъ вполнѣ неумѣстными, и, если, за всѣмъ тѣмъ, печатаемъ ихъ, то потому только, чтобы хотя отчасти восполнить издержки, употребленныя нами на посылку корреспондентовъ; 3) что, вмѣстѣ съ симъ, мы, вторично и съ строжайшею настоятельностью, предлагаемъ Подхалимову 1-му прекратить блужданія и отправиться на театръ военныхъ дѣйствій—немедленно, и 4) что, въ этихъ же видахъ, нами отправлено письмо къ г. варнавинскому уѣздному исправнику, котораго мы просимъ подѣйствовать на г. Подхалимова 1-го путемъ убѣжденія, а буде это окажется недѣйствительнымъ, подыскать на мѣсто его кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, оказывающаго склонность къ правописанію и воспроизведенію картинъ природы“.

К. М.

„На досугѣ", Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки", 1877 г., № 10-й.

Г. Щедринъ, въ своемъ новомъ очеркѣ *На досугѣ*, продолжаетъ изливать сатиру на тѣ уродливыя и ненормальныя явленія въ средѣ нашего общества, которыя успѣли обнаружиться по поводу настоящей войны. Явились, какъ извѣстно, лица, которыя увидѣли здѣсь возможность для себя нажиться, сдѣлать выгодный гешефтъ. Вотъ этихъ-то аферистовъ, подъ видомъ Балалайкина, и клеймитъ сатирикъ. Очень удачно охарактеризовавъ, какъ родился и откуда явился Балалайкинъ, авторъ рисуетъ, затѣмъ, самыя картины подвиговъ или наглости его или того, на чемъ строятся расчеты подобныхъ ему людей. Балалайкинъ, видите ли, пристаетъ, чтобы ему дали взаймы денегъ на предпріятіе, по его словамъ, не только вѣрное, но и патріотическое.

— Послушайте, что жъ это за предпріятіе, наконецъ?—спросилъ я.

— Отбивать не будете?

— Балалайкинъ! Вы съ ума сошли!

— Хорошо, я вамъ вѣрю. Итакъ, вотъ что: на-дняхъ я очень дешево присмотрѣлъ партію килекъ.

Онъ пристально взглянулъ на меня, точно наслаждаясь чувствомъ недоумѣнія, которое выразило мое лицо при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Кильки ревельскія, настоящія,—продолжалъ онъ,—съ запашкомъ, правда, ну да, вѣдь, à la guerre comme à la guerre [2]). И въ мирное время мы не всегда имѣемъ свѣжія...

— Ну?

— Присмотрѣлъ я партію въ сто тысячъ банокъ. Мы покупаемъ здѣсь, въ лавкахъ, банку по восьмидесяти копеекъ, а мнѣ одинъ изъ моихъ кліентовъ уступаетъ банку по пятнадцати копеекъ, то-есть, собственно говоря, возвращаетъ себѣ цѣнность стекла.

— Чортъ знаетъ, что вы говорите!

— Дѣлаетъ онъ такую значительную уступку, разумѣется, преимущественно потому, что, какъ я уже сказалъ, кильки выдержаны, съ запашкомъ. Но, во-первыхъ, если продавать кильки въ банкахъ, то даже и въ мирное время этотъ недостатокъ будетъ замѣтенъ лишь по откупоркѣ, а, во-вторыхъ, на полѣ битвы, когда люди ѣдятъ урывками и второпяхъ, воинъ, конечно...

---

1) „Сынъ Отечества", 1877 г., № 270. (См. выпускъ I-й, стран. 65.)

2) Примѣняйся къ обстоятельствамъ.

— А, да уйдите вы отъ меня, Христа-ради!

— Выслушайте, прошу васъ, до конца. Когда мнѣ было сдѣлано предложеніе о покупкѣ упомянутой партіи килекъ, то у меня, натурально, сейчасъ же въ головѣ блеснула мысль, что килька должна сыграть на Дунаѣ большую роль. Въ настоящее время, какъ это подтверждаютъ корреспонденты всѣхъ газетъ, въ нашей арміи ни въ чемъ не ощущается такого существеннаго недостатка, какъ въ закускахъ. Подмѣтивъ этотъ фактъ, я прежде всего остановилъ свой взоръ на сардинкѣ, но, покуда я входилъ въ сношенія по этому предмету, всю свободную сардинку уже скупилъ Новосельскій, который тоже недреманнымъ окомъ слѣдилъ за газетными корреспонденціями. Затѣмъ я долгое время блуждалъ за икрой, балыкомъ и сыромъ, покуда счастливая случайность не натолкнула меня на кильку. Какъ вы думаете, сколько килекъ заключается въ каждой банкѣ?

— Не считалъ, не знаю.

— А я считалъ: ровно сто шестьдесятъ три. Тогда какъ въ коробкѣ сардинокъ, стоящей столько же, сколько и банка килекъ, помѣщается не болѣе пятнадцати рыбокъ. Теперь резюмируемъ нашу мысль. Получая единственный, въ своемъ родѣ, случай пріобрѣсти за ничто партію килекъ, мы имѣемъ возможность не только конкурировать съ сардинкой Новосельскаго, но и положительнѣйшимъ образомъ убить ее. Какъ ни великъ патріотизмъ Новосельскаго, но онъ, какъ ни вертись, не можетъ отпустить свою сардину дешевле, какъ по шести копеекъ за штуку, тогда какъ мы, даже принимая за норму цѣны, существующія на кильку въ петербургскихъ лавкахъ, имѣемъ полную возможность за копейку предложить потребителю двѣ штуки отличнѣйшей въ мірѣ закуски. Ясно, что *нашу* закуску съ удовольствіемъ купитъ даже солдать, тогда какъ надъ закуской Новосельскаго, по временамъ, задумается и армейскій офицеръ.—Въ такомъ же духѣ льется рѣчь Балалайкина и относительно снабженія арміи махоркой.—На-дняхъ мнѣ предложили,—говоритъ онъ,—пріобрѣсти партію махорки по баснословно дешевой цѣнѣ... что-то въ родѣ шести гривенъ за пудъ.

— Это еще что?

— Махорка—это табакъ, родъ опіума самаго сквернаго сорта. Мы съ вами, конечно, не будемъ его курить, ну, и господа офицеры—тоже, исключая тѣхъ, которые выслужились изъ сдаточныхъ—тѣ будутъ. Но для солдатъ—это лучшее лакомство и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣйшее возбудительное средство, какого только можно желать!

— И, конечно, ваша махорка будетъ тоже гнилая?

— Гнилая—нѣтъ, подмоченная—да. Но я ужъ имѣю въ виду средство. Стоитъ только подмоченные листы вновь подмочить—и они будутъ опять какъ свѣжіе!

— Ну да, на видъ, а, въ сущности, будутъ все-таки гнилые?

— Моралистъ! Но развѣ въ пылу битвы есть возможность отличить свѣжій табакъ отъ подмоченнаго?

И казня своею сатирой подобныхъ пройдохъ, какихъ въ наше время развелось много, авторъ, въ концѣ-концовъ, даетъ понять, что имъ, однако, суждена удача.

„На досугѣ“, Н. Щедрина [1]).

Въ своемъ фельетонѣ *На досугѣ*, г. Щедринъ, какъ это всегда водится, задѣваетъ самый животрепещущій и больной нервъ настоящаго момента. Дѣло идетъ въ немъ о той зловредной саранчѣ гнусныхъ аферистовъ, злодѣевъ наживы, которая налетѣла на театръ военныхъ дѣйствій нагрѣвать руки на счетъ продовольствія арміи и, въ свою очередь, не щадить живота (рискуя ежеминутно познакомиться съ висѣлицей), но не для славы и чести отечества, а ради своихъ хищныхъ кармановъ. Героемъ фельетона представляется знакомый уже намъ адвокатъ Балалайкинъ, который является къ разсказчику и проситъ у него взаймы денегъ на самое выгодное и притомъ патріотическое предпріятіе. Дѣло въ томъ, что, по его соображенію, въ нашей арміи ни въ чемъ не ощущается такого существеннаго недостатка, какъ въ закускахъ. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь Балалайкина о преимуществѣ килекъ передъ сардинками, представляющая верхъ совершенства, какъ пародія краснорѣчія нашихъ героевъ судебной трибуны.

Разсказчикъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ нахальства и навязчивости Балалайкина; доводы послѣдняго приводятъ его въ ужасъ.

„Балалайкинъ,—восклицаетъ онъ,—вы слишкомъ снисходительны къ себѣ! Подумайте, вѣдь, вы сами только-что выразились,—и, по-моему, черезчуръ даже деликатно,—что ваши кильки съ запашкомъ, а на дѣлѣ-то онѣ, должно-быть, просто-на-просто протухлыя. Я не спорю, вашъ проектъ основанъ на такой мизерной частности, что назвать его злодѣйствомъ въ строгомъ смыслѣ нельзя, но ежели вы и не заслуживаете названія злодѣя, то совсѣмъ не потому, что на изобрѣтенія настоящаго злодѣйства у васъ не хватитъ ни смѣлости, ни воображенія. Переступите одну черту, только одну черту,—и вы единогласно приговорены! Вѣдь, вы уже примирились съ мыслью, что воины „второпяхъ“ могутъ гнилыя кильки глотать (на этой „мысли“ вертится весь вашъ проектъ); отчего же не примириться и

---

1) „Биржевыя Вѣдомости“, 1877 г., № 274. (См. выпускъ II-й, стран. 130.)

съ тѣмъ, напримѣръ, что тѣ же воины „второпяхъ" могутъ гнилыми сухарями довольствоваться?"

Дѣло кончается тѣмъ, что на выручку разсказчику является Глумовъ, и они вѣшаютъ Балалайкина, а сами уходятъ къ Палкину завтракать, въ полной увѣренности, что Балалайкинъ не погибнетъ и сумѣетъ вывернуться и съ висѣлицы. Дѣйствительно, когда они возвращаются отъ Палкина, Балалайкина и слѣдъ уже простылъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ о немъ не было ни слуху ни духу, какъ-вдругъ въ газетѣ „Чего изволите?" напечатана корреспонденція изъ Махорска, въ которой сообщаются подробныя свѣдѣнія о Балалайкинѣ. Оказывается, что онъ совершилъ измѣну, передавъ въ Плевно въ копіяхъ всѣ журналы махорскаго губернскаго правленія и, между прочимъ, одинъ очень важный, въ которомъ обсуждались мѣры для приведенія Россійской имперіи въ состояніе неуязвимости, при чемъ главною и самою дѣйствительною мѣрою предполагалось немедленное и совершенное во всѣхъ мѣстахъ прекращеніе книгопечатанія, съ оставленіемъ лишь небольшого числа литеръ для опубликованія театральныхъ афишъ и начальственныхъ циркуляровъ. Первоначально было предположено повѣсить Балалайкина, но, по ходатайству дамъ махорскаго международнаго beau-mond'а, наказаніе это было замѣнено болѣе легкимъ—розгами. Обрядъ былъ совершенъ публично, на главной городской площади, при чемъ, конечно, присутствовалъ и весь махорскій beau-monde. По окончаніи обряда, покуда Балалайкинъ, по обычаю, благодарилъ сѣкуторовъ за науку, дамы махали платками. Въ этотъ день Балалайкинъ былъ приглашенъ въ десяти домахъ на обѣдъ, но гостепріимные хозяева съ горечью узнали, что интересной жертвѣ махорскаго правосудія уже не суждено обѣдать въ Махорскѣ. Черезъ два часа по совершеніи обряда проходимецъ, въ сопровожденіи двоихъ прохвостовъ, уже слѣдовалъ по назначенію для принятія на тѣлѣ административныхъ распоряженій и въ прочихъ городахъ Россійской имперіи.

Кончается фельетонъ апоѳеозомъ въ видѣ торжественнаго въѣзда Балалайкина въ столицу, въ великолѣпную квартиру, нанятую ему въ домѣ Мурузи. Встрѣтившись во время этого торжества со своими друзьями, онъ окончательно озадачилъ ихъ.

— Нѣтъ, какъ ты хочешь,—спросилъ у него разсказчикъ,—а объяснись обстоятельнѣе. Что такое съ тобой? откуда все это? Эта свита, эти экипажи, этотъ откормленный швейцаръ, это восточное великолѣпіе?..

— На это я могу сказать вамъ одно, господа,— отвѣчалъ Балалайкинъ.— Что такое я? Что такое всѣ тѣ, что вы теперь видите? Погодите; вотъ кончится война, и прибудутъ въ Петербургъ настоящіе... дѣльцы, хотѣлъ я сказать... Тогда увидите!

Что жъ, и, дѣйствительно придется намъ съ тобою, читатель, вдоволь налюбоваться на Балалайкиныхъ высшей пробы, по возвращеніи ихъ съ похода, увѣнчанныхъ лаврами ихъ карманныхъ подвиговъ... А что касается до висѣлицъ, то Балалайкинъ былъ вполнѣ правъ, когда возражалъ, что провѣшать его рѣшительно не за что. „Вотъ если бы я распространялъ превратныя идеи,—ну, тогда не спорю... Но кильки, и притомъ по такой дешевой цѣнѣ...“

Заурядный читатель (А. М. Скабичевскій).

„На досугѣ“, Н. Щедрина [1].

„Я человѣкъ не жестокій, но думаю, что, въ настоящее время, спасительный намекъ необходимъ. Такъ ужъ эти негодяи нынче расходились и столько ихъ развелось... Помилуй! кровь пьютъ, обворовываютъ, а наконецъ, и начисто морочить собрались!.. Надо же намекъ сдѣлать, чтобы хоть немножко поостепенились, мерзавцы!“ Такъ говоритъ Глумовъ въ послѣдней сатирѣ Щедрина (*На досугѣ,* „Отечественныя Записки“, № 10-й) и говоритъ онъ это по поводу двухъ проектовъ нѣкоего Балалайкина, довольно молодого человѣка, до войны преимущественно занимавшагося адвокатскою практикой по бракоразводнымъ дѣламъ, а теперь пробующаго примазаться къ „гешефтамъ“. Проекты состоятъ въ слѣдующемъ: во-1-хъ, пріобрѣсть партію килекъ по дешевой цѣнѣ—по пятнадцати копеекъ, вмѣсто восьми гривенъ, за банку—и отправить эти кильки въ продажу за Дунай; само-собой разумѣется, что онѣ „съ запахомъ“—ну, да, вѣдь, à la guerre comme à la guerre... [2]—„И въ мирное время мы не всегда имѣемъ свѣжія!“ замѣчаетъ Балалайкинъ. Во-2-хъ, предполагается еще добыть, тоже за безцѣнокъ, партію махорки и ее пустить въ оборотъ. Махорка не то чтобы гнилая, а... подмоченная. „Развѣ въ пылу битвъ можно отличить свѣжій табакъ отъ подмоченнаго?“ Опредѣлить ожидаемую отъ такихъ предпріятій прибыль оказывается не труднымъ; первоначальный фондъ предпринимателей долженъ, по крайней мѣрѣ, учетвериться въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ.—„И при этомъ, добавляетъ Балалайкинъ, независимо отъ громадныхъ, матеріальныхъ выгодъ, предпріятіе навѣрно будетъ пользоваться, въ глазахъ начальства, и патріотическою окраской. Конечно, мы пріобрѣтаемъ кильку почти задаромъ, но, вѣдь, это извѣстно только намъ; въ глазахъ же цѣлаго міра будетъ стоять тотъ непререкаемый фактъ, что мы банку килекъ, стоящую въ Петербургѣ (то-есть почти въ самомъ мѣстѣ ея производства) восемь-

---

[1]) „Кронштадтскій Вѣстникъ“, 1877 г., № 136.

[2]) Примѣняйся къ обстоятельствамъ.

десять копеекъ, за тѣ же восемьдесять копеекъ продаемъ на Дунаѣ. И пространство, и время, и даже законные проценты на затраченный капиталъ — все принесено нами на алтарь любви къ отечеству! Ужели это не величественное зрѣлище!..“ Что же слѣдуетъ отвѣчать на такія рѣчи? Если человѣкъ это говоритъ, думаетъ, чувствуетъ, то развѣ стоитъ терять съ нимъ слова? Развѣ на наглость можно дѣйствовать какимъ-нибудь убѣжденіемъ, кромѣ страха? Только въ виду висѣлицы Балалайкины признаютъ избранные ими пути „невыгодными“—все остальное ихъ не пронимаетъ. Само-собою разумѣется, что висѣлица можетъ быть не *настоящая*, а только, въ переносномъ смыслѣ, тѣмъ же самымъ орудіемъ казни представляющаяся. Про вороватую собаку Крыловъ сказалъ когда-то въ своей баснѣ: „Ее ты меньше бей, да кражу отнимай у ней“. Также и съ Балалайкиными: не нужно ихъ въ самомъ дѣлѣ вѣшать (объ нихъ и рукъ-то марать не стоитъ!), а нужно только, чтобъ они языкъ высунули со страху быть повѣшенными. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ не такъ: они видятъ, напримѣръ, что дѣло Московскаго ссуднаго банка „кончилось тѣмъ, что Струсбергъ *препровожденъ* за границу, а Ландау самъ туда бѣжалъ“. Отчего же имъ, въ такомъ случаѣ, не пускать въ ходъ проектовъ съ подмоченною махоркой и гнилыми кильками? Отчего не доходить и до извѣстнаго по своей неудобоѣдомости „сухаря“?—Конечно,—внушаетъ Балалайкину Щедринъ,—изобрѣтатели гнилыхъ сухарей, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, не избѣгнутъ должнаго возмездія, по крайней мѣрѣ, вся образованная Россія съ надеждой ожидаетъ этого. Но и вамъ, злодѣю мелкому, все-таки, слѣдуетъ отнестись къ себѣ строже и спросить себя: не была ли бы висѣлица лишь слабымъ вознагражденіемъ за вашу прожектерскую дѣятельность?—Шутка сказать: спросить себя! А на самомъ-то дѣлѣ, развѣ кто-нибудь себя о такихъ видахъ спрашиваетъ? Разумѣется, будь щедринскій Балалайкинъ одинъ, тогда и толковать нечего; но дѣло не въ немъ собственно, „а въ совокупности Балалайкиныхъ, въ ихъ общедоступности и общепризнанности, въ разлитости балалайкинскаго эѳира въ воздухѣ—вотъ, гдѣ настоящая причина негодованія“.

Нѣкто изъ толпы.

Резонеры сороковыхъ годовъ. Характеристика ихъ, сдѣланная г. Щедринымъ [1]).

Въ своемъ послѣднемъ очеркѣ, подъ заглавіемъ *Дворянскія мелодіи*, генезисъ, зарожденіе и начало русскаго резонера сороковыхъ годовъ г. Щедринъ опредѣляетъ весьма просто. Щедринъ рисуетъ состояніе барства и барской души въ очень интересный періодъ русской общественной жизни. Бары, создавшіе литературу сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, протестовали противъ крѣпостного состоянія и вносили тотъ „развратъ", который впослѣдствіи обновилъ русскую жизнь. Правда, протестовали они по-барски, со всѣми особенностями маниловщины и обломовщины, съ жалостливымъ отношеніемъ къ своему обездоленному меньшому брату, протестовали такъ, чтобы „не слишкомъ компрометировать тотъ общедворянскій складъ жизни, отказаться отъ котораго совсѣмъ и не предполагалось", но все же протестовали. Идеи, распространяемыя въ сочиненіяхъ Жоржъ-Зандъ, Сенъ-Симона и Руссо, были имъ хорошо знакомы и нечужды. Во всякомъ случаѣ, это были передовые по тому времени люди, боровшіеся, съ одной стороны, съ представителями „крѣпостной гармоніи", а съ другой,— съ всесильною бюрократіей, тщательно охранявшей страну, представлявшую собою „крѣпостное логово", отъ всяческаго „разврата". Такимъ образомъ, получилась двойственность: съ одной стороны, оставались привычки барства, а съ другой,—умъ уже поддался идеямъ „свободы, равенства и братства". Натура тянула „въ густолиственныхъ кленовъ аллеи", а умъ и память твердили слова знаменитаго писателя: „Мы—рабы, потому что наши отцы продали свое человѣческое

---

1) „Новости", 1877 г., № 325. (См. выпускъ II-й, стран. 308.)

достоинство за нечеловѣческія права" [1]). Отсюда эта туманность идеаловъ нашего дворянства, это отсутствіе „конкретныхъ объектовъ", эта елейность, хорошій слогъ, рѣчи, рѣчи безъ конца и отсутствіе поступковъ. Подъ тихоструйное журчаніе этихъ дворянскихъ мелодій можно помечтать, воспарить душою, но все это очень у мѣста только послѣ сытнаго обѣда, въ хорошо обставленномъ кабинетѣ либеральнаго и гостепріимнаго хозяина изъ столбовыхъ дворянъ.

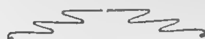
„Это было время, когда крѣпостное право царствовало въ полномъ разгарѣ, обезпечивая существованіе избранныхъ и доставляя всѣ удобства для украшенія ихъ досуговъ. А между тѣмъ,—странная вещь!—молодые дворяне тосковали. Исполненные юношеской силы, обезпеченные, не безъ пользы для ума и сердца исколесившіе всю Европу, они не могли не почувствовать себя умиленными зрѣлищемъ общихъ симпатій къ угнетеннымъ и обдѣленнымъ, которыми обуревались тогда лучшіе умы Запада, и въ особенности Франціи, этого неугасающаго очага, на которомъ преимущественно загораются всѣ зачатки, подвигающіе человѣчество впередъ. И въ этомъ-то умиленномъ видѣ возвращались домой, къ своимъ домашнимъ пенатамъ. Но тогдашніе пенаты были хмурые и неподатливые. Они ревниво охраняли крѣпостное логовище отъ какого бы то ни было „разврата", кромѣ строго-плотскаго, и безпощадно отметали дерзновеннаго, который мечталъ внести двоегласіе въ дѣйствія безчисленныхъ Прошекъ и Палашекъ, наполнявшихъ своею безгласною суетливостью всероссійскую пустыню, отъ холодныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды. Нельзя сказать, чтобы въ то время было строже „насчетъ разврата", нежели теперь (съ точки зрѣнія начальственныхъ воздѣйствій), но самыя свойства пенатовъ были таковы, что мысль о „развратѣ" просто не шла въ голову. Зданіе стояло такъ прочно и съ солидностью его сопрягалось столь многое, (и слава, и страхъ врагамъ, и процвѣтаніе), что самый рѣшительный поборникъ „разврата" и тотъ смирялся подъ подавляющимъ игомъ своеобразной, крѣпостной гармоніи, которая со всѣхъ сторонъ охватывала его... А между тѣмъ, сердца молодыхъ дворянъ уже растворялись и, слѣдовательно, требовали пищи. Этой пищи не могла имъ дать ни плотная масса Прошекъ, потому что къ ней подступиться даже было нельзя, ни несложныя утѣхи стариковъ-отцовъ, потому что они были черезчуръ уже грубы, ни литература того времени, потому что воркованіе школы Карамзина и Жуковскаго казалось уже смѣшнымъ; а болѣе современный байронизмъ поражалъ своею безпричинностью и неприложимостью къ крѣпостной средѣ. Почувствовалась потребность въ пищѣ болѣе пряного свойства, въ такой, которая хотя косвенно соприкасалась съ крѣпостной дѣйствительностью и, въ то же время, не слишкомъ компрометировала бы тотъ общедворянскій жизненный складъ, отказаться отъ котораго совсѣмъ и не предполагалось. Экскурсіи въ область униженныхъ и оскорбленныхъ, которыми такъ богата была европейская литература того времени и подъ вліяніемъ которыхъ уже растворялись молодыя дворянскія сердца, представлялись

[1]) Герценъ.

въ этомъ смыслѣ пищею почти посильною. Они располагали сердца къ чувствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не нарушали привычекъ. Отсюда— дворянскія мелодіи... Отличительныя свойства этихъ мелодій: слейность, хорошій слогъ, обиліе околичностей (обстановокъ) и, въ то же время, отсутствіе конкретнаго объекта. И какъ естественный результатъ всѣхъ этихъ свойствъ, взятыхъ вмѣстѣ,—неуловимость. Можно заслушаться ихъ, можно вздохнуть надъ ихъ переливами, но сжать и сформулировать точный ихъ смыслъ—невозможно“.

Мы нарочно передали языкомъ г. Щедрина эту превосходную характеристику резонера сороковыхъ годовъ, хотя она весьма понятна и совершенно справедлива, но, несомнѣнно, потеряла бы свою соль и прелесть, если бы была передана обыкновеннымъ языкомъ. Въ этомъ отношеніи (да проститъ намъ нашъ талантливый сатирикъ!) онъ—во многомъ сынъ своего времени, и его очерки также, до извѣстной степени,—дворянскія мелодіи, надъ переливами которыхъ если не вздыхаешь, то, несомнѣнно, добродушно хохочешь.

В. Ч.



„Дѣти Москвы", Н. Щедрина [1]).

Г. Щедринъ явился съ очеркомъ: *Дѣти Москвы.* Это, такъ-сказать, предисловіе къ червоннымъ валетамъ, о которыхъ авторъ намѣренъ поговорить въ слѣдующихъ очеркахъ, хотя это и будутъ не тѣ червонные валеты, которые теперь ждутъ своего рѣшенія на скамьѣ подсудимыхъ въ московскомъ окружномъ судѣ, а другіе. У автора, какъ видно, имѣется въ запасѣ цѣлый коробъ похожденій такихъ валетовъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ онъ уже разсказалъ. Случай выводится такого рода: „Встрѣчается червонный валетъ, въ трактирѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ, съ иностранцемъ и, разумѣется, какъ малый общительный, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Червонный валетъ, хоть и „воръ", но это отнюдь не мѣшаетъ ему быть обворожительнымъ молодымъ человѣкомъ. Манеры у него прекрасныя, разговоръ текучій, и при этомъ такія обстоятельныя свѣдѣнія о Москвѣ, объ ея торговлѣ, богатствѣ, нравахъ, обычаяхъ и проч., которыя прямо свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и добросовѣстномъ изученіи. Иностранецъ тѣмъ болѣе очарованъ, что съ этими манерами и свѣдѣніями соединяются безграничный досугъ и чисто-славянская готовность услужить, успокоить человѣка, находящагося вдали отъ родины, среди чужихъ. Мало-по-малу, конечно, не въ одинъ и не въ два дня, происходитъ очарованіе, приноситъ желаемый плодъ: иностранецъ, въ свою очередь, дѣлается изліятельнымъ. Происходитъ обмѣнъ мыслей, произносятся жалобы на обиліе за границей капиталовъ, дѣлающее помѣщеніе ихъ до крайности затруднительнымъ, и въ результатѣ оказывается, что Россія есть единственная въ мірѣ благословенная страна, въ которой капиталъ безъ труда (ежели не

---

[1]) „Сынъ Отечества", 1877 г., № 45. (См. выпускъ 1-й, стран. 65.)

украдутъ) можетъ приносить очень серіозный процентъ. Какъ только разговоръ установился на этой почвѣ, такъ червонный валетъ смотритъ уже на своего собесѣдника, какъ на „фофана". И вдругъ—мысль! продать этому „фофану" казенныя присутственныя мѣста. Сказано — сдѣлано. Весь клубъ червонныхъ валетовъ въ движеніи: одинъ бѣжитъ къ экзекутору присутственныхъ мѣстъ и предупреждаетъ, что на-дняхъ его посѣтитъ знатный иностранецъ, интересующійся вопросомъ о чижовкахъ вообще, и московскихъ, въ особенности; другой наскоро нанимаетъ помѣщеніе и устраиваетъ въ немъ псевдо-нотаріальную контору; третій спѣшитъ щегольнуть такими фальшивыми документами, чтобы лучше настоящихъ были; четвертый приготовляется разыграть роль владѣльца-продавца; пятый, шестой—просто радуются: вотъ-де удивится фофанъ! Словомъ сказать, всѣ заняты и всѣмъ весело. Въ назначенный день происходитъ осмотръ; экзекуторъ, какъ истинно гостепріимный хозяинъ показываетъ: вотъ чижовка! вотъ еще чижовка! и еще, и еще, и еще чижовка! Червонный валетъ служитъ при этомъ переводчикомъ, стучитъ кулакомъ объ стѣну и говоритъ: „Милордъ! посмотрите, какая толщина!" Потомъ ѣдутъ къ нотаріусу, получаютъ съ иностранца задаточныя деньги, провожаютъ его въ гостинницу, а затѣмъ все исчезаетъ. Ни нотаріуса, ни очаровательнаго молодого человѣка, ни владѣльца дома—ничего. Остаются лицомъ къ лицу экзекуторъ, который еще разъ готовъ казенныя чижовки лицомъ показать, и знатный иностранецъ, который никакъ не можетъ втолковать экзекутору, что онъ этотъ домъ купилъ и надѣется получать на него свой капиталъ не меньше десяти процентовъ. Вотъ какого рода продѣлки имѣются, очевидно, въ виду у автора. Но пока онъ занятъ выясненіемъ того, какъ образовался червонный валетъ и чѣмъ стало хищничество въ наше время, и выясняетъ это не безъ злой ироніи.

Замѣчая, напримѣръ, что современное представленіе о ворѣ далеко разнится отъ классическаго представленія о немъ, авторъ разсуждаетъ со свойственнымъ ему юморомъ: „Нынѣ хищничество всѣхъ видовъ и формъ (вотъ что значитъ примѣсь „питомцевъ славы", даже новое слово „хищникъ" придумали взамѣнъ стараго и столь опредѣленнаго слова „воръ") до того усложнилось или, лучше сказать, слилось съ разнаго рода ремеслами, изъ которыхъ одни по-

ложительно ставятся въ примѣръ, но слывутъ въ обществѣ подъ именемъ милыхъ шалостей, что даже очень тонкій наблюдатель врядъ ли сумѣетъ въ точности опредѣлить, гдѣ кончается благонамѣренность и гдѣ начинается „хищничество“. Я, по крайней мѣрѣ, нимало не буду удивленъ, если будочники усомнятся, какъ имъ въ данномъ случаѣ поступать, т.-е. брать ли воровъ за шиворотъ, согласно указаніямъ дореформенной практики, или дѣлать подъ козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости, установившимися вслѣдствіе вольной продажи вина. Въ самомъ дѣло, это очень трудно, ибо все въ данномъ случаѣ темно, запутано, загадочно. Кто знаетъ, быть-можетъ, въ образѣ какихъ-нибудь арканщиковъ, скрываются совсѣмъ не мошенники, а упраздненные іомудскіе и каракалпакскіе принцы (ихъ развилось такъ много), которые, ловя арканами обывателей, выражаютъ этимъ способомъ тоску по родинѣ и утраченному величію или, быть-можетъ, это какіе-нибудь „питомцы славы“, которые, во имя „славы“, вчера размѣняли въ Москвѣ, въ гостиницѣ „Крымъ“, послѣднія выкупныя свидѣтельства, а „сегодня“, преслѣдуемые тѣмъ же представленіемъ о славѣ, нагрянули на беззащитныхъ обывателей, дабы, обременивъ себя добычею (вѣдь, всѣ заправскіе средневѣковые рыцари такъ поступали), вновь возвратиться въ „Крымъ“ и тамъ уже окончательно утонуть въ лучахъ солнца славы, т.-е. предварительно попасть въ острогъ, а оттуда, быть-можетъ, и въ мѣста не столь отдаленныя! Вотъ это-то все составитель дѣйствій, предвидѣнныхъ такими-то и такими статьями уложенія о наказаніяхъ, и представляетъ собою источникъ великой современной полицейской скорби. Дѣло идетъ не не о томъ, какъ поступить съ мошенникомъ низкаго званія, съ глупою физіономіей и въ запятнанномъ пальто (такого можно и должно брать за шиворотъ), а о томъ, какъ подойти къ тоскующему іомудскому принцу, о помолвкѣ котораго съ дочерью концессіонера Губошлепова на-дняхъ объявлено, или къ „питомцу славы“, еще вчера дирижировавшему танцами на балу у предводителя дворянства? Но этого мало: современное воровство, утративъ кастовый характеръ и страннымъ образомъ перепутавшись съ благонамѣренностью, пошло и еще дальше, усложнилось до того, что сдѣлалось неосязаемымъ, не допускающимъ мысли ни о поличномъ ни объ отвѣтчикѣ. Господа „арканщики“ слиш-

комъ добры: ихъ арканы все еще могутъ отъ времени фигурировать на столѣ вещественныхъ доказательствъ въ залахъ засѣданія суда; но что сказать объ арканѣ духовномъ, который невидимъ и недосягаемо паритъ надъ современнымъ человѣкомъ и въ то же время самымъ реальнымъ и грандіознымъ образомъ заявляетъ о своихъ хищническихъ свойствахъ? Кто этотъ новоявленный загадочный „воръ"? Какіе отличительные его признаки? Какія мѣры представляетъ жизнь для обороны противъ него?" На эти вопросы ни современный судъ, ни современная жизненная практика, ни современное искусство просто-на-просто не даютъ никакого отвѣта.

Новый очеркъ Щедрина[1]).

*) Изображеніемъ мелкотравчатаго типа третьестепеннаго газетнаго корреспондента, его лакейскаго міросозерцанія и траги-комическихъ перипетій среди уѣздныхъ самодуровъ и кутилъ не могла ограничиться щедринская сатира, принявшись за воспроизведеніе злобы дня. По свойственной автору привычкѣ, онъ и теперь какъ - будто не прочь провести послѣдовательно передъ читателемъ цѣлую галлерею портретовъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Въ этой галлереѣ, очевидно, за усерднымъ, но легкомысленнымъ Подхалимовымъ, очередь выпадала другой особи, хоть и не созданной вновь текущими событіями, но значительно ими подновленной и разукрашенной въ современномъ вкусѣ,— дамѣ-патронессѣ, учредительницѣ и предсѣдательницѣ нѣсколькихъ патріотическихъ комитетовъ, преисполненной человѣколюбія и суеты, христіанскаго милосердія и барской спеси.

Въ новомъ своемъ разсказѣ [2]) Щедринъ какъ-будто хочетъ сосредоточиться на обрисовкѣ этого крупнаго родового типа, представительницъ котораго такъ много теперь кишитъ вездѣ среди насъ,—но болѣе общія, серіозныя и печальныя мысли словно сами напросились къ нему и отвлекли отъ частной сатирической цѣли.

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1877 г., № 158.

[2]) „На досугѣ“.

*) „Сѣверный Вѣстникъ“—газета политическая, литературная и юридическая. Она была преобразована изъ „Судебнаго Вѣстника“ (1866—1877 гг.) Стала она выходить подъ этимъ названіемъ съ 1-го мая 1877 гг., издавалъ эту газету извѣстный переводчикъ и журналистъ Евгеній Ѳедоровъ. Коршъ, нѣкогда редакт. и издатель журнала „Атеней“ и членъ кружка Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, В. П. Боткина и др. 6-го апрѣля 1878 г. газета была прекращена по Высочайшему повелѣнію за помѣщеніе письма оправданной по суду Вѣры Засуличъ. *Прим. Н. Денисюка.*

Характеръ благотворительной дамочки, ея превосходительства, жены вліятельнаго сановника, заразившейся съ виду демократизмомъ и вербующей со всѣхъ сторонъ людей, сочувствующихъ цѣлямъ ея комитета, отступилъ на задній планъ и потребовалъ для своей обрисовки лишь одной сцены. Въ немъ встрѣтишь нѣсколько вѣрно схваченныхъ чертъ; дамочка, безъ умолку треща, бѣгло трактуетъ и о проливахъ и гирлахъ, о сліяніи сословій, о томъ, какъ много заготовляется у нихъ въ комитетѣ всего: „la charpie, les onguents, les draps de lit [1]), тысячи маленькихъ вещей, которыя могутъ понадобиться и которыхъ мужчины не могутъ предусмотрѣть",—и тутъ же упомянетъ о томъ, что теперь уже ботинки заказывать придется не у Брюно, что придется обратиться къ русскимъ... „Впрочемъ, мы не сомнѣваемся, что почтенное наше купечество, Минины, Погребовы, Королевы — ces noms appartiennent à l'histoire..." [2]) и т. д., въ этомъ родѣ. И эту благонамѣренную болтовню выслушиваетъ съ сочувствіемъ, чуть не съ подобострастіемъ, цѣлый кружокъ посѣтителей, вторящихъ каждой любвеобильной выходкѣ молоденькой, но сановитой благотворительницы.

Но этотъ живо веденный діалогъ, приправленный комическими подробностями о турецкихъ плѣнныхъ, нѣсколькими карикатурными терзаніями относительно судьбы дунайскихъ и т. п. играетъ, въ сущности, послѣднюю роль въ настоящемъ разсказѣ. Да и не разсказъ, собственно, весь этотъ сатирическій очеркъ, это скорѣе, рядъ меланхолическихъ наблюденій надъ общественнымъ состояніемъ, и разговорныя сцены являются какъ бы иллюстраціей высказанныхъ взглядовъ. Философія автора несложна и почти могла бы быть названа философіей отчаянія. Видя, какъ преуспѣваетъ „долгоязычіе и ликованіе печати"; какъ въ обществѣ возбуждается нетерпимость и подозрительность, напоминающая худшія минуты прошлаго; какъ благонамѣренность и лже-патріотизмъ, стремясь задавить всякое независимое мнѣніе, уживаются попрежнему съ казнокрадствомъ и спекуляціей,—онъ готовъ проповѣдывать стыдливое и устраняющееся воздержаніе. Въ послѣднее время, —говоритъ

---

[1]) Корпія, мази, простынь.

[2]) Эти имена принадлежатъ исторіи.

онъ,—„признаніе относительной свободы мнѣній настолько умалило страхъ, внушаемый подыскивающимся долгоязычіемъ, что человѣкъ, высказывающій въ учтивой и богобоязненной формѣ свое сужденіе о явленіяхъ современности, уже можетъ, до извѣстной степени, считать себя отъ слѣдствія и суда свободнымъ. Вслѣдствіе этого, у многихъ даже блеснула мысль, будто Булгаринъ, Шешковскій[1]) и проч. исчезли, не оставивъ потомства... И вотъ, одного серіознаго момента достаточно, чтобы ветхій культурный человѣкъ всплылъ на поверхность... Онъ—все тотъ же! Съ одной стороны, долгоязычный, наянливо примазывающійся къ чужому ликованію, съ другой,—робкій и устраняющійся". Принужденный выбирать между обѣими крайностями, онъ „считаетъ себя въ числѣ людей, успѣвшихъ сохранить нѣкоторую стыдливость", и предпочитаетъ держаться въ сторонѣ.

Обломовскимъ квіетизмомъ дышали бы слова эти, раздающіяся въ мучительную пору внутренней общественной переборки,—если бъ не скрывали за собою искренняго сочувствія ко всему хорошему, лестному, часто героическому, что незамѣтно, часто непризнанно совершается подъ корой словесной шумихи, патріотическихъ подстегиваній и самодовольства. Сатирикъ разучился радоваться успѣху, потому что „въ успѣхѣ ему представляется столько выстраданнаго и невѣрнаго", онъ не ропщетъ и боится отчаяваться, потому что „самый неуспѣхъ сопровождается такимъ очевиднымъ искупленіемъ, передъ которымъ должны умолкнуть и праздный ропотъ и безплодное отчаяніе". Одна лишь вѣра въ жизненность русскаго народа и въ самоотверженность русскаго солдата поддерживаетъ его, и онъ ждетъ, затаивъ дыханье, развязки потрясающей и безконечной драмы, отворачиваясь отъ всего, что его окружаетъ, зажимая уши, чтобы не слышать воинственныхъ науськиваній со стороны сытыхъ и спокойныхъ газетчиковъ и захлебывающихся восторгомъ людей, въ родѣ Балалайкина, являющагося въ концѣ разсказа и стремящагося на войну, потому что „наши тамъ... сухари... галеты... по сту тысячъ въ сутки зарабатываютъ... зовутъ". Быть-можетъ, не то слѣдовало бы сати-

---

[1]) Имена журн. Ѳаддея Булгарина и Шешковскаго стали синонимомъ доносчиковъ, грязныхъ клеветниковъ и т. д.

рику дѣлать; его мѣсто должно бы быть въ самомъ центрѣ толпы, его жгучее слово должно бы раздаваться не изъ сумрачнаго далека, въ сторонѣ отъ всего, а изъ того кромѣшнаго очага, гдѣ возникаетъ, крѣпнетъ и даетъ отростки всякая всероссійская дрянь; онъ долженъ бы будить, расталкивать, а не презрительно пожимать плечами и, негодуя, отходить въ сторону; если то великое „искупленіе", которое одно примиряетъ его съ дѣйствительностью, должно на дѣлѣ совершиться, никакого усилія, казалось бы, не слѣдовало жалѣть, чтобы подготовить его, сдѣлать возможнымъ. Но трудно было бы пенять за это на нашего сатирика и требовать отъ него больше того, что такъ еще слабо во всемъ народномъ характерѣ; трудно было бы забыть, что завѣщало намъ все прошлое, издергавшее намъ нервы и парализовавшее энергію. Щедринъ какъ-будто и самъ, въ въ оправданіе себѣ, указываетъ на это прошлое, на ту пору, когда исповѣдывался принципъ: „ни порицанія, ни похвалы", такъ какъ и то и другое въ то время одинаково разсматривалось, какъ „позывъ къ непрошенному вмѣшательству"; воспоминанія временъ Крымской войны, оживая въ столькихъ чертахъ современности, какъ-будто снова навѣваютъ всю атмосферу того времени, а сознаніе возможности такого невозврата, послѣ долгаго жизненнаго опыта, дополняетъ печальную иллюзію. Оттого-то человѣкъ, у котораго еще не замерла способность все помнить, можетъ замкнуться въ себѣ, сознавая, подобно Щедрину, что только одна „безконечная сердечная боль заставляетъ его чувствовать себя живымъ свидѣтелемъ чего-то неимѣющаго опредѣленныхъ очертаній, но полнаго загадочныхъ угрозъ". И эта грустная и, къ сожалѣнію, столь понятная исповѣдь отнынѣ много объяснитъ намъ въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ сатирика, освѣщая ихъ уже инымъ свѣтомъ.

X.

Щедринъ и его послѣдняя сатира [1])

Сатира Щедрина имѣетъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, какъ и прежнія его произведенія: живое содержаніе, удивительный слогъ—и неразборчивость насмѣшки. Предметомъ послѣдней сатиры *На досугѣ* Щедринъ выбралъ русскую благотворительность и русское „долгоязычіе“. Что касается до нашей благотворительности, то, я полагаю, къ ней можно бы отнестись съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ это сдѣлалъ Щедринъ. Нѣтъ спора, что личная иниціатива въ дѣлѣ благотворительности у насъ очень слаба—гораздо слабѣе, чѣмъ у народовъ, болѣе насъ образованныхъ и обладающихъ бо́льшимъ богатствомъ. Но всетаки отрицать въ насъ *всякое* доброе побужденіе, приписывать все единственному побужденію: „отъ нечего дѣлать“, это—несправедливо. Это можетъ сойти въ фельетонѣ безвѣстнаго журналиста, въ передовой статьѣ маленькой и мало-извѣстной газеты,—и тамъ это будетъ даже умѣстно. Но первый русскій, даже первый европейскій сатирикъ настоящаго времени долженъ бы былъ быть осторожнѣе въ выборѣ предметовъ для сатиры и, въ особенности, въ ихъ освѣщеніи. Щедринъ безпощадно смѣется надъ нашими барынями-аристократками, приписывая ихъ благотворительность скукѣ и отнимая у нея всякое значеніе... Правда ли это? Я не дальше, какъ сегодня, читалъ статью объ одесскомъ водопроводѣ, напечатанную въ газетѣ „Mining world andingeneering record“. Тамъ смѣются надъ любовью одесситовъ къ грязи и говорятъ, что, если бы одесситы потребляли больше воды, то, вѣроятно, у нихъ обнаружились бы нѣкоторыя привлекательныя черты, въ настоящее время скрытыя подъ слоемъ грязи. Кстати, тамъ бросаютъ грязью и въ нашу благотворительность и заявляютъ, будто Одесса предоставила только двѣ кровати для раненыхъ въ настоящую войну. Я не знаю, сколько кроватей назначила Одесса для раненыхъ, но я увѣренъ, что англійскій авторъ лжетъ и

[1]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1877 г., № 238. (См. выпускъ II-й, стран. 143.)

клевещетъ на насъ. Англичанину эта ложь, если и непростительна, то, по крайней мѣрѣ, понятна въ немъ... Но Щедринъ, Щедринъ!.. Отчего онъ ничего не жалѣетъ для краснаго словца? Неужели дѣятельность нашихъ дамъ въ средѣ благотворительности заслуживаетъ только насмѣшки? Я согласенъ, что эти дамы слабохарактерны и обладаютъ недостаточнымъ общественнымъ развитіемъ; согласенъ, что дѣятельность ихъ безсистемна и недостаточно энергична. Но неужели это только скучающія аристократки, вспомоществуемыя чиновниками-карьеристами, которые ищутъ въ своихъ филантропическихъ прислуживаніяхъ начальству случая двинуться впередъ по службѣ. Щедринъ думаетъ такъ. Я категорически отрицаю это. И неужели дѣятельностью аристократокъ и чиновниковъ-карьеристовъ исчерпывается вся наша филантропія... Москва пожертвовала милліонъ на благотворительныя цѣли, вызванныя потребностями настоящей войны... Щедринъ скажетъ, что это „апчественный ящикъ". Пусть апчественный—но, вѣдь, въ этомъ ящикѣ есть взносъ каждаго... Впрочемъ, повторяю: я отнюдь не намѣренъ пѣть панегирики русской благотворительности. Я признаю ее недостаточною,—но сердце мое возмущается тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ третируетъ ее Щедринъ. Это и несправедливо и безтактно.

Но человѣкъ съ громаднымъ талантомъ не можетъ написать произведенія совершенно плохого. Такъ и здѣсь. Типы благотворителей и благотворительницъ нарисованы у него съ его обыкновеннымъ искусствомъ. Но верхъ совершенства представляетъ его предисловіе, гдѣ онъ говоритъ о русскомъ „долгоязычіи". Основная его мысль тутъ совершенна вѣрна. Онъ упрекаетъ нашихъ панегиристовъ, подстрекателей и шовинистовъ въ недостаткѣ скромности и сообразительности. Онъ не можетъ понять, зачѣмъ эти одобренія подстрекательства и славословія въ газетахъ и журналахъ, когда передъ нашими глазами разыгрывается одна изъ величайшихъ драмъ, когда льются потоки крови и на каждомъ шагу даются примѣры невѣроятнаго и скромнаго самоотверженія... Тутъ развязность русскихъ шовинистовъ, дѣйствительно, оказывается и неумѣстною и безтактною.

С. С.

По поводу „Дворянских мелодій“ Н. Щедрина [1]).

Я не знаю ни одного современнаго писателя, который бы подвергался бо́льшим искаженіям, чѣм Щедрин. Само-собою разумѣется, что я говорю об искаженіях различными Р. Р. Р., Z. Z. и т. п. братіей провинціальной печати. Из памфлетов и сатир Щедрина наши скромные провинціальные „писатели“ умѣли до сих пор извлекать лишь характерныя и крѣпкія клички в родѣ: помпадур, поганец. При передачѣ содержанія новаго произведенія даровитаго писателя смысл переиначивался, а когда крупныя черты иного образа—в родѣ редактора Очищеннаго и извѣстнаго фельетониста Икса — так и вызывали, казалось, знакомые образы из окружающей нас среды Z. Z. и Р. Р. Р., Куны и т. д. кивали на Петра вмѣсто Ивана и спѣшили наклеить новыя клички на своих „пріятелей“, обогащали свой ругательный лексикон. Ужасается, полагаю, Щедрин, если он просматривает всѣ подобные экспромпты наших фельетонистов. Это очень грязное явленіе современной жизни с помутившимся самосознаніем. Грязным я назвал его потому, что из свѣтлаго источника грязныя руки умѣют с каким-то необыкновенным легкомысліем черпать *что-то такое*, что чистую воду источника может зарекомендовать грязною.

Но не одна неблагонамѣренность — причина подобнаго обращенія с произведеніями Щедрина, и не легкомысліе. Гг. Z. Z. Z. и т. п., просто, не читают внимательно Щедрина и не понимают его.

Послѣдняя элегія (в прозѣ элегія: иначе я не умѣю назвать *Дворянских мелодій*) Щедрина внушила фельетонисту furioso [2]) „Телеграфа“ смѣлость ругать, не знаю в который раз, снова г. Аѳанасьева, Южакова и других. Посмотрим, в чем содержаніе этой элегіи и что мог прочесть в ней каждый Z. Z. Z., Р. Р. и т. п., если бы умѣл читать.

---

[1]) „Одесскій Вѣстник“, 1877 г., № 231. (См. выпуск II-й, стран. 143.)

[2]) Неистовый.

Читатель мой, конечно, знакомъ съ цѣлымъ рядомъ похожденій довольно несчастнаго культурнаго человѣка, отъ лица котораго давно уже Щедринъ ведетъ разсказы; знакомъ также и съ умнѣйшимъ и симпатичнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ его пріятелемъ Глумовымъ. Читатель помнитъ, до какого самоуничиженія доходили они, спасая свое спокойствіе, свой патентъ благонамѣренности. Чаша мерзостей этого существованія была выпита до дна.

Пріятель Глумова опомнился, опомнился, какъ бы уставши жизнью. Послѣдняя пьеса такъ и начинается словами: „Я человѣкъ отживающій". И вотъ, какъ бы передъ отходомъ въ вѣчность (въ концѣ „Мелодій" есть даже и проектъ надгробной рѣчи для „батюшки"), онъ оглядывается на себя, на свое значеніе въ обществѣ, на свой удѣльный вѣсъ, на свое добро, которое онъ послѣ себя можетъ оставить въ наслѣдство своимъ преемникамъ... Въ этомъ раздумьѣ, въ этихъ размышленіяхъ оказывается у нашихъ загнанныхъ и осмѣянныхъ людей столько человѣческаго достоинства, что у читателя является надежда встрѣтиться съ этими представителями культурнаго класса въ дальнѣйшихъ сатирахъ автора въ лучшей для нихъ обстановкѣ. Но не въ этомъ дѣло.

Опредѣливъ свое значеніе словами: ни добро ни зло,— приговоръ обидный, какъ замѣчаетъ авторъ,—пріятель Глумова занялся анализомъ духа времени. Вотъ что онъ говоритъ:

„Мы переживаемъ время, которое, несомнѣнно, представляетъ замѣчательно полное осуществленіе *ликующаго хищничества* (слова оттѣняю я,—не авторъ). *Безсовѣстность*, заручившись *союзомъ съ невѣжествомъ* и *неразвитостью*, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили свои отношенія къ вещамъ и лицамъ, что, не стѣсняясь, возводятъ насилія на степень единственнаго жизненнаго регулятора. Можетъ-быть, я ошибаюсь (добросовѣстно прибавляетъ авторъ), но думаю, что такого нагло отвратительнаго заявленія „принципій" давно не бывало. Прежде, даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей, можно было изрѣдка слышать слова въ родѣ: великодушіе, совѣсть, долгъ; нынче эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона *торжествующихъ* людей."

Вы знаете, читатель, всю мѣру гнѣва и ненависти этой пары „людей", Глумова и его пріятеля, къ дѣльцамъ; вы помните, что необузданный Балалайкинъ былъ Глумовымъ даже повѣшенъ... Сообразите же, что̀ стоило автору это самобичеваніе и самоосужденіе!

Въ этой тирадѣ, отмѣченной мною кавычками, я вижу тацитовскую силу слога*) и съ искусствомъ высокаго мастера начерченную картину современнаго состоянія общественности. Сотни образовъ, знакомыхъ намъ, проходятъ передъ нашими глазами: одни ликующіе и безсовѣстные, другіе невѣжественные и неразвитые, какъ союзники первыхъ; анекдоты и „исторіи“, въ которыхъ наглость и насиліе являются безъ оппозиціи и въ блескѣ, вспоминаются мнѣ—анекдоты послѣднихъ мѣсяцевъ.

„Понятіе о великодушіи, совѣсти, долгѣ,—говоритъ Щедринъ—имъ, торжествующимъ, антипатичны. Любовь, самоотверженіе—дикія слова, произносимыя, по ихъ убѣжденію, маніаками“. И понятно почему. Но вотъ, дѣльцы встрѣчаются и становятся плечомъ къ плечу въ своей враждѣ къ строгой и скромной честности съ представителями „невѣжества и неразвитости“. Эта толпа (но не въ смыслѣ народа), по инымъ соображеніямъ, осмѣиваетъ и осуждаетъ все честное, все спокойное, все преданное скромному честному труду. Союзъ трогательный! Дѣльцы не мѣшаютъ „невѣжеству и неразвитости“, они покровительственны къ нимъ; „невѣжество и неразвитіе“ не вступаютъ въ борьбу съ дѣльцами [1])—это ихъ союзники. Гражданственность и порядокъ одинаково имъ ненавистны...

Послушайте еще одинъ отрывокъ мелодій:

„Насъ“—не васъ, дѣльцовъ и ихъ подручниковъ — слѣдуетъ благодарить ужъ за то одно, что однимъ изъ главныхъ результатовъ нашего существованія былъ стыдъ. Почему современное хищническое ликованіе до того оскорбляетъ тебя,—говоритъ Глумовъ,—что тебѣ сдается, будто ты вращаешься среди смѣшанной атмосферы бойни и дома терпимости? — Потому что ты смолоду воспиталъ въ себѣ стыдъ. „Мы стыдоучители“, говоритъ далѣе Глумовъ. Затѣмъ у автора цѣлыя страницы психологическихъ тонкостей, оправдывающихъ апоѳеозу „стыденіе“. О горькая дѣйствительность!..

Р. А.

---

*) Извѣстный римскій историкъ Тацитъ хотѣлъ своими произведеніями поднять падающую нравственность римлянъ *Н. Д.*

[1]) Вспомнимъ кулачную расправу съ Безгинымъ, пользованіе деньгами болгарскаго настоятельства и т. д. Все это „мелочи“, все это сходило съ рукъ благополучно. *Р. А.*

„Дѣти Москвы“.—„Современная идиллія“ [1]).

„Отечественныя Записки“, 1877 г., №№ 1, 2 и 3.

Говорить объ „Отечественныхъ Запискахъ“ значитъ говорить прежде всего о Щедринѣ. Страницы, написанныя перомъ этого талантливаго сатирика, въ каждомъ изъ вновь-выходящихъ №№ журнала пробѣгаются раньше всѣхъ другихъ каждымъ изъ читателей. Онѣ заставляютъ смѣяться, но, конечно, это одно не могло бы привлекать къ нимъ, если бы, въ то же время, онѣ не представляли всякому Климычу случай „кивнуть на Петра“. Такое киванье всегда доставляетъ удовольствіе: оно отвлекаетъ наше вниманіе отъ насъ самихъ, и при этомъ тяжесть нѣкоторыхъ болѣе или менѣе щекотливыхъ обвиненій незамѣтно переносится нами съ собственной головы на чужую. Узнавая своихъ друзей и кумовьевъ и въ щедринскихъ *Ташкентцахъ* и въ герояхъ *Современной идилліи*, возводящихъ въ принципъ очень обыкновенную способность „годить“, мы сочувственно улыбаемся сатирику, одобряемъ его наблюдательность и весело потираемъ руки: „Какъ, молъ, онъ ловко ихъ черты схватываетъ!“ Замѣтьте: *ихъ* черты, а никакъ не *наши*. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ никто не отрицаетъ, что отчасти, пожалуй, и мы грѣшны“; но, вѣдь, „грѣхъ грѣху рознь“, и когда, напр., мы „годимъ“, то намъ кажется, что это совершается вполнѣ прилично и далеко не такъ глупо и смѣшно, какъ у щедринскихъ героевъ, выступающихъ со своею автобіографіей въ февральскомъ и мартовскомъ №№ „Отечественныхъ Записокъ“ нынѣшняго года и подробно повѣствующихъ о томъ, какъ они, вслѣдствіе внушеній Алексѣя Степаныча Молчалина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по собственному убѣжденію, оставили неправый путь разныхъ вольнодумныхъ разговоровъ (кромѣ этихъ „разговоровъ“ за ними и раньше ничего не водилось) и взяли себѣ за правило скромно

[1]) „Кронштадтскій Вѣстникъ“, 1877 г., № 53.

„годить", т.-е. ни о чемъ неподходящемъ не думать, въ разсужденія не пускаться, а проводить день за днемъ исключительно въ заботахъ объ удовлетвореніи утробы, о своевременномъ отшествіи ко сну, а также и въ нѣкоторыхъ невинныхъ наслажденіяхъ, въ родѣ набиванія папиросъ, игры въ ералашъ и т. под. Естественнымъ результатомъ такой высшей степени благонамѣренности является, во-1-хъ, полное физическое процвѣтаніе; во-2-хъ, нелицемѣрное уваженіе со стороны рыночныхъ торговцевъ, высокоставящихъ тѣхъ господъ, которые знаютъ толкъ въ бѣлорыбицѣ, и, наконецъ, въ 3-хъ, самое цѣнное изъ пріобрѣтеній, а именно, милостивое благорасположеніе квартальнаго, приглашающаго къ себѣ на чашку чая и удостоивающаго исправившихся обывателей лестной похвалы за то, что они живутъ теперь „смирно, мило, благородно". „А прежде, говоритъ онъ, вы нехорошо жили! буйно! Одно слово—мерзко жили! Ну, и вамъ, разумѣется, не потакали, потому что кто же за нехорошую жизнь похвалитъ!" Довѣріе представителя квартала къ исправившимся доходитъ до того, что одному изъ нихъ онъ дѣлаетъ по дружбѣ весьма выгодное предложеніе вступить въ фиктивный бракъ съ нѣкоей „штучкой", имѣющей близкое отношеніе къ богатому, именитому купчинѣ. Предложеніе это, хотя и весьма лестное, вызываетъ нѣкоторое смущеніе и даже, какъ-будто бы, брезгливость въ томъ, къ кому оно обращено, но это стараются замаскировать, какъ незаконное проявленіе чего-то прежняго, не вполнѣ согласнаго съ волей квартальныхъ блюстителей порядка. На этомъ исторія „годящихъ" пока прерывается, а о дальнѣйшемъ ходѣ ихъ благополучія читатели, вѣроятно, узнаютъ изъ слѣдующихъ очерковъ.

Кромѣ того, въ теченіе нынѣшняго года на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" можно разсчитывать встрѣтить нѣсколько разновидностей типа червонныхъ валетовъ; обѣщаніе занятія ими дано Щедринымъ въ январьскомъ №, въ очеркѣ *Дѣти Москвы*, составляющемъ какъ бы предисловіе, гдѣ въ общихъ чертахъ рисуются „питомцы славы". Когда-то они были полны всякихъ доблестей и, повидимому, представляли собою надежный оплотъ; въ сущности, ихъ устойчивость зависѣла отъ бо́льшаго или меньшаго количества выкупныхъ свидѣтельствъ и, по мѣрѣ того какъ свидѣтельства эти уходили изъ рукъ, „питомцы славы", лишенные

возможности удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ широкихъ натуръ, подверглись превращенію въ „червонныхъ валетовъ“, отъ которыхъ слѣдуетъ карманъ прятать. Надо замѣтить при этомъ, что въ понятіяхъ о карманной осторожности произошелъ огромный переворотъ въ послѣдніе годы. „Что такое воръ?—спрашиваетъ сатирикъ.—Имѣетъ ли онъ что-нибудь общее съ питомцами славы?“ Разумѣется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, такъ съ перваго взгляда представляется. Но попробуемъ вглядѣться поближе. „Классическій образъ вора—это образъ человѣка, постоянно живущаго подъ угрозой переломанія реберъ ради кошелька, иногда заключающаго въ себѣ не больше двухъ двугривенныхъ; въ подлой запятнанной одеждѣ; въ рваныхъ сапогахъ; съ гнусною физіономіей, испещренною ссадинами и синяками; съ понурымъ взоромъ, хищнически устремленнымъ на чужой карманъ; съ руками, свидѣтельствующими о цѣпкости и проворствѣ, которыя были бы выше всякихъ похвалъ, если бъ примѣнялись на пользу ближнему, и которыя награждаются карой закона и тумаками частныхъ лицъ, коль скоро примѣняются ко взлому запертыхъ помѣщеній. Классическій мошенникъ отличается отъ классическаго вора только тѣмъ, что онъ прилично одѣтъ и, судя по наружному виду, уже успѣлъ выбиться изъ простого званія“. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ мошенникъ такъ незрѣло, такъ по-дѣтски скомпанованъ, что питать къ нему довѣріе нѣтъ никакихъ средствъ. Ему едва-едва удается обойти какую-нибудь слѣпенькую старушку, отъ всѣхъ ожидающую, что съ нею поступятъ по-Божески, или молоденькую дѣвицу, только-что окончившую курсъ и радующуюся тому, что вотъ только вышла она на улицу, какъ ужъ и „кавалеръ идетъ“. Кромѣ типовъ вора и мошенника, существуетъ еще классическій типъ казнокрада: онъ довольно добродушенъ съ виду, отличается кругленькимъ брюшкомъ, имѣетъ семейство, о которомъ заботится, подчиненныхъ, которые вовсе не терпятъ отъ него особенныхъ притѣсненій, и, наконецъ,—пріятелей, которымъ, при случаѣ, охотно „одолжаетъ“ не слишкомъ крупныя суммы. Хищники послѣдней формаціи, образовавшіеся изъ „питомцевъ славы“,—дѣло совсѣмъ другое; они еще далеко не являются намъ вполнѣ изслѣдованнымъ видомъ, и надо имѣть очень тонкую наблюдательность, чтобы подмѣтить, гдѣ въ нихъ кончается благонамѣренность и начи-

пается хищничество. При столкновеніяхъ съ подобными лицами, будочникомъ овладѣваетъ сомнѣніе: „какъ ему въ данномъ случаѣ поступать, т.-е. брать ли воровъ за шиворотъ, согласно указаніямъ дореформенной практики, или дѣлать подъ козырекъ, согласно съ правилами вѣжливости". И не только будочники, но даже „судъ" до нѣкоторой степени теряется въ подобныхъ случаяхъ. Дѣйствуя, обыкновенно, на основаніи классическихъ традицій, онъ караетъ „мерзавца" завѣдомаго и нимало не разъясняетъ представленія о мерзавцѣ невидимомъ, но всѣми только явственно чувствуемомъ. Классическія традиціи оказываются вслѣдствіе этого недостаточными и недѣйствительными, а новыхъ ученій о „новомъ воровствѣ" еще не издано. Мирные обыватели обуреваются страхомъ, такъ какъ видятъ себя беззащитными и не могутъ попрежнему спокойно спать, положивши деньги на текущій счетъ. Воръ-мошенникъ, какъ каста, уже не опасенъ для нихъ, но онъ разложился, превратился въ тонкое начало, насыщающее атмосферу, и теперь, вмѣсто прежняго, жалкаго мазурика, который кралъ лишь столько, сколько успѣвалъ, является другой—могущественный, всепоглощающій; послѣ него и синя - пороха не останется. Неуловимость этого разлившагося въ воздухѣ посягателя на принципъ собственности приводитъ къ печальнымъ результатамъ человѣческую мысль, „подъ страхомъ испуга додумывающуюся до серіознаго убѣжденія, что отнынѣ главною задачей человѣческаго существованія должна быть *защита рубля*". Само-собою разумѣется, что такое убѣжденіе, постепенно усиливаясь, дѣлается опаснѣе цѣлой арміи червонныхъ валетовъ, подвиги которыхъ, рано или поздно, а все-таки бываютъ подведены подъ различныя статьи свода законовъ, въ чемъ удостовѣряетъ насъ и Щедринъ, повидимому, намѣревающійся воспроизвести потомъ въ конкретныхъ образахъ всѣ соображенія, являющіяся ему по поводу органическаго преобразованія „питомцевъ славы". Если привычное перо иллюстрировало „Ташкентцевъ", то имя „червоннаго валета" надолго сдѣлается у насъ опредѣленнымъ нарицательнымъ, конечно, въ смыслѣ гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ тотъ, который могъ быть ему приданъ процессомъ прокутившейся московской шайки.

Нѣкто изъ толпы.

„Современная идиллія“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1877 г., февраль.

I.

Нельзя сказать, чтобы смѣхъ современной русской сатиры — именно, сатиры текущей переживаемой нами минуты—былъ добродушно-веселымъ, беззаботно-наивнымъ смѣхомъ, свойственнымъ здоровому, довольному человѣку... Въ этомъ смѣхѣ явственно звучитъ струна досады, какого-то раздраженія и, всего болѣе, тревожнаго недовольства... Сарказмъ, злая иронія—признаки большого внутренняго разлада—очевидно, къ нему примѣшиваются. Говоримъ это, имѣя въ виду главнаго, если не единственнаго представителя нашей современной сатиры—Щедрина, который, съ замѣчательною живучестью таланта, продолжаетъ, изъ году въ годъ, отражать въ зеркалѣ своей сатиры разныя настроенія, знаменія и явленія новѣйшаго реформеннаго фазиса нашей общественности, по мѣрѣ ихъ нарожденія, по мѣрѣ того какъ въ воздухѣ начинаетъ чувствоваться ихъ наплывъ и присутствіе. Мы не полагаемъ, чтобъ юморъ его слишкомъ глубоко затрогивалъ эти знаменія и симптомы, не полагаемъ, говоря гоголевскимъ выраженіемъ, чтобы стекла, сквозь которыя окомъ сатирика онъ смотритъ на пошлость жизни, выставляли со всею полнотою и яркостью все, что только подлежитъ въ нашей скудной и мелочно-неподвижной жизни дѣйствію обличающей, укоризненной насмѣшки,—для этого, быть-можетъ, у Щедрина недостаточно твердъ идеальный критерій, которымъ онъ мѣритъ и судитъ жизнь—но несомнѣнно, что онъ высказываетъ большую чуткость ко всему совершающемуся вокругъ и ловко освѣщаетъ своимъ юморомъ многое, что тяготитъ, уничтожаетъ и оскорбляетъ совре-

1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1877 г., №№ 78 и 104. (См. выпускъ I-й, стран. 74.)

меннаго русскаго человѣка. Его сатира имѣетъ спеціально общественный колоритъ (впрочемъ, всякая истинно талантливая сатира неизбѣжно пріобрѣтаетъ общественное значеніе), и слѣдуетъ признать, что, въ этомъ отношеніи, его юмористическіе фельетоны и очерки, схватывающіе и подстерегающіе „злобу дня“, заслуживаютъ названія полезныхъ и не могутъ не возбуждать къ себѣ сочувствія. Иные же изъ принадлежащихъ его перу очерковъ отмѣчены мѣткостью, силою и шириною захвата, получая черезъ то болѣе прочный, болѣе долговѣчный интересъ, чѣмъ только интересъ дня, интересъ текущей минуты. Напомнимъ, напримѣръ, тѣ изъ его послѣднихъ очерковъ, въ которыхъ онъ изображаетъ судьбы скорбно-либеральной газеты „Чего изволите?“ и излагаетъ намъ свои похожденія въ фантастическомъ департаментѣ „Возмездій и Воздаяній“. Къ счастью, въ Щедринѣ не мало веселости,—по-нашему, элементъ веселости можетъ только украсить сатиру,—но никто не скажетъ, чтобы нынѣшняя его веселость была шаловливою веселостью, направленною только къ возбужденію игриваго, безцѣльнаго смѣха, въ чемъ нѣкогда его упрекали съ такою жестокостью и въ чемъ, порою, упрекаютъ еще и теперь, безъ достаточныхъ основаній (въ такомъ смыслѣ еще недавно была напечатана въ „Дѣлѣ“ критическая статья о Щедринѣ) [1]. Подкладка его сатиры бываетъ зачастую печальная, желчно-тоскливая, способная наводить хандру, но очевидно, что сатирикъ не напускаетъ на себя умышленно „гражданской скорби“, не старается во что бы то ни стало лить слезы сквозь видимый міру смѣхъ,—въ такомъ случаѣ, сатира его за отсутствіемъ искренности, не имѣла бы почти никакой цѣны, а подчиняется только настроенію, которое невольно овладѣваетъ имъ подъ впечатлѣніями окружающей жизни. Что касается искренности, скажемъ къ слову, то самая добродушная легкая насмѣшка, если она исходитъ отъ писателя мыслящаго, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ цѣннѣе и полезнѣе всякой торжественно-серіозной сатиры съ напускнымъ глубокомысліемъ и дѣланною серіозностью. Это понятно безъ доказательствъ... Но въ нынѣшнія довольно смутныя времена тягостное раздумье само-собою, безъ особыхъ стараній, должно навязываться сатирику, и ему нѣтъ

---

[1]) См. стран. 67.

надобности хлопотать о поддѣльной серіозности... Бѣда въ томъ, что переживаемая нами година съ чрезвычайнымъ упорствомъ продолжаетъ оставаться, исключительно, переходною, хотя съ минуты на минуту кажется, что эта переходность, наконецъ, прекратится; кажется, что вотъ-вотъ мы сдѣлаемъ еще шагъ, ступимъ немножко далѣе, подойдемъ къ такой-то грани, и намъ будетъ легче, жизнь опредѣлится лучше, найдетъ себѣ сколько-нибудь прочный неколеблющійся устой, но желаемаго шага какъ-то не дѣлается, и мы опять понуро склоняемъ голову и въ томленіи опускаемъ руки... Конечно, въ насъ много пріятныхъ чаяній, мы ждемъ всего лучшаго, но въ настоящемъ не можемъ выбиться изъ заколдованнаго круга, въ которомъ бѣгаемъ словно бѣлки. Поглядишь кругомъ, и чему особенно порадоваться? Въ общественной жизни вялость, разрозненность, нѣтъ единенія ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ, ни въ интересахъ; въ политикѣ, по сакраментальному выраженію, горизонтъ покрытъ тучами, и тучи эти до сихъ поръ все сгущались и темнѣли. Въ личныхъ индивидуальныхъ стремленіяхъ, въ личномъ міросозерцаніи—смутность, шаткость. Въ дѣлахъ застой и упадокъ, о чемъ свидѣтельствуютъ безпрестанныя банкротства, отсутствіе кредита. Ждущее, томящееся, скучающее—вотъ какими прилагательными можно охарактеризовать нынѣшнее настроеніе русскаго общества, но великъ русскій Богъ, и мы вѣримъ, что всѣ эти томленія и ожиданія разрѣшатся къ общему удовольствію, до тѣхъ же поръ вооружимся всегда спасительнымъ терпѣніемъ... Кстати, и Щедринъ, въ своемъ послѣднемъ юмористическомъ очеркѣ, озаглавленномъ: *Современная идиллія,* рекомендуетъ намъ умѣть ждать, или „годить", по его выраженію, какъ высшую мудрость жизни. Въ этомъ и весь сюжетъ очерка. Онъ даже рекомендуетъ не только ждать, но и спать, въ эпиграфѣ, гласящемъ: „Спите! Богъ не спитъ-за-васъ!" Разсказъ таковъ: жилъ себѣ мирно нѣкій россійскій гражданинъ — самъ разсказчикъ, предполагается,—съ миролюбивыми мыслями, не чуждыми, однако, нѣкоторой общественной закваски, какъ можно усматривать изъ послѣдующаго. Вдругъ къ нему нечаянно является его знакомый чиновникъ, втайнѣ покровительствующій ему, Алексѣй Степанычъ Молчалинъ, и объявляетъ ему съ значительною миной, назвавъ его голубчикомъ, что нужно „по-

годить". Тотъ удивился. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, онъ только и дѣлалъ, что „годилъ",—до такой степени, что вся его молодость, вся жизнь вполнѣ исчерпываются этимъ словомъ. И, за всѣмъ тѣмъ, выискивается человѣкъ, который приходитъ къ заключенію, что ему всетаки необходимо умѣрить свой пылъ. Мирный гражданинъ возражаетъ:

— „Помилуйте, Алексѣй Степанычъ! вѣдь, это, право, ужъ начинаетъ походить на мистификацію!"—Тамъ мистификація или не мистификація, какъ хотите разсуждайте, а мой совѣтъ—погодить!—„Да что же, наконецъ, вы хотите этимъ сказать?"—Русскіе вы, а по-русски не понимаете! Чудные вы, господа! Погодить—ну... приноровиться что ли, умѣть во́-время помолчать, позабыть кой-о-чемъ, думать не о томъ, о чемъ обыкновенно думается, заниматься не тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаетесь... Напримѣръ гуляйте больше, въ ѣду ударьтесь, папироски набивайте, письма къ роднымъ пишите, а вечеромъ—въ табельку или въ сибирку засядьте. Вотъ это и будетъ значить „погодить".—„Алексѣй Степанычъ! Батюшка! да почему же?"—Некогда, мой другъ, объяснять: въ департаментъ спѣшу! Да не объяснишь, вѣдь, тому, кто понимать не хочетъ. Мы—русскіе; мы эти вещи сразу должны понимать. Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ, а послѣдуете ли моему совѣту или не послѣдуете, это ужъ вы сами...

Съ этими словами Молчалинъ исчезъ, и это быстрое появленіе и исчезновеніе нужнаго знакомца очень больно укололо нашего разсказчика. Этимъ Молчалинъ какъ-будто говорилъ: „Готовъ я помочь, однако, пора бы и тебѣ, Сахаръ-Медовичъ, понять, что знакомство твое—не ахти благостыня какая". Словомъ, разсказчикъ былъ смущенъ и сейчасъ же полетѣлъ къ своему неофиціальному пріятелю Глумову, чтобъ общими силами сотворить совѣтъ по этому случаю; но Глумовъ какъ бы уже предвосхитилъ мысль Молчалина и безъ всякихъ предупрежденій принялся „годить", всецѣло отдавшись дѣлу набиванія папиросъ. Разсказчикъ рѣшилъ съ вечера же перебраться къ Глумову, разомъ съ нимъ улечься спать и вмѣстѣ же завтра проснуться, чтобы начать ждать. И рѣшено было не разставаться дотолѣ, покуда „вакантъ" самъ-собою, такъ-сказать, не упразднится измором. Залегли они спать часовъ съ одиннадцати, точно на другой день къ ранней обѣднѣ собрались. Обыкновенно въ это время они только-что словесную канитель затягивали и часовъ до двухъ ночи переходили отъ одного современнаго вопроса къ другому, съ одной стороны ничего не предрѣшая, а съ другой —не отказывая себѣ и въ достодолжномъ, въ предѣлахъ разумной умѣренности, разсмотрѣніи. И хотя

ихъ собесѣдованія всегда почти заканчивались словами: „нужно подождать“, но они все-таки утѣшались хотя тѣмъ, что слова составляли результатъ свободнаго обмѣна мысли и свободно-разумнаго отношенія къ дѣйствительности... Имъ было пріятно думать, что вольность съ нихъ не снята, и что, если бъ, напр., выпить при этомъ двѣ-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не помѣшало имъ выразиться и такъ: „Господи! да неужто же конецъ“... Но теперь—цыцъ! Теперь два пріятеля съ тѣмъ, именно, и сошлись, чтобы начать „годить“, не разсуждая, не вдаваясь въ изслѣдованія почему и какъ, а просто-на-просто плыть по теченію до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Степанычъ не сниметъ съ нихъ клятвы... На другой день друзья проснулись довольно рано, но къ ранней обѣднѣ все-таки не поспѣли...

— „Впрочемъ, и то сказать“,—началъ нашъ гражданинъ:—„не такой городъ Петербургъ, чтобы въ немъ раннія обѣдни справлять“. — Будешь и къ ранней обѣднѣ ходить, когда моментъ наступитъ,—осадилъ его Глумовъ.—„Но не объ этомъ рѣчь, а вотъ я насчетъ горячаго распоряжусь. Тебѣ чего: кофею или чаю?“ Стали пить кофей съ теплыми колачами, а у мирнаго гражданина, хотя онъ всячески себя пересиливалъ, началъ языкъ чесаться, и онъ произнесъ:—„А что, Глумовъ, ты когда-нибудь думалъ какъ этотъ самый колачъ...“ —Что „колачъ“?—„Ну, вотъ родословную-то его?.. Какъ сначала эта самая пшеница въ закромѣ лежитъ, у кого лежитъ, какъ этотъ человѣкъ за сохой идетъ, напирая на нее грудью, какъ...“—Зналъ прежде, да забылъ. А теперь знаю только то, что мы кофей съ колачомъ пьемъ, и тебѣ только это знать совѣтую!—„Глумовъ! да, вѣдь, я немножко! Вѣдь, если мы немножко и поговоримъ, право, вреда особеннаго отъ этого не будетъ. Только время скорѣй пройдетъ!“

Однако, Глумовъ строго посовѣтовалъ ему быть сдержаннѣе и добросовѣстнѣе выполнять предпринятый подвигъ. Затѣмъ друзья пошли гулять, съ намѣреніемъ выходить цѣлую палестину и заморить себя прогулкою для возбужденія аппетита къ обѣду. При прогулкѣ у разсказчика вырывались замѣчанія, скромныя по существу, но все-таки отзывавшіяся чѣмъ-то такимъ, что Глумовъ безпрестанно напоминалъ ему не болтать лишняго и „обуздать, наконецъ, свой язычище“. И дѣйствительно, о чемъ бы ни заговорилъ нашъ мирный обыватель, все у него какъ-будто выходитъ не совсѣмъ умѣстнымъ, а то и рискованнымъ,—по крайней мѣрѣ, на взглядъ читателя, вошедшаго душою въ похвальный проектъ двухъ пріятелей,—несмотря на то, что замѣчанія разсказчика ограничиваются передачею чисто уличныхъ впечатлѣній. Самыя случайности, встрѣчавшіяся имъ на

улицѣ, увѣщевали ихъ къ сдержанности и благоразумію. На Фурштадтской изъ кабака вышелъ малый въ разорванномъ пальто, который пѣлъ: „Красавица, погоди, бѣлы руки подожми!", и Глумовъ усмотрѣлъ въ этомъ подходящее къ обстоятельствамъ и принялся доказывать пріятелю необходимость хорошей выдержки. У россіянъ, по его словамъ, нѣтъ такой выдержки, и понятно, что это не нравится многимъ. А нужно такъ сумѣть вышколить себя, что если сказано тебѣ „погоди!", такъ ты и годи вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, отъ всего сердца и даже наединѣ съ собою, и тогда только почувствуется въ тебѣ настоящая культурная выдержка. Добрый гражданинъ, слыша это, старался не выступать въ своихъ заявленіяхъ за черту самыхъ обыденныхъ истинъ и патріотическихъ воспоминаній. Онъ восхищался прошлымъ, восхищался старою русскою славой. Проходя по линіи Таврическаго сада, пріятели остановились съ умиленіемъ, и гражданинъ замѣтилъ: „Вотъ гдѣ витаетъ тѣнь великолѣпнаго князя Тавриды, послѣ чего, отъ полноты чувствъ, продекламировалъ изъ Державина: „Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ", и проч. Глумовъ, не охлаждая восторговъ своего друга, однако, замѣтилъ, что восхищаться стариной ему дозволяется, но съ такимъ расчетомъ, чтобы восхищеніе прошлымъ отнюдь не могло служить поводомъ для превратныхъ толкованій въ смыслѣ укора настоящему. На Лиговкѣ нашъ скромный гражданинъ увидѣлъ знакомый домъ, гдѣ происходятъ собранія страстныхъ библіографовъ. Собираются они, если вѣрить ему, по ночамъ и въ величайшемъ секретѣ, какъ бы изъ опасенія, чтобы полиція ихъ не накрыла. Однакоже, эти опасенія, если они пребывали въ библіографахъ, были уже вовсе неосновательны, и не было къ нимъ даже отдаленнаго повода. Члены собранія подвергали, напримѣръ, „Черную шаль" Пушкина библіографической разработкѣ, съ тѣмъ, чтобъ издать ее въ двухъ томахъ съ комментаріями.

„Вотъ бы гдѣ „годить"-то хорошо!—отозвался Глумовъ.—Туда бы забраться, да тамъ все время и переждать!"—Да, хорошо бы. При мнѣ, въ теченіе трехъ часовъ, только два первые стиха обработали. Вотъ видишь, обыкновенно мы такъ читаемъ: „Гляжу я безмолвно на черную шаль, и хладную душу терзаетъ печаль..." А у Слёнина послѣдній стихъ такъ напечатанъ: и гладкую душу дерзаетъ печаль... Вотъ они и остановились въ недоумѣніи. Три партіи образовались.—„Ужинать-то, по крайней мѣрѣ, дали ли?"—Нѣтъ, ужина не было, а подъ конецъ засѣданія хозяинъ сказалъ: я, господа,

рѣдкость пріобрѣлъ! единственный экземпляръ Гоголевскаго портрета, на которомъ авторъ „Мертвыхъ Душъ“ изображенъ съ бородавкой на носу!— „Ну, и что жъ!“—Натурально, всѣ всполошились. Принесъ; всѣ бросились смотрѣть: дѣйствительно, сидитъ Гоголь, и на самомъ кончикѣ носа у него бородавка. Начался споръ: въ какую эпоху жизни портретъ снятъ? Полжизни: справиться, нѣтъ ли указаній въ бумагахъ покойнаго академика Погодина. Потомъ, въ видѣ литіи, прочли „полный и достовѣрный списокъ сочиненій Григорія Данилевскаго“ и разошлись.

Въ заключеніе этого веселенькаго разсказа мы читаемъ, что прошло много лѣтъ, а пріятели все „годили“. Всѣ дни они проводили другъ съ другомъ неразлучно, ни на іоту не отступая отъ условленной программы. Въ теченіе всего этого времени они ни разу не почувствовали себя больными и, постоянно разъѣдаясь, дошли, наконецъ, до того, что сдѣлались поперекъ себя толще. Но и это не отягощаетъ ихъ, а какъ-будто радуетъ. Толщина не произвела въ нихъ одышки, а только придала сановитости. Зубы у нихъ всѣ цѣлы, а глаза смотрятъ такъ ясно, что не одинъ директоръ департамента вчужѣ имъ завидуетъ. Имъ и нескучно,— узнаёмъ мы изъ очерка.

„Жизнь самая однообразная,—поучаетъ разсказчикъ желающихъ подражать его примѣру,—представляетъ возможность для безчисленнаго множества самыхъ запутанныхъ и непредвидѣнныхъ комбинацій. Нужно исключительно предаться процессу существованія, чтобы понять это; предайтесь ему, раздробите жизнь на мелкіе кусочки, и вы увидите, сколько маленькихъ, очень затѣйливыхъ фигурокъ можно изъ этихъ кусочковъ вылѣпить“.

И впрямь: пріятели каждый день колесятъ по Петербургу, но переулковъ, въ которые имъ пришлось заглянуть, осталось еще на многіе годы ежедневной прогулки. Они каждый день играютъ въ сибирку, но такихъ комбинацій игры, которыя еще никогда не приходили, *но могутъ притти*, тоже осталось на многіе годы. Чего лучше? Кто не позавидуетъ этимъ мудрецамъ и не пожелаетъ, чтобы душевный миръ не покидалъ ихъ все время, пока продолжится наложенный на нихъ искусъ? Да толстѣютъ они еще пуще прежняго, не тревожа себя обмѣномъ какихъ бы то ни было мыслей ни дома ни на прогулкахъ. Вѣдь, какъ хотите, за мысль не всегда можно поручиться, и, случается, она иной разъ занесется туда, куда и вовсе не слѣдуетъ.

II.

Въ мартовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ появилось продолженіе прекраснаго юмористическаго очерка

Н. Щедрина *Современная идиллія.* Такъ какъ мы передали въ краткомъ изложеніи содержаніе первой части очерка, то, изъ аккуратности, сдѣлаемъ то же самое и относительно его продолженія. Послѣдніе разсказы Щедрина, какъ мы уже говорили прежде, замѣчательны своими достоинствами; талантъ автора проявляется въ нихъ въ большой силѣ и блескѣ, выказывая всѣ свои лучшія качества. Таковъ же и его новый разсказъ. Одно время Щедринъ употребилъ много стараній, чтобы создать нѣчто въ родѣ художественной эпопеи въ своей *Головлевской хроникѣ*, гдѣ всего болѣе выдается крайне утрированная и, по нашему мнѣнію, черезчуръ искусственная фигура лицемѣра Іудушки; но этотъ новый для него жанръ, которымъ онъ занимался усердно, какъ мы думаемъ, мало согласовался съ направленіемъ и складомъ его блестящаго дарованія, и мы рады, что онъ снова перешелъ на ту почву, гдѣ сатирическая его манера можетъ развертываться съ бо́льшимъ просторомъ, съ бо́льшею непринужденностью, гдѣ не пропадаетъ ни одинъ изъ рессурсовъ его таланта, и онъ рѣшительно овладѣваетъ симпатіями читателя. Какъ сатирикъ, онъ неутомимо и съ возрастающимъ успѣхомъ выдерживаетъ выпавшую ему на долю литературную роль, и если въ немъ нельзя признать генія, за котораго его провозглашаютъ слишкомъ рьяные его поклонники, зато всякій признаетъ въ немъ крупный и сильный талантъ, честно и стойко выполняющій свое призваніе. Изъ нынѣшняго продолженія *Современной идилліи* мы узнаемъ о дальнѣйшихъ похожденіяхъ лица, отдавшагося идиллическому житью вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Глумовымъ. Предварительно мы должны замѣтить, со словъ разсказчика, что все излагаемое въ очеркѣ происходило „до переименованія петербургскихъ частей въ участки, а кварталовъ въ околотки", потому что въ разсказѣ фигурируютъ квартальные надзиратели и частные пристава. Ну, такъ и будемъ понимать... Читатель припомнитъ, что житейская задача, павшая на разсказчика и его друга, состояла въ томъ, чтобы годить, какъ совѣтовалъ друзьямъ ихъ случайный покровитель Алексѣй Степанычъ Молчалинъ. Такъ вотъ теперь мы читаемъ, что прошло нѣсколько лѣтъ, а пріятели все „годили" и, наконецъ, до того вникли въ это занятіе, что утратили всякую идею о какомъ-либо иномъ времяпровожденіи. Оправдалось мнѣніе Глумова, что нужно только въ

первое время на себя поналечь, а остальное придетъ само собою. Исключительно преданные тѣлеснымъ заботамъ, они въ короткій срокъ чудесно дисциплинировали свои „естества“ такъ-что чувствовали только позывъ къ насыщенію. Ни науки ни искусства не интересовали ихъ; они не слѣдили ни за открытіями ни за изобрѣтеніями, не заглядывали въ книги, не ходили въ засѣданія педагогическаго общества (не ужасный ли—замѣтимъ—признакъ духовнаго омертвѣнія!), не сочувствовали ни славянамъ ни туркамъ и совсѣмъ позабыли о существованіи Макъ-Магона (тоже убійственная черта равнодушія!) *). Даже чтеніе газетныхъ строчекъ сдѣлалось для нихъ тягостно... Смотрѣли они тупо и невнятно, топырили губы и какъ-то нелѣпо шевелили ими, точно собираясь сосать собственный языкъ. Короче, наружность ихъ выработалась согласно съ ихъ жизненною практикой. Однажды на улицѣ неизвѣстный прохожій, завидѣвшій двухъ друзей, сказалъ: „Вотъ двѣ идеально-благонамѣренныя скотины!“ Тутъ кстати замѣтить, что въ очеркѣ много карикатурности и шаржа, свойственныхъ Щедрину, но въ данномъ случаѣ эта карикатурность не вредитъ дѣлу и доставляетъ сатирику возможность ярче выставить разныя характерныя ситуаціи, вытекающія изъ его сюжета. Перемѣна въ пріятеляхъ была такъ существенна, что она превзошла всѣ ожиданія самого Алексѣя Степаныча Молчалина. Послѣдній зашелъ однажды къ нимъ вечеркомъ и засталъ ихъ играющими въ табельку съ сыщикомъ изъ сосѣдняго квартала; этотъ сыщикъ былъ, повидимому, польскаго происхожденія, судя по его выговору, и отличался баснословнымъ, хотя вовсе незабавнымъ враньемъ. Пріятели съ каждымъ днемъ все больше и больше прилѣплялись къ сыщику, который льстилъ имъ, увѣряя, что въ настоящее время (припомнимъ, что это было до преобразованія частей въ участки и проч.), въ видахъ политическаго равновѣсія, именно, только такіе люди и требуются, которые бы умѣли глазами хлопать и губами жевать.

— Именно же, одно это и нужно!—говорилъ онъ:—потому звыше такъ уже сдѣлано есть, что ежели чоловѣкъ не образовавъ—онъ работать

*) Макъ-Магонъ франц. боевой генералъ, избранный послѣ смерти Тьера президентомъ третьей французской республики въ 1873 г. и остававшійся на этомъ посту до 1879 г. *Н. Д.*

обязанъ, а если чоловѣкъ образованъ—онъ имѣетъ гулять и кушать Иначе же руволюція буде!

Вообще, этотъ человѣкъ былъ для нихъ большимъ рессурсомъ: онъ былъ не только единственнымъ звеномъ, связывавшимъ друзей съ миромъ живыхъ, но и порукою, что они могли безъ страха глядѣть въ глаза будущему до тѣхъ поръ, покуда ихъ жизнь будетъ протекать у него на глазахъ.—„Поберегай, братецъ, насъ! поберегай!" по временамъ напоминалъ ему Глумовъ. Пріятели уже не „годили", а просто-на-просто „превратились", до такой степени превратились, что думали только о томъ, на какомъ счету состоять въ кварталѣ. И когда, однажды, ихъ другъ-сыщикъ объявилъ, что не дальше какъ въ тотъ же день утромъ, нѣкто „Иванъ Тимоѳеевичъ" (вліятельное въ кварталѣ лицо) выразился о нихъ: „Я каждый день Бога молю, чтобы всѣ прочіе обыватели у меня такіе же благонамѣренные были!" и что ихъ, какъ слышно, пригласятъ въ кварталъ на чашку чаю—то они цѣлый день выступали гордою поступью... Они долго и тревожно бесѣдовали объ этой чашкѣ чая, разсуждая о томъ, что заставятъ ихъ дѣлать: плясать ли русскую, пѣть ли „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", вести разговоръ о безсмертіи души съ точки зрѣнія управы благочинія, или же, просто, поставятъ штофъ водки и скажутъ: „пейте, добрые люди!" Однакоже, все обошлось пріятно. Едва друзья успѣли появиться на раутѣ Ивана Тимоѳеевича, какъ двое гостей—письмоводитель частнаго пристава Прудентовъ и брандмейстеръ Малодкинъ—въ видахъ испытанія ихъ образа мыслей, завели философскій разговоръ. Начали съ вопроса о человѣческой душѣ и очень ловко дали бесѣдѣ такую форму, какъ-будто она возымѣла начало до прихода друзей, которые, якобы случайно, сдѣлались ея участниками. Прудентовъ утверждалъ, что подлинно душа человѣческая безсмертна, Малодкинъ же оппонировалъ, но очевидно, что только для формы, потому что доказательства представлялись самыя легкомысленныя. „Никакой я души не видалъ", говорилъ онъ, „а чего не видалъ, того не знаю!" Тогда письмоводитель вдругъ обратился къ нашимъ друзьямъ съ вопросомъ: какихъ мнѣній придерживаются они объ этомъ предметѣ?

„Моментъ былъ критическій, повѣствуетъ разсказчикъ, и, признаюсь, я сробѣлъ. Я столько времени вращался исключительно въ сферѣ съѣстныхъ припасовъ, что самое понятіе о душѣ сдѣлалось совершенно для меня чуждымъ. Я началъ мысленно перебирать: душа... безсмертіе... что

бишь, такое было?—Но, увы! ничего припомнить не могъ, кромѣ одного: да, было что-то... гдѣ-то тамъ... Къ счастью, Глумовъ кое-что еще помнилъ и потому поспѣшилъ мнѣ на выручку.—Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ совершенно правильно,—сказалъ онъ,—необходимо прежде всего обратиться къ источникамъ. А именно: ежели имѣется въ виду статья закона или хотя начальственное предписаніе, коими разрѣшается считать душу безсмертною, то, всеконечно, сообразно съ симъ надлежитъ и поступать; но ежели ни въ законахъ, ни въ предписаніяхъ прямыхъ въ этомъ смыслѣ указаній не имѣется, то, по моему мнѣнію, необходимо ожидать дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій.—Отвѣтъ былъ совершенно дипломатическій. Ничего не разрѣшая по существу, онъ очень хитро устранялъ разставленную ловушку и самихъ поимщиковъ ставилъ въ конфузное положеніе. Обратитесь къ источникамъ! говорилъ онъ имъ, и буде найдете въ нихъ указанія, то требуйте точнаго по онымъ выполненія. Въ противномъ же случаѣ,—остерегитесь сами и не вдавайтесь въ разысканія, кои впослѣдствіи могутъ быть признаны несвоевременными!“

Затѣмъ брандмейстеръ, по просьбѣ хозяина, сѣлъ за фортепіано и, предварительно раскачавшись всѣмъ корпусомъ, не своимъ голосомъ гаркнулъ романсъ о воеводѣ Пальмерстонѣ, поражающемъ Русь на картѣ въ воинственномъ азартѣ, на что Глумовъ замѣтилъ, что это—прекрасный романсъ, который ни вовѣки не устарѣетъ... Благодаря званымъ вечеринкамъ и раутамъ, пріятели значительно ободрились и оживились. Обжорство сообщало ихъ физіономіи унылый и слегка осоловѣлый видъ, что могло подать поводъ къ невыгоднымъ для нихъ толкованіямъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, унылый видъ въ человѣческой жизни игралъ весьма важную роль: онъ означалъ недовольство существующимъ порядкомъ и наклонность къ потрясенію основъ. Поэтому физическое отяжелѣніе, равно какъ и изжоги представляли изрядныя данныя для возбужденія запросовъ и сомнѣній весьма щекотливаго свойства. А разсказчикъ, какъ онъ поясняетъ, пуще всего страшится этихъ сомнѣній и запросовъ. Его не столько пугаетъ кара закона, сколько видъ напруживающагося при его приближеніи прокурора. Онъ, какъ врагъ всякой неизвѣстности, всего болѣе проситъ откровенности и готовъ сказать: „Громи меня! Призывай на мою голову мщеніе небесъ, но скажи, чѣмъ тебя я огорчилъ, разрѣши тенета суспицій, которыми ты опуталъ мое существованіе, и проч.“.

Подъ вліяніемъ разсѣяннаго образа жизни, разсказчикъ воспрянулъ духомъ, спалъ съ тѣла и не только не дичился общества, но искалъ его. Унылый видъ, который придавалъ ему характеръ заговорщика, исчезъ совершенно. Безслове-

ность, еще такъ недавно угнетавшая его друзей, разрѣшилась какъ нельзя удовлетворительнѣе. Оба они сдѣлались до крайности словоохотливы, но разговоры ихъ были чисто элементарные и имѣли тотъ особенный пошибъ, который напоминаетъ атмосферу дома терпимости. Содержаніе ихъ, главнымъ образомъ, составляли: во-первыхъ, фривольности по части начальства и конституцій, во-вторыхъ, женщины, и притомъ не столько сами женщины, сколько ихъ округлости и особыя примѣты. Несмотря на то, сановитый Иванъ Тимоѳеевичъ съ какою-то необъяснимою загадочностью воздерживался отъ окончательнаго съ ними сближенія. Пріятели, видя это, стали безпокойно разбирать свое прошлое и чуть не захлебнулись отъ ужаса. Господи, чего только тамъ не было! И восторгъ по поводу упраздненія крѣпостного права, и признательность сердца по случаю введенія земскихъ учрежденій, и свѣтлыя надежды, возбужденныя опубликованіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, и торжество, вызванное упраздненіемъ предварительной цензуры. Однимъ словомъ, всѣ опасности, всѣ неблагонадежности и неблагонамѣренности, все, что подрываетъ, потрясаетъ, разрушаетъ— все было тутъ! И ничего такого, что созидаетъ, укрѣпляетъ и утверждаетъ, наполняя трепетною радостью сердца всѣхъ истинно-любящихъ свое отечество квартальныхъ надзирателей! Страхи ихъ разрѣшились, впрочемъ, благополучно. Иванъ Тимоѳеевичъ вскорѣ удостоилъ ихъ посѣщеніемъ; только дружескою своею бесѣдою онъ все-таки всполошилъ ихъ до одурѣнія. Припоминая прошлое, этотъ бдительный мужъ съ улыбкой погрозилъ имъ пальцемъ.—„Наняли квартиру, сидятъ по угламъ, ни сами въ гости не ходятъ, ни къ себѣ не принимаютъ, и думаютъ, что, такъ-таки, никто ихъ не отгадаетъ! Ахъ-ахъ-ахъ!" И онъ такъ мило покачалъ головой, что самимъ друзьямъ сдѣлалось весело, какіе они въ самомъ дѣлѣ хитрые! Въ гости не ходятъ и къ себѣ никого не принимаютъ, а между тѣмъ... поди-ка, попробуй зазѣваться съ этакими головорѣзами! —„А я васъ перехитрилъ!—похвалился Иванъ Тимоѳеевичъ:—и не то что каждый шагъ, а каждое слово, каждую мысль—все зналъ!.. И знаете ли вы, что если бъ еще немножечко... еще бы вотъ чуточку... Шабашъ".—Да неужели мы...—воскликнулъ я съ тоскою.—„Было, было—нечего стараго ворошить! И оправдываться не стоитъ".—Тутъ Иванъ Тимоѳеевичъ благодушно

успокоилъ пріятелей, замѣтивъ, что теперь о прошломъ и рѣчи нѣтъ; все забыто; пардонъ—общій; теперь на нихъ такой взглядъ, какъ-будто они вновь народились и отнынѣ могутъ смѣло надѣяться. Позднѣе, чтобы окончательно дознать благонамѣренность испытуемыхъ, вліятельное въ кварталѣ лицо обратилось къ нимъ, въ качествѣ посредника, съ нѣкоторымъ частнымъ дѣльцемъ, какъ видно, имѣвшимъ для него большой интересъ. Именно, онъ обратился къ разсказчику съ предложеніемъ, чтобы тотъ, за хорошее денежное вознагражденіе, женился для проформы на содержанкѣ богатаго купчины. У разсказчика застучало въ вискахъ при этомъ предложеніи: съ одной стороны, въ немъ проснулось какъ бы чувство стыда и негодованія, а съ другой—сердце было охвачено жаждою выказать благонамѣренность. Имъ овладѣлъ столбнякъ, и онъ не зналъ уже, какъ выпутаться изъ бѣды, но въ эту роковую минуту въ комнату, неожиданно-негаданно, явился избавитель, „подходящій человѣкъ“, который, навѣрно, согласится на все за приличную цѣну, т.-е., говоря яснѣе, это былъ адвокатъ Балалайкинъ. „Подходящій человѣкъ“ немедленно изъявилъ готовность сочетаться съ кѣмъ-угодно фиктивнымъ бракомъ, но заломилъ страшную цѣну, сто тысячъ, въ вознагражденіе. Однакоже, разсказчикъ объяснилъ Ивану Тимоѳеевичу, что адвокатъ предъявилъ такое требованіе только для шику, чтобы пустить пыль въ глаза, но, безъ сомнѣнія, способенъ умалить свое требованіе до двухъ тысячъ и что, во всякомъ случаѣ, навѣрное удовлетворится суммою въ десять тысячъ. Казалось, все обѣщало уладиться превосходно: разсказчикъ возвратился къ своему пріятелю, успокоенный, и съ радостью передавалъ ему о счастливомъ поворотѣ дѣла, но вдругъ, въ самомъ разгарѣ своихъ изліяній, онъ запнулся, какъ обожженный.—„Глумовъ,—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.—Да, вѣдь, Балалайка женатый и имѣетъ восемь человѣкъ дѣтей!!..“ Итакъ, легкомысленный адвокатъ, единственно для того, чтобы задать тону запросомъ громадной суммы, ввелъ въ заблужденіе злополучнаго разсказчика. Какимъ образомъ послѣдній отдѣлался—если только отдѣлался—отъ грозящаго ему предложенія о фиктивномъ бракѣ, мы, вѣроятно, узнаемъ изъ дальнѣйшихъ очерковъ нашего даровитаго сатирика.

В. М. (Марковъ.)

„Дѣти Москвы“, М. Е. Салтыкова-Щедрина [1]).

Въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ помѣщено новое произведеніе М. Е. Салтыкова-Щедрина *Дѣти Москвы.* Нечего повторять общихъ мѣстъ объ остроуміи и раздражительной чуткости этого сатирика къ явленіямъ нашей общественной жизни. Въ новомъ своемъ произведеніи М. Щедринъ ярко обрисовываетъ то положеніе, въ которое поставлено наше общество всѣми мастерами легкой наживы, отъ финансистовъ до червонныхъ валетовъ включительно. Въ обществѣ добро и зло такъ перепутались, нравственные принципы до того перемѣшались съ хищными инстинктами, что, зачастую, не знаешь, гдѣ кончается благонамѣренность и начинается воровство. Классическіе типы прежнихъ воровъ, мошенниковъ и казнокрадовъ, вымерли, на смѣну имъ выступили обворожительные молодые люди или солидные дѣльцы, которые совершаютъ свои неблаговидныя операціи такъ весело, съ такою легкостью и остроуміемъ, что, по словамъ Щедрина, не знаешь, чтó дѣлать—злиться или хохотать. Вотъ, напримѣръ, разсказъ объ операціи одного изъ такихъ хищниковъ:

„Встрѣчается червонный валетъ, въ трактирѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ, съ иностранцемъ и, разумѣется, какъ малый общительный, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Не забудь, что червонный валетъ, хоть и „воръ“, но это отнюдь не мѣшаетъ ему быть обворожительнымъ молодымъ человѣкомъ. Манеры у него прекрасныя, разговоръ текучій, и при этомъ такія обстоятельныя свѣдѣнія о Москвѣ, объ ея торговлѣ, богатствахъ, правахъ, обычаяхъ и проч., которыя прямо свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и очень добросовѣстномъ изученіи. Иностранецъ тѣмъ болѣе очарованъ, что съ этими манерами и свѣдѣніями соединяется безграничный досугъ и чисто славянская готовность услужить, успокоить человѣка, находящагося вдали отъ родины, среди чужихъ. Мало-по-малу—конечно, не въ одинъ и не въ два дня—очарованіе приноситъ желаемый плодъ: иностранецъ, въ свою очередь, дѣлается изліятельнымъ. Происходитъ обмѣнъ

[1]) „Иллюстрированная Газета“, 1877 г., № 6.

мыслей, произносятся жалобы на обиліе за границей капиталовъ, дѣлающее помѣщеніе ихъ до крайности затруднительнымъ, и въ результатѣ оказывается, что Россія есть единственная въ мірѣ благословенная страна, въ которой капиталъ, безъ труда (ежели не украдутъ), можетъ приносить очень серіозный процентъ. Какъ только разговоръ установился на этой почвѣ, такъ червонный валетъ уже смотритъ на своего собесѣдника, какъ на „фофана". И вдругъ—мысль! продать этому „фофану" казенныя присутственныя мѣста. Сказано—сдѣлано. Весь клубъ червонныхъ валетовъ въ движеніи: одинъ бѣжитъ къ экзекутору присутственныхъ мѣстъ и предупреждаетъ его, что на-дняхъ его посѣтитъ знатный иностранецъ, интересующійся вопросомъ о чижовкахъ, вообще, и московскихъ, въ особенности; другой наскоро нанимаетъ помѣщеніе и устраиваетъ въ немъ псевдонотаріальную контору; третій спѣшитъ щегольнуть такими фальшивыми документами, чтобы лучше настоящихъ были; четвертый приготовляется разыграть роль владѣльца-продавца; пятый, шестой—просто радуются и думаютъ: вотъ-то удивится фофанъ! Словомъ сказать, всѣ заняты и всѣмъ весело. Въ назначенный день происходитъ осмотръ; экзекуторъ, какъ истинно-гостепріимный хозяинъ, показываетъ: вотъ чижовка! вотъ еще чижовка! и еще, и еще, и еще чижовка! Червонный валетъ служитъ при этомъ переводчикомъ, стучитъ кулакомъ объ стѣну и говоритъ: „Милордъ! посмотрите какая толщина!" Потомъ ѣдутъ къ нотаріусу, получаютъ съ иностранца задаточныя деньги, провожаютъ его въ гостинницу, и затѣмъ все исчезаетъ. Ни нотаріуса, ни очаровательнаго молодого человѣка, ни владѣльца дома—ничего. Остаются лицомъ къ лицу экзекуторъ, который еще разъ готовъ казенныя чижовки лицомъ показать, и знатный иностранецъ, который никакъ не можетъ втолковать экзекутору, что онъ этотъ домъ купилъ и надѣется получать на свой капиталъ не меньше десяти процентовъ".

Въ этихъ немногихъ словахъ обрисованы „дѣльцы" нашего времени, вспоенные и вскормленные матушкой-Москвой, сердцемъ Россіи. Плодятся и множатся люди легкой наживы, и вся ихъ энергія и обстоятельное знаніе богатствъ Москвы идутъ на облапошиваніе „фофановъ" со всѣми онёрами и до тонкости обработаннымъ планомъ и обстановкой. И здѣсь духъ времени сказался въ яркихъ формахъ. Соберите всѣхъ уродцевъ щедринской сатиры и прибавьте къ нимъ еще „дѣтей Москвы", и получится блистательная и разнообразная галлерея героевъ нашего времени.

„Современная идиллія“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1877 г., № 2.

Н. Щедринъ, обѣщавшій продолжить исторію „Дѣтей Москвы“ и вывести своихъ „червонныхъ валетовъ“, далъ въ февральской книжкѣ новый разсказъ, совершенно о другомъ. Въ этомъ разсказѣ, названномъ авторомъ *Современная идиллія*, характеризуется весьма игриво эпоха переживанія того, что опредѣляется словомъ „подожди“.

„Однажды,—такъ начинается разсказъ,—заходитъ ко мнѣ Алексѣй Степанычъ Молчалинъ и говоритъ:

— Нужно, голубчикъ, подождать!

Разумѣется, я удивился. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я себя помню, я только и дѣлаю, что гожу. Вся моя молодость, вся жизнь до такой степени исчерпывается этимъ словомъ, что я, какъ увѣряютъ меня мои домашніе, даже во снѣ очень часто кричу: ахъ нѣтъ, надо погодить. И вотъ, выискивается человѣкъ, который приходитъ къ заключенію, что мнѣ, и за всѣмъ тѣмъ, надо умѣрить свой пылъ.

— Помилуйте, Алексѣй Степанычъ,—изумился я,—вѣдь, это, право, начинаетъ походить на мистификацію!

— Тамъ мистификація или нѣтъ, какъ хотите разсуждайте, а мой совѣтъ—погодить.

— Да что же вы хотите этимъ сказать?

— Русскіе вы, а по-русски не понимаете! Чудные вы, господа! Погодить—ну... приноровиться что ли, умѣть во-время помолчать, позабыть кой-о-чемъ, думать не о томъ, о чемъ обыкновенно думается, заниматься не тѣмъ, чѣмъ обыкновенно занимаетесь... Напримѣръ, гуляйте больше, въ ѣду ударьтесь, папироски набивайте, письма къ роднымъ пишите, а вечеромъ—въ табельку или въ сибирку засядьте. Вотъ это и будетъ значить: „погодить“.

По обыкновенію, продолжаетъ авторъ, я сейчасъ полетѣлъ къ Глумову. Я горѣлъ нетерпѣніемъ сообщить объ этомъ странномъ коллоквіумѣ, дабы общими силами сотворить по этому случаю совѣтъ, а затѣмъ, буде надобно, то и планъ дѣйствія начертать. Но Глумовъ уже какъ бы предвосхитилъ мысль Алексѣя Степановича. Тщательно очистивъ письменный столъ отъ бумагъ и книгъ, въ обыкновенное время загромождавшихъ его, онъ сидѣлъ передъ порожнимъ пространствомъ и набивалъ папироски.

— Ты что это дѣлаешь?—спросилъ я.

— А вотъ подходящее къ обстоятельствамъ занятіе подобралъ. Утромъ, возставъ отъ сна, пасьянсъ раскладывалъ, теперь папироски дѣлаю.

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1877 г., № 63. (См. выпускъ I-й, стран. 65.)

— Представь себѣ, ко мнѣ Алексѣй Степанычъ заходилъ и то же самое совѣтовалъ.

— А я такъ самъ догадался. Садись, вотъ тебѣ гильзы,—занимайся.

— Позволь, однакожъ! Надо же хоть объясниться сперва.

— А тебѣ что Алексѣй Степанычъ сказалъ?

— Да ничего путемъ не сказалъ. Пришелъ, повернулся и ушелъ. Погодить, говоритъ, надо.

— Чудакъ ты. Сказано: погоди, ну и годи, значитъ. А то объясняться вздумалъ. Вотъ я себѣ самъ собственнымъ движеніемъ сказалъ: Глумовъ! нужно, братъ, погодить! Купилъ табакъ, гильзы—и шабашъ. И не объяснюсь, ибо понимаю, что всякое поползновеніе къ объясненію есть противоположное тому, что на русскомъ языкѣ извѣстно подъ словомъ: „годить".

— Помилуй, да развѣ мало мы до сихъ поръ годили? Въ чемъ же другомъ вся наша жизнь прошла, какъ не въ безпрерывномъ самопонужденіи: погоди да погоди!

— Стало-быть, мы до сихъ поръ въ одну мѣру годили, а теперь мѣра съ гарнцемъ пошла въ ходъ,—больше годить надо, а завтра, быть-можетъ, къ мѣрѣ и еще гарнца два накинется—ну, еще больше годить придется. Небось, не лопнешь. А впрочемъ, что же праздныя-то слова говорить. Давай-ка лучше сперва подумаемъ, какъ бы намъ сообща каникулы-то эти провести. Вмѣстѣ и годить-то словно бы веселѣе будетъ".

И вотъ, составивъ планъ, они начинаютъ исполнять его, и авторъ въ описаніи этого выполненія не перестаетъ быть юмористомъ. Вотъ, для примѣра, мѣсто изъ описанія той прогулки, какую они наутро совершали.

„Проснулись мы довольно рано (часовъ въ девять), но къ ранней обѣднѣ все-таки не поспѣли.

— Впрочемъ, и то сказать,—началъ я,—не такой городъ Петербургъ чтобы въ немъ раннія обѣдни справлять.

— Будешь и къ ранней обѣднѣ ходить, когда моментъ наступитъ,—осадилъ меня Глумовъ.—Но не объ томъ рѣчь, а вотъ насчетъ горячаго распоряжусь. Тебѣ чего: чаю или кофею?

И я задумался: обыкновенно я пью чай, но нынче все такъ было необыкновенно, что захотѣлось и тутъ отличиться. Дай-ка, думаю, кофейку хвачу.

— Кофею, братецъ!—воскликнулъ я и даже хлопнулъ себя по ляжкѣ отъ удовольствія.

Подали кофей. Налили по стакану—выпили; по другому налили—и опять выпили. Со сливками и съ теплымъ колачомъ.

— Колачъ-то отъ Филиппова?—спросилъ я.

— Да, отъ Филиппова.

— Говорятъ, у него въ пекарнѣ таракановъ много.

— Мало ли что говорятъ! Вкусно—ну и будетъ съ тебя.

Глумовъ высказалъ это нѣсколько угрюмо, какъ бы предчувствуя, что у меня языкъ начинаетъ зудѣть.

— А что, Глумовъ, ты когда-нибудь думалъ, какъ этотъ самый колачъ...

— Что „колачъ"?

— Ну, вотъ, родословную-то его... Какъ сначала эта самая пшеница въ закромѣ лежитъ, у кого лежитъ, какъ этотъ человѣкъ за сохой идетъ, напирая на нее всею грудью, какъ...

— Зналъ прежде, да забылъ. А теперь знаю только то, что мы кофей съ колачомъ пьемъ, и тебѣ это только знать совѣтую!

— Глумовъ! да я, вѣдь, немножко! Вѣдь, если мы немножко и поговоримъ,—право, вреда особеннаго отъ этого не будетъ. Только время скорѣе пройдетъ.

— И это знаю. Да не объ этомъ мы думать должны. Подвигъ мы на себя приняли,—ну, и должны этотъ подвигъ выполнить. Кончай же кофей, да идемъ гулять. Вспомни, какую намъ палестину выходить предстоитъ.

Въ одиннадцать часовъ мы вышли изъ дому и направились по Литейной. Пришли къ зданію судебныхъ мѣстъ.

— Вотъ, братъ, и судъ нашъ праведный.

— Да, братъ, судъ,—вздохнулъ въ отвѣтъ Глумовъ.

— А коли по правдѣ-то сказать, вѣдь, наступитъ же когда-нибудь время, когда эти суды...

— Погоди! Обуздай, наконецъ, язычище свой. Ну, судъ—ну, и прекрасно! И будетъ съ тебя! Архитектура вотъ... разбирай ее на здоровье! Зданіе прочное, внутри дворъ... Чего лучше?

— Да, мой другъ, удивительно, какъ это нынче... Говорятъ, даже буфетъ въ судѣ есть?

— Да, есть и буфетъ!

— А ты не знаешь, чѣмъ этотъ буфетъ славится?

— Водки рюмку выпить можно—какой еще славы нужно! Котлетки подаютъ, бифштексъ, въ званіи отвѣтчика даже очень прилично.

— Удивительно, просто удивительно! И правосудіе получить, и водки напиться—все можно.

— Только болтать лишняго нельзя. Идемъ на Фурштадтскую!

Пошли на Фурштадтскую; дошли до Овсянниковскаго дома.

— Вотъ какой столбъ былъ! До неба рукой доставалъ и вдругъ рухнулъ!—воскликнулъ я въ умиленіи.—Я, впрочемъ, думаю, что Провидѣніе не безъ умысла отъ времени до времени такія зрѣлища допускаетъ.

— Для чего допускаетъ Провидѣніе такія зрѣлища—это, братъ, не нашего ума дѣло, а вотъ, что Овсянниковъ подвергся карѣ закона — это вѣрно. Это я въ газетахъ читалъ и потому могу говорить свободно.

— Да, но отчего же и о путяхъ Провидѣнія не припомнить при этомъ?

— Оттого, что пути эти намъ неизвѣстны—вотъ отчего. А что намъ неизвѣстно, къ тому мы должны относиться сдержанно. Шагай, братецъ!

Въ концѣ Фурштадтской питейное заведеніе. Выходитъ оттуда мужчина въ изорванномъ пальто, съ изорванною физіономіей и, пошатываясь, горланитъ:

Красавица, подожди,
Бѣлы руки подожми!

— Вотъ, и онъ совѣтуетъ подождать,—говорю я.

— Да, потому что всѣмъ такая линія вышла.

— А бѣдный онъ!

— Кто? Пьяница-то?

— Да, онъ. Сколько лютой скорби надобно, чтобы накипѣло у человѣка въ груди...

Но Глумовъ и тутъ оборвалъ меня, запѣвъ:

Красавица, подожди,
Бѣлы руки подожми!

— Не для того я напоминаю тебѣ объ этомъ,—продолжалъ онъ,—чтобы ты именно въ эту минуту молчалъ, а для того, что если ты теперь себя сдерживать не будешь, то и въ другое время языкъ обуздать не сумѣешь. Выдержка намъ нужна, воспитаніе. Мы на славянскую распущенность жалуемся, а не хотимъ понять, что оттого вся эта неопрятность и происходитъ, что мы на каждомъ шагу послабленія себѣ дѣлаемъ. Прямо на улицѣ, пожалуй, не посмѣемъ высказаться, а чуть зашли за уголъ, и распустили языкъ. Понятно, что начальство за это претендуетъ на насъ. А ты такъ умѣй собой овладѣть, что, если сказали тебѣ „погоди", такъ ты годи себѣ на всякомъ мѣстѣ, да отъ всего сердца, да со всею готовностью,—вотъ какъ, даже, когда одинъ съ самимъ собою находишься—и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка!"

Описавъ совершонную прогулку, авторъ дѣлаетъ такого рода заключеніе:

„Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, а мы все „годимъ". Всѣ дни мы проводимъ неразлучно съ Глумовымъ, ни на іоту не отступая отъ условленной программы, а разнообразя ее только тѣмъ, что одна недѣля проводится у меня въ квартирѣ, а другая—на квартирѣ у Глумова. Въ теченіе всего этого времени мы ни разу не почувствовали себя больными и, постепенно разъѣдаясь, дошли, наконецъ, до того, что сдѣлались поперекъ себя толще. Но и это не отягощаетъ насъ, а какъ-будто даже радуетъ. Толщина не произвела въ насъ одышки, а только придала сановитости. Щеки у насъ румяныя, мясо бѣлое и крѣпкое, какъ кипень, зубы всѣ цѣлы, а глаза смотрятъ такъ ясно, что не одинъ директоръ департамента вчужѣ завидуетъ намъ.

Въ такомъ добродушномъ тонѣ авторъ разсказываетъ исторію русской жизни. Изо-дня-въ-день живутъ массы народа, обязанныя, въ силу „независимыхъ обстоятельствъ", *годить*. Проходятъ годы, десятки лѣтъ, столѣтія, а русскому обществу все предлагаютъ изъ разныхъ департаментовъ „погодить", а для того, чтобы оно годило „не токмо за страхъ, но и за совѣсть", къ нему представляютъ разныхъ Алексѣй Степанычей Молчалиныхъ и Держимордъ. Алексѣй Степанычи увѣщеваютъ бросить мечтанія и заняться набивкой папиросъ, налечь на ѣду и тѣмъ самымъ водворить современную идиллію, а Держиморды выступаютъ въ роли усмирителей въ тѣхъ случаяхъ, когда обыватель не внимаетъ дружескому совѣту Молчалиныхъ. Эта вѣковая трагедія русской жизни и выведена въ послѣднемъ очеркѣ Щедрина въ такой, на первый взглядъ, наивной и незлобивой формѣ.

Элегія Щедрина [1]).

Образованный, а въ Россіи, по преимуществу, дворянскій классъ обратилъ на себя вниманіе Щедрина, который на этотъ разъ, вмѣсто сатиры, предлагаетъ читателямъ предсмертную элегію. Много уже авторъ „дворянскихъ мелодій" распространяется о значеніи человѣческой совѣсти.

„Но если даже такое простое слово, какъ *совѣсть*, оказывается слишкомъ тяжеловѣснымъ, то какое же значеніе могутъ имѣть слова, болѣе мудреныя, какъ, напримѣръ, любовь, самоотверженность и т. д. Очевидно, что единственная оцѣнка, на которую можно въ этомъ случаѣ разсчитывать, это—хохотъ... Этотъ хохотъ наполняетъ сердце смутными предчувствіями. Сначала человѣкъ видитъ въ немъ не болѣе, какъ безсмысленное изліяніе возбужденныхъ инстинктовъ веселонравія; но, мало-по-малу, онъ начинаетъ угадывать оттѣнки и тоны, предвѣщающіе нѣчто болѣе горькое и зловѣщее. Увы! подобныя предчувствія рѣдко обманываютъ. Хохотъ самъ-по-себѣ заключаетъ такъ много зачатковъ плотоядности, что тяготѣніе его къ проявленіямъ чистаго звѣрства представляется „уже чѣмъ-то неизбѣжнымъ, фаталистическимъ".

Ужъ что-то темно и мрачно заговорилъ нашъ почтенный сатирикъ. Однакожъ, попробуемъ еще прослѣдить самую нить разсужденій.

„Я принадлежу къ поколѣнію, которое воспитывалось на лонѣ эстетическихъ преданій и материнной обезпеченности. Конечно, и мы не всегда оставались вѣрными чисто-эстетическимъ традиціямъ, но, по временамъ, дѣлали набѣги въ область „униженныхъ и оскорбленныхъ". Много вышло проходимцевъ и негодяевъ изъ этой школы, но довольно и просто безсильныхъ и неумѣлыхъ людей. Проходимцы оказались живучими; неумѣлые, какъ и слѣдовало ожидать, вымираютъ, ибо набѣги въ область униженныхъ и оскорбленныхъ, несмотря на свою платоничность, все-таки не прошли для нихъ даромъ. Къ числу вымирающихъ принадлежу и я".

„Я сижу въ своемъ углу и разнемогаюсь. Гордиться тутъ нечѣмъ, но самый фактъ вольнаго усмиренія, въ виду легкой достижимости торжества, есть уже признакъ, передъ которымъ должно умолкнуть рѣзкое слово осужденія".

Щедринъ поучаетъ затѣмъ, что если жизнь привязалась и не отпускаетъ насъ, то и слѣдуетъ жить, но, вмѣстѣ съ

---

[1]) „Спб. Вѣдомости", 1877 г., № 332. (См. выпускъ I, стран. 74.)

тѣмъ, слѣдуетъ удивлять міръ *отсутствіемъ поступковъ и опрятностью чувствъ*.

„Тоскуй, стыдись, тяготись жизнью, но живи въ своихъ четырехъ стѣнахъ, благо ты ужъ обжился въ дѣлѣ противъ турокъ 4-го мая сего года, въ нихъ и въ чужія существованія не впутывайся. Наблюдай эти существованія, и, буде чего не поймешь въ нихъ, то не огрызайся, но и не славословь, а говори: я этого не понимаю“.

Этимъ тоскливымъ, навѣвающимъ уныніе тономъ проникнуты „дворянскія мелодіи“, и трудно понять, о себѣ ли лично, или о лучшихъ представителяхъ дворянства говоритъ Щедринъ въ своей элегіи.

„Все наше существованіе было, въ строгомъ смыслѣ, не чѣмъ инымъ, какъ настойчивымъ уклоненіемъ отъ жизни. Оно представляло собою непрерывную цѣпь тревогъ, страховъ и трепетовъ, неособенно лестныхъ для самолюбія, но замѣчательныхъ въ томъ отношеніи, что на послѣднемъ звенѣ этой цѣпи совершенно явственно можно было прочитать слово: безнадежность“.

Разныя причины, по словамъ Щедрина, какъ онъ говоритъ, уже болѣе полугода мѣшаютъ ему писать въ прежнемъ тонѣ, а главнѣйшую мы находимъ въ томъ, что ему ежемѣсячно приходится поставить хотя одинъ печатный листъ сатиры въ журналъ, въ которомъ онъ значится постояннымъ сотрудникомъ. Другая причина—приближеніе старости, когда нужно покончить расчеты съ земною жизнью, и авторъ „Губернскихъ очерковъ“, подобно творцу „Мертвыхъ душъ“ и „Переписки съ друзьями“, приходитъ къ конечному результату, что въ сей юдоли печальной все суета суетъ и всяческая суета, и лишь чистыми помыслами, неоскверненными бранью устами и добрыми дѣлами можно сравниться съ Всевышнимъ—идеаломъ всего прекраснаго.

Стоицизмъ въ Римѣ и пуританизмъ въ Шотландіи—вотъ тѣ философски-религіозныя проблемы, до которыхъ постепенно дошелъ нашъ почтенный сатирикъ, и потому оставимъ мертвыхъ вѣдаться съ мертвецами... или посовѣтуемъ человѣку, принесшему, безспорно, своею литературною дѣятельностью для весьма многихъ истинное удовольствіе, поотдохнуть немного, полѣчиться, разсѣяться и съ новыми силами бичевать общественные недуги.

П.

Щедринъ и экзекуція прожектеровъ [1]).

Нѣсколько грустныхъ мыслей, предпосланныхъ Щедринымъ сентябрьскому его очерку изъ серіи „*На досугѣ*“ и звучавшихъ искреннею исповѣдью крѣпко разочаровавшагося во всемъ человѣка, уже объяснили намъ его рѣшимость держаться въ сторонѣ отъ общей суеты и возбужденія, не содѣйствовать даже малѣйшимъ словомъ ненавистнымъ ему оргіямъ россійскаго „долгоязычія“. Но положить въ такую пору на уста свои печать молчанія не такъ легко, и Щедринъ, разъ объявивъ войну оптимизму и отуманиванію массы, самъ далеко не безмолвствуетъ, но постоянно вынимаетъ изъ своей колоды сатирическихъ карточекъ все новые экземпляры и попрежнему занимается въ своихъ очеркахъ физіологическимъ ихъ обслѣдованіемъ. Но все это не то, чего, казалось бы, можно было ожидать отъ писателя, который высказалъ намъ съ полною правдивостью свое едва сдержанное негодующее чувство: ждешь, что этотъ молчаливый наблюдатель, отошедшій въ сторону, чтобы, скрестивъ руки и не выдавая своего волненія, быть свидѣтелемъ всѣхъ бѣснованій толпы, вмѣшается въ нее лишь тогда, когда невмоготу станетъ, и когда сгоряча скажется рѣзкое и злое обличительное слово, съ наслажденіемъ брошенное въ лицо лживымъ народолюбцамъ. Вмѣсто того, онъ просто проводитъ своего читателя по сатирической галлереѣ, гдѣ пригвождены къ стѣнѣ, на общее посмѣяніе, изображенія знакомыхъ типическихъ субъектовъ.

Октябрьскій очеркъ принесъ намъ знакомаго намъ Балалайкина, мигомъ встрепенувшагося при вѣсти, что „наши“ срываютъ большіе барыши на выдѣлкѣ сухарей и галетовъ, и быстрѣе вихря помчавшагося на мѣсто, чтобы раздѣлить съ друзьями выгоды заманчивой аферы. Онъ придумалъ, въ

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1877 г. № 206. (См. стран. 186.)

pendant къ ней, и собственную свою спекуляцію: онъ купитъ большую партію порченой кильки по дешевой цѣнѣ, сбывать ее будетъ въ арміи по обыкновенной рыночной цѣнѣ, не повышая ее, несмотря на курсъ, и „въ два-три мѣсяца онъ надѣется первоначальный свой фондъ учетверить, продолжать операцію дальше, не только наводнить килькою поля битвъ, но и накормить ею болгаръ, герцеговинцевъ, черногорцевъ и, вообще, всѣхъ, борющихся за святое дѣло независимости“. За этою операціей ему грезится столь же выгодный сбытъ махорки и т. п. Онъ принимается за дѣло, какъ ловкій и пронырливый малый, не робѣетъ при неудачѣ, а, напротивъ, встрепенувшись, снова придумываетъ средства обогащенія. Но онъ—мелкій плутъ, представитель того отродья голодныхъ аферистовъ, которое процвѣтало всегда, во всѣ періоды нашей жизни, когда представлялась перспектива легкой наживы, подъ шумокъ крупныхъ событій. Придумывать спеціально для него особенную генеалогію, выдавать его за одиночный типъ, значило бы придать ему совсѣмъ неподобающее значеніе. Но авторъ, во что бы то ни стало, хочетъ указать намъ предковъ Балалайкина, и, по усвоенной имъ въ послѣднее время привычкѣ привлекать въ кругъ своихъ сатирическихъ разсказовъ различныя характерныя созданія старой литературы, онъ колеблется, признать ли ему Балалайкина побочнымъ сыномъ Репетилова или Удушьева, и, подъ конецъ, доискивается того, что новѣйшій популяризаторъ кильки есть плодъ любви Удушьева и знаменитой цыганки Стешки. Натянутость и неудачность этой родословной слишкомъ ясна. На что, въ самомъ дѣлѣ, потревожена тутъ тѣнь бѣгло-очерченнаго Грибоѣдовымъ въ репетиловскомъ разсказѣ лица автора статьи „Взглядъ и нѣчто“, умнѣйшаго изъ либераловъ англійскаго клуба, философа и журнальнаго сотрудника? Какъ-будто нужно было соединеніе стилистической ловкости журналиста, клубнаго либерализма и цыганской вороватости, чтобы могъ сложиться современный килькоманъ! Говоря словами одного изъ даровитѣйшихъ изслѣдователей текущей нашей дѣйствительности, всѣ традиціи барства—„долгая откупная ночь, походы на провіантскіе магазины“ и другія, не менѣе рыцарскія черты недавняго прошлаго могли, казалось бы, сами-по-себѣ составить солидную основу для балалайкинскихъ тенденцій. Казнокрадство и прожектерство—слишкомъ въѣвшаяся, за-

старѣлая и крупная общественная немочь, чтобы, для объясненія мелкаго типа, ею зараженнаго, было нужно ставить его въ сомнительное освѣщеніе цыганскаго табора или клубныхъ споровъ.

Картонный манекенъ Балалайкинъ несетъ и подобающую кару: послѣ усовѣщиваній и брани, которыми его осыпаютъ и авторъ и неизмѣнный Глумовъ, его какъ куклу вздергиваютъ для порядка на веревочку и уходятъ отъ него, оставивъ его съ высунутымъ языкомъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Но кукла жива и невредима, сколько ее ни подвѣшивай, и Балалайкинъ безсовѣстно надулъ пріятелей, припрятавъ послѣ ихъ ухода языкъ, и заблаговременно сбѣжалъ, скоро заставивъ своими эксцентрическими похожденіями всѣхъ говорить о немъ. Въ описаніи этихъ похожденій, конечно, много забавнаго: такъ, Балалайкинъ вступаетъ въ сношенія съ Османомъ-пашей, выдаетъ ему русскія тайны, посылая ему, между прочимъ, всѣ журналы губернскаго правленія, и въ томъ числѣ важнѣйшій изъ нихъ, трактующій о „приведеніи Россійской имперіи въ состояніе неуязвимости посредствомъ прекращенія книгопечатанія и оставленія небольшого числа литеръ лишь для афишъ и начальственныхъ циркуляровъ“. Но впечатлѣніе, произведенное обрядомъ смѣхотворной казни проходимца, тѣмъ не заглаживается; наивность этого пріема остается несомнѣнною. Если это—назидательное наказаніе ineffigie тѣхъ еще неуличенныхъ и непойманныхъ съ наличнымъ дѣльцовъ, которые заслуживали бы участи Балалайкина, то иносказаніе слишкомъ ужъ осторожно, и угроза слишкомъ легка. Сатирику вредно оставаться въ своихъ произведеніяхъ ниже дѣйствительности; грандіозныя предпріятія, выростающія теперь не по-днямъ, а по-часамъ, широкая игра въ различныя комиссіонерства, попечительства поставки, напоминаютъ намъ ежедневно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ развивается язва, а тутъ сатирикъ поучительно вѣшаетъ на притолкѣ мелкаго воришку.

X.

„Дворянская хандра“, Н. Щедрина [1]).

Не знаю, зачѣмъ талантливый сатирикъ озаглавилъ свою статью—„*Дворянская хандра*“. Дворянскаго здѣсь только одна развѣ запустѣлая, полуразрушенная усадьба съ господскимъ домомъ, куда, какъ въ готовый гробъ, запирается одержимый хандрой. Правда, это не крестьянская и не купеческая хандра, да и возможна ли такая? Это и не хандра чиновника, оставшагося не у дѣлъ или за штатомъ, не добившагося степеней извѣстныхъ, но и не дворянская. Г. Щедринъ съ извѣстною своеобразною манерой изображаетъ ту хандру, которая нападаетъ подчасъ на русскаго цивилизованнаго человѣка, безъ различія сословія, который, не ограничиваясь идеалами „жрать“ и „хватать“, стремился къ чему-то иному и, во имя этого стремленія, совершалъ цѣлый рядъ безплодныхъ „сованій“, но, убѣдившись, что стѣны лбомъ не прошибешь, „переломленный“, какъ говоритъ авторъ, „пополамъ“, приходитъ къ сознанію безцѣльности своего существованія и своихъ „сованій“, сознаетъ небходимость закрыть на все глаза, положить на уста печать молчанія и заживо лечь въ гробъ... Правда, если этимъ гробомъ будетъ служить хоть и запустѣлая, но своя собственная усадьба съ готовымъ столомъ, экипажемъ и прислугой... тогда, дѣйствительно, можно спокойно предаваться хандрѣ сытаго человѣка, ходить въ халатѣ по длинной анфиладѣ теплыхъ комнатъ, прислушиваться къ шуму вѣтра въ собственномъ, хотя и запущенномъ паркѣ, меланхолически и равнодушно смотрѣть въ окно на поселокъ, „гдѣ во множествѣ кишатъ черныя точки, погруженпая въ вѣчную страду“. Это будетъ, дѣйствительно, теплая и сытая дворянская хандра, которую уже не нарушитъ и не возмутитъ ничто: ни „боязнь „сліянія“ посредствомъ ведра водки и ссудосберегательныхъ

[1]) „Спб. Вѣд.“, 1878 г., № 42. (См. выпускъ 1-й, стран. 74.)

кассъ, ни разсказъ сельскаго батюшки о томъ, что, по приговору міра, выстегали нѣкотораго человѣка. Не пойдетъ дворянинъ, одержимый хандрой и запершійся въ своей родовой усадьбѣ, какъ въ гробѣ, не пойдетъ онъ на село къ волостному правленію смотрѣть, какъ будутъ стегать этого вольнодумца, и не возмутится, не взбудоражится этимъ зрѣлищемъ, не задохнется онъ вслѣдъ за тѣмъ, и не покажется ему воздухъ, которымъ онъ дышалъ, провонялымъ и протухлымъ, какъ разсказываетъ авторъ... Нѣтъ, дворянинъ, легшій добровольно въ свой собственный гробъ, скажетъ только: „Что же! всякому свое... Впередъ не суйся!.. Тебѣ еще легче: у тебя заживетъ!.. А я вотъ попробовалъ, посовался и вотъ теперь добровольно отрѣшился отъ всего и заживо лежу въ гробу!..“ „Да, братъ, выше лба уши не ростутъ!“ говоритъ хандрящій дворянинъ и у г. Щедрина, но въ такомъ случаѣ не надо бы ужъ ему и привередничать, жаловаться, что „задохся: до такой степени воздухъ, которымъ дышалъ, казалось, провонялъ, протухъ“... Не „нахлынетъ что-то, не закипитъ и не защемитъ внутри“ хандрящаго, легшаго въ гробъ дворянина при видѣ старика, который всю жизнь свою былъ преисполненъ вѣры, надежды и бодрости, и который вдругъ свернулся, превратился въ развалину, „потому что его постигло двойное несчастіе: сперва умерла дочь, а потомъ случилось что-то загадочное съ двумя внуками, которыхъ онъ вырастилъ и на которыхъ не могъ надышаться“; и не закричитъ онъ „съ мучительною, надрывающею болью:—„Ну да, въ гробъ, въ гробъ, въ гробъ!..“ А скажетъ, по нашему мнѣнію, другое; скажетъ:—„Да, вотъ мы до чего дошли... дожили!.. Гдѣ наши надежды?.. Вотъ и я тоже: посовался, кажется, довольно, всѣмъ жертвовалъ, все приносилъ... а теперь самъ, по своей волѣ, легъ въ гробъ!.. живой и въ гробъ!.. Вотъ вы какой стали, посмотрите же и на меня: каковъ я!..“ Мнѣ кажется, истинно дворянская, сытая, согрѣтая, обезпеченная дворянская хандра должна именно такъ выражаться: она самолюбива, своекорыстна; она результатъ безпочвенныхъ, праздныхъ, подчасъ хвастливыхъ, подчасъ корыстныхъ „сованій“, разбитыхъ надеждъ играть роль, благотворить, не обижая себя, улучшать, вознаграждая понесенные невольно убытки, слиться во что бы то ни стало, хотя бы посредствомъ ведра водки и вопросовъ о ссудосберегательныхъ кассахъ. Это—хандра

людей, по ихъ мнѣнію, непонятыхъ; неоцѣненныхъ благодѣтелей, осмѣянныхъ и отринутыхъ или, по крайней мѣрѣ, не вкусившихъ плодовъ благодарности; владѣльцевъ запустѣлыхъ усадьбъ, выкупныхъ ссудъ, прожитыхъ на Дюссо и Борелей, а отчасти, можетъ-быть, на осуществленіе предпріятій и даже ради сліяній и сованій, при которыхъ, вмѣсто признательности, получалось или: пожалуйте на водочку! или: стѣны лбомъ не прошибешь! или: выше лба уши не растутъ! или: мы вашей милости не знаемъ! по закону ли вы нѣтъ ли, али съ подвохомъ! и въ заключеніе всего—глупоулыбающаяся, нахальная, пьяная мужицкая рожа... „А я ли для него не старался, я ли не совался, я ли не приносилъ себя и своего воспитанія на алтарь!“ Вотъ источникъ дворянской хандры, и страдающій такою хандрой какъ не возмутится при изображенныхъ авторомъ случаяхъ, такъ точно и не умилится при видѣ дѣвушки, съ братьями которой случилось что-то загадочное и которая „съ горящими глазами, съ лучезарнымъ лицомъ, мощнымъ и звучнымъ голосомъ“ ведетъ такую рѣчь со своимъ страдальцемъ-дѣдомъ, въ присутствіи хандрящаго гостя: — „Заря опять придетъ: и не только заря, но и солнце! Есть добрые, непадающіе духомъ люди, есть! И они увидятъ солнце, увидятъ, увидятъ, увидятъ“... Да, не умилится при такихъ рѣчахъ и при такомъ зрѣлищѣ хандрящій дворянинъ, не умилится онъ и не промолчитъ. Онъ отвѣтилъ бы этой восторженной проповѣдницѣ будущей зари, приближающагося солнца не умиленіемъ и молчаніемъ, а улыбкой презрѣнія и состраданія, или сказалъ бы: „Полноте вы!.. Мы сами были таковы: сами вѣрили, надѣялись и восторгались... И если ужъ мы, несмотря на всю нашу готовность, на всѣ наши сованія, на всѣ наши жертвы, если уже мы не... Если уже мы дошли до безнадежности, до полнѣйшаго равнодушія, до хандры и заживо легли въ гробъ, такъ гдѣ ужъ вамъ!..“ Самъ г. Щедринъ, устами своего хандрящаго дворянина, говоритъ: „Человѣкъ, перешибленный пополамъ, самъ-по-себѣ *дѣлается недоступнымъ для чувства умиленія*, такъ какъ между его дѣтствомъ и старчествомъ легла цѣлая пустота, которая поглотила все безъ остатка, кромѣ страстнаго желанія обрѣсти гробъ“. Это самое желаніе, прибавимъ мы отъ себя, заставляло *недовольныхъ* по службѣ или новыми порядками удаляться на покой, въ былое время

въ Москву, а нынѣ за границу. Да, г. Щедринъ изобразилъ не дворянскую хандру: онъ обмолвился... А если это хандра того страдальца идеи, того искренняго упорнаго борца за нее, который совался не ради сованья только, который захандрилъ только изъ сознанія слабости своихъ силъ и не видя осуществленія своихъ надеждъ и стремленій, у того хандра должна пройти при видѣ этой вѣрующей дѣвушки съ горящими глазами, съ лучезарнымъ лицомъ. И она пройдетъ, когда онъ увидитъ эту пророчицу будущаго солнца; когда онъ увидитъ доктора правъ послѣ блестящаго диспута, въ присутствіи тысячной восторженной толпы зрителей, обнимающаго своего отца—простого извозчика; когда ему сообщатъ, что первый выпускъ студентокъ медико-хирургической академіи оказалъ такія знанія, какимъ удивляются сами профессора; что молодые врачи, сестры милосердія, студенты и студентки во время войны показали себя людьми и знающими и способными на трудъ дѣйствительный, тяжелый и самоотверженный; когда онъ прочитаетъ, что вольноопредѣляющіеся изъ университетскихъ посвящаютъ все свое время на службу товарищамъ, простымъ, заскорузлымъ солдатамъ, учатъ ихъ, ободряютъ и подъ непріятельскими выстрѣлами выносятъ на своихъ плечахъ раненыхъ, отдавая имъ послѣдній свой грошъ; когда... Но только дворянская хандра способна ничего не видѣть и ничѣмъ не утѣшаться, кромѣ себя самой... Молодость, сила и вѣра не знаютъ хандры, а хандра разжирѣвшаго, неудовлетвореннаго безсилія даже и не заслуживаетъ остроумнаго пера нашего сатирика, хотя нельзя не сознаться, что нѣкоторые штрихи его искусной руки необыкновенно ярко рисуютъ эту дѣйствительную дворянскую хандру. Вотъ посмотрите и послушайте: хандрящій дворянинъ самъ говоритъ о себѣ.

„Умственное пустодомство удивительно какъ утомляетъ. Оно всегда сопряжено съ безпорядочною сутолокою, которая загромождаетъ жизнь разнообразнымъ, цѣпкимъ хламомъ и самымъ предательскимъ образомъ вводитъ въ заблужденіе. Благодаря этой сутолокѣ, долго, очень долго думаетъ человѣкъ, что онъ вращается среди дѣйствительныхъ интересовъ и даже представляетъ себя силою, дѣйствующимъ лицомъ. И вдругъ, его словно освѣтитъ, перешибетъ пополамъ. И начнетъ ежемгновенно, неотступно, назойливо, и во снѣ и наяву, представляться одно: гробъ! гробъ! гробъ!“.

„Съ любовью и не торопясь прилаживался я къ своему гробу и, признаюсь, не безъ удовольствія говорилъ себѣ: какъ это, однако, хорошо, что у меня свой собственный гробъ есть! (Подразумѣвается: съ паркомъ, съ готовымъ тепломъ, ѣдою, экипажемъ и обученною прислугой, не требующею даже

„распоряженій“.) Надоѣло „соваться“, „слоняться“ и, вообще, производить свойственныя досужему человѣку дѣйствія—взялъ, юркнулъ въ свой собственный гробъ и пропалъ въ немъ“. „Когда я интересовался вопросомъ объ одиночномъ заключеніи, я даже съ жаромъ доказывалъ, что это самый благородный способъ отомщенія нарушенной правды, потому, дескать, что онъ даетъ нарушителю возможность примириться съ самимъ собою. Вотъ какой я былъ... филантропъ! Какъ бы то ни было, но эта старинная предилекція, должно-быть, и сказалась теперь. Я нашелъ для себя именно одиночное заключеніе—разумѣется, смягченное анфиладою комнатъ и возможностью во всякое время нарушить обрядъ молчанія. Только принесетъ ли оно съ собою примиреніе? разсѣетъ ли мглу, которая такъ и виситъ надо мною, несмотря на внѣшній свѣтъ и просторъ?—вотъ въ чемъ вопросъ“.

Вамъ такъ и хочется поскорѣе сказать непризнанному, непонятому страдальцу: „О, успокойтесь, примиреніе вамъ не нужно, а мгла вамъ не мѣшаетъ: въ вашей душѣ, вѣдь, полнѣйшее равнодушіе, а мгла, вѣдь, не настоящая,—дѣланная, напускная!..“ Но хандрящій дворянинъ предупреждаетъ васъ и самъ отвѣчаетъ на свой вопросъ: „Покамѣстъ, однако, я чувствую себя очень хорошо“.—„Да, безъ сомнѣнія! торопитесь вы, хотя мысленно, поддержать это невольное сознаніе. Иначе и быть не можетъ: ваша хандра, вѣдь,—ваша забава, вмѣсто прежнихъ сованій; она вполнѣ васъ удовлетворитъ, возвыситъ въ собственныхъ глазахъ и успокоитъ... И не будетъ вамъ больше никакого дѣла и заботы ни о *немъ*, ѣдущемъ съ возомъ на мельницу, ни до человѣка, за несообразныя рѣчи выстеганнаго міромъ, ни до страдальца-старика, потерявшаго вѣру въ новую зарю, ни до его вѣрующей внучки!.. Съ васъ довольно труда и заботы: носиться съ собственною хандрой!.. Въ ней вы найдете и удовлетвореніе, и утѣшеніе, и примиреніе... Вы легли въ гробъ, что вамъ за дѣло до живущихъ!..“ Всѣ выписанныя нами черты рисуютъ, дѣйствительно, *дворянскую* хандру: все остальное въ статьѣ сатирика не приложится къ ней.

—ъ.

Очерки г. Щедрина [1].

Очеркъ г. Щедрина *Дворянская хандра* носитъ на себѣ дѣйствительно какой-то унылый и даже гробовой колоритъ. Авторъ рисуетъ грустную картину современнаго помѣщичьяго житья-бытья въ полуразоренныхъ и обветшавшихъ „дворянскихъ гнѣздахъ". Теперешняя деревня совсѣмъ уже не та деревня, какою она была въ блаженное время крѣпостного права; теперешніе мужики и помѣщики уже не тѣ мужики и помѣщики, какіе были въ дореформенный періодъ. Все измѣнилось: и взаимныя отношенія крестьянъ и владѣльцевъ, и ихъ нравы и обычаи, и все стало сѣро и скучно и даже скорбно. Пожилой помѣщичій отпрыскъ, помнящій старую жизнь и ея первыя впечатлѣнія, пріѣзжаетъ въ свою усадьбу, съ цѣлью уйти отъ жизни, заключиться заживо въ гробъ. И онъ находитъ тутъ всѣ условія для выполненія своего гробового намѣренія. Все его встрѣчаетъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и ни въ чемъ не обнаруживается никакого призыва къ жизни, къ ея тревогѣ, къ борьбѣ. Онъ ѣдетъ въ свое старое „дворянское гнѣздо" съ нѣкоторыми опасеніями насчетъ того, что ему, пожалуй, деревенскія отношенія, по старой памяти, помѣшаютъ затвориться въ гробѣ, повѣютъ живыми впечатлѣніями прошлаго, можетъ-быть, даже вступятъ въ нѣкоторую борьбу съ его жаждою могильнаго покоя. Въ дѣйствительности, всѣ эти опасенія оказываются напрасными.

„Еще на желѣзной дорогѣ одна сосѣдка по вагону, добродушная помѣщица, узнавши, что я намѣреваюсь возобновить порванную связь съ старыми „прахами", сочла своимъ долгомъ предупредить меня:—„Нынче, батюшка, отъ мужичка благодарности не спрашивайте. Равнодушные какіе-то они стали: ни помощи, ни привѣта. Все—на деньгахъ. Сколько ему по условію—получилъ и шабашъ. Спасиба не ждите".—Такъ въ самомъ дѣлѣ и оказалось. При самомъ въѣздѣ моемъ въ крестьянскій

[1] „Новое Время", 1878 г., № 695. (См. выпускъ II-й, стран. 61.)

поселокъ (давно ли я былъ тутъ „въ отца мѣсто?“) я сейчасъ же убѣдился, что мое появленіе ни въ комъ ничего не пробуждало. Ни благодарныхъ воспоминаній, ни отрадныхъ надеждъ, ни даже изумленія. Мужики, пилившіе у своихъ избъ дрова (въ этой мѣстности преобладаетъ дровяной промыселъ), на мгновеніе приподняли головы, очевидно потому, что вниманіе ихъ было привлечено топотомъ мчавшихъ меня лошадей, и опять принялись за свое дѣло. Я опасался снманія шапокъ, поклоновъ (иногда даже въ воображеніи моемъ мелькали радостныя улыбки)—ничего не бывало! Точно муха передъ ними пролетѣла. И мужики показались мнѣ какіе-то новые. Прежніе были восторженные, слезоточивые; нынѣшніе - равнодушные, зачерствѣлые. Прежній мужикъ всѣми внутренностями тянулъ къ барскому дому; нынѣшній—даже по надобности проходя мимо господской усадьбы, совершенно ее игнорируетъ, словно это не притягательное мѣсто, а только вѣха на пути. Бабы, качавшія на мірскомъ колодцѣ воду, и тѣ не оторопѣли при моемъ внезапномъ появленіи не оставили своего занятія, а только безучастно проводили глазами мои сани. И отлично. Всѣ предположенія насчетъ „сліяній“ и ссудо-сберегательныхъ кассъ устранились разомъ. Не будетъ поцѣлуевъ, но не будетъ и подкузмленій—ничего. Даже на традиціонное ведро водки, повидимому, расходовъ не потребуется. Прекрасно, прекрасно, прекрасно“.

Даже фамильныя воспоминанія стараго дворянскаго гнѣзда не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія. Разочарованный помѣщичій отпрыскъ обѣгаетъ весь домъ, каждый уголокъ своихъ дворянскихъ хоромъ, когда-то полныхъ жизни.

„Вотъ тутъ была спальня дѣдушки, когда онъ пріѣзжалъ въ деревню „въ гости“; вотъ тутъ, рядомъ—спальня его „сударки“, передъ которой подличалъ и ходилъ на заднихъ лапкахъ весь домъ; вотъ тутъ жилъ когда-то дяденька-„буянъ“, котораго въ хорошія комнаты не пускали и который ѣдалъ изъ одной чашки съ собакой Трезоромъ; вотъ тутъ ютились тетеньки-сестрицы, къ которымъ я бѣгивалъ тайкомъ за мятными пряниками; вотъ тутъ поймали Генріетту Карловну съ учителемъ Василіемъ Ивановичемъ и т. д.“.

И всѣ эти характерныя семейныя воспоминанія прежняго не возбуждали ни малѣйшаго умиленія въ душѣ дворянскаго отпрыска, обуреваемаго хандрой отъ сознанія своей ненужности въ этомъ мірѣ, своей непригодности ни къ какому живому дѣлу чуждой ему жизни. Онъ очень доволенъ этимъ, онъ рѣшается найти себѣ утѣшеніе въ этомъ равнодушіи окружающей жизни.

„Съ любовью и не торопясь прилаживался я къ своему гробу и, признаюсь, не безъ удовольствія говорилъ себѣ: какъ это, однако, хорошо, что у меня свой собственный гробъ есть! Надоѣло „слоняться“, „соваться“ и, вообще, производить свойственныя досужему человѣку дѣйствія—взялъ юркнулъ въ свой собственный гробъ и пропалъ въ немъ. А у другихъ, у „недосужихъ“, и этого нѣтъ. Вотъ онъ ѣдетъ зимникомъ по рѣкѣ, передъ

самыми окнами моего дома, съ возомъ на мельницу—онъ и радъ бы юркнуть, да недосужно ему. И у него, пожалуй, есть свой собственный гробъ, тамъ, на селѣ; но это такой гробъ, въ которомъ не постепенно умирать, ежемгновенно и безъ отдыха жить надо. Во-первыхъ, потому, что онъ, обитатель этого гроба,—ревизская душа, а во-вторыхъ, потому, что жизнь сама-по-себѣ, помимо его воли, помимо разумѣнія, даже помимо инстинктовъ самосохраненія, впилась да и не отпускаетъ его. Какая это жизнь—это другой вопросъ. Я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что въ эту самую минуту онъ глядитъ на мой гробъ и думаетъ: вотъ гдѣ настоящая-то жизнь! И всегда онъ такъ думалъ: и тогда, когда я „совался" и „пламенѣлъ", и теперь, когда я, истомленный „сованіями", исподволь прилаживаюсь къ гробу. Всегда онъ завидовалъ моей тоскѣ и моимъ изныванiямъ, называлъ ихъ жировыми и говорилъ: „Хоть бы недѣльку такъ-то пожить!" Я изнываю отъ тоски, отъ неудовлетворенной жажды поступковъ, наконецъ, отъ стыда, а онъ думаетъ: вотъ оно, хорошее-то житье! и думаетъ привольно, потому что его-то собственное житье ужъ таково, что даже суздальскимъ богомазамъ, этимъ присяжнымъ изобразителямъ адскихъ мученій,—и тѣмъ не найти красокъ, чтобы достойнымъ образомъ воспроизвести это житье! Собственно говоря, только это вѣчно присущее сравненіе между его гробомъ и моимъ и напоминаетъ ему обо мнѣ. Во всемъ остальномъ—ему до меня дѣла нѣтъ. Ни совѣтовъ ему моихъ не нужно, ни сочувствія. Въ томъ дѣлѣ, которое сопровождаетъ его жизненную агонію, я никакихъ поученій дать ему не могу, да и онъ самъ эти поученія встрѣтитъ съ нетерпѣніемъ, скажетъ: уйди! не мѣшай! Что же касается до сочувствія, то и тутъ послѣдуетъ тотъ же отвѣтъ: уйди! не мѣшай! Онъ не приметъ его за иронію только потому, что вообще ничего прямого, иносказательнаго не разумѣетъ, а просто-на-просто подумаетъ, что мое сочувствіе есть обыкновенное интеллигентное „сованіе", только на этотъ разъ ужъ совсѣмъ неумѣстно примѣненное: „И безъ тебя тошно—а ты лѣзешь!"

Въ такомъ грустно-либеральномъ тонѣ выдержанъ весь очеркъ г. Щедрина, представляющій, такъ-сказать, элегію-сатиру по поводу отцвѣтшей въ конецъ жизни „дворянскихъ гнѣздъ". Высшаго выраженія элегически-сатирической идеи своего очерка талантливый авторъ достигаетъ въ одномъ удивительно характерномъ и либеральномъ мнѣніи хандрящаго дворянина, нарисованнаго имъ. Я сейчасъ приведу это мнѣніе, но предварительно необходимо пересказать вкратцѣ эпизодъ сельской жизни, возбудившій въ дворянинѣ элегически-либеральный приговоръ объ общемъ строѣ современной сельской жизни. Однажды, хандрящій дворянинъ „соблазнился и чуть-было совсѣмъ не выпрыгнулъ изъ гроба" вотъ по какому случаю: пришелъ къ нему сельскій батюшка и объяснилъ, что на селѣ случилось происшествіе: появился мужичокъ одинъ, изъ фабричныхъ, хоть онъ коренной здѣшній, да не по-здѣшнему рѣчь ведетъ. Говоритъ:

рука Божія якобы не надъ всѣми благостно и ровно попечительно простирается, но иныхъ угобжаетъ преизбыточно, а другихъ и отъ малаго немилостиво отстраняетъ. Батюшка спрашивалъ совѣта хандрящаго помѣщика: дать ли дѣлу ходъ или такъ оставить? Помѣщикъ, конечно, по свойственному ему либерализму, посовѣтовалъ такъ оставить, но батюшка заявилъ, что „мужички обижаются". Дворянинъ заинтересовался этимъ дѣломъ, пошелъ самъ посмотрѣть на село и увидѣлъ, что мужички „стегали" виновнаго агитатора, а агитаторъ самъ легъ и самъ кричалъ: „Честной міръ! господа честные! простите! не буду!" Дѣло окончилось тѣмъ, что, только по предстательству батюшки возмутителя не отослали въ станъ.

„Я возвратился домой и, признаюсь, нѣкоторое время чувствовалъ себя изрядно взбудораженнымъ. Помилуйте! Я ужъ совсѣмъ было началъ „погружаться", а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое представленіе о розгахъ уже стало помаленьку заплывать, и вдругъ... „Да, братъ, выше лба уши не растутъ!" машинально повторилъ я и чуть-чуть не задохся вслѣдъ за тѣмъ: до такой степени весь воздухъ, которымъ я дышалъ, казалось мнѣ, провонялъ, протухъ... О чемъ собственно шла рѣчь?—Объ ѣдѣ. Кажется, предметъ общепонятный и общедоступный, а, между тѣмъ, честной міръ рѣшеніемъ своимъ засвидѣтельствовалъ, что и дѣла ему до него нѣтъ, что онъ не желаетъ даже, чтобъ его безпокоили подобными разговорами. Что означаетъ этотъ фактъ? То ли, что міръ хотѣлъ „уважить" кабатчика, или то, что въ его представленіи вопросъ объ ѣдѣ сформулировался такъ: ѣшь, что у тебя подъ носомъ! Какъ бы то ни было, но отъ мысли, что заправскій узелъ все-таки тамъ, на поселкѣ, никакъ не уйдешь. Какъ ни взмывай крыльями вверхъ, какъ ни стучи лбомъ о землю, какъ ни кружись въ пространствѣ, а поселка все-таки не миновать. Тамъ—настоящій пупъ земли, тамъ—разгадка всѣхъ жизненныхъ задачъ, тамъ—ключъ къ уразумѣнію не только прошедшаго и настоящаго, но и будущаго. И нужно пройти туда... но какъ же туда пройти, коль-скоро тамъ только одно слово и произносится внятно: стегать! Во всякомъ случаѣ, кто не можетъ вмѣстить поселка, тотъ лучше пусть и не прикасается къ нему. Потому что иначе къ прежнимъ высшимъ мотивамъ тоски пришлось бы прибавить еще новый, самый высшій..."

Итакъ, видите къ какому окончательному, такъ-сказать, усиленно-либеральному выводу пришелъ хандрящій дворянинъ: весь воздухъ провонялъ, протухъ не только въ замкнутыхъ спертыхъ гробахъ, называвшихся прежде теплыми „дворянскими гнѣздами", но и тамъ, на поселкѣ, который, несмотря на „благодѣтельную реформу", обвѣявшую его свѣжестью новой жизни, все-таки выработалъ только единственный принципъ—принципъ „стеганія". Таково мнѣніе хандрящихъ отпрысковъ прежнихъ дворянскихъ фамилій, таковъ

ихъ высшій либерализмъ и таковъ „высшій мотивъ“ ихъ современной тоски, служащей имъ къ оправданію ничегонедѣланія, презрительно-фрондирующаго третированія и „игнорированія“ самыхъ жизненныхъ явленій дѣйствительности. Г. Щедринъ, со свойственною ему проницательностью, подмѣтилъ глубоко-фальшивую психологію помянутаго дворянскаго ветхаго либерализма и обнаружилъ ее необыкновенно ярко на приведенной сейчасъ страницѣ своего талантливаго очерка. Что подобный, выясненный сатирикомъ, фальшивый либерализмъ господствуетъ въ средѣ увядшихъ лепестковъ махроваго цвѣтка крѣпостного права, еще недавно такъ пышно расцвѣтавшаго подъ солнцемъ нашей великой родины,—въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Увядшіе лепестки непремѣнно должны были взлелѣять въ себѣ этотъ либерализмъ: онъ логически истекаетъ изъ первоначальныхъ дореформенныхъ вліяній, подъ которыми слагалась ихъ жизнь. Въ этомъ фальшивомъ либерализмѣ они находятъ и оправданіе и утѣшеніе собственной непригодности къ жизни. „Ядъ“ этого либерализма, источаемый этими господами въ ихъ сужденіяхъ о народной жизни, никому не вредитъ и даже для источающихъ его субъектовъ полезенъ: по крайней мѣрѣ, забавляясь процессомъ источенія либеральнаго яда, они не „суются“ въ такое дѣло, гдѣ и прежде все портили, а теперь испортили бы, конечно, еще больше. Повторяю: въ средѣ увядшихъ лепестковъ фальшивый либерализмъ вполнѣ умѣстенъ, и никому онъ и ничему повредить не можетъ.

В. Буренинъ.

Литературные очерки [1]).

Помимо своей чрезвычайно-своебразной формы, сатира Щедрина отличительною своею чертой имѣетъ ту всестороннюю отзывчивость на явленія русской жизни, которая обусловливаетъ и необыкновенную плодовитость этого писателя и постоянно сохраняемый публикой интересъ къ его произведеніямъ. Такая неослабная плодовитость представляетъ, впрочемъ, ту невыгоду, что какъ-будто мѣшаетъ Щедрину взяться за что-нибудь болѣе крупное и болѣе законченное въ отношеніи художественной формы; а между тѣмъ, нашъ сатирикъ несомнѣнно замѣчательный художникъ и большой талантъ. Но какъ ни разнообразны по своему содержанію его сатирическіе очерки, они, въ концѣ концовъ, оставляютъ впечатлѣніе какого-то поверхностнаго отношенія къ изображаемымъ въ нихъ явленіямъ: какъ только авторъ доходитъ до того пункта, гдѣ надо бы захватить поглубже, онъ начинаетъ тѣ сильно-отзывающія лубочнымъ характеромъ смѣхотворныя штучки, на которыя указывалъ уже, хотя съ излишнею рѣзкостью, покойный Писаревъ, и которыя часто поражаютъ своимъ грубымъ безвкусіемъ, нарушая цѣльность эстетическаго впечатлѣнія. Если объяснить такую манеру сатирика обходить разныя „сути" осмѣиваемыхъ имъ отношеній русской жизни неблагопріятными для писателя условіями нашей печати, то на это можно сдѣлать то возраженіе, что онъ иногда все-таки касался предметовъ, считающихся прямо заповѣдными для литературы, напр.: вся *Исторія города Глупова* въ этомъ родѣ,— припомнимъ только хотя эпизодъ исканія себѣ князя глуповцами, весьма забавно пародирующій извѣстный разсказъ Несторовой лѣтописи. Но и въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ Щедринъ вовсе не прикладываетъ серіознаго сатирическаго критерія къ осмѣиваемымъ имъ явленіямъ и лицамъ. Причина обозначеннаго нами отношенія писателя къ своей задачѣ заключается, на нашъ взглядъ, въ сознательномъ нежеланіи захватить своимъ сатирическимъ скаль-

[1]) „Русскій Міръ", 1878 г., № 231. (См. выпускъ II-й, стран. 100.)

целемъ наиболѣе существенные и глубже лежащіе органы нашего общественнаго тѣла, такъ какъ, затронувши ихъ однажды, далѣе пришлось бы все расширять если не рамку сатиры, чему, дѣйствительно, мѣшаетъ положеніе у насъ печатнаго слова, то, по крайней мѣрѣ, сатирическіе пріемы; въ самомъ дѣлѣ, возвратиться къ тѣмъ зачастую невиннымъ хихиканьямъ и балаганничанью, на которыя было выше указано, при такомъ глубокомъ проникновеніи въ предметъ сатиры, слишкомъ уже противорѣчило бы ея общему тону. Такое нежеланіе Щедрина мы назвали сознательнымъ, потому что оно проистекаетъ, если мы сильно не ошибаемся, изъ мысли, что, при всѣхъ его богатыхъ художническихъ средствахъ, его способность каждый разъ съ новой стороны освѣщать тѣ глубокія отношенія въ жизни своего общества и народа, съ которымъ бы ему пришлось имѣть дѣло, не достаточно велика, другими словами, что ему недостаетъ того, что такъ безмѣрно высоко между всѣми сатириками ставитъ Свифта. Что широкія сатирическія задачи Щедрину не по силамъ, это, можетъ-быть, еще никогда не давало себя чувствовать съ такою опредѣленностью, какъ въ напечатанномъ въ августовской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ очеркѣ *Убѣжище Монрепо.*

* * *

Новый разсказъ Щедрина начинается съ того, какъ „культурный человѣкъ“, томимый мыслью „о собственномъ „гнѣздѣ“, такъ какъ „родовое“ не дошло до его рукъ, пріобрѣлъ себѣ имѣніе и принялся за хозяйство. Это было вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Результаты тринадцатилѣтнихъ усилій оказались самые плачевные. Усовершенствованія, заведенныя культурнымъ человѣкомъ „по книжкѣ“ въ своемъ хозяйствѣ, разбивались о заскорузлость пріемовъ рабочаго, о его полное нерадѣніе, внушаемое ему смутнымъ сознаніемъ отсутствія солидарности между его и барскими интересами. Это совершенно тотъ же фактъ, который подтверждаетъ графъ Толстой въ разсказѣ о хозяйственной дѣятельности Левина; между тѣмъ, герой этого романиста—человѣкъ, снабженный нужными реальными знаніями, отсутствію которыхъ Щедринъ, главнымъ образомъ, приписываетъ неудачи культурнаго человѣка, такъ-что глав-

ная бѣда, значитъ, не въ томъ. Видя, вмѣсто преуспѣянія въ хозяйствѣ, невозможность даже имѣть дешево собственные продукты, потребные для стола, „что, въ концѣ-концовъ, все это ему надоѣло, и онъ каждому въ хозяйствѣ тоже надоѣлъ, культурный человѣкъ рѣшается удалиться, сказавши себѣ наманеръ проповѣдника екатерининскихъ временъ: „Оставимъ Энгельгардтамъ *) доказывать, что полевое хозяйство можетъ приносить барыши“...

Правда, культурный человѣкъ могъ бы оставаться въ деревнѣ въ такомъ отношеніи, которое мужикъ опредѣляетъ словами: „Вотъ, и видно, что настоящій баринъ—живетъ и ничего не дѣлаетъ“. Но сохранять означенное отношеніе къ обитаемой имъ средѣ ему, какъ культурному человѣку, совѣстно. Поэтому,—говоритъ авторъ, отождествляющій себя съ культурнымъ человѣкомъ:

„Я былъ очень обрадованъ, когда узналъ, что у культурнаго русскаго человѣка, и помимо сельскохозяйственныхъ затѣй, можетъ существовать вполнѣ деревенское дѣло, а именно: дѣло совѣта, разъясненія, просвѣщенія и посильной помощи. Сѣрый человѣкъ изнываетъ въ тенетахъ круговой поруки—надо объяснить ему, что задача круговой поруки совсѣмъ не въ томъ заключается, чтобы изнурять, а въ томъ, чтобы представлять очень существенныя гарантіи. Сѣрый человѣкъ погибаетъ подъ игомъ невѣжественности—надо пролить свѣтъ знанія въ эту погибающую среду... Сѣрый человѣкъ изнемогаетъ отъ нищеты, поборовъ, недостатка питанія, тѣсноты жилищъ,—надо сдѣлать для него доступнымъ дешевый кредитъ... Сказать человѣку толкомъ, что онъ человѣкъ,—на одномъ этомъ предпріятіи можетъ изойти кровью сердце. Дать человѣку возможность различать справедливое отъ несправедливаго—для достиженія этого одного можно душу погубить“.

Но авторъ имѣетъ въ виду не подвижниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа, а обыденнаго средняго культурнаго человѣка, который и не хочетъ и не можетъ, въ силу разныхъ общественныхъ своихъ отношеній, всецѣло посвятить себя деревнѣ, а соприкасается съ нею болѣе или менѣе временно или случайно: онъ говоритъ „исключительно объ этихъ людяхъ, потому что, покамѣстъ, это—единственный разрядъ культурныхъ дѣятелей, состоящій „въ законѣ“, и стало-быть единственный, котораго дѣйствія и помыслы могутъ быть свободно изслѣдуемы“. Признавая, что и заурядный культурный человѣкъ можетъ возжаждать просвѣтительнаго на-

*) А. Н. Энгельгардтъ—ученый агрономъ и практическій сельскій хозяинъ. Писалъ статьи въ „Отечествен. Зап.“ и „Вѣстн. Европы“ по вопросамъ сельскаго хозяйства. *Н. Д.*

роднаго дѣла, сатирикъ, однакожъ, замѣчаетъ, что, „по самымъ условіямъ своихъ жизненныхъ преданій, обстановки, воспитанія, культурный человѣкъ на этомъ поприщѣ прежде всего встрѣчается съ вопросомъ, что скажетъ о моей просвѣтительной дѣятельности становой (само-собою разумѣется, что здѣсь выраженіе „становой“ употреблено не въ буквальномъ смыслѣ)“. Я знаю, что вопросъ этотъ смѣшной, и что даже довольно близкіе наши потомки будутъ удивляться самой возможности его постановки, но тѣмъ не менѣе онъ, несомнѣнно, существуетъ, и человѣкъ, „въ законѣ состоящій“, отнюдь не можетъ его миновать. Его постоянно тревожитъ мысль: „своевременно или преждевременно?“ Но если бы культурный человѣкъ и не интересовался взглядами станового и сталъ дѣйствовать вполнѣ независимо, то „развѣ это отреченіе отъ идеаловъ станового не будетъ съ его стороны только пустою формальностью? Увы! онъ и самъ весь начиненъ азбучными истинами, онъ и самъ ничего не знаетъ, кромѣ произвольныхъ, на пескѣ построенныхъ афоризмовъ прописной морали. Стало-быть, ежели слова его и будутъ иныя, то дѣло все-таки окажется то же“. Ко всему этому еще надо прибавить присущія, обыкновенно, культурному человѣку эстетическія поползновенія, поддерживающія въ немъ нѣкоторую гадливость ко всякаго рода неопрятной нищетѣ. Но всего важнѣе тутъ то обстоятельство, которое уже никакъ ему нельзя обойти, а именно, что главная задача жизни культурнаго человѣка совсѣмъ не въ деревнѣ, а въ городѣ; какъ бы онъ ни приспособился къ деревенскимъ условіямъ и требованіямъ, онъ поневолѣ долженъ разстаться съ ними, бросивши дѣло на полдорогѣ... Итакъ, для культурнаго человѣка въ деревнѣ сельскохозяйственная дѣятельность оказывается безполезною, а просвѣтительная—невозможною. Единственное значеніе, которое сохраняетъ для него теперь деревня, это — значеніе дачи, но для этого не зачѣмъ имѣть настоящее „гнѣздо“, заправскую деревню, и культурный человѣкъ, не забираясь вдаль отъ столицы, пріобрѣтаетъ на берегу Финскаго залива нѣчто въ родѣ дачи, гдѣ и проводитъ лѣто, „не зная ни сельскохозяйственныхъ затѣй, ни просвѣтительныхъ задачъ. Въ первомъ отношеніи я вполнѣ разсчитываю на сѣраго человѣка, который самъ не доѣстъ, а насъ не оставитъ безъ провіанта; во-вторыхъ, полагаюсь на земскія

управы, которыя, по соглашенію съ начальствомъ, полегоньку да потихоньку, навѣрное когда-нибудь устроятъ судьбу сѣраго человѣка къ безпечальному концу".

Свободный отъ заботъ, неразлучныхъ съ настоящею деревней, культурный человѣкъ предается наблюденіямъ. Особенно бросилось ему въ глаза, что въ обитаемой имъ мѣстности посчастливилось кабакамъ,—куда ни оглянись... „Кабакъ—это что-то въ родѣ установленія, омерзительнѣе котораго трудно что-нибудь вообразить. Вокругъ кабака растетъ одичалое племя, которое отдаетъ кабатчику всю свою душу и которому положительно ни до чего дѣла нѣтъ. Конечно, мужику жить невесело, но какой ужасный коррективъ!.. Повторяю: кабакъ, возведенный въ принципъ, омерзителенъ, но при этомъ оговариваюсь: можетъ-быть, оно такъ надобно. Почему такъ нужно—этого, конечно, мы не можемъ знать: не наше дѣло". На бѣду, и при дачѣ у Финскаго залива оказались нѣкоторыя угодья, и, по старой памяти, культурный человѣкъ вздумалъ ими воспользоваться: но вышло изъ этого то же самое, что и въ первоначальномъ „гнѣздѣ"—домашнія произведенія были хуже и дороже, чѣмъ покупныя, а отъ угодій былъ одинъ убытокъ „Поэтому истинное пользованіе своимъ угломъ" и истинное деревенское блаженство начнутся только тогда, когда у культурнаго человѣка не будетъ ни луговъ, ни лѣсовъ, ни огородовъ, ни мельницъ. Даже прислуга излишня, кромѣ сторожа да садовника, ради увеселяющихъ зрѣніе клумбъ и дорожекъ. Тогда культурный человѣкъ можетъ „отдыхать на всей своей волѣ, а ежели надоѣстъ, то можетъ и заняться тѣмъ дѣломъ, которое ему по душѣ; но какое же это дѣло?—вотъ въ чемъ вопросъ... Но когда встрѣчаешься съ этимъ вопросомъ, непремѣнно дѣлается не только просто совѣстно, но почти тоскливо совѣстно". Объясненіе этой тоски сатирикъ находитъ въ томъ, что у культурнаго русскаго человѣка вовсе нѣтъ общихъ дѣлъ, а личныя дѣла рѣшаются безъ особыхъ затрудненій, и остающійся громадный досугъ бываетъ рѣшительно нечѣмъ пополнить, между тѣмъ, „чувствовать вѣчное одиночество, сознавать себя лишнимъ на почвѣ общественныхъ интересовъ, право, нелегко... какъ-то ничто не спорится намъ, а каждый нашъ успѣхъ почему-то оказывается фиктивнымъ. Двогласіе очевидно, и оно невольно заставляетъ предполагать, что рядомъ съ успѣхомъ идетъ нѣчто

такое, что тутъ же сейчасъ же подрываетъ его. Въ чемъ же, однакожъ, бѣда? Откуда она идетъ и почему надъ нами стряслась? Но тутъ я долженъ поставить точку и закончить словами, которыя, покамѣстъ, па всякій вопросъ представляютъ наиболѣе подходящій отвѣтъ, а именно: не наше дѣло".

* * *

Для нашего взгляда на сатиру Щедрина весьма важно, что настоящій его сатирическій очеркъ заключаетъ въ себѣ лишь весьма малую дозу столь обычнаго у этого писателя юмора и вполнѣ лишенъ того, что принято называть фабулой въ литературномъ произведеніи; зато онъ и по тону и по чувству чрезвычайно отличается личнымъ, субъективнымъ характеромъ. Что же говоритъ намъ въ немъ несомнѣнно высоко-талантливый писатель? Встрѣтившись съ такимъ громаднымъ вопросомъ, какъ отношеніе большинства русскихъ образованныхъ людей къ существеннѣйшей основѣ нашей народной жизни—сельскохозяйственной, земледѣльческой дѣятельности въ лицѣ крестьянства, Щедринъ ограничивается только повтореніемъ словъ, которыя резюмируютъ взглядъ па это дѣло тѣхъ, кого онъ на этотъ разъ обозначилъ коллективнымъ названіемъ становаго—„не наше дѣло". Можетъ-быть, въ намѣреніи автора это былъ только литературный пріемъ, но насъ это не можетъ удовлетворить, такъ какъ мы сознаемъ, что, напротивъ, это — „наше дѣло", и, слѣдовательно, обязанность сатирика показать—а на это у него хватило бы и таланта и художническаго умѣнья,—что заявленіе становыхъ „не ваше дѣло" противорѣчитъ и правдѣ жизни и правдѣ просвѣщенной мысли, и тогда бы Щедринъ оказался на высотѣ задачи общественнаго сатирика. Мы въ правѣ заключить, что Щедринъ остается чрезвычайно даровитымъ сатирикомъ нравовъ, но его мысль недостаточно сильна, чтобы сдѣлать его политическимъ сатирикомъ, и это фатально приводитъ его сатиру къ осмѣянію болѣе или менѣе мелкихъ отношеній въ жизни русскаго общества, которыя она улавливаетъ, правда, съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ, но зато не обладаетъ силою захватывать шире и глубже.

И. Б—ковъ.

Новый сатирическій очеркъ г. Щедрина [1]).

Положеніе отечественной печати—прискорбное положеніе; ремесло русскаго журналиста—тяжелое ремесло. Объ этомъ достаточно написано у насъ, но, вѣроятно, еще много и долго будетъ писаться: тема благодарная, что называется, затрогивающая, и въ то же самое время удобная. Когда никакихъ другихъ животрепещущихъ явленій „задѣвать" нельзя по разнымъ соображеніямъ, или когда у автора—будетъ ли онъ публицистъ, беллетристъ, фельетонистъ, сатирикъ—изсякли всякія иныя темы, онъ берется за эту и разрабатываетъ, и въ общемъ, разумѣется, нѣсколько шаблонно, но въ деталяхъ съ разными болѣе или менѣе подновленными варіаціями. Читатель смотритъ на эту тему такъ же, какъ авторы: встрѣчаясь съ ней въ формѣ публицистическихъ ли статей, беллетристическихъ ли очерковъ, онъ очень хорошо понимаетъ, что если литература занимаетъ его, говоря выраженіемъ г. Боборыкина, „терзаніемъ собственныхъ животишекъ", это значитъ—у ней недостатокъ „сюжета", обусловливающійся внѣшними обстоятельствами или внутреннимъ оскудѣніемъ авторскаго творчества.

Я не знаю, какой изъ двухъ причинъ приписать новый сатирическій очеркъ г. Щедрина *Похороны*, появившійся въ сентябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ", но для меня, однакоже, несомнѣнно, что этотъ очеркъ написанъ талантливымъ авторомъ только потому, что въ данный моментъ ему требовалось поставить „сатиру" въ осенній нумеръ журнала, а предмета настоящаго для сатиры въ наличности не обрѣталось. Г. Щедринъ предпочелъ лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего, предпочелъ повторить на новый ладъ одинъ изъ своихъ фельетонно-сатирическихъ очерковъ, печатавшихся, помнится, года три-четыре назадъ,

---

[1]) „Новое Время", 1878 г., № 922. (См. выпускъ II, стран. 61.)

въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ“. Повтореніе пройденнаго является, какъ видно, необходимостью не для однихъ только школьниковъ: иногда оно необходимо и для писателей, а вмѣстѣ съ этимъ, можетъ-быть, и для читателей, особенно для русскихъ читателей, которые, вообще, очень забывчивы. Если признать необходимость такой необходимости, то сатирическій фельетонъ *Похороны*, пожалуй, имѣетъ нѣкоторый интересъ; но если не признавать—такъ на него можно махнуть рукой и сказать словами самого же Щедрина: „Ну, да это то самое, извѣстное“. Будемъ снисходительны къ слабостямъ таланта: признаемъ подновленную ежемѣсячную сатиру за совершенно новую и обратимъ на нее вниманіе и вникнемъ въ ея содержаніе, „никому не послабляя и никому не норовя“, какъ говоритъ одно лицо въ одномъ разсказѣ И. Ѳ. Горбунова.

Талантливый сатирикъ изображаетъ въ своемъ очеркѣ тяжелое положеніе и жалкую дѣятельность газетнаго труженика, средней руки. Смерть этого труженика даетъ автору поводъ вспомнить о его печальной писательской участи и о той горькой роли, которую онъ принужденъ былъ волей-неволей играть всю жизнь, разъ предавшись служенію литературѣ. Прискорбный трагизмъ положенія русскаго журналиста, при современныхъ условіяхъ нашей печати, высказывается сатирикомъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя резюмируютъ общую мысль очерка:

„Кажется, ей (т.-е. нашей литературѣ) дана самая широкая свобода, а между тѣмъ, она бьется и чувствуетъ себя точно въ капканѣ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ точь-въ-точь такая же свобода, вездѣ литература процвѣтаетъ. А у насъ? У насъ мысль, несомнѣнно, умѣренная, на которую въ цѣлой Европѣ смотрятъ какъ на что-то обиходное, заурядное,—у насъ эта самая мысль коломъ застряла въ головѣ писателя. Писатель не знаетъ въ какія чернила обмакнуть перо, чтобы выразить ее, не знаетъ въ какія ризы ее одѣть, чтобъ она не вышла ужъ черезчуръ доступною. Кутаетъ-кутаетъ, обматываетъ-обматываетъ всевозможными околичностями и аллегоріями, и, только выполнивъ весь, такъ-сказать, сложный маскарадный обрядъ, вздохнетъ свободно и вымолвитъ: „Слава Богу! теперь, кажется, никто не замѣтитъ!“ Никто не замѣтитъ? А публика? И она тоже не замѣтитъ? Ужели есть на свѣтѣ обида болѣе кровная, нежели это нескончаемое эзопство, дотого вошедшее въ обиходъ, что нерѣдко самъ эзопствующій перестаетъ сознавать себя Эзопомъ“. „И существенная причина такого „эзопствующаго“ положенія писателя,—поясняетъ далѣе сатирикъ,—лежитъ не въ одной внѣшней опекѣ—она коренится въ самомъ строѣ нашей жизни, въ которой все еще пропитано вѣяніемъ крѣпостного права, упраздненнаго въ частномъ явленіи,—отно-

шеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, но не упразднившагося еще изъ нашихъ нравовъ. Не начальство стѣсняетъ—оно, напротивъ, само неустанно хлопочетъ,—стѣсняетъ сама жизнь, пропитанная ингредіентами крѣпостного права. Что можетъ начальство противу разнообразныхъ и всемогущихъ вліяній, которыя, подобно безчисленнымъ аллегорическимъ токамъ, со всѣхъ сторонъ устремляются къ одному центру—литературѣ? Что можетъ оно, въ виду громовъ, готовыхъ разразиться каждоминутно и невѣдомо по какому поводу? Что можетъ оно, наконецъ, въ виду того литературнаго распутства, которое ревниво комментируетъ мысль противника, а по временамъ не откажется прилгать".

Все это мысли, безъ сомнѣнія, довольно извѣстныя, не разъ уже высказанныя и самимъ г. Щедринымъ въ его прежнихъ очеркахъ и другими авторами. Справедливость этихъ мыслей равняется ихъ банальности, и если тутъ есть что-нибудь новое, то развѣ только выраженіе „езопство". Какъ бы то ни было, однакоже, очеркъ сатирика представляетъ юмористическую иллюстрацію этихъ банальныхъ сужденій объ исключительномъ положеніи русской литературы и русскаго писателя. Авторъ рисуетъ нѣсколько, впрочемъ, утрированными чертами личность зауряднаго журнальнаго труженика Пимена Коршунова, нѣкогда упражнявшаго свое перо въ рецензіяхъ, а потомъ, въ періодъ нашего возрожденія, перешедшаго на амплуа газетныхъ передовиковъ. Разсказывая о газетныхъ мытарствахъ помянутаго труженика, г. Щедринъ повторяетъ почти цѣликомъ нѣкоторыя свои остроты насчетъ умѣренно-либеральнаго редактора Александра Прелестнова, фигуру котораго, разъ уже разработанную сатирикомъ со всѣмъ напряженіемъ остроумія, преподноситъ читателямъ вторично въ блѣдноватой копіи съ собственнаго же подлинника.

Тутъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, г. Щедринъ вновь распинается въ юмористическихъ вывертахъ по поводу давно уже позабытой всѣми газетной фразы: „Наше время не время широкихъ задачъ" и т. п. Старыя шуточки надъ старыми газетными статьями подрумяниваются сатирикомъ посредствомъ примѣненія ихъ къ свѣжимъ современнымъ мотивамъ, отчего, однако, онѣ, эти шуточки, не свѣжѣютъ и все-таки кажутся нѣсколько дряблыми. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ родѣ шутитъ почтенный сатирикъ надъ тяжелою борьбой редакторовъ газетъ съ условіями, въ которыхъ стоитъ наша печать:

„Главное горе Перикловъ,—такъ именуетъ г. Щедринъ редакторовъ, руководствуясь въ присвоеніи имъ этой клички, кажется, не столько остро-

уміемъ, сколько какими-то домашними литературными сплетнями,—главное горе Периклов заключалось въ томъ, что они вѣчно были въ поискахъ за идеей, которую, впрочемъ, безразлично называли и идеей и фортелемъ. Какую бы идею начать проводить? На какой бы фортель подняться?—вотъ задача, которую предстояло разрѣшить. Читатель капризенъ, и однообразныя статьи надоѣдаютъ ему. Однообразіе можно допустить только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ, напримѣръ, во время войны—ахъ какая розничная продажа была! Но разъ исключительныя обстоятельства кончились, надо подниматься на фортель. И не одинъ фортель, а даже нѣсколько таковыхъ нехудо найти. Какъ вы, напримѣръ, насчетъ либерализма полагаете, а? хорошо? Съ Богомъ, начинайте-ка рядъ статей! Или насчетъ святости подвига! а? Вѣдь подвигъ-то, батюшка, очищаетъ человѣка, даетъ его жизни смыслъ? Тиснемте-ка статейку... а? Главное, дремать не нужно, да почаще оглядываться кругомъ. Да вотъ и еще тема... мирные успѣхи! По возвращеніи съ поля брани это даже самое подходящее дѣло... въ носъ бросится... а? Эту штуку пять лѣтъ хлебай—не расхлебаешь! Начать хоть съ желѣзныхъ дорогъ... или нѣтъ, это ужъ старо! Просто, начнемъ съ земледѣльческой промышленности! „Россія страна земледѣльческая... это хоть тоже старо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всегда ново, потому что Россія, дѣйствительно, страна земледѣльческая, стало-быть, какъ ни вертись, а этой темы не минешь!“ и т. д.

Въ такомъ вкусѣ шутитъ почтенный сатирикъ надъ дѣятелями ежедневной печати и надъ ихъ усиліями затронуть чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь глубокую апатію нашей жизни и нашего общества, извернуться какъ-нибудь въ тѣхъ тяжелыхъ тискахъ, въ какіе печать поставлена волею судьбы. Въ этихъ шуткахъ сатирика, по правдѣ сказать, злости ровно настолько, сколько можно найти ея у каждаго даже самаго заурядпаго газетнаго фельетониста; но затаенной мелкой „озлобленности“ противъ ежедневной печати гораздо болѣе. Я, право, не понимаю, какими сатирическими мотивами, какими карательными цѣлями и намѣреніями вызывается эта озлобленность въ г. Щедринѣ? Тѣмъ не менѣе, понимаю я личныя побужденія его въ этомъ случаѣ, несомнѣнно проскальзывающія въ этихъ шуточкахъ. Надъ чѣмъ шутите, г. Щедринъ, на что озлобляетесь? Надъ собою, вѣдь, шутите, и отъ самихъ себя въ негодованіе приходите. Не шутить бы по-настоящему надо, не озлобленно хихикать, а скорбѣть, милостивый государь, о томъ, что не только газетнымъ заурядпымъ труженикамъ, а даже и такимъ крупнымъ талантамъ, какъ вы, напримѣръ, приходится прибѣгать къ „фортелямъ“, въ виду апатіи общества къ органамъ печати и въ виду особеннаго положенія русскаго печатнаго слова. Если заурядный газетный труженикъ вамъ кажется жалокъ

и смѣшонъ съ его вѣчными и тревожными поисками за возбуждающими темами, которыя оказываются архи-банальными, то въ какой же мѣрѣ долженъ казаться жалкимъ и смѣшнымъ крупный талантъ, зарывающійся до неуваженія къ самому себѣ въ подобнаго же рода поискахъ? Вамъ кажутся достойными посмѣянія стремленія газетныхъ редакторовъ ежедневно давать читателю разнообразныя передовыя статьи на невинныя темы. Прекрасно. Но развѣ менѣе достойны посмѣянія стремленія ежемѣсячныхъ сатириковъ угощать читателей періодически фельетонными сатирами, представляющими, въ сущности, невинное балагурство и иногда доходящими даже до копанія въ „собственныхъ животишкахъ"? Чѣмъ лучше, чѣмъ новѣе публицистической болтовни о „святости подвига" и о „мирныхъ успѣхахъ" банальное сатирическое балагурство о томъ, что не слѣдуетъ трунить надъ статскими совѣтниками,—гораздо расчетливѣе ихъ угобжать, дабы они, взойдя на высоту величія и славы, попомнили намъ это?" (*Похороны*, стр. 262.) Или о томъ, что „о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ начальства не слѣдуетъ отзываться не только въ смыслѣ порицанія, но ниже въ смыслѣ похвалы" (стр. 258)? Или о будочникахъ и всѣхъ сортовъ квартальныхъ добраго стараго времени, съ ироническими благословеніями ихъ добродушію и невѣдѣнію въ такихъ вещахъ, какъ подрываніе авторитетовъ и потрясеніе основъ, „о чемъ нынче всякій подчасокъ безъ малѣйшаго затрудненія на бобахъ разведетъ" (стр. 255)? Конечно, газетный труженикъ говоритъ, быть-можетъ, горькую правду о себѣ, когда онъ признается, что, разводя статьи на помянутыя публицистическія темы, онъ заботится только о „пристойномъ количествѣ строчекъ, а объ остальномъ, т.-е. „о противорѣчіяхъ, неясностяхъ и даже пошлостяхъ", не имѣетъ ни малѣйшей заботы, полагая, что „все равно, читатель сжуетъ". Но, однакоже, разсуждая по справедливости, не придерживаются ли такихъ воззрѣній на свои сатиры наши современные ежемѣсячные сатирики? Вѣдь, и у нихъ чуть ли не одна только забота, чтобы „сатира" ежемѣсячно скрашивала своею игривостью скуку журнальной книги, излишне нагруженной литературнымъ балластомъ, а о томъ, сколько пошлостей, неясностей и противорѣчій въ этой игривой сатирѣ, они и не думаютъ, твердо уповая, что „читатель все сжуетъ". И ужъ какъ тамъ хотите, а поведеніе зауряднаго газетнаго труже-

ника представляетъ гораздо менѣе возмутительное явленіе, чѣмъ поведеніе сатирика въ этомъ случаѣ. Труженикъ газетный бываетъ иногда вынужденъ къ своему жалкому труду тѣмъ стимуломъ, который называется „необезпеченностью положенія". Ну, а сатирики, крупные таланты, они, вѣдь, обрѣтаются, сколько извѣстно, въ положеніи совершенно обезпеченномъ; они принадлежатъ къ тѣмъ счастливымъ журнальнымъ патронамъ, которые, по увѣренію самого г. Щедрина, считаютъ на сонъ грядущій барыши отъ подписки или отъ розничной продажи [1]). Все это, вѣдь, такъ— не правда ли? А коли такъ, то и выходитъ, какъ я уже замѣтилъ, что, направляя стрѣлы своей сатиры противъ легкомысленныхъ газетъ и легкомысленныхъ заурядныхъ тружениковъ, почтенный авторъ прободаетъ ими безсознательно „серіозные" ежемѣсячные органы и „серіозныхъ" ежемѣсячныхъ сатириковъ. Читатели и критика имѣютъ право сказать г. Щедрину: „Врачу, исцѣлися самъ, а потомъ уже шути и балагурь надъ другими".

Да не подумаетъ, однако, г. Щедринъ, что, дѣлая ему, можетъ-быть, нѣсколько жесткія, въ ихъ правдѣ, назиданія, я обвиняю, такъ-сказать, его. Боже меня сохрани отъ какихъ бы то ни было притязаній на прокурорское обвинительство. Вѣдь, я очень хорошо понимаю положеніе его, какъ сатирика и журналиста, а понять, какъ справедливо сказалъ кто-то, это значитъ простить. Въ началѣ этюда я уже объяснилъ, чѣмъ мотивируется это періодически появляющееся и у г. Щедрина и у другихъ авторовъ стремленіе къ терзанію „собственныхъ животишекъ": тутъ дѣло невольное и подневольное. Вотъ, на ряду съ литературною сатирой почтеннаго автора помѣщена въ той же книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" политическая сатира *Торжество Джинго* Эдварда Дженкинса: тутъ дѣло вполнѣ свободное, и совсѣмъ иная пѣсня выходитъ. По юмористической соли, по ѣдкости и мѣткости языка, вообще по таланту, г. Щедринъ, безъ всякаго сомнѣнія, далеко превосходитъ аглій-

---

[1]) Да извинитъ меня, почтенный сатирикъ, что я касаюсь такого нелитературнаго предмета. Я бы, конечно, никогда не сталъ заявлять о „барышахъ" г. Щедрина, если бы онъ самъ не заявлялъ въ своей сатирѣ о барышахъ другихъ и не высчитывалъ оные съ нѣкоторою желчью.

В. Б.

скаго сатирика, но послѣдній не связанъ никакими путами въ своихъ сатирическихъ темахъ, намѣреніяхъ и цѣляхъ, равно какъ и въ своихъ выраженіяхъ, и потому строй его произведенія гораздо выше и общѣе. Г. Щедрину для своихъ либеральныхъ уколовъ приходится пользоваться городовыми и подчасками, или—это ужъ наивысшая степень сатирическаго дерзанія — статскими, дѣйствительными статскими совѣтниками. Да и тутъ еще нашъ сатирикъ принужденъ бываетъ стѣсняться и порою метать свои стрѣлы въ городовыхъ или статскихъ совѣтниковъ, сидя за укрѣпленіемъ, построеннымъ, такъ-сказать, изъ частокола литературнаго балагурства и юмористическихъ околичнословій. Мало того, иногда эти стрѣлы онъ принужденъ направлять, вмѣсто городовыхъ и совѣтниковъ, на журнальныхъ собратій, дабы показать городовымъ и совѣтникамъ, что онъ вполнѣ благонамѣренъ и нелицепріятенъ: караетъ не ихъ однихъ только, а и всѣхъ, кто подпадетъ хотя бы нечаянно подъ его выстрѣлы...

В. Буренинъ.

„Современная идиллія“, Н. Щедрина [1]).

Послѣ нѣкотораго молчанія г. Щедринъ снова выступаетъ со своими беллетристическими фельетонами, которые ему стяжали такую громадную, хотя и не вполнѣ заслуженную извѣстность. Дѣло въ томъ, что талантъ г. Щедрина очень неровенъ—по временамъ его сатира или, скорѣе, юморъ очень удачны, въ нихъ находится много если не аттической, то, по крайней мѣрѣ, петербургской соли; но это только по временамъ. По большей же части—его сатира бьетъ по сторонамъ безпредметно и слишкомъ переходитъ въ шаржъ и ненужную карикатуру. Этимъ послѣднимъ недостаткомъ страдаетъ также и его *Современная идиллія*, четвертую главу которой мы видимъ въ мартовскомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Первыя три главы (или фельетона) были напечатаны въ прошломъ году, но такъ какъ содержаніе ихъ конечно забыто, то я напомню его въ двухъ словахъ. Герои разсказа—люди умѣренно-либеральнаго направленія, о которыхъ идетъ слухъ, что они, сидя въ квартирахъ, „распускаютъ превратныя идеи“. Подозрѣніе это еще болѣе находитъ себѣ пищи въ томъ обстоятельствѣ, что эти люди ведутъ уединенную жизнь и ни съ кѣмъ не видятся: значитъ, недаромъ. Зная по опыту, съ какою легкостью простые слухи превращаются въ мѣропріятія, наши герои, съ цѣлью смыть съ себя „пятно“, предпринимаютъ цѣлый рядъ благонамѣренныхъ дѣйствій: прекращаютъ разсужденія; предаются исключительно ѣдѣ, питью и тѣлеснымъ упражненіямъ; вступаютъ въ дружескія сношенія съ сыщикомъ изъ инородцевъ и черезъ него получаютъ доступъ въ кварталъ, въ качествѣ „дорогихъ гостей“. Въ кварталѣ они до такой степени всѣхъ плѣняютъ разсудительностью и благонамѣреннымъ либерализмомъ сужденій, что началь-

[1]) „Русская Газета“, 1878 г., № 68.

никъ квартала, желая явить знакъ особеннаго довѣрія, предлагаетъ одному изъ нихъ жениться за приличное вознагражденіе на „штучкѣ“ купца Парамонова, занимающагося банкирскими дѣлами въ мѣняльномъ ряду. Однако, герой г. Щедрина уклоняется и указываетъ на адвоката Балалайкина, какъ на человѣка по этой части вполнѣ компетентнаго. Но тутъ представляется важное препятствіе: Балалайкинъ уже женатъ, хотя и скрываетъ это. Вслѣдствіе этого возникаетъ такой планъ: или расторгнуть бракъ Балалайкина, или же подвинуть послѣдняго на двоеженство. Въ этихъ видахъ герои разсказа приходятъ на квартиру Балалайкина, при чемъ не безъ волненія припоминаютъ, что въ этомъ самомъ помѣщеніи нѣкогда находился пансіонъ для дѣвицъ вдовы учителя латинскаго языка Кубаревой. Воскресаетъ далекое прошлое; трогательныя воспоминанія проходятъ одно за другимъ и еще болѣе оживляются тѣмъ, что въ числѣ ожидающихъ Балалайкина герои узнаютъ нѣкоего Ивана Ивановича Очищеннаго, бывшаго когда-то таперомъ въ пансіонѣ Кубаревой, а нынѣ женатаго на содержательницѣ главной кассы ссудъ и, сверхъ того, состоящаго вольнонаемнымъ редакторомъ газеты „Краса Демидрона“. На радостяхъ Балалайкинъ устраиваетъ роскошный завтракъ, по окончаніи котораго Очищенный разсказываетъ исторію своей жизни.

Собственно, съ этого мѣста и начинается четвертая глава. Г. Щедринъ не приводитъ разсказа Очищеннаго, мотивируя это тѣмъ обстоятельствомъ, что разсказъ можетъ потрясти краеугольные камни. „Время нынче такое стоитъ, что къ чему ни прикоснись, непремѣнно что-нибудь да потрясешь. Даже смѣяться считается небезопаснымъ, потому что и смѣхъ, хотя и не потрясаетъ, но все-таки причиняетъ неловкость. Стало-быть, надо ждать до тѣхъ поръ, пока сами стоящіе на стражѣ потрясеній убѣдятся, что потрясать нечего. Но тогда, конечно, и въ настоящемъ разсказѣ не будетъ никакой надобности“. Весьма резонная причина, но г. Щедринъ тѣмъ не менѣе рѣшается сдѣлать нѣкоторое резюме біографіи Очищеннаго, резюме весьма талантливое и даже, можно сказать, блестящее, почему я и позволю себѣ привести его цѣликомъ:

„1) Коренная, древняя фамилія разсказчика не Очищенный, а Гадюкъ. 2) Насчетъ происхожденія Гадюковъ существуютъ два преданія: одно,

сложившееся на лонѣ московской исторической школы, утверждаетъ, что первый Гадюкъ былъ новгородскій благонамѣренный человѣкъ, прежде другихъ возымѣвшій мысль о призваніи варяговъ, при чемъ самое это призваніе совершилось въ такихъ обстоятельствахъ, которыя подали маститому московскому историку мысль поставить, совмѣстно съ Оффенбахомъ, на сцену оперетку, подъ названіемъ: „Вѣщій сонъ Рюрика"; однакожъ, предпріятіе это не было приведено къ концу, „за неблагонамѣренностью и опасеніемъ потрясеній"; другое преданіе, сложившееся на лонѣ петербургской сыскной школы, гласитъ такъ: первый Гадюкъ былъ казанскій татаринъ, который позналъ истиннаго Бога, при чемъ воспріемниками были: генералъ-майоръ Отчаянный и штатсъ-дама Василисы Мелентьевой княгиня Евдокія Вертихвостова. 3) Затѣмъ, кондуитный списокъ послѣдующихъ Гадюковъ заключался въ томъ, что однимъ изъ нихъ—выщипывали бороды, другимъ—рвали ноздри, третьихъ—били кнутомъ. Но и за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые уцѣлѣли. 4) Очищенными стали именоваться Гадюки со времени Бирона, который разрѣшилъ прадѣду разсказчика, Прокофію, за нѣкоторый любезно вѣрный ему, Бирону, поступокъ, упразднить прежнее прозвище, яко омраченное измѣною, и впредь именоваться Очищенными. 5) Самъ разсказчикъ, получивъ классическое образованіе, былъ въ молодости преданъ суду за жестокое обращеніе съ крестьянами, при чемъ, разумѣется, просудилъ все свое состояніе. 6) Скитаясь по бѣлу свѣту, онъ первоначально поступилъ учителемъ танцованія въ кадетскомъ корпусѣ; но обнаруженіе прежней судимости заставило его оставить государственную службу навсегда; тогда онъ сдѣлался таперомъ въ пансіонѣ для дѣвицъ, содержимомъ вдовою учителя латинскаго языка Кубаревой, и, кромѣ того, партикулярно занимался внутренней политикой, за что, впрочемъ, неоднократно подвергался тѣлеснымъ поврежденіямъ. 7) Будучи таперомъ, онъ вступилъ въ первый бракъ съ одною изъ воспитанницъ г-жи Кубаревой, которая, однакожъ, черезъ короткое время бѣжала съ шарманщикомъ. 8) Когда объявили волю книгопечатанію, Очищенный сдѣлался вольнонаемнымъ редакторомъ газеты „Краса Демидрона" и вслѣдъ за тѣмъ вступилъ во второй бракъ съ содержательницей главной кассы ссудъ Матреной Ивановной. 9) Бракъ этотъ, однакожъ, не принесъ ему желаннаго успокоенія, во-первыхъ, потому, что Очищенный не вполнѣ увѣренъ въ смерти своей первой жены, во-вторыхъ, потому, что Матрена Ивановна ни на минуту не выпускаетъ ключа отъ кассы изъ своихъ рукъ, и, въ-третьихъ, потому, что въ квартирѣ Матрены Ивановны оказался водвореннымъ „молодой человѣкъ", котораго она называетъ своимъ племянникомъ. „Молодой человѣкъ" курчавъ, румянъ и пользуется завиднымъ здоровьемъ, но молчаливъ и цѣлые дни проводитъ въ томъ, что стоитъ передъ зеркаломъ, улыбается и расправляетъ усы. По временамъ онъ неизвѣстно куда пропадаетъ и уноситъ что-нибудь изъ заложенныхъ вещей. Тогда Матрена Ивановна начинаетъ грустить и выгоняетъ мужа на розыски, не пуская въ квартиру до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдитъ „молодого человѣка" возвратиться къ выполненію своихъ обязанностей".

Нельзя не сознаться, что это резюме сдѣлано очень талантливо, съ обычнымъ комизмомъ г. Щедрина, но, въ то же время, невольно улыбаясь при чтеніи, вы все-таки

чувствуете какъ бы неудовлетворенное чувство, замѣчая безпредметность и безсодержательность шутки, которая тянется, не приводя ни къ какому сатирическому выводу. Я вовсе не врагъ легкой, добродушной шутки, не задающейся цѣлью казнить и громить извѣстныя общественныя явленія; но для того, чтобы такая шутка была вполнѣ добродушною и вызывала простой хохотъ, необходимо, чтобы она была дѣйствительно легкою и вертѣлась въ полуфантастической дѣйствительности — наподобіе французскаго бѣшенаго водевиля съ переодѣваніями и непредвидѣнными происшествіями. Къ несчастью, этимъ условіямъ не удовлетворяетъ юморъ г. Щедрина—тяжелый реальный юморъ практическаго русскаго человѣка; въ немъ вы встрѣтите постоянно намеки на такую горькую дѣйствительность, на такія безотрадныя обстоятельства нашей общественной и гражданской жизни, что рядомъ съ ними не можетъ быть мѣста простому добродушному смѣху. Когда вы встрѣчаете воспоминаніе о томъ, какъ рвали ноздри, били кнутомъ, когда вы читаете фразу: воля книгопечатанію, и вамъ разсказываютъ о господинѣ, занимавшемся внутреннею политикой, вслѣдствіе чего онъ подвергался тѣлеснымъ повреждениямъ,—то, конечно, у васъ проходитъ всякая охота предаваться безпредметному веселью, и шутка незамѣтно переходитъ въ сатиру, подъ которою слышится негодованіе. Но г. Щедринъ не задается французскою легкою шуткой: объектъ его сатиры—наша общественная жизнь; но сатира его, въ большинствѣ случаевъ, не производитъ должнаго впечатлѣнія, потому что онъ слишкомъ густо кладетъ краски, слишкомъ ярко освѣщаетъ предметъ, преувеличиваетъ карикатурную сторону и вдругъ, вмѣсто сатиры, производитъ шаржъ, гдѣ дѣйствительность смѣняется фантастическими линіями, которыя могутъ вызвать улыбку, но въ то же время ослабляютъ значеніе сатиры. Благодаря, именно, этому пріему, г. Щедринъ очень рѣдко достигаетъ цѣли: его фельетонъ не настолько добродушно наивенъ, чтобъ возбуждать беззаботный смѣхъ, и не настолько сатириченъ, чтобы обратить вниманіе на такія явленія, которыя достойны бичеванія. Такъ, несмотря на весьма реальныя и сатирическія подробности біографіи Очищеннаго, самая фигура этого господина является совершенно фантастическою, грубо шаржированною, карикатурною, и вы, въ концѣ-концовъ, никакъ не въ состоя-

нія приладить ее ни къ одному изъ тѣхъ типовъ отрицательнаго характера, которыхъ производитъ въ такомъ изобиліи наша общественная жизнь. Такимъ образомъ, художественнаго впечатлѣнія нѣтъ, а остаются только отрывочныя подробности, фразы, которыя, вслѣдствіе этого, и остаются въ памяти.

Легко догадаться, къ чему можетъ привести такой пріемъ: такъ какъ художественной цѣльности въ сатирѣ нѣтъ, такъ какъ являются только юмористическія подробности, то поэтому и вниманіе читателя будетъ неизбѣжно сосредоточено на этихъ подробностяхъ, фразахъ, словахъ. Такъ оно и случается съ сатирой г. Щедрина: онъ пустилъ въ обращеніе много комическихъ выраженій, но они имѣютъ цѣнность и популярны только потому, что комичны сами-по-себѣ, безъ всякаго отношенія къ предмету сатиры. Возьмите, напримѣръ, выраженіе „помпадуръ",—оно сдѣлалось очень популярнымъ и невольно вызываетъ улыбку, но рисуется ли въ этомъ выраженіи понятіе, которое хотѣлъ ему придать г. Щедринъ? Нисколько. Если бы самъ авторъ не объяснилъ вамъ, что помпадуромъ онъ называетъ извѣстнаго сорта администраторовъ,—то сами вы не догадались бы, потому что, взятое порознь, выраженіе не имѣетъ никакого смысла: въ немъ не резюмируется типъ, не является представленіе извѣстной физіономіи,—оно не болѣе какъ кличка, можетъ-быть, удачно придуманная, но и только.

Впрочемъ, невозможно отрицать значительнаго таланта въ фельетонахъ г. Щедрина; но этотъ талантъ особенно ярко проявляется только мѣстами, случайно. Вотъ, напримѣръ, живьемъ схваченныя черты современнаго либерала:

„—Надобно тебѣ сказать, голубчикъ Иванъ Ивановичъ,—счелъ долгомъ объясниться Глумовъ за себя и за меня,—что мнѣ, вотъ, съ нимъ твоя поддержка особенно драгоцѣнна. Либералы, братецъ, мы. Ведрышко на дворѣ—мы радуемся, дождичекъ на дворѣ—мы и въ немъ милость Божью усматриваемъ. Цвѣточекъ увидимъ—не налюбуемся! Кучу навозную обрящемъ—восклицаемъ: таковы результаты народной производительности! И съ одной стороны—хорошо, и съ другой—превосходно, а ежели при этомъ принять во вниманіе, что языкъ безъ костей, то лучшаго и желать нельзя! Радуемся, надѣемся, торжествуемъ, славословимъ — и вся недолга! Даже прохожіе удивляются: съ чего, молъ, люди сбѣсились? А намъ и горюшка мало! Вотъ, братъ, какіе грѣхи! Понялъ?..—Однако, Очищенный недоумѣвалъ.—„Позвольте вамъ доложить,—резонно разсудилъ онъ,—въ чемъ же тутъ грѣхъ состоитъ? Радоваться—вѣдь, это, кажется, не воспрещено? И ежели бъ, напримѣръ, въ то время, когда я, будучи таперомъ, занимался внутреннею политикой..."—

То-то вотъ и есть, что въ то время умѣючи радовались: порадуются благороднымъ манеромъ,—и перестанутъ! А вѣдь, мы какъ радуемся! И день и ночь! и день и ночь! И дома, и въ гостяхъ, и въ трактирахъ, и словесно, и печатно—только и словъ: слава-Богу, дожили! Ну, и нагнали своими радостями страху на весь кварталъ.—„А главное, радость наша приняла столь несносный видъ, что многіе сочли ее за вмѣшательство“,—въ свою очередь, пояснилъ я“.

Въ этомъ портретѣ радующихся націоналъ-либераловъ, конечно, многіе себя узнаютъ, изъ числа хотя бы нѣкоторыхъ нашихъ журналистовъ, не въ мѣру усердствующихъ, и если бъ г. Щедринъ остановился на этой чертѣ, то портретъ вышелъ бы законченнымъ и сатирическимъ. Къ несчастью, г. Щедринъ продолжаетъ и принимается до такой степени шаржировать портретъ уже совершенно фантастическими прибавленіями, что малу-по-малу опредѣленный обликъ исчезаетъ и остается только какая-то фантасмагорія комическихъ выраженій и контрастовъ...

Въ этомъ и заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ послѣдняго очерка г. Щедрина. Очеркъ, очевидно, написанъ съ цѣлью дать комическій „Уставъ о благопристойномъ обывателей въ своей жизни поведеніи“, но онъ до такой степени безпредметенъ, до такой степени внѣ нашей (да и всякой) дѣйствительности, до такой степени обнаруживаетъ необузданность фантастическаго воображенія—что перестаетъ даже смѣшить и, просто, является какимъ-то безсмысленнымъ наборомъ совершеннѣйшихъ нелѣпостей.

Z. W.

Новая сатира г. Салтыкова: „Тревоги и радости въ Монрепо“ [1]).

Изъ нашихъ крупныхъ первыхъ талантовъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе дѣятельнымъ, наиболѣе неутомимымъ въ настоящее время долженъ считаться г. Салтыковъ. Его сатирическая дѣятельность, несмотря на всѣ стѣснительныя условія, въ которыя порою она бываетъ поставлена, не ослабѣваетъ въ своей энергіи вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Сатирикъ съ удивительною гибкостью умѣетъ приноравливаться къ требованіямъ даннаго момента, съ удивительною находчивостью умѣетъ изобрѣтать удобную форму для своихъ отрицательныхъ изобличеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ доходитъ до мастерства поистинѣ образцоваго: его формальное простодушіе является столь неподдѣльнымъ, столь художественно выработаннымъ, что внутреннее сатирическое отрицаніе, скрывающееся подъ этимъ простодушіемъ, пріобрѣтаетъ самымъ естественнымъ образомъ, безъ всякихъ натяжекъ и усилій, значеніе самой ядовитой ироніи.

Новый этюдъ *Тревоги и радости въ Монрепо*, какъ и многія прежнія вещи почтеннаго автора, представляетъ блестящій примѣръ сатирической энергіи, ловкости и, разумѣется, безподобнаго юмора. Г. Салтыковъ, подъ видомъ легкаго фельетоннаго очерка, въ маленькой рамѣ будто бы чисто бытовой картинки захватываетъ одно изъ существеннѣйшихъ отрицательныхъ явленій современной жизни. Сатирическій герой этюда—становой новѣйшаго „послѣдняго“ пошиба, и въ его образѣ сатирикъ обрисовываетъ самыя выдающіяся черты цѣлаго направленія, обрисовываетъ съ такою полнотой и выдержкой, какая ему не всегда удается. Сатира не переходитъ ни разу въ шаржъ, не страдаетъ околичнословіями и юмористическимъ балагурствомъ, не чуждымъ

---

[1]) „Новое Время“, 1879 г., № 1080. (См. выпускъ II-й, стран. 61.)

иногда г. Салтыкову: она проведена съ начала до конца очень тонко, съ чувствомъ мѣры, и оставляетъ впечатлѣніе вполнѣ ясное и цѣльное. Вотъ вкратцѣ содержаніе новой сатиры:

„Нынѣшнею осенью живя въ Монрепо, я былъ неожиданно взволнованъ",—такъ начинаетъ авторъ свою сатиру.— Причина волненія „культурнаго" обитателя Монрепо—переводъ становой квартиры въ село, гдѣ обитаетъ онъ. „До сихъ поръ,—объясняетъ обитатель Монрепо,—мы жили безъ начальства, какъ овцы безъ пастыря. Натурально—блуждали и даже заблуждались". Неожиданное появленіе начальства возбуждаетъ и надежды и опасенія. Начальство, съ одной стороны, можетъ оградить, но съ другой... Въ умѣ обитателя сложилось представленіе о новыхъ становыхъ неопредѣленное, очень тревожное. Типъ прежняго дореформеннаго станового онъ зналъ очень хорошо: это было жалкое существо, называемое и въ глаза и за глаза куроцапомъ, „съ физіономіей, замасленною какъ блинъ и не имѣвшею никакого иного выраженія, кромѣ готовности во всякую минуту проглотить рюмку водки". Такого станового нечего было опасаться. Но каковы новые становые?

„Говорятъ, будто новымъ становымъ новые мундиры пошили, и съ тѣхъ поръ будто бы они приняли въ свое завѣдываніе основы и краеугольные камни. И еще говорятъ, будто они, „яко боги", получили даръ читать въ сердцахъ человѣческихъ, и что, вслѣдствіе сего, ежели прочтутъ въ чьемъ сердцѣ обращенное къ нимъ слово „куроцапъ", то сейчасъ же дѣлаютъ соотвѣтствующее распоряженіе. А наконецъ, нѣкоторые утверждаютъ и то, что они самымъ названіемъ „становой приставъ" уже начинаютъ тяготиться, признавая его неисчерпывающимъ всего содержанія ихъ дѣятельности, и ходатайствуютъ, чтобъ имъ присвоенъ былъ такой титулъ, который прямо говорилъ бы о сердцевѣдѣніи".

Съ такимъ претендентомъ на титулъ сердцевѣдовъ надо держать ухо остро.

„Что будетъ размышляетъ культурный обитатель Монрепо,—если „онъ", вмѣсто того, чтобы ограждать мои луга отъ потравы, начнетъ читать въ моемъ сердцѣ? Прочтетъ одну страницу, помуслитъ палецъ, перевернетъ, прочтетъ другую и такъ далѣе до конца?"

Боязнь овладѣваетъ культурнымъ обитателемъ. Онъ ходитъ по аллеямъ своего парка и „инстинктивно перебираетъ въ умѣ названія различныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ городовъ". Онъ идетъ искать „утѣшенія" къ сельскому батюшкѣ и исповѣдуетъ передъ нимъ свои опасенія и вины, чувствуемыя за собою. У него когда-то бывали либеральныя

„филантропіи“, и онъ съ тревогой спрашиваетъ батюшку: Не повредитъ ли это ему теперь? Батюшка изъясняется на этотъ счетъ неособенно утѣшительно.

„— Разныя филантропіи бываютъ: и доброкачественныя и недоброкачественныя. За первыя—похвала, за вторыя—взысканіе.

— То-то и есть, что я самъ своихъ „филантропій“ не разберу. Прежде мнѣ казалось, что онѣ доброкачественныя, а вотъ теперь... Напримѣръ, такая мысль: хотя свобода есть драгоцѣнный даръ Творца, но она можетъ легко перейти въ анархію, если не обставлена въ настоящемъ—уплатой оброковъ, а въ будущемъ—взносомъ выкупныхъ платежей. Эту мысль я зарубилъ у себя на носу еще во время освобожденія крестьянъ и, я помню, былъ даже готовъ принять за нее мученическій вѣнецъ. Какъ вы полагаете, какова эта „филантропія“, доброкачественная или недоброкачественная?“

Батюшка объясняетъ, что доброкачественная; только вотъ свобода... „Небольшое это слово, а разговору изъ-за него много бываетъ...“ Затѣмъ онъ допрашиваетъ, не было ли еще чего въ этомъ родѣ у обитателя Монрепо. Оказывается, что и еще было. Обитатель, „когда объявили свободу вину“, занимался нѣкоторою „проповѣдью“ по этому поводу и навлекъ на себя ею гнѣвъ кабатчиковъ. Батюшка осуждаетъ эту „филантропію“ и говоритъ, что кабатчиковъ не слѣдовало бы раздражать „потому, сударь, что кабатчикъ по нынѣшнему времени есть столпъ“. Въ концѣ этой безподобной, по злому юмору, бесѣды батюшка обѣщаетъ познакомить съ новымъ становымъ обитателя и зарекомендовать его благонадежность.

Явившійся новый становой, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не только не „куроцапомъ“ добраго стараго времени, но столь изящнымъ и ловкимъ субъектомъ, что обитатель Монрепо, глядя на него, подумалъ: „Навѣрно, онъ получилъ воспитаніе... ну, по малой мѣрѣ, въ заведеніи Марцинкевича“. Самое имя его было „трогательно“: онъ назывался Миліемъ Граціановымъ. При первой же встрѣчѣ съ культурнымъ обитателемъ Граціановъ высказался, что становымъ въ настоящее время необходимо „свободы больше! свободы! Чтобъ руки не были связаны! Чтобъ для мѣропріятій было больше простору! Воздуху! воздуху больше!“ Затѣмъ онъ заявилъ, что читаетъ „Правительственный Вѣстникъ“ какъ романъ, и въ восторгѣ отъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ („надо только умѣть владѣть этимъ орудіемъ“). Во время бесѣды, въ которой обитатель „предъявилъ ему

свое сердце", Граціановъ былъ столько же милъ, сколько развязенъ, принялъ раскаяніе обитателя съ необыкновенною любезностью и только насчетъ розни съ кабатчиками высказался нѣсколько строго, заявивъ, что ихъ не слѣдуетъ раздражать, ибо „въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія". Въ заключеніе культурный обыватель, предъявивъ свое сердце, робко вопросилъ Граціанова:

— Стало-быть, я могу надѣяться, что жизнь моя не будетъ неожиданнымъ образомъ прервана?

Онъ подумалъ немного, но затѣмъ, твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ: „Можете". И не только поддержалъ надежду на возможность существованія, но даже пригласилъ обитателя и батюшку на завтра въ становую контору, присутствовать при пріемѣ сотскихъ, которымъ онъ долженъ произнести рѣчь, излагающую его воззрѣнія на предстоящія ему обязанности. Къ моему сожалѣнію, я не могу, по недостатку мѣста, привести читателямъ эту великолѣпную по сатирической ироніи рѣчь, которая начинается обращеніемъ: „Господа сотскіе! я собралъ васъ здѣсь, прежде всего, чтобы заявить во всеуслышаніе, что я горжусь вами", продолжается наставленіями о томъ, какимъ образомъ сотскіе должны узнавать „все" у обитателей и доносить обо всемъ по начальству, указаніями на то содѣйствіе, какое могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ кабатчики, господа бывшіе помѣщики, газетчики, сочинители, и оканчивается приглашеніемъ сотскихъ посѣщать начальника какъ можно чаще, такъ какъ они могутъ, въ ожиданіи разъясненій, помочь прислугѣ нарубить дровъ, наносить воду и т. д.

„Прощайте, господа!—величественно заключаетъ свое административное краснорѣчіе этотъ „первый сотскій ввѣреннаго ему стана", какъ онъ самъ выражается о себѣ,—прощайте, господа! Передайте мой привѣтъ десятскимъ, и да благословитъ Богъ наши общія начинанія! Господа разсыльные! покажите примѣръ!"

„По этому слову произошло нѣчто умилительное. Разсыльные, въ числѣ шести человѣкъ, взялись за руки и стройно запѣли „ура!"; сотскіе подхватили. Мы (я, батюшка и трое кабатчиковъ), стоявшіе тутъ въ качествѣ постороннихъ зрителей, тоже увлеклись и, взявши другъ-друга за руки, съ пѣніемъ „ура" три раза прошлись взадъ и впередъ по селу. Въ этотъ день кабатчикъ Прокофьевъ безвозмездно угощалъ сотскихъ огурцами съ квасомъ".

Весь этотъ эпизодъ сатиры проникнутъ злымъ юморомъ, злость котораго усиливается тѣмъ больше, что она окрашена простодушіемъ, повидимому, самымъ естественнымъ,

самымъ невозможнымъ... Слѣдующій эпизодъ, въ которомъ Граціановъ искусно прилагаетъ къ обитателю Монрепо новѣйшую систему „вопрошенія", выдержанъ съ такимъ же искусствомъ. Необыкновенно хороши тутъ подходы сердцевѣда Граціанова къ культурному обитателю, насчетъ мнѣній послѣдняго о современной русской буржуазіи, и необыкновенно хороша неожиданная дворянская тревога, высказанная обитателемъ по этому поводу. Граціановъ заявляетъ, что буржуазія наша груба и неотесана сравнительно съ дворянствомъ. Обитатель Монрепо беретъ подъ свою защиту буржуазію.

„—Я даже думаю, —говоритъ обитатель, —что и нынѣ, по мѣрѣ приближенія къ центрамъ цивилизаціи, буржуазія ведетъ себя нѣсколько иначе, нежели Колупаевъ *(кабатчикъ, накормившій становою, ужаснымъ обьдомъ).* Такъ что, напримѣръ, Поляковъ, Кокоревъ, Губонинъ —ну, я готовъ держать пари, что Поляковъ сморкается не въ горсть, а въ платокъ, и притомъ не въ клѣтчатый бумажный, а въ настоящій батистовый, быть-можетъ, вспрыснутый духами!

— Можетъ-быть... можетъ-быть!—сказалъ Граціановъ задумчиво, но потомъ съ живостью продолжалъ:—нѣтъ, далеко кулику до Петрова дня, купчинѣ до дворянина! Дворянинъ и маленькую рыбку подастъ, такъ сердце не нарадуется, а купчина тридцатипудовую бѣлугу на столъ выволочетъ—смотрѣть омерзительно! Да-съ, обидѣли въ ту пору господъ дворянъ!

Увы! при этомъ воспоминаніи я чуть-чуть не выдалъ себя. Есть у меня зіяющая рана, прикосновеніе къ которой всегда находитъ меня чувствительнымъ и отзывчивымъ. Эта рана—воспоминаніе о дворянской обидѣ.

— Ахъ, какъ обидѣли!—воскликнулъ я, простирая руки...

Но, взглянувъ на него, опомнился: по всему его лицу бродила какая-то сомнительная улыбка.

— То-есть, лучше сказать, не обидѣли, —продолжалъ я уже спокойнѣе:— а каждому воздали должное. Прежде у насъ была одна опора—дворяне, нынче двѣ опоры—дворяне и буржуа. Стало-быть, мы не потеряли, а пріобрѣли.

— А про мужика-то и позабыли?

— И мужичокъ—тоже опора,—согласился я.

— Нѣтъ-съ, не „тоже опора", а самая настоящая опора—вотъ какъ-съ! Потому мужичка въ какую сторону хочешь, туда и поверни.

— И съ этимъ согласенъ.

— По секрету скажу вамъ: хотя это и не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, но по убѣжденіямъ моимъ—я демократъ! А вы?

— Что касается до меня, то я никогда объ этомъ не думалъ. Вообще, я живу не думаючи —такъ по-нынѣшнему времени удобнѣе. Но ежели начальству угодно..."

Въ такомъ родѣ происходитъ далѣе этотъ экзаменъ благонамѣренности, дѣлаемый культурному обитателю Монрепо

со стороны станового, одержимаго склонностью къ сердцевѣдѣнію и прилагающаго фактически систему „вопрошенія", которой добросовѣстнымъ представителемъ является онъ „во ввѣренномъ ему станѣ". Вывѣдываніе благонамѣренности обитателя Монрепо производится, однакоже, не только посредствомъ личнаго собесѣдованія съ нимъ, но и посредствомъ подсыла на кухню къ обитателю какого-то „вольнопрактикующаго незнакомца", который „настолько коротко сошелся съ прислугой, что не только ѣлъ и пилъ, но даже по временамъ ночевалъ на кухнѣ..." Кончается экзаменъ благонамѣренности тѣмъ, что, однажды утромъ, Грацiановъ пришелъ къ обитателю Монрепо и „не говоря худого слова... поцѣловалъ его!" Вслѣдъ за этимъ поцѣлуемъ онъ заявилъ, что, рѣшившись устроить жизнь обитателя Монрепо настолько прочно, чтобы обитатель не имѣлъ никакихъ сомнѣній насчетъ ея непрекратимости, онъ, становой, подвергалъ его испытанію и „системѣ вопрошенія". Результатъ испытанія оказался благопріятный: обитатель „предъявилъ даже нѣсколько болѣе", чѣмъ ожидалъ Грацiановъ: онъ, культурный обитатель, являетъ собой примѣръ самаго „твердаго въ бѣдствіяхъ землевладѣльца", о чемъ даже кабатчики сами заявили. „Отнынѣ всѣ недоразумѣнія кончены. Вы—нашъ, и мы — ваши!" Послѣ такого откровенно-благосклоннаго заявленія Грацiановъ протягиваетъ обитателю обѣ руки, но тотъ, растерявшись, не принимаетъ административныя объятія.

„Тогда онъ фамильярно потрепалъ меня по плечу и произнесъ:—Привыкните, другъ мой, привыкните!"

И обитатель Монрепо дѣйствительно привыкаетъ: онъ сходится съ кабатчиками, играетъ у нихъ съ Грацiановымъ въ стуколку, говоритъ комплименты кабатчицѣ Колупаевой и даже участвуетъ въ сватовствѣ ея дочки, которая выходитъ замужъ за становаго.

Сатира такъ же художественно закончена, какъ художественно начата. „Но жизнь моя уже была надломлена,—повѣствуетъ обитатель Монрепо:—я каждый день ожидалъ, что Грацiановъ опять поцѣлуетъ меня". Въ тоскѣ обитатель отправляется къ одному административному лицу, старому его товарищу по школѣ, и проситъ выяснить вопросъ: имѣетъ ли право Грацiановъ цѣловать его, культурнаго обитателя, по своему усмотрѣнію? Старый товарищъ объявляетъ

все поведеніе Граціанова легкомысленнымъ, говоритъ что рьяный становой не имѣлъ права подвергать его испытанію и просто-напросто долженъ былъ ожидать поступковъ. Поцѣлуи Граціанова онъ приписываетъ его невоспитанности.

„Но этого мало: онъ убѣдилъ меня, что въ настоящее время порядочный человѣкъ не только не имѣетъ причинъ опасаться внезапныхъ жизненныхъ метаморфозъ, но даже обязывается жить для славы своего отечества.

— Ты самъ виноватъ, душа моя,—сказалъ онъ:—съ одной стороны, ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи, а съ другой—черезчуръ уже смиренъ и не выказываешь ни малѣйшей самостоятельности. Будь тверже, голубчикъ, и живи! Живи, потому что и твоя жизнь еще можетъ быть полезною.

И я живу".

Въ этихъ заключительныхъ строкахъ ядовитая иронія сатиры достигаетъ своего апогея и звучитъ уже почти скорбнымъ сарказмомъ... Вообще, можно сказать, не рискуя впасть въ ошибку, что новый этюдъ г. Салтыкова, несмотря на легкую фельетонную форму, принадлежитъ къ числу наиболѣе выдержанныхъ, наиболѣе опредѣленныхъ и глубокихъ его сатиръ.

В. Буренинъ.

Литературные очерки [1]).

„Нельзя не сознаться, но должно признаться“ въ примѣненіи къ послѣднимъ сатирамъ г. Щедрина.—„Монрепо-усыпальница“.—Защита г. Щедринымъ литературы въ новомъ его сатирическомъ фельетонѣ.

Прочитывая почти всѣ сатиры г. Щедрина, сочиняемыя имъ за послѣднее время, невольно приходится относиться къ нимъ, именно, съ тѣмъ пріемомъ, который сатирикъ забавно выразилъ въ извѣстной фразѣ: „Нельзя не сознаться, но должно признаться“. Первая половина этой фразы будетъ относиться къ безподобному юмору автора; вторая—къ темамъ его сатирическихъ фельетоновъ. „Нельзя не сознаться“, что юморъ сатирика во всѣхъ его послѣднихъ сатирахъ столько же неистощимъ, сколько свѣжъ; но въ то же время „должно признаться“, что темы этихъ сатиръ довольно однообразны и, такъ-сказать, вымучены. Разумѣется, за это однообразіе и вымученность темъ меньше всего можно упрекать даровитаго автора. Тутъ виноватъ не онъ, виноваты условія, которыми стѣснена его сатирическая отзывчивость: онъ выбираетъ для своего смѣха и отрицанія не то, что хочетъ, а то, что можетъ, что оказывается *„удобнымъ“*. При такомъ положеніи поневолѣ ему остается только свобода сатирическихъ варіацій, а свобода сатирической темы дѣлается немыслимою. Положеніе это, разумѣется, для писателя прискорбное и способное привести его въ совершенное уныніе. Г. Щедринъ, однако, хоть и унываетъ, но не очень: несмотря на ноту нѣкоторой меланхоліи и какъ бы усталости, разочарованности, почти постоянно господствующую въ его послѣднихъ произведеніяхъ, онъ подбодряетъ себя своимъ чудеснымъ юморомъ, увлекается имъ самъ и увлекаетъ читателей.

---

1) „Новое Время“, 1879 г., № 1259. (См. выпускъ II-й, стран. 61.)

Новые сатирическіе фельетоны г. Щедрина *Монрепо-усыпальница* и *Первое апрѣля—первое мая* [1]), появившіеся въ августовской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ", исполнены въ достаточной степени и меланхоліи и живого юмора. Меланхоліи, впрочемъ, въ нихъ больше, и понятно почему ея больше: въ послѣднее время нашъ прогрессъ такое настроеніе принялъ, что самая рьяная юмористическая рѣзвость отступаетъ передъ угнетающими душу явленіями дѣйствительности, и холодное отчаяніе или, по крайней мѣрѣ, безнадежное маханіе рукой является на смѣну борьбы отрицанія. Что же и отрицать, съ чѣмъ бороться, когда все кругомъ само себя отрицать и само съ собой бороться начало. Благородныя „улики времени", при такой умственной и моральной сумятицѣ, почти сдѣлались немыслимыми, и только холопскими „уликами" во вкусѣ кн. Мещерскаго можно въ волю тѣшиться.

Вотъ какъ отразилось впечатлѣніе нашихъ прекрасныхъ дней на сатирикѣ, который въ годы своей юности пережилъ тяжелое время, но, вѣроятно, признаетъ вмѣстѣ въ поэтомъ, что „бывали хуже времена, но не было подлѣй". Сатирикъ пришелъ къ безнадежному убѣжденію, что „умирать—пора". „Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко. Среди всегдашней суматохи, гдѣ слышатся голоса только безгласнаго множества темпераментовъ, гдѣ нападающіе не знаютъ, на кого они нападаютъ, а защищающіеся—отъ кого они обороняются, гдѣ нѣтъ рѣчи объ идеалѣ, а мечется въ глаза только обнаженный фактъ борьбы,—въ такой суматохѣ ничего лучшаго не придумаешь, какъ схорониться въ укромное мѣсто и тамъ начать умирать". Эта жажда постепеннаго умиранія вдали отъ жизни, въ добровольномъ сознательномъ отчужденіи отъ нея, особенно понятна людямъ сороковыхъ и тридцатыхъ годовъ, говоритъ далѣе сатирикъ, потому что въ послѣднее время съ ними случилось нѣчто необыкновенное.

„Все-то мы жили да жили, и вдругъ потеряли что-то самое нужное и разомъ сдѣлались неспособными принимать участіе въ дѣлахъ и вещахъ современности. Я знаю, что и между нами найдутся личности, которыя не прочь еще похорохориться, устроить недоразумѣніе и погарцовать передъ

[1]) Недавно г. В—б—ргъ печатно заявилъ, что послѣдніе два фельетона, подписанные псевдонимомъ Nemo, принадлежатъ г. Щедрину, что, впрочемъ, не было тайной для публики, ни тѣмъ болѣе для литераторовъ.

застигнутой врасплохъ толпой, въ качествѣ заправскихъ дѣятелей, по большинство отлично понимаетъ, что пѣсня сороковыхъ и иныхъ годовъ уже спѣта и что являться въ публику съ запасомъ забытыхъ словъ—именно, значитъ только длить безплодныя недоразумѣнія. Положимъ, что эти выцвѣтшія слова въ былое время были полны содержанія и освѣщали жизнь, но какое дѣло до нихъ современности? Въ былое время они были и хороши и необходимы, а теперь...

Когда я начинаю думать о современности, то, признаюсь, она представляется мнѣ не иначе, какъ въ видѣ ящика съ двойнымъ дномъ. Въ которомъ днѣ обрѣтается „настоящая штука"—поди угадай! Да и какая еще „штука"—можетъ-быть, райская птица, можетъ-быть, крокодилъ? И помоложе и половчѣе насъ люди, и тѣ не угадываютъ, а только поневолѣ какъ-нибудь изворачиваются, наудачу хватаются за первое, что подъ руку попадетъ. Именно, поневолѣ, потому что эти люди уже фаталистически „обречены" жить и, стало-быть, изворачиваться. А мы обречены умирать и, слѣдовательно, и отъ угадываній свободны. Но, по-моему, это-то именно и есть настоящее благо; это тѣмъ болѣе благо, что, всмотрѣвшись попристальнѣе въ проносящуюся мимо насъ сутолоку современности, по совѣсти, нельзя не воскликнуть: ахъ, какъ безконечно-мучительна должна быть роль дѣятеля среди этой жизни съ двойнымъ дномъ!

Да, такая жизнь даже болѣе нежели мучительна,—она постыдна. Передъ глазами мечется какая-то безконечная фантастическая сказка: не разберешь, что́ тутъ дѣйствительность и что́—сонное видѣніе. Наиреальнѣйшіе, съ перваго взгляда, факты,—и тѣ являются въ сопровожденіи такихъ подозрительныхъ околичностей, которыя отнимаютъ у нихъ всѣ признаки подлинной реальности. Все окружающее, вся жизнь—все служитъ источникомъ самыхъ мучительныхъ вопросовъ, и, что всего мучительнѣе, ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не найдете нигдѣ вполнѣ вразумительнаго отвѣта. Я могъ бы назвать здѣсь цѣлую свиту вполнѣ несомнѣнныхъ и доказательныхъ фактовъ, которые, несомнѣнно, подтвердили бы и объяснили мою мысль, и, тѣмъ не менѣе, не называю ихъ. Почему же я не называю ихъ? А потому именно, что всечасно и всеминутно ощущаю себя защемленнымъ между двойнымъ дномъ. Вѣдь, все равно, говорю я себѣ, изъ моихъ указаній ничего не выйдетъ, такъ лучше ужъ я... Ахъ, какая масса тутъ малодушія, предательства, лганья!

Но ежели немыслимы опредѣленные отвѣты, то очевидно, что немыслимы ни правильныя наблюденія ни вполнѣ твердыя обобщенія. Ни жить, стало-быть, нельзя, ни наблюдать жизнь, ни понимать ее. Вездѣ двойное дно, въ виду котораго именно изворачиваться можно или итти, невѣдомо куда, съ завязанными глазами. Представьте себѣ, что вы нечаянно попали въ комнату, наполненную баснописцами. Собралось множество Езоповъ, которые ведутъ оживленный разговоръ — и все притчами! Ясно, что тутъ можно сойти съ ума".

Нашему сатирику болѣе, чѣмъ кому-либо, понятна тяжесть подобнаго положенія, потому что онъ больше, чѣмъ кто-либо, былъ поставленъ въ необходимость говорить „притчами", говорить, какъ онъ самъ выражается въ другомъ своемъ фельетонѣ, „езоповскимъ языкомъ". „Новыя удачныя

варіаціи этого вынужденнаго „езоповскаго языка“ представляетъ его *Монрепо-усыпальница*. Содержаніе этой сатиры можно передать въ нѣсколькихъ словахъ: угнетенный безумною и, можетъ-быть, даже безстыдною смутой нашихъ дней, обитатель Монрепо дѣлаетъ опытъ отчужденія отъ жизни въ тиши полнаго уединенія, опытъ того „постепеннаго и сладкаго“ умиранія заживо, котораго необходимость имъ сознана и которое такъ хорошо характеризовано имъ. Опытъ сначала оказывается удачнымъ. Обитатель *Монрепо*, удалившись отъ жизни и людей, безпечально и мирно занимаетъ себя мечтаніями. Мечтанія эти изложены съ безподобнымъ юморомъ и тою ѣдкостью, которая еще больше оттѣняется удивительно искусно выдержаннымъ простодушіемъ. Обитатель, увлекшись мечтаніемъ, не только позабылъ, что у него подъ бокомъ становой Граціановъ, еще недавно произведшій надъ нимъ эксперименты начальническаго изслѣдованія его благонамѣренности, но даже бросился въ прежнія „филантропіи“. Онъ „началъ мечтать, сочинять „промежду себя“ реформы, и все такія, чтобы всѣ разомъ почувствовали, и въ то же время никто ничего не ощутилъ“. Все тутъ было въ этихъ мечтаніяхъ:

„И величіе Россіи, и конституціонное будущее Болгаріи, и Якубъ-ханъ, достославно шествующій по стопамъ Ширъ-Али [1]), и, ужъ само-собой, выигрышъ въ двѣсти тысячъ рублей. Что понравилось, то и выбирай. Ежели загорѣлось сердце величіемъ Россіи—займись; ежели величіе Россіи прискучило—переходи къ болгарамъ или къ Якубъ-хану. Мечтай безпрепятственно, сочиняй цѣлыя передовыя статьи—все равно, ничего не будетъ. Если хочешь критиковать—критикуй; если хочешь требовать—требуй. Требуй смѣло, такъ прямо и говори: долго ли, молъ, ждать? И если тебѣ внимаютъ туго или совсѣмъ не внимаютъ, то пригрозись: объ этомъ, дескать, мы поговоримъ въ другой разъ“.

Прежде чѣмъ пойти далѣе за сатирикомъ, позвольте кстати сказать нѣчто по поводу приведенной сейчасъ тирады, которая по ядовитости сарказма по-моему неподражаема. Не знаю, какъ кто, а я цѣню въ нашемъ сатирикѣ вотъ именно такія юмористическія тирады, которыя у него, среди вымученныхъ, претендующихъ на глубину и серіозность околичнословій и разсужденій, вдругъ прорываются, какъ блескъ свѣтлаго неба среди сѣрыхъ тучъ, и, обольщая

---

[1]) Якубъ-ханъ—Афганскій эмиръ—въ 1879 г. взошелъ на престолъ послѣ отца своего Ширъ-Али, и въ томъ же году за убійство англійскаго посланника смѣщенъ англичанами. *Н. Д.*

искренностью и прелестью юмора, заставляютъ читателя дивиться неизсякаемости юмористической силы въ талантѣ г. Щедрина. Именно, вотъ въ этихъ-то искреннихъ проблескахъ да еще въ художественныхъ сатирическо-бытовыхъ фигурахъ, иногда создаваемыхъ г. Щедринымъ съ типическою рельефностью, и сказывается настоящая сущность его дарованія, а вовсе не въ той либерально-резонерской закваскѣ его сатиры, которая, кажется, очень излюблена и самимъ авторомъ и нѣкоторыми его поклонниками. Эта либеральная закваска,—только аксессуаръ и даже балластъ, обременяющій творчество автора и порою мѣшающій цѣлостности и законченности общаго впечатлѣнія его произведеній... Однако, я слишкомъ отступилъ въ сторону. Возвратимся къ обитателю *Монрепо* и невиннымъ мечтаніямъ, которыми онъ занялъ свое отчужденное отъ жизни уединеніе. Пробуя разныя темы „дозволенныхъ" мечтаній, онъ, между прочимъ, очень забавно мечтаетъ о конституціонномъ будущемъ Болгаріи и, опять-таки тутъ, въ этой забавной сатирической шуткѣ автора, обнаруживаетъ одинъ изъ тѣхъ въ высшей степени живыхъ проблесковъ юмора, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ.

Нельзя мечтать о величіи Россіи,—будемъ на другія темы мечтать, тѣмъ болѣе, что, по культурному нашему званію, намъ это ничего не значитъ. Напримѣръ, конституціонное будущее Болгаріи—чѣмъ не благодарнѣйшая изъ темъ? А при обиліи досуга, даже тѣмъ болѣе благородная, что для развитія ея необходимо прибѣгать къ посредничеству телеграфа, то-есть посылать вопросныя телеграммы и получать отвѣтныя. Анъ, время-то, смотришь, и пройдетъ.

Сказано—сдѣлано. Посылаю телеграмму № 1-й: „Митрополиту Анеиму [1]). Настоятельно прошу отвѣтить, будетъ ли у васъ конституція?" Черезъ четверть часа полученъ отвѣтъ: „Братолюбивому господину Монрепо. Конституція, сирѣчь уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи, будетъ. *Анеимъ*".

Не удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, посылаю телеграмму № 2-й „Благородному господину Балабанову [2]). Экзархъ Анеимъ увѣдомляетъ: будетъ-де у васъ конституція, сирѣчь исправительный уставъ. Правда ли?" Черезъ четверть часа отвѣтъ: „Благородному господину Монрепо. На то похоже. *Коллежскій асессоръ Балабановъ*".

Тогда, чтобъ убѣдиться окончательно, посылаю телеграмму № 3-й: „Благородному господину Занкову. Что́ же, наконецъ, у васъ будетъ?" И черезъ новыя четверть часа получаю новый отвѣтъ: „Будетъ, что Богъ дастъ. *Губернскій секретарь Занковъ*".

---

1) *Анеимъ*—первый экзархъ болгарскій. *Н. Д.*

2) *Балабановъ*—болгарскій публицистъ и государственный дѣятель. Послѣ освобожденія Болгаріи былъ тырновскимъ губернаторомъ. *Н. Д.*

Сличивши эти три телеграммы, я нахожу вопросъ о конституціонномъ будущемъ Болгаріи исчерпаннымъ и посылаю четвертую, общую телеграмму: „Митрополиту Анониму. Пью за болгарскій народъ!“ А черезъ четверть часа получаю отвѣтъ: „Братолюбивому господину Монрепо. Не находимъ словъ выразить, сколь для болгарскаго народа сіе лестно. *Анонимъ*“.

Однакоже, опытъ „постепеннаго и сладкаго умиранія“, сопровождаемаго невинными мечтаніями, подъ которыми даже цензоръ Красовскій могъ бы подписать: „Мечтать дозволяется“, въ концѣ-концовъ, не удался обитателю *Монрепо*. Его уединенное отчужденіе отъ окружающей жизни вызываетъ озлобленіе и протестъ въ представителяхъ этой жизни—становомъ Граціановѣ и богатомъ кулакѣ Разуваевѣ. Сатира заканчивается тѣмъ, что становой и кулакъ послѣ разныхъ „озорствъ“, которыя они учиняли около *Монрепо* съ цѣлью нарушить мирный покой его обитателя, врываются къ нему. Современная дѣйствительность, въ образѣ охранителя-„сердцевѣда“ и кулака, не даетъ, какъ видно, даже умереть спокойно уединеннымъ мечтателямъ *Монрепо* и съ наглостью и назойливостью донимаетъ ихъ до конца. Нѣтъ спасенія, некуда укрыться отъ этихъ двухъ силъ новѣйшаго прогресса: отъ нихъ не откреститься ни крестомъ ни пестомъ...

Въ сатирическомъ фельетонѣ *Первое апрѣля—первое мая* сатирикъ беретъ подъ свою защиту отъ нападеній тѣхъ беззастѣнчивыхъ господъ, которые въ различныхъ комиссіяхъ, озабочивающихся „о мѣрахъ, необходимыхъ на случай могущаго быть свѣтопреставленія“, воздвигаютъ противъ литературы обвиненіе въ томъ, что она занимается „подрываніемъ основъ“. Бесѣда объ этомъ предметѣ идетъ между Ѳеденькой Неугодовымъ и его дядей.

—Дядя! позвольте узнать, зачѣмъ ваша литература съ такимъ упорствомъ ищетъ осмѣять и подорвать священнѣйшія основы нашего общества?

Я изумился. Не вопросу, который ничего неожиданнаго не представлялъ, но тому феномену, который, въ какую-нибудь минуту, совершился въ моихъ глазахъ. Лицо этого юноши, за минуту передъ тѣмъ благодушное и даже простоватое, внезапно позеленѣло и приняло суровые тоны; глаза получили сердитое, чуть не злое выраженіе; губы побѣлѣли и вздрагивали. Такъ велика была въ этомъ способномъ молодомъ человѣкѣ готовность восторгаться чужими восторгами и озлобляться чужими озлобленьями.

— Христосъ съ тобой! что ты!—воскликнулъ я, нѣсколько озадаченный.

— Нѣтъ, если ужъ вы хотите, чтобъ я говорилъ, то я буду говорить. Серіозно спрашиваю васъ: съ какого права ваша литература нападаетъ на коренныя основы нашей жизни? Кто далъ ей это полномочіе? Кто

разрѣшилъ ей въ такомъ видѣ представлять семью, собственность... государство?

— Да въ какомъ же, мой другъ, въ какомъ?

— Въ гнусномъ-съ. Повторяю, кто далъ ей полномочіе судить и рядить?

— Послушай! Я только-что сейчасъ доказывалъ тебѣ, что литература отъ самого Господа Бога снабжена всѣми возможными полномочіями... Однакожъ, такъ какъ ты настойчиво возвращаешься къ этой темѣ и при этомъ, очевидно, имѣешь въ виду современную русскую литературу, то изволь, будемъ бесѣдовать. Ты ставишь вопросъ прямо: современная русская литература подрываетъ основы, на которыхъ держится общество... Подумай, однакожъ, нѣтъ ли тутъ смѣшенія? Не приписываешь ли ты литературѣ то, что принадлежитъ самому обществу или, по крайней мѣрѣ, той его части, которой спеціально присвоивается это названіе? Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что литература наша не только ничего не выдумываетъ въ этомъ случаѣ, но, довольствуясь однимъ констатированіемъ фактовъ, стоитъ далеко ниже дѣйствительности. Ужели литература разожгла аппетиты Юханцевыхъ, Ландсберговъ, Ковальчуковыхъ? Ужели она породила эти легіоны сорванцовъ, у которыхъ на языкѣ „государство“, а въ мысляхъ пирогъ съ казенною начинкой? Право не литература произвела эти явленія. Аппетиты разожглись сами собой, вслѣдствіе наплыва цѣлой массы праздныхъ людей, оставшихся за бортомъ, съ упраздненіемъ крѣпостного права. Конечно, литература не пропустила этого факта, но развѣ была какая-нибудь возможность игнорировать его? Подумай! вѣдь, требовать отъ литературы подобнаго нелѣпаго воздержанія значило бы навсегда осудить ее оставаться при анекдотахъ о пошехонцахъ. Ты думаешь, очевидно, что литература наша нарочно цѣпляется за извѣстные факты, что она предвидитъ тѣ волненія, которыя она должна произвести въ обществѣ, что эти волненія ей нравятся, однимъ словомъ, что не будь вмѣшательства литературы, не существовало бы ни вопросовъ ни волненій. Другъ мой! не ты одинъ высказываешь подобныя убѣжденія: они сплошь и рядомъ высказываются и въ самой литературѣ тѣми литературными золотарями, которыхъ цѣлыя массы въ послѣднее время загромоздили ее. Но все это—ложь и наглая клевета, и литература, выставляя на позоръ факты, которые такъ тебя поражаютъ, не только не подрываетъ подрытаго, но, напротивъ, пробуждаетъ общественную совѣсть. Правда, что общество наше—лицемѣрно и посмѣивается надъ основами потихоньку, но развѣ лицемѣріе когда-либо и гдѣ бы то ни было представляло силу, достаточную для существованія общества? Развѣ лицемѣріе—не гной, не язва, не гангрена? Вотъ этого-то „права лицемѣрить“ литература и не признаетъ за обществомъ. Она говоритъ ему: или держись крѣпко унаслѣдованныхъ принциповъ или кайся! По-моему, такія обличенія имѣютъ скорѣе характеръ охранительный, нежели разрушительный, и ежели я и самъ, по временамъ, сѣтую на современную русскую литературу, то отнюдь не за смѣлость и настойчивость ея обличеній, а, напротивъ, за то, что она робка, неустойчива и совсѣмъ-совсѣмъ невліятельна. Помилуй! одинъ езоповскій языкъ чего стоитъ! Подумай, какъ это трудно, изнурительно, почти погано! Въ состояніи ли ты оцѣнить это?

— Могу, но признаюсь, не печалюсь объ этомъ. Въ наше время только и утѣшаешься, когда видишь, какъ наша милая литература извивается словно вьюнъ на сковородѣ.

Далѣе авторъ очень ѣдко и выразительно доказываетъ, почему современная литература игнорируетъ „возвышающія духъ“ свѣтлыя картины и занимается по преимуществу „язвами“; почему въ настоящее время въ ней сдѣлались невозможными „розы и соловьи“; почему она переполнена „мужикомъ“. Все, что говоритъ объ этомъ сатирикъ, далеко не ново, повторялось не разъ, и самъ сатирикъ въ концѣ-концовъ проговаривается, что ему надоѣло назидать по этому избитому предмету Ѳеденьку. Но, тѣмъ не менѣе, все сказанное сатирикомъ, во-первыхъ, сказано съ тою выразительностью, которая даже избитому сюжету даетъ новое значеніе, и, во-вторыхъ, сказано теперь какъ-разъ кстати: въ послѣднее время не только „нѣсколько беззаботные насчетъ литературы“ Ѳеденьки, засѣдающіе въ комиссіяхъ по поводу могущаго быть свѣтопреставленія, не только сочинители холопскихъ „уликъ“ въ родѣ князя Мещерскаго, но даже либерально-буржуазные критики начинаютъ тянуть старую ноту о необходимости для литературы отрѣшенія отъ „язвъ“, о необходимости удаленія ея въ безпечальныя сферы свѣтлыхъ и „изящныхъ“ сторонъ жизни, о необходимости розъ и соловьевъ въ ея направленіи. Припомнимъ, напримѣръ, г. Евгенія Маркова, который съ своими quasi-критическими этюдами и своими quasi-романами усердно надрывается проводить Ѳеденькины эстетическія воззрѣнія, хотя, разумѣется, не рекомендуетъ при этомъ Ѳеденькиныхъ мѣропріятій для приведенія литературы на настоящій спасительный путь. Если ужъ въ головахъ присяжныхъ критиковъ завелась порядочная сумятица по этому „вопросу“, если ужъ они забыли все то, что въ немъ было выяснено до соблазнительной ясности еще въ сороковыхъ годахъ, то какая же смута должна господствовать въ головахъ публики? Во всякомъ случаѣ, повторяю, г. Щедринъ поступилъ съ большою чуткостью, коснувшись въ своемъ сатирическомъ фельетонѣ „старой печали“, которою и публика и даже представители критики начали томиться заново.

В. Буренинъ.

Сатира и романъ въ настоящемъ году [1]).

„И благородный человѣкъ можетъ быть рабомъ обстоятельствъ; но кто становится лакеемъ обстоятельствъ, тотъ не благородный человѣкъ".

Л. Бёрне.

*) Мы не имѣемъ особаго пристрастія къ сатирѣ вообще; это полезное орудіе борьбы и брани далеко не такъ намъ по вкусу, какъ мирныя плодоносныя орудія поэтическаго труда.

Поэтому мы никогда не имѣли пристрастія и къ высокоталантливому представителю нашей современной сатиры. Правда, еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы уже привыкли цѣнить, какъ одного изъ главныхъ литературныхъ вождей нашего преобразовательнаго движенія, автора *Губернскихъ очерковъ*, *Исторіи одного города*, *Ташкентцевъ* и проч.; съ тѣхъ поръ мы постоянно поучались у него многому и наслаждались въ немъ многимъ.

Поразительная сила рѣчи, поразительно оригинальные и мѣткіе взгляды на явленія современной жизни, въ союзѣ

---

1) „Русская Рѣчь", 1879 г., № 12.

*) Эта статья принадлежитъ извѣстному публицисту, критику, беллетристу и общественному дѣятелю Евгенію Львовичу Маркову (род. въ 1835 г.). Окончивши курсъ естественныхъ наукъ въ харьковск. университетѣ, Марковъ былъ сначала учителемъ, а затѣмъ инспекторомъ и директоромъ гимназіи. Въ 1870 г. онъ выходитъ въ отставку и посвящаетъ себя земской дѣятельности; въ 1888 г. мы уже видимъ его занимающимъ мѣсто управляющаго воронежск. отдѣлен. дворянскаго и крестьянск. банковъ. Въ литературѣ онъ выступилъ разсказомъ „Ушанъ" („Русск. Вѣстн.", 1858 г.). Вслѣдъ за этимъ, имъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ разсказовъ, педагогическихъ, публицистическихъ, критическихъ статей, путевыхъ очерковъ и т. д. въ лучшихъ журналахъ и газетахъ того времени. Марковъ, какъ писатель, отличается чуткостью къ общественнымъ вопросамъ, прогрессивнымъ взглядомъ, ясностью изложенія и солиднымъ литературнымъ образованіемъ.

Прим. Н. Денисюка.

съ уничтожающею насмѣшкой, дѣлаютъ нашего отечественнаго сатирика могучимъ бичомъ общественной немощи во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ.

Если бы Щедринъ писалъ на языкѣ болѣе европейскомъ, чѣмъ русскій языкъ, онъ, конечно, былъ бы признанъ Европою за одного изъ самыхъ блестящихъ сатириковъ современности.

Но для Европы онъ непереводимъ не только съ точки зрѣнія крайней своебытности и фамильярности своего языка, но еще и съ точки зрѣнія чисто мѣстныхъ интересовъ, требующихъ самаго близкаго знакомства съ тончайшими оттѣнками нашей общественной жизни.

Далѣе, можно сказать, что и въ нашемъ читающемъ мірѣ Щедринъ имѣетъ свой особый кружокъ читателей и доступенъ далеко не всей массѣ читающей публики. Если его читаютъ очень многіе, то понимаютъ настоящимъ образомъ, конечно, далеко не всѣ. На многихъ сатира Щедрина дѣйствуетъ только своею наиболѣе рѣзкою и осязательною стороною, между тѣмъ какъ главная сила ея заключается не въ пріемахъ грубой насмѣшки, а въ трудно-уловимыхъ оттѣнкахъ тонкой ироніи, остающихся для большинства бѣлымъ мѣстомъ между строками или загадочнымъ наборомъ словъ.

Въ болѣе спокойныя литературныя эпохи сатира Щедрина намъ казалась и менѣе сочувственною и менѣе нужною. Не то чтобы въ нашемъ обществѣ все шло такъ прекрасно, что уже для сатиры не отыскивалось и мѣста. Сатира полезна всегда и нужна всегда. Щедринъ, конечно, не былъ виноватъ въ томъ, что онъ сатирикъ, и ничего болѣе, какъ сатирикъ.

Онъ всегда оставался самимъ собою и съ этой точки зрѣнія былъ всегда правъ.

Не его, конечно, вина, что литературныя партіи извѣстнаго типа оказались, съ одной стороны, такъ бѣдны талантами, что должны были замѣнить сатирическими очерками чуть не все литературное творчество, а съ другой стороны, такъ ошибочно разумѣли задачи литературы, что сообщили цѣлымъ литературнымъ органамъ характеръ отрицанія и насмѣшки.

Когда сатира, вслѣдствіе этихъ условій—силы одного и безсилія другихъ, пыталась воплотить въ себѣ, такимъ обра-

зомъ, всю литературу, отъ беллетристики до критики и научныхъ обозрѣній, тогда, конечно, реакція противъ нея, несочувствіе къ ней были въ высшей степени естественны. Такая насильственная и неправильная постановка сатиры въ положеніе вовсе ей несвойственное, такое необдуманное поднятіе ея на щитъ слишкомъ увлеченными друзьями нисколько не послужило къ дѣйствительному усиленію ея значенія въ обществѣ, а, напротивъ того, даже подорвало его.

Если правда въ одной сатирѣ, если въ одной сатирѣ заключаются всѣ элементы нашей литературной жизни, то отъ сатиры слѣдуетъ и требовать всего, и ждать всего, и судить ее за все.

Такимъ образомъ, Щедринъ, выведенный своими соратниками въ проповѣдники цѣльной истины, въ знамя цѣлаго литературнаго движенія, долженъ былъ неминуемо оказаться далеко ниже своего мнимаго призванія. Какъ знамя, онъ являлся слишкомъ расплывчивымъ, туманнымъ, слишкомъ отрицательнымъ и слишкомъ враждебнымъ ко всему. Онъ не могъ вести рѣшительно никуда. У него не было въ запасѣ ни одной истины, которую онъ могъ бы защищать, ни одной опредѣленной цѣли, на которую онъ могъ бы указать.

Что ни появлялось на общественномъ полѣ: событія, учрежденія, отдѣльныя лица,—во всемъ онъ находилъ смѣшное, неправильное, вредное, противъ всего онъ возстановлялъ и предупреждалъ насъ.

Спеціально какъ сатирикъ, онъ и обязанъ былъ поступать такъ, онъ и не могъ поступать иначе. Дѣйствительно, какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ нѣтъ добра безъ худа. Если поэты извѣстнаго типа въ каждомъ явленіи умѣютъ находить черты своего рода красоты, то сатирику естественно останавливаться на темной сторонѣ каждаго общественнаго вопроса и освѣщать эту сторону передъ своимъ читателемъ съ яркостью и одушевленіемъ, на которыя онъ только способенъ.

Въ этомъ—призваніе сатиры и ея великая общественная заслуга.

Но въ этомъ же и роковые предѣлы, которыхъ она не смѣетъ и не должна переступать.

Оттого сатира имѣетъ смыслъ и важное значеніе въ обществѣ, обильномъ разнородными литературными силами,

которыя даютъ ей свободно расти рядомъ съ собою, но которыя настолько живучи и крѣпки сами, что не дозволятъ ей разрастаться насчетъ всего остального, не дозволятъ ей покрыть своими вѣтвями всю обширную область литературнаго творчества и литературной критики, подавляя своею тѣнью всякіе иные всходы.

Это, такъ-сказать, нормальная сатира, сатира въ ея здоровомъ состояніи.

Въ этомъ видѣ ея читатель относится къ ней заранѣе какъ къ сатирѣ, ищетъ въ ней только ея собственныя задачи, не смѣшиваетъ ее ни съ чѣмъ другимъ, не требуетъ отъ нея того, чего она не въ состояніи дать, не заслоняетъ ею въ своихъ глазахъ ничего остального, что существуетъ помимо ея, и что никогда не можетъ быть замѣнено ею.

Такой нормальной сатирѣ воздается по ея праву, но не уступается ничего, ей не принадлежащаго: кесарево—кесарю, а Божіе—Богови.

Наша же сатира, повторяемъ, была раздута до значенія, ей совершенно не подобающаго; она сдѣлалась одно время какимъ-то потопомъ для литературной жизни; она какъ эпидемія охватила всѣ области литературной мысли, стала альфою и омегою всей нашей передовой журналистики.

Она уже не довольствовалась своимъ мѣстомъ, своимъ правомъ, а посягала на мѣсто и право всего, что жило кругомъ нея. Она отрицала поэзію, свободное творчество, безпристрастный и разносторонній анализъ и проповѣдывала только смѣхъ, только отрицаніе, только одну себя.

Повторяемъ еще разъ, въ этомъ невиноватъ могучій талантъ сатирика, которому свойственно удовлетворять своей внутренней потребности; виновата въ этомъ журналистика, виновато общество, въ которыхъ не нашлось достаточно другихъ силъ для отпора одной, для удержанія ея въ ея собственныхъ границахъ.

За этою оговоркою мы должны признаться, что къ Щедрину-сатирику, въ собственномъ смыслѣ слова, несмотря на нѣкоторые недостатки его сатиры, о которыхъ намъ, безъ сомнѣнія, придется еще говорить, и несмотря на фальшивую роль, которую заставляли его играть его друзья, мы относились всегда, даже въ эпохи, наименѣе вопіявшія къ сатирѣ, какъ къ одному изъ лучшихъ украшеній нашей литературы и какъ къ очень полезной общественной силѣ.

Но никогда не привѣтствовали мы его такъ горячо, никогда съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ не дожидались его отрезвляющаго и посрамляющаго слова, какъ въ настоящіе грустные дни нашего литературнаго и общественнаго застоя.

Надо сказать, что никогда въ другое время, насмѣшливый голосъ сатирика и не могъ быть такимъ подвигомъ чести и мужества, какимъ онъ является теперь.

Язвительный смѣхъ невольника Езопа надъ жалкими слабостями той среды, которая надѣвала цѣпи на его руки и его мысль, былъ во всѣ времена искупленіемъ поруганнаго достоинства человѣка.

Все мыслящее, все обязанное молчать и терпѣть, съ отрадою вслушивалось даже въ иносказательные намеки баснописца, которыми плѣнный разумъ человѣка, по природѣ своей неспособный подчиняться духовному плѣну, какъ бы мститъ своимъ утѣснителямъ, бравируя ихъ гнѣвъ неуловимостью своихъ уколовъ, ускользая своею тонкостью отъ ихъ грубости, торжествуя остроуміемъ своего духа надъ ихъ матеріальною властью.

Это высшее проявленіе внутренней свободы человѣка, это тотъ самый непобѣдимый принципъ человѣчности, который побуждалъ Спасителя міра безразлично созидать свое царство не отъ міра сего въ душѣ раба и язычника, еллина и іудея, признавая выше всѣхъ этихъ внѣшнихъ случайностей земного существованія одну общую всѣмъ, ни отъ кого неотъемлемую сущность, т.-е. человѣчность.

Сатирическая трилогія Щедрина:—*Тревоги и радости Монрепо*, *Монрепо-усыпальница* и *Finis Монрепо*—представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній талантливаго сатирика за послѣднее время.

Первый изъ этихъ очерковъ, появившійся еще въ февралѣ, служилъ какъ бы пророческимъ предвкушеніемъ того грядущаго, о которомъ два остальные очерка въ правѣ говорить, какъ о наступившемъ, какъ о свершающемся...

Что такое *Монрепо* само-по-себѣ?

Строго говоря, это есть только одно изъ обычнѣйшихъ прихотливыхъ названій дворянскаго помѣстья дореформеннаго времени.

Конечно, названій тогда было много: и русскихъ и французскихъ. Но ни одно изъ нихъ, кажется, не было бы въ состояніи съ такимъ мѣткимъ лаконизмомъ выразить всю

внутреннюю суть старой дворянской жизни, старыхъ деревенскихъ идеаловъ; ни одно не было бы до такой степени способно стать нарицательнымъ именемъ для цѣлаго обширнаго круга общественныхъ явленій, какъ это, повидимому, случайное, но, въ сущности, весьма ядовитое имя, выкопанное сатирикомъ изъ груды стараго хлама.

Да, именно Монрепо и Монплезиры вѣрнѣе всего олицетворяютъ собою хозяйственное и соціальное міровоззрѣніе когда-то ликовавшей дворянской жизни. Въ этомъ словѣ заключалось все: и поверхностная игривость отношеній къ такому серіозному предмету, какъ монополія землевладѣнія; и маниловская буколика, навѣянная плохими французскими книжками и еще болѣе плохими гувернантками; и самообожающій эгоизмъ, наивно воображающій всѣхъ счастливыми, когда счастливъ онъ самъ, не подозрѣвающій предъ собою никакого серіознаго долга, никакой возможности серіознаго будущаго, добродушно мечтающій только о своихъ радостяхъ, только о своемъ покоѣ... Мон-репо, Мон-плезиръ—*мой* покой и *мое* удовольствіе!

Главное—*мой!* Кромѣ *меня* и *мое*—ничего кругомъ нѣтъ.

Сатирикъ не изображаетъ намъ въ своихъ очеркахъ живыхъ индивидуальныхъ типовъ прошлаго въ ихъ трагическихъ или комическихъ столкновеніяхъ съ новыми стихіями жизни, при которыхъ они дѣлаются вдругъ невозможны, немыслимы, какъ невозможно и немыслимо, напр., существованіе животныхъ въ воздухѣ, внезапно потерявшемъ свой кислородъ.

У Щедрина нѣтъ объективнаго творчества Гоголя и его пластической силы. Его типы гораздо болѣе общи и аллегоричны, какъ это чаще всего свойственно сатирѣ.

Его владѣтель Монрепо не Маниловъ и не Чичиковъ, вообще неотдѣланный психическій организмъ. Это только наглядная аллегорія цѣлаго сословія, интеллигенціи цѣлаго вѣка.

Всѣ его особенности и свойства родовыя, а не личныя. Всѣ его дѣйствія гораздо болѣе иносказанія, чѣмъ реальные факты.

Таковъ же и его несравненный Граціановъ, эта необыкновенно выразительная и остроумная общая формула новѣйшаго, такъ-сказать, усовершенствованнаго, тщательно смазаннаго лакомъ цивилизаціи поколѣнія старинныхъ Держимордъ.

Таковъ же его совѣтолюбивый „батюшка", а также и его Разуваевы и К°, эти современные представители гоголевскихъ „аршинниковъ" и „протоканалій".

Если не имѣть въ виду этого аллегорическаго значенія щедринскихъ типовъ, если оцѣнивать ихъ не какъ общую художественную формулу, а какъ непосредственные художественные типы, претендующіе на буквальную вѣрность дѣйствительности, то, конечно, очерки Щедрина могутъ показаться грубымъ преувеличеніемъ, неестественностью, несообразностью, чѣмъ-то вообще слишкомъ аляповатымъ и насилованнымъ. Съ этой точки зрѣнія все глупое въ нихъ уже слишкомъ глупо, все наивное—наивно до невѣроятія, все грубое—грубо до невозможности, все наглое—нагло выше всякихъ предѣловъ.

Такой жизни въ дѣйствительности не бываетъ; въ такихъ людей, въ такія положенія вѣрить нельзя.

Но зато какая глубокая, пронизывающая душу правда потрясаетъ васъ, когда, не придираясь педантически къ отдѣльнымъ подробностямъ, не пробуя каждую изъ нихъ на оселкѣ дѣйствительности, вы наполняетесь мало-по-малу общимъ смысломъ той горькой аллегоріи, которая развивается всякимъ словомъ и всякимъ образомъ сатирика.

Если вдуматься въ основную мысль послѣдней трилогіи Щедрина, то можно замѣтить въ ней два главныхъ теченія, уже давно знакомыя намъ изъ другихъ произведеній талантливаго автора, но здѣсь обновленныя до яркости новыми явленіями жизни.

Съ одной стороны, сатирикъ рисуетъ намъ, такъ-сказать, прирожденную немощь нашего прежняго культурнаго слоя, роковое вымираніе его худосочнаго, неспособнаго къ борьбѣ организма, подъ давленіемъ непривычныхъ ему условій новаго общественнаго климата.

Сатирикъ прослѣживаетъ это постепенное уничтоженіе, какъ натуралистъ прослѣживаетъ исчезаніе какой-нибудь отсталой и отжившей свой вѣкъ низшей расы человѣчества. Она таетъ, словно безъ всякихъ причинъ подчиняясь своему внутреннему безсилію; будучи неспособна переносить то, что могутъ переносить другія; нуждаясь въ томъ, чего не можетъ быть у нея; не умѣя пользоваться тѣмъ, что у нея есть, что другимъ нужно и полезно.

Стрѣлы сатиры, хотя окутанныя не злобою, а презрѣ-

ніемъ, сыплются на этотъ жалкій плодъ стараго безсилія и старой неумѣлости.

Но онѣ кажутся ласковыми толчками пробуждающаго друга, рядомъ съ другими стрѣлами сатирика, неумолимо направляемыми въ иного, болѣе сильнаго, болѣе опаснаго и болѣе новаго врага.

Сравнительно съ нимъ, отжитой міръ наивнаго эгоизма, безсилія и бездѣльничанья кажется заманчивымъ пріютомъ гуманности и свободы.

Самыя лучшія страницы очерковъ Щедрина—это именно тѣ, гдѣ онъ своею мастерскою кистью рисуетъ картину того невыносимаго нравственнаго кошмара, который придавилъ въ послѣднее время все, что было въ нашемъ обществѣ прикосновеннаго къ области сколько-нибудь человѣчной мысли, сколько-нибудь человѣчныхъ идеаловъ.

Безраздѣльнымъ властителемъ современной минуты являются у сатирика Граціановы и Разуваевы. Ихъ міръ наглаго тупоумія и наглаго хищничества задавилъ все: и старое и новое. Они одни ликуютъ и гогочутъ, и развязно размахиваютъ руками куда имъ вздумается, и ведутъ услаждающія бесѣды другъ съ другомъ въ то время, какъ все остальное лежитъ, не смѣя пошевельнуться, приниженное, застращенное, лишенное довѣрія даже въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Дѣлается жутко до боли, вчитываясь въ безжалостную правду, въ неумолимую послѣдовательность разсужденій сатирика, прикрытыхъ именами его аллегорическихъ героевъ.

Дѣлается стыдно за человѣчество, что въ немъ можетъ не только существовать, но еще и временами подавлять собою все остальное, какъ торжествующая, непобѣдимая сила, та нравственная тьма, которая олицетворена сатирикомъ въ образахъ разныхъ Граціановыхъ и Разуваевыхъ.

Въ этомъ трусливо присмирѣвшемъ передъ жизнью, вздрагивающемъ отъ каждаго шороха жизни, жалкомъ обитателѣ Монрепо, съ чувствомъ горькаго униженія вынужденъ признать самого себя, свой собственный нравственный портретъ, вѣрную картину своего сословія, своего отечества.

Сатирикъ трижды правъ въ своей злой сатирѣ. Это—мы, дѣйствительно, мы; мы, на всякомъ шагу малодушно спускающіе флагъ передъ натискомъ перваго попавшагося

Граціанова; мы, ежеминутно отдающіеся въ жертву первому разворовавшемуся кабатчику.

Наглость ихъ—это не ихъ наглость, это только наша трусость; удача ихъ—это не ихъ удача, это только наша собственная неумѣлость.

Человѣкъ Монрепо не только заслуживаетъ,—онъ порождаетъ, онъ самъ вызываетъ на свѣтъ Граціанова и его друзей-кабатчиковъ.

Въ широкомъ смыслѣ, Монрепо—это унаслѣдованная отъ крѣпостническаго дворянства наша всесословная духовная вялость, наше ничтожество труда и воли, наше отсутствіе твердыхъ общественныхъ идеаловъ, наше малодушное запираніе себя въ раковину пустыхъ личныхъ интересовъ.

Судьба Монрепо давно намъ показываетъ, что даже и эти личные интересы не защитятся своею узенькою раковиною, что во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія необходима способность борьбы съ жизнью, рѣшимость этой борьбы.

Если тупоуміе и животность могутъ существовать въ мірѣ, то еще легче можетъ восторжествовать въ немъ разумъ человѣчества, если только онъ сознаетъ обязанность борьбы и необходимость побѣды. Но гдѣ, съ какой стороны видимъ мы теперь эту спасительную нравственную борьбу, откуда можемъ ждать ее?

Вездѣ малодушіе, рознь и одиночество Монрепо; вездѣ сознаніе, что за насъ живетъ и думаетъ Граціановъ; вездѣ увѣренность, что насъ завтра, со всѣмъ нашимъ корнемъ, купитъ съ аукціона Разуваевъ.

Монрепо лежитъ въ основѣ нашей домашней жизни; Монрепо проникаетъ наши земскія и общественныя дѣла; Монрепо—это вся наша культурная Русь.

Никогда еще идеи Монрепо не торжествовали такъ точно, какъ теперь, когда почва очистилась отъ всякихъ другихъ идей, когда остались на сценѣ только разъяренные инстинкты хищничества.

„А умирать пора,—говоритъ сатирикъ.—Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко. Среди царящей суматохи, гдѣ слышатся голоса только безчисленнаго множества темпераментовъ, гдѣ нападающіе не знаютъ, на кого они нападаютъ, а защищающіеся—отъ кого они обороняются, гдѣ нѣтъ рѣчи объ идеалѣ, а мечется въ глаза только обнаженный фактъ борьбы, — въ такой суматохѣ ничего

лучшаго не придумаешь, какъ схорониться въ укромное мѣсто и тамъ начать умирать".

„Да, такая жизнь даже болѣе чѣмъ мучительна,—она постыдна. Передъ глазами мечется какая-то безпокойная фантастическая сказка: не разберешь, что̀ тутъ дѣйствительность и что̀—сонное видѣніе".

„Для того, чтобы не быть обязаннымъ ни жить, ни понимать жизнь, ни говорить притчами, самое лучшее дѣло—это затвориться въ Монрепо".

Но и въ уединеніи Монрепо бѣднаго культурнаго человѣка одолѣваютъ „мечтанія", отъ которыхъ онъ думалъ спастись, покидая общество Езоповъ и переставая выписывать газеты.

„Я отнюдь не оправдываюсь,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ сатирикъ,—а только констатирую, какъ непріятно и ненадежно положеніе русскаго культурнаго человѣка, который помнитъ, что когда-то онъ занимался „филантропіями", и понимаетъ, что, по нынѣшнему времени, это составляетъ незабываемый грѣхъ. Онъ помнитъ, понимаетъ и боится. Чего именно боится, онъ самъ опредѣленно сказать не можетъ, но, вѣдь, чѣмъ неопредѣленнѣе подобное чувство, тѣмъ оно тяжелѣе. Главнымъ образомъ, однакожъ, онъ боится своей беззащитности, неприкрытости и, вслѣдствіе этого, совершенно искренно вѣритъ, что и Граціановъ, и Осмушкинъ, и Прокофьевъ могутъ во всякое время свободно войти къ нему въ домъ и полюбопытствовать: а что, молъ, ты тамъ въ одиночку каверзничаешь?"

Иногда человѣку, правда, и покажется, что занятія мечтой на извѣстныя темы не воспрещены, что это ничего.

„Ничего? Но кто же сказалъ это? Кто же удостовѣрилъ, что ничего? *А, можетъ-быть, это-то самое и есть самое оно*... А, можетъ-быть, тутъ-то, въ этихъ безпардонныхъ мечтахъ и кроется „возбужденіе пагубныхъ страстей!" Кто сказалъ: ничего! Тяпкинъ-Ляпкинъ сказалъ? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!"

Такимъ образомъ, даже въ самыхъ законныхъ и, повидимому, благонамѣренныхъ мечтаніяхъ кроется несомнѣнная опасность, такъ-что обитатель Монрепо только во снѣ позволяетъ себѣ иногда наслаждаться желанною надписью: „Мечтать дозволяется", но, проснувшись, онъ уже не вѣритъ сновидѣнію.

Ужасно положеніе общества, въ которомъ лучшее, что есть въ человѣкѣ, ищетъ отрады и спасенія въ „умираньѣ".

„Въ первый разъ въ жизни,—передаетъ намъ сатирикъ ощущенія обитателя Монрепо,—я наслаждался сознаніемъ, *что ничто не нарушитъ моего вольнаго умиранья*, что никто не призоветъ меня къ отвѣту и не напомнитъ о какихъ-то обязанностяхъ..."

„Монрепо-усыпальница" вотъ что дѣлается невольнымъ и законнымъ идеаломъ всего того, чему не дается мѣста въ торжествующемъ мірѣ Граціанова и Разуваева, всего, что̀

не можетъ, что́ не умѣетъ перестать быть человѣкомъ и обратиться въ содержателя кабаковъ.

„Усыпальница“, „умиранье“,—могутъ сказать, что это неуклюжее преувеличеніе, что это сатирическій фарсъ. Да, какъ матеріальный и конкретный фактъ—это преувеличеніе, это неправда. Въ сущности, никто тамъ не умираетъ, въ сущности, Монрепо—не усыпальница, а имѣніе, гдѣ живутъ, изъ котораго извлекаютъ доходы.

Но какъ нравственный фактъ переживаемой нами исторической минуты, какъ явленіе нашего современнаго духовнаго міра,—въ этомъ „умираньѣ“ нѣтъ и тѣни преувеличенія, и никакое другое слово не въ силахъ выразить правдивѣе и мѣтче этотъ несомнѣнный, хотя и неосязаемый фактъ нашей общественной стихіи.

Finis Монрепо уже болѣе посвященъ спеціальной темѣ отживанія старыхъ экономическихъ элементовъ, ихъ органической невозможности существовать на ряду съ новорожденными кабацкими и полицейскими элементами, чѣмъ изображенію общаго нравственнаго состоянія нашихъ злополучныхъ культурныхъ людей, нарисованнаго сатирикомъ въ его первыхъ очеркахъ.

„Finis Монрепо!“—это послѣдній крикъ отчаянія уходящаго въ тьму вѣковъ, отжившаго свой собственный вѣкъ стараго нашего помѣщичества, которое въ то же время является, однако, чуть ли не единственною культурною силою въ глазахъ сатирика.

Какъ ни безпощаденъ сатирикъ относительно этого обанкрутившагося культурнаго слоя, какъ ни рѣзки и ни больны его насмѣшки, вы все-таки не можете не чуять въ каждомъ словѣ его, во всемъ тонѣ его отношеній, что именно въ станѣ этихъ побѣжденныхъ нынѣшняго дня, этихъ теперешнихъ жалкихъ неудачниковъ, живетъ тайное сочувствіе сатирика и его инстинктивное ощущеніе своего кровнаго родства съ нимъ.

Сатирикъ видитъ грѣхи и язвы этого стана съ прозорливостью ясновидца, съ негодованіемъ оскорбленнаго собрата; сатирикъ съ безжалостнымъ мужествомъ Брута тащитъ на казнь свою плоть и кровь...

Но, тѣмъ не менѣе, въ этихъ грѣхахъ, въ этомъ несчастіи, въ этомъ безсиліи онъ видитъ все-таки хоть какое-нибудь помазаніе духомъ Божіимъ, все-таки видитъ нѣчто,

стоящее надъ психіею скота, надъ обычаями звѣря, нѣчто такое, чего не разглядишь въ Разуваевѣ и его патронѣ и создателѣ Граціановѣ. *Finis Монрепо*—это смертный приговоръ цѣлой исторической стихіи, задавленной другими новѣйшими, сильнѣйшими.

Наступленіе этого „конца Монрепо" разсказано сатирикомъ съ такимъ художественнымъ мастерствомъ, съ такою глубиною и вѣрностью смысла, съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ, что этотъ послѣдній очеркъ его можетъ смѣло стать на ряду съ самыми лучшими его созданіями.

„Конецъ Монрепо" наступаетъ самъ-собою, естественнымъ теченіемъ вещей, по роковой необходимости. Его никто не подготовляетъ, о немъ никто не заботится, но въ него всѣ непоколебимо вѣруютъ, его всѣ съ увѣренностью ждутъ, и онъ, дѣйствительно, настаетъ.

Онъ не можетъ не быть, и онъ есть...

Его не замѣчаетъ и не предчувствуетъ долѣе другихъ только самъ наивный культурный обитатель Монрепо, все еще по старинѣ надѣющійся на него, не умѣющій мыслить безъ него ни себя ни міра.

Все же, что́ живетъ кругомъ его, все, что́ внутри и внѣ Монрепо, все это давнымъ-давно прониклось единодушнымъ сознаніемъ, что Монрепо кончается, что Монрепо кончится, что Монрепо не можетъ не кончиться.

Для всѣхъ весь вопросъ только въ часѣ: нынче или завтра. Другихъ сомнѣній ни у кого нѣтъ, словно всѣ своими глазами видятъ, что старый дубъ подрубленъ и началъ уже тихо падать на сторону. Упадетъ онъ минутою позже или минутою раньше, аршиномъ правѣе, аршиномъ лѣвѣе—ожиданія разнообразятся только въ этомъ.

И странно, что все происходитъ не только помимо воли владѣтеля Монрепо, но даже положительно вопреки его волѣ и его усиліямъ.

Что касается до него, то онъ вовсе не желаетъ конца Монрепо; онъ готовъ сдѣлать многое, чтобы этого конца вовсе не было; ему самому очень хорошо въ Монрепо, и онъ ни разу даже въ мысляхъ своихъ не думалъ ни уѣзжать изъ него ни продавать его.

А между тѣмъ, онъ съ недоумѣніемъ и ужасомъ убѣждается, что всѣ вокругъ только и ждутъ, когда же это онъ, наконецъ, продастъ Монрепо Разуваеву, на котораго

всѣ и во всемъ уповаютъ, за которымъ однимъ признаютъ законное право на всякое владѣніе и на всякія распоряженія. Разуваевъ совсѣмъ не то, что безпомощный и никому ненужный обитатель Монрепо.

„Ѣдетъ онъ по селу улицей—всѣ шапки снимаютъ; пріѣдетъ въ церковь къ обѣднѣ—станетъ съ супругой впереди у клироса, подтягиваетъ дьячку и любуется на пожертвованное имъ паникадило; послѣ обѣдни подойдетъ къ кресту первымъ послѣ Граціанова и получитъ отъ батюшки заздравную просфору“.

„Всѣмъ съ нимъ повадно, всѣмъ по-себѣ, потому что онъ на всѣ руки: и выпить не дуракъ, и пошутить охочъ, и сплясать можетъ. Поставитъ на голову стаканъ съ пивомъ и спляшетъ. Батюшка сколько разъ мнѣ говорилъ: „Вотъ у Разуваева икру, такъ икру подаютъ,—бѣлужью, настоящую. А однажды изъ города копченую стерлядь привезъ,—даже и до сего часа забыть не могу!“ А матушка, вздохнувъ, прибавляла: „По здѣшнему мѣсту только и полакомиться что у Разуваевыхъ!“ Даже такъ-называемая чернядь и та какъ полоумная сбѣгалась со всѣхъ сторонъ, когда на село пріѣзжалъ Разуваевъ. Потому что онъ вдругъ, того гляди, велитъ пѣсни пѣть и начнетъ въ народъ гривенники на драку бросать!“

„Однимъ словомъ, всѣми онъ былъ любимъ, для всѣхъ желателенъ“.

Разуваевъ вмѣстѣ со всѣми другими былъ проникнутъ вѣрою, что Монрепо должно быть его, и что оно будетъ его.

„Разуваевъ имѣетъ простодушно-наглое убѣжденіе, что стоитъ только помахать у помѣщика подъ нόсомъ ассигнаціей, чтобъ онъ сейчасъ же, отъ одного ассигнаціоннаго запаха, впалъ въ изнеможеніе“.

При такой твердой постановкѣ вопроса, конечно, не долго нужно было ждать бѣдному обитателю Монрепо.

„Въ одно прекрасное утро, признается онъ, я увидѣлъ, что по одной изъ расчищенныхъ для моихъ прогулокъ аллей ходятъ двое мужчинъ, посматриваютъ кругомъ хозяйскимъ глазомъ, мѣряютъ шагами пространство и даже деревья пересчитываютъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, я узналъ въ посѣтителяхъ Разуваева и Граціанова“.

Наступленіе началось...

На другое утро Разуваевъ является къ барину, уже не сомнѣваясь, что дѣло кончено. Онъ ждалъ только собственнаго рѣшенія и ни минуты не задумывался, чтобы его рѣшеніе могло не быть рѣшеніемъ барина. Онъ даже не хочетъ тратить излишнихъ словъ,—до такой степени знаетъ, что́ значитъ для барина одинъ безмолвный видъ денегъ; онъ, просто, вынимаетъ изъ кармана туго набитый бумажникъ и лаконически говоритъ барину:

— Вотъ!

Однако, баринъ на этотъ разъ обижается и прогоняетъ его.

„Разуваевъ, взглянувъ на меня, слегка подбоченился и грустно покачалъ головой.

— Ахъ баринъ, вы, баринъ! Погляжу я на васъ, на баръ, все-то вы артачитесь!"

Разуваевъ, какъ и вообще простой народъ, относится къ барину почти какъ къ малолѣтнему ребенку: немного словно жалѣя, немного дивясь, немного даже потакая его дѣтскимъ вздорамъ, непоколебимо вѣруя, притомъ, въ природное неумѣніе барина сдѣлать что-нибудь и, понятно, что-нибудь настоящее, а не пустяки.

Однако, обидчивость и упрямство не помогаютъ барину. Разуваевъ не одинъ. Разуваевъ—легіонъ. Куда ни обратится, съ кѣмъ ни заговоритъ баринъ, онъ тотчасъ же натыкается на непоколебимую вѣру въ Разуваева, на всеобщее убѣжденіе въ собственной негодности „барина".

Является, напримѣръ, старый крѣпостной слуга, приказчикъ Лукьянычъ, другъ и совѣтникъ.

— Разуваева-то вы вчера прогнали?

— Я его къ себѣ не приглашалъ, а, стало-быть, и отъ себя не прогонялъ. А такъ какъ онъ ворвался къ мнѣ нахаломъ, то, разумѣется, я...

— Про то́-то я и говорю, что прогнали.

У Лукьяныча одинъ совѣтъ—продать Разуваеву, уйти куда подальше, „выстроить домокъ въ препорцію".

— Онъ еще при папенькѣ при вашемъ говорилъ: „Не покупайте, зачѣмъ вамъ!"—нѣтъ, купили.

Заглянетъ баринъ на парники, тамъ садовникъ самымъ откровеннымъ образомъ готовится показать Разуваеву товаръ лицомъ.

Пойдетъ на скотный дворъ,—Матрена-скотница серіозно совѣщается съ нимъ, не зарѣзать ли новую телочку, потому „неужто жъ Разуваеву отдавать? будетъ съ него, толстомясаго, и старыхъ коровъ".

Вотъ работники на сѣновалѣ сѣно переваливаютъ; Лукьянычъ велѣлъ, чтобы гнилое назадъ, а хорошее впередъ.—Да зачѣмъ же? спрашиваетъ баринъ.—„А на случай, ежели, примѣрно, покупатель!" отвѣчаютъ работники.

Въ лѣсу опять то же самое.

— У насъ въ прошломъ году за рѣкой порубочка была, такъ хворостку пошелъ на мѣсто покидать, чтобы покупатель, значитъ...—говорятъ барину его люди.

„Рѣшительно, даже кругомъ меня, и въ домѣ и во дворѣ, все въ заговорѣ. Положимъ, это не злостный заговоръ. Никто въ меня не вѣритъ, никто отъ меня ничего солиднаго не ждетъ. Вотъ Разуваевъ—другое дѣло! Этотъ подтянетъ! Онъ свиной навозъ въ конскій обратитъ! Онъ заставитъ коровъ доиться! Онъ такого пѣтуха предоставитъ, что только куры ахнутъ!“

„Всѣ боятся Разуваева, никто не любитъ его, и въ то же время всѣ сознаютъ, что Разуваева имъ не миновать. Вотъ уже полгода, какъ рабочіе мои предчувствуютъ это и въ моихъ глазахъ самымъ заискивающимъ образомъ снимаютъ шапки передъ нимъ“.

Что всего обиднѣе, всѣ, отъ Лукьяныча до батюшки, Граціанова и самого Разуваева,—всѣ самымъ ласковымъ и и сочувствующимъ тономъ совѣтуютъ „барину“ продать Монрепо, купить „такъ, десятинки двѣ-три не болѣе; домочекъ небольшой, садикъ при немъ, аллейка для прохладности... чисто, аккуратно! а изъ живности курочекъ съ пятокъ... ну, коровка, чтобъ молочко свое было“...

„А то гдѣ жъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, за такой угодой самимъ вездѣ усмотрѣть!“

Всѣ, съ кѣмъ ни встрѣтится, съ кѣмъ ни заговоритъ баринъ, всѣ твердятъ одно: „Десятинки двѣ-три, аллейку для прохладности, курочекъ пяточекъ,—мило, благородно! А то гдѣ же вамъ, въ самомъ дѣлѣ!“

„Неужели же я, въ самомъ дѣлѣ, продаю?—спрашивалъ я себя.—Ежели продаю, то какимъ же образомъ я, какъ-будто, не сознаю этого?“

„Уныло бродилъ я по комнатамъ и отъ времени до времени посматривалъ въ окно, словно желая удостовѣриться, все ли стоитъ на старомъ мѣстѣ и не бѣжало ли къ Разуваеву“.

Между тѣмъ, всеобщая вѣра, что Монрепо уже не принадлежитъ своему владѣльцу, распространяется до того, что всякій посторонній считаетъ себя въ правѣ нѣкоторымъ образомъ наблюдать, не укрываетъ ли или не расхищаетъ владѣлецъ Монрепо какихъ-либо имуществъ.

На свѣтлый праздникъ всѣ сельскіе нотабли посѣтили Монрепо.

„И, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ вглядывались въ обстановку моего дома, точно старались запомнить, гдѣ что стоитъ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

— Обои-то, кажется, новенькіе поставить сбирались?

— Сбирался.

— И купили, сударь?

— Купилъ.

— Такъ-съ. Въ сохранности, стало-быть, лежатъ?

— Лежатъ.

Однимъ словомъ, повидимому начали уже подозрѣвать, не замышляю ли

я, чего добраго, что-нибудь утаить или въ другое мѣсто потихоньку перевезти".

Подъ напоромъ этого всеобщаго убѣжденія въ сознаніи неизбѣжнаго рока, баринъ, наконецъ, и самъ понялъ, что „артачиться" и „хорохориться" долго нельзя, что Монрепо, дѣйствительно, не можетъ принадлежать ему, барину, что оно все равно будетъ принадлежать Разуваеву, и покорно протянулъ руку за его бумажникомъ.

Монрепо кончилось. Баринъ обрѣлъ то давно указываемое ему тихое мѣсто, гдѣ былъ домикъ, аллейка, пять курочекъ, противъ котораго онъ такъ долго и напрасно „артачился"; но и тамъ, однако, первое время было не безъ опасностей и не безъ волненій...

Тамошній начальникъ пріѣхалъ къ нему на новоселье.

„Посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался.

— Такъ вы, говоритъ, къ намъ... совсѣмъ?

— Совсѣмъ, говорю.

— Аттестатъ у васъ есть?

— Вотъ онъ.

Посмотрѣлъ, перелистовалъ: служилъ тамъ-то и тамъ-то, аттестовался способнымъ и достойнымъ, въ походахъ не бывалъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ... Вздохнулъ.

— А знаете ли, говоритъ, я, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совсѣмъ... что такое значитъ?

— Да, просто, значитъ, что къ вамъ совсѣмъ—и больше ничего.

— Помилуйте... что же такое у насъ?.. никто къ намъ... никто никогда... и вдругъ...

— Да, вѣдь, надо же гдѣ-нибудь жить.

— Такъ-то такъ!.. а все-таки... ну, какую вы здѣсь прелесть нашли!.. городишко самый пустой, бѣлаго хлѣба не сыщешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!..

Это было такъ мило, что я не выдержалъ и расцѣловалъ его. И вотъ, съ тѣхъ поръ мы друзья.

Чтобы окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квариру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ выписалъ „Московскія Вѣдомости" и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окно настежь. Приди и виждь!"

Если сатира Щедрина, въ настоящемъ положеніи вещей, представляетъ собою своего рода удовлетвореніе и необходимый выходъ никогда несмолкающей потребности въ самостоятельной мысли, сдавленной гнетомъ исключительныхъ обстоятельствъ, то, все-таки, однако, не въ отрицаніи вреднаго, не въ осмѣяніи нелѣпаго заключается главный протестъ общественной совѣсти противъ всякихъ сквернъ, отъ которыхъ страдаетъ она.

Сатиру Щедрина нельзя не привѣтствовать, какъ возмущенный голосъ человѣческаго достоинства и разума, честно возстающій противъ посягательства на ихъ вѣковѣчныя права,—голосъ почти одинокій и потому тѣмъ болѣе почтенный.

Но сатира Щедрина остается, какъ и слѣдуетъ, въ предѣлахъ сатиры. Она раскрываетъ и бичуетъ грѣхи новѣйшихъ стадій нашей искусственной жизни, но она не указываетъ ни на что положительное, она не зажигаетъ въ груди ничего, кромѣ презрѣнія или ненависти. Во имя чего это презрѣніе и эта ненависть—сатира не разрѣшаетъ; что́ есть свѣтлаго рядомъ съ этими картинами тьмы, куда можно направить свой взоръ ради успокоенія и утѣшенія,—этой задачи сатира не беретъ на себя.

Это—одна изъ задачъ романа и, вообще, художественнаго творчества.

Евгеній Марковъ.

Сатиры Щедрина *).

„Господа Головлевы“.

Среди знаменитыхъ писателей нашихъ, М. Е. Салтыковъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые съ полнымъ правомъ могутъ гордиться своимъ вліяніемъ на общественную мысль. Идя „дорогою свободной“, куда влекъ его „свободный умъ“, онъ не искалъ „восторженныхъ похвалъ“, но онѣ сами пришли къ нему и не будутъ для него только „минутнымъ, преходящимъ шумомъ“.

---

*) Арсенію Ивановичу Введенскому принадлежатъ нѣсколько критическихъ статей о Щедринѣ. Статьи эти напечатаны въ 80-хъ годахъ (1881—1890 гг.) въ различныхъ органахъ нашей печати, а затѣмъ вошли въ его книгу: „Литературныя характеристики“. Спб. 1903 г.

Арсеній Ивановичъ, какъ критикъ, пользуется извѣстнымъ литературнымъ именемъ. Сынъ діакона, А. И. учился въ тверск. духовн. училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи; не кончивъ курса, онъ поступилъ въ Спб. университетъ и отсюда онъ ушелъ раньше окончанія курса. Первое время А. И. служилъ чиновникомъ сначала въ сенатѣ, а потомъ въ государственномъ контролѣ. Литературная дѣятельность А. И. начинается съ 1876 г., когда онъ начинаетъ печатать свои переводы въ научно-популярномъ журналѣ „Знаніе“. Въ 1879 г. А. И. выступаетъ въ „Словѣ“, какъ литературный критикъ, и работаетъ здѣсь до 1880 г. Съ 1881 г. онъ переходитъ въ „Вѣстникъ Европы“, а въ 1886 г. мы встрѣчаемъ его статьи въ „Дѣлѣ“. Въ 1885 г. А. И. работаетъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“; въ 1889 г.—въ „Трудѣ“; въ 1892 г.—въ „Русск. Обозрѣніи“; въ 1890—1892 г.—въ „Историческ. Вѣстн.“, а затѣмъ его имя встрѣчается въ „Странѣ“, „Молвѣ“, „Голосѣ“, „Порядкѣ“, „Русск. Вѣдомост.“ и т. д.

Введенскій придаетъ сатирамъ Щедрина огромное общественное значеніе и высказываетъ вполнѣ справедливую мысль, что наши дѣти будутъ читать эти произведенія какъ художественное дополненіе къ исторіи русскаго общества. За сатирами Щедрина А. И. признаетъ также огромное моральное значеніе, ибо „въ мрачныхъ думахъ сатиры Щедрина, полныхъ скорби и муки, звучитъ призывъ не къ отчаянію, не къ безвѣрію въ будущее, а къ уразумѣнію жизни, къ борьбѣ за все доброе и прекрасное“.

Прим. Н. Денисюка.

Не разъ говорилось, что будущій историкъ нашего времени не минуетъ произведеній Салтыкова, что въ нихъ онъ найдетъ вѣрныя и глубокія характеристики нашего общественнаго быта. Они воскресятъ передъ нимъ рядъ современниковъ нашихъ и засвидѣтельствуютъ о всѣхъ печаляхъ и тягостяхъ, угнетающихъ насъ. Мрачною чередой пройдутъ передъ его глазами „ташкентцы“ и Деруновы и весь этотъ людъ „царюющаго зла“ и народнаго горя, и наша злоба дня встанетъ передъ нимъ во всей своей силѣ. Въ прошломъ нашемъ онъ найдетъ, конечно, причины общественной безурядицы, современной намъ, но будетъ искать отраженія ихъ и въ сатирѣ Щедрина. Онъ, несомнѣнно, будетъ нуждаться въ помощи художника: историческое пониманіе, какъ бы оно сильно ни было, никогда не въ состояніи дойти до той степени силы и рельефности, какъ пониманіе художественное. Историкъ почти только апріорнымъ путемъ можетъ уловить вліяніе прошлаго на настоящее; художникъ можетъ прослѣдить и яркими красками изобразить, проанализировать послѣдовательное измѣненіе жизни, показавши психологическія основы ея. Найдетъ ли историкъ въ произведеніяхъ Салтыкова объясненіе причинъ, по которымъ такъ, а не иначе сложилась наша жизнь, образовались въ обществѣ тѣ, а не другіе характеры? Находимъ ли его и мы, современники автора, для которыхъ, несомнѣнно, оно еще нужнѣе?

За Салтыковымъ утвердилось названіе „знаменитаго сатирика нашего“. Сатира, при всей ея художественности и при могущественномъ вліяніи на читателя, всегда почти бываетъ—да едва ли и можетъ не быть—одностороннимъ изображеніемъ жизни. Рисуя передъ читателемъ уродливый образъ, прямое противорѣчіе идеалу, она прямо имѣетъ въ виду наиболѣе оттѣнить именно уродливыя черты его. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ, и никакія вліянія не могутъ вполнѣ стереть въ немъ глубоко-человѣческихъ чувствъ и помышленій, а только заносятъ ихъ житейскою грязью и всякимъ соромъ себялюбивыхъ побужденій. Человѣкъ можетъ быть испорченъ, но останется все-таки человѣкомъ, и въ глубинѣ душевной, подъ наноснымъ соромъ, въ немъ всегда будетъ жить способность къ лучшимъ движеніямъ человѣческимъ. И если бы не существовало этого основного свойства человѣческаго, если бы, по крайней мѣрѣ, человѣкъ утратилъ вѣру въ него, жизнь потеряла бы всякую

цѣну. Сатира сама обязана своимъ существованіемъ именно этой вѣрѣ въ человѣка, потому что иначе не было бы никакого смысла въ ней: зачѣмъ было бы обращаться къ людямъ, указывать имъ на тѣ уродливости, которыя привила къ нимъ суровая жизненная борьба, если считать ихъ неспособными отозваться на благородный голосъ обличенія? При всемъ томъ, дѣло сатиры—показать только эти уродливости, возбудить отвращеніе къ нимъ, негодованіе. При этомъ способѣ изображенія жизни, многія черты ея ускользаютъ отъ вниманія сатирика и читателя его. Есть другой способъ отрицательнаго отношенія къ жизни—способъ юмористическій. Юмористъ тоже смѣется надъ уродливостями жизни, но смѣется „сквозь слезы", съ чувствомъ не отвращенія къ нимъ, не съ насмѣшкой, а съ глубокимъ сожалѣніемъ попранной человѣческой личности. По самому свойству своего отношенія къ жизни и явленіямъ ея, онъ рисуетъ читателю не однѣ только эти уродливости, а и глубоко-человѣческія свойства, лежащія въ основаніи ихъ, показывающія, что при другихъ условіяхъ, подъ болѣе благодѣтельными вліяніями, они выразились бы не въ этихъ существующихъ уродливыхъ формахъ. Юморъ—это высшій родъ сатиры; онъ не дѣлаетъ изображенія жизни одностороннимъ, онъ захватываетъ все: и внѣшнія формы, и внутреннее содержаніе, и всѣ основы и первыхъ и второго. Очевидно, что пониманіе жизни и причинъ извращенія ея дается въ несравненно большей степени юмористическимъ, чѣмъ сатирическимъ изображеніемъ жизни.

Если несомнѣнно, что многія произведенія г. Салтыкова носятъ характеръ преимущественно сатиры, то, съ другой стороны, также несомнѣнно, что другія его произведенія возвышаются до художественно-юмористическаго объективнаго отраженія жизни. Къ такимъ именно произведеніямъ принадлежатъ *Господа Головлевы*. Салтыковъ въ этомъ произведеніи гораздо болѣе бытописатель нашей жизни, чѣмъ просто сатирикъ. Въ *Господахъ Головлевыхъ* онъ показалъ необыкновенную мощь художественнаго таланта и яркими штрихами очертилъ крупнѣйшія типическія свойства всей нашей жизни.

„Бываютъ семьи,—говоритъ авторъ,—надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особливо это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая, безъ дѣла, безъ связи съ общею жизнью

и безъ правящаго значенія, спачала ютилась подъ защитой крѣпостного права, разсѣянная по лицу земли русской, а нынѣ уже безъ всякой защиты доживаетъ свой вѣкъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача и неудача—все какъ-то слѣпо, не гадано, не думано..."

Кто изъ насъ не знаетъ этихъ семей, составляющихъ, въ сущности, почти всю полуобразованную массу нашей такъ-называемой „интеллигенціи". Анализируя жизнь этихъ семей въ трехъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, авторъ показываетъ, въ чемъ состоитъ „предопредѣленіе". Это—фатальное вырожденіе ихъ.

„Представителямъ ихъ домашніе пенаты съ самой колыбели ничего, повидимому, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго злополучія. Вдругъ... нападаетъ на семью не то невзгода, не то порокъ и начинаетъ со всѣхъ сторонъ ѣсть... точить поколѣніе за поколѣніемъ. Появляются коллекціи слабосильныхъ людишекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ праздпολюбцевъ и, вообще, неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ мельче вырабатываются людишки, пока, наконецъ, на сцену не выходятъ худосочные заморыши... которые, при первомъ же натискѣ жизни, не выдерживаютъ и гибнутъ".

Авторъ указываетъ три характеристическія черты, проходящія черезъ исторію семьи: „праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой". Первыя двѣ приводили съ собой пустословіе, пустомысліе; запой являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ „общей жизненной неурядицы". Очевидно, что всѣ эти черты, всѣ эти свойства сливаются въ одномъ: „праздность"; остальное составляетъ только ея результаты. Праздность, праздность и праздность—вотъ существенное содержаніе этой жизни.

Всѣ эти общія характеристики даетъ намъ авторъ. Посмотримъ теперь, что̀ говорятъ персонажи, выведенные имъ, и ихъ жизнь. Во всѣхъ семи разсказахъ, изъ которыхъ слагается все произведеніе, выдѣляются, встаютъ во весь ростъ передъ читателемъ преимущественно двѣ фигуры: барыни Арины Петровны и любимаго сына ея Порфирія Владимировича—„Іудушки". Въ семейной драмѣ вырожденія и разложенія имъ принадлежитъ первенствующая, дѣятельная роль. Около нихъ группируется цѣлая серія второстепенныхъ лицъ, судьба которыхъ чрезвычайно трагична. Это не злые, напротивъ—очень добрые, очень хорошіе люди, съ прекрасными задатками; у нихъ есть умъ и очень человѣчное сердце. Но куда же все это дѣвается! Вотъ передъ нами старшій братъ Іудушки, Степанъ Головлевъ, нелюбимый сынъ Арины Петровны. Какое воспитаніе послала ему

судьба? У матери его, говоритъ авторъ, „была слишкомъ независимая, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы...“. Постылый „Степка-озорникъ“, умный мальчикъ, съ дѣтскихъ лѣтъ „играетъ роль не то паріи, не то шута“ и становится „Степкой-балбесомъ“. Постоянное приниженіе, въ соединеніи съ праздностью, естественно, даетъ впечатлительному мальчику характеръ рабскій, дѣлаетъ изъ него личность несамостоятельную, легко уступающую всякому вліянію, и, притомъ, совершенно бездѣятельную. Это одна изъ тѣхъ талантливыхъ натуръ, образчики которыхъ авторъ далъ еще въ своихъ *Губернскихъ Очеркахъ* *). Онъ кончилъ курсъ гимназіи, поступилъ въ университетъ, но, встрѣчая и въ школѣ и въ жизни все ту же свою семью, все больше и больше падаетъ. Нелюбовь матери, дававшей ему мало средствъ, развиваетъ въ немъ наклонности и способности не къ самостоятельной жизни и дѣятельности, а къ роли приживальщика. Какъ все это знакомо каждому, видѣвшему близко нашу общественную жизнь! Что говорить о результатахъ такой жизненной подготовки? Они слишкомъ понятны. Первый жизненный толчокъ,—и Степанъ Головлевъ долженъ былъ погибнуть. Такъ все это, разумѣется, и случилось, и авторъ даетъ превосходное описаніе, какъ, шагъ за шагомъ, погибалъ физически, умственно и нравственно этотъ человѣкъ, какъ постепенно изнашивались его голова и сердце. Припомните, читатель, одного изъ славныхъ героевъ нашей беллетристики, г. Обломова. Степанъ Головлевъ именно и есть Обломовъ, только менѣе выгодно поставленный въ жизни. Если бы у почтеннаго Ильи Ильича была не такая чадолюбивая маменька да былъ бы еще братецъ Іудушка, ему пришлось бы свести счеты съ жизнью гораздо раньше квартирки на Петербургской сторонѣ, со сверкающими локотками хозяюшки-чиновницы.

Намъ не нужно говорить ни объ отцѣ Іудушки, ни о другомъ братѣ его, Павлѣ, ни о племянницахъ; это—все тѣ же „Степки-балбесы“ съ очень небольшими видоизмѣненіями въ характерѣ, а, главное, въ жизненной обстановкѣ. Павелъ Головлевъ кончаетъ совершенно такъ же, какъ и

---

*) *Талантливыя натуры*: Корепановъ, Лузгинъ, Буеракинъ, Горехвастовъ. *Н. Д.*

Степанъ; онъ только протянулъ дольше, благодаря тому, что былъ не настолько нелюбимъ „маменькой". Но вся его жизнь проходитъ подъ тѣми же вліяніями. Естественно, всѣ они, а позднѣе и племянницы Іудушки, бѣгутъ изъ родного, но „мертваго" дома; жизнь принимаетъ всѣхъ ихъ въ свои холодныя объятія и доламываетъ. Мы намѣренно говоримъ это о жизни. Посмотрите, кого встрѣчаютъ всѣ наши герои внѣ своего „мертваго" дома? Все это или такіе же Степки-балбесы, или Іудушки съ „милымъ другомъ маменькой". Ни одинъ изъ нашихъ героевъ не встрѣчаетъ ни поддержки, ни участія, ни нравственнаго вліянія; все кругомъ темно и безразсвѣтно, и нѣтъ имъ выхода, кромѣ какъ воротиться домой, туда же, гдѣ поколѣніе за поколѣніемъ ждало своего „умертвія", или же выйти въ станъ „ликующихъ, обагряющихъ руки въ крови" и пр., но и туда путь закрытъ имъ соперниками, представителями болѣе „удачныхъ" семей, которые, по выраженію автора, „начинаютъ искательствомъ и кончаютъ предательствомъ", и примѣры которыхъ мы видимъ въ другихъ произведеніяхъ нашего автора. Не будь этого дома, куда можно имъ воротиться, судьба вывела бы ихъ, можетъ-быть, на тотъ путь, что зовется „Владимиркой", или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Іудушка и „милый другъ маменька"—дѣятельные члены семьи. Оба они—„хозяева-пріобрѣтатели". Они умѣли хлопотать, дѣятельно устраивали свои дѣла, и къ чему же пришли? Только къ сознанію ненужности своей дѣятельности, къ пустотѣ. Іудушка показалъ собственнымъ примѣромъ маменькѣ, чѣмъ она была по отношенію къ другимъ, и она умерла въ полномъ сознаніи ненавистности дѣла всей своей жизни. Іудушкѣ тоже, въ концѣ-концовъ, пришлось убѣдиться въ томъ же и понять, но уже поздно, что жизнью должно быть нѣчто совершенно другое, не то, чѣмъ онъ считалъ ее; онъ понялъ все свое безсердечіе, припомнилъ жертвы его, но поздно, слишкомъ поздно. Авторъ съ большой художественной проницательностью намѣчаетъ главнѣйшіе моменты психической жизни героевъ, постепенные переходы ихъ къ сознанію губительности ихъ жизни. Какимъ же образомъ создалась эта неудачная жизнь ихъ? На Іудушкѣ, любимцѣ матери, мы видимъ примѣръ ея вліянія, вліянія ея пріобрѣтательской дѣятельности и той вѣковой морали, примѣръ вліянія которой мы видимъ на Чичиковѣ.

Помните ли, читатель, эти наставленія, которыя выслушивалъ герой „Мертвыхъ Душъ“ и которыя запали въ его душу: послушествуй старшимъ и пр.? Іудушка вышелъ въ жизнь именно съ такимъ запасомъ практическихъ сентенцій, которыя и сложились въ немъ въ то, что авторъ называетъ пустословіемъ и пустомысліемъ. Судьба Іудушки должна была, очевидно, сложиться именно такъ, какъ показываетъ намъ авторъ. Оставшись одинокимъ и видя кругомъ себя только ненависть, онъ долженъ былъ, въ концѣ-концовъ, притти къ тяжелому сознанію, покаравшему его...

Персонажи произведенія г. Салтыкова, очевидно, старые знакомые наши, но только явившіеся въ новомъ освѣщеніи и въ новой обстановкѣ. Изъ одной и той же семьи авторъ выводитъ и Обломовыхъ и Чичиковыхъ, только менѣе удачныхъ,—настоящихъ нужно искать среди представителей болѣе „удачныхъ“ семей. Въ этомъ сказалось, по нашему мнѣнію, глубокое пониманіе нашей жизни. Эти два первенствующіе типа, дѣйствительно, представляютъ только результаты однихъ и тѣхъ же жизненныхъ вліяній на различныя натуры, или же даже и на одинаковыя натуры, но находящіяся въ различныхъ положеніяхъ. Что же это за вліянія? спроситъ читатель. Но посмотрите кругомъ, и вамъ все станетъ понятнымъ. Вы видите общество мятущееся, стремящееся найти выходъ изъ вѣковой безпомощности. Все въ немъ разъединено, потому что каждому приходится беречь себя, а въ каждомъ другомъ, онъ не знаетъ—видѣть ли друга или врага. Вы не слышите въ немъ живого слова. Среди этого хаоса представьте добрую натуру, не знающую выхода, да и привыкшую къ безпечному существованію на счетъ другихъ. Куда итти такому человѣку?.. Но какое обширное поприще для Чичиковыхъ!.. Настанетъ время— выяснятся задачи каждаго человѣка; усилится образованіе; слабые лѣниво, но примутся за дѣло,—иначе будетъ нельзя жить; сильные станутъ ихъ руководителями; общество будетъ становиться дѣятельнѣе, и наши потомки уже не будутъ знать печальной судьбы предковъ, испорченныхъ вѣковою жизнью на счетъ народнаго труда.

(1880 г.)

А. И. Введенскій.

Щедринъ во Франціи [1]).

*) Глава щедринскаго разсказа *За рубежомъ*, напечатанная въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе двумя особенно выдающимися чертами. Во-первыхъ, Щедринъ въ характеристикѣ иноземной жизни оказывается такою же силой, какъ и въ вопросахъ жизни родной, изученной имъ „отъ темени до пятъ“: въ каждомъ вопросѣ онъ попадаетъ въ самую его суть и, кромѣ того, въ мало, сравнительно, знакомой ему западно-европейской жизни откапываетъ и указываетъ такія существенныя черты, которыя весьма значительно могутъ повліять на сложившіяся у насъ представленія о тамошнихъ взглядахъ и отношеніяхъ; указываетъ такія черты, о которыхъ мало до сихъ поръ говорилось у насъ. Во-вторыхъ, о чемъ бы ни говорилъ Щедринъ, касающемся Запада, онъ ни на минуту не можетъ забыть свои родныя отношенія и хоть въ двухъ-трехъ коротенькихъ фразахъ, а проведетъ-таки аналогію, неожиданность и яркость которой неотра-

---

[1]) „Кіевлянинъ“, 1881 г., № 58.

*) „Кіевлянинъ“ сталъ издаваться въ тревожный для края 1864 г. Сначала газета выходила три раза въ недѣлю, а съ конца 1879 г.—ежедневно. „Кіевлянинъ“ основанъ кіевскимъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Вит. Яковл. Шульгинымъ. По своимъ убѣжденіямъ покойный Шульгинъ былъ крайній консерваторъ. Отсюда понятно, что и газета получила то же направленіе, изобличая „польскую интригу“, украинскій „сепаратизмъ“, стремленіе снова возстановить „зруйнованную“ Запорожскую Сѣчь и т. д. Постояннымъ сотрудникомъ газеты былъ проф. Д. И. Пихно, который и занялъ послѣ смерти Шульгина (1878 г.) его мѣсто. Д. И. Пихно повелъ газету все въ томъ же консервативномъ духѣ, въ коемъ она пребываетъ и по сей день. Этимъ, конечно, объясняется то обстоятельство, что за газетой не числилось никогда никакихъ офиціальныхъ каръ въ видѣ предостереженій и хотя три раза она и лишалась розничной продажи, но „милые бранятся—только тѣшатся“. *Прим. Н. Денисюка.*

зимо дѣйствуютъ на читателя. Щедринъ начинаетъ главу съ воспоминаній о томъ значеніи, которое имѣла умственная и политическая жизнь Франціи для нашего болѣе развитого общества сороковыхъ годовъ; онъ оговаривается, впрочемъ, что разумѣетъ преимущественно тогдашнихъ „западниковъ". Въ Россіи

„мы существовали лишь фактически, или, какъ въ то время говорилось, имѣли „образъ жизни"; всѣ помыслы и надежды были во Франціи; конечно, не во Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а во Франціи Сенъ-Симона, Луи-Блана и Жоржъ-Занда".

Грянула Крымская война. Сознали несостоятельность девиза: „Не твое дѣло". Но наступившая затѣмъ оргія хищенія заставила снова всѣхъ сжаться. Послѣ войны стало легче. Но Франція не представляла уже той привлекательности. 1870 г. оживилъ симпатіи къ ней. Въ 1875 году сатирикъ въ первый разъ посѣтилъ Францію, которую не безъ основанія называли тогда Макмагоніей, „то-есть страной капраловъ, стоящихъ на стражѣ престола-отечества въ ожиданіи Бурбона". Первыя впечатлѣнія были неблагопріятны. Сатирика раздражали капральскіе окрики.

„Ни медленности ни проволочекъ не допускалось; ни полъ, ни возрастъ, ни недуги—ничто не принималось въ оправданіе. Капралъ дѣйствовалъ съ полнымъ неразуміемъ и держалъ себя тупо, неумолимо. Это былъ капралъ наполеоновскаго пошиба (à peigne), немыслимый ни въ какой другой странѣ. Русскій капралъ непремѣнно началъ бы калякать, объяснять, что онъ тутъ не при чемъ, а во всемъ виновато начальство. Нѣмецкій капралъ принялъ бы талеръ и уронилъ бы благодарную слезу. Одинъ французскій капралъ-бонапартистъ въ состояніи таращить глаза какъ идолъ, и ничего другого не выказывать, кромѣ наклонности къ жестокому обращенію".

Но Парижъ успокоилъ сатирика. Не мало страницъ посвящаетъ онъ описанію впечатлѣнія, производимаго этимъ „веселымъ" городомъ. Здѣсь постоянно „тянетъ на улицу". Шумная, живая и впечатлительная толпа овладѣваетъ человѣкомъ. Этотъ чудный городъ, въ которомъ все такъ пропорціонально, такъ гармонично, такъ хорошо соображено—покоряетъ себѣ и веселитъ даже такого ипохондрика, какъ нашъ сатирикъ. Массу юмора и наблюдательности обнаруживаетъ Щедринъ въ разговорахъ своихъ съ французами о характернѣйшихъ явленіяхъ французской и нашей родной жизни. Не мало мѣткихъ замѣчаній разбросано у него на каждой страницѣ. Для примѣра приведемъ вскользь брошенныя имъ мысли, высказанныя по поводу слышанныхъ имъ рѣчей въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ.

„...Истинные ораторы, такіе, которые зажигаютъ сердца человѣковъ, могутъ появляться только въ такихъ странахъ, гдѣ долго существовалъ извѣстнаго рода гнетъ, какъ, напримѣръ: рабство, диктатура, канцелярская тайна, ссылка въ мѣста не столь отдаленныя (а отчего же, впрочемъ, и не въ отдаленныя?) и прочее. Подъ давленіемъ этого быта въ сердцахъ накапливается раздраженіе, горечь и страстное стремленіе прорвать плотину поскудства, опутывающаго жизнь. Не было во Франціи ораторовъ. И вдругъ... Мирабо! А за нимъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались Дантонъ, Сенъ-Жюстъ, Камиль-Дюмуленъ, Верньо“...

Не мало страницъ посвящено Щедринымъ характеристикѣ французской буржуазіи, забравшей почти ничѣмъ неограниченное господство надъ всѣми сторонами и проявленіями теперешней французской жизни. Матеріальное благосостояніе буржуа, близкое къ тому, что его „начинаетъ уже распирать отъ сытости“, является вліятельнѣйшимъ факторомъ общественной и политической жизни страны. На всемъ отразилось оно: на взглядахъ и идеалахъ внѣшней политики, на отношеніяхъ къ рабочимъ классамъ, на степени подвижности въ воспріятіи тѣхъ или другихъ идей, на вкусахъ въ сферѣ искусствъ и прочее и прочее. Литература, само собою разумѣется, всего болѣе отражаетъ въ себѣ тоны, на чемъ чаще останавливается мысль буржуа; она занимается тѣмъ, куда летятъ его фантазіи.

„Традиція, въ силу которой главная привлекательность жизни, по преимуществу, сосредоточивается на борьбѣ и отысканіи новыхъ горизонтовъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше теряетъ кредитъ. Буржуа ищетъ не волненій, а спокойствія, легкаго уразумѣнія и во всемъ благого поспѣшенія. Въ дѣлѣ религіи онъ заявляетъ претензію, чтобы Богъ, безо всякихъ съ его стороны усилій, motu proprio [1]), посылалъ ангеловъ Своихъ для охраны его. Въ дѣлѣ науки онъ цѣнитъ только прикладныя знанія...“— „...Въ дѣлѣ публицистики онъ любитъ газетныя строчки, въ которыхъ коротенько излагается, съ кѣмъ наканунѣ завтракалъ Гамбета, какія титулованныя особы удостоили посѣщеніемъ своимъ Парижъ...“—„... Въ дѣлѣ беллетристики онъ—противникъ всякихъ психологическихъ усложненій и анализовъ и требуетъ отъ автора, чтобъ онъ безъ отвлеченныхъ околичностей, но съ возможно большимъ разнообразіемъ „особыхъ примѣтъ“ объяснялъ ему, какимъ тѣломъ обладаетъ героиня романа, съ кѣмъ и когда и при какихъ обстоятельствахъ совершила она первый и послѣдній адюльтеры. Литература служитъ такимъ вкусамъ буржуа“...

Покровомъ, скрывающимъ такое служеніе, является теперешняя реалистическая доктрина. Мы, русскіе, въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ французы, реалисты въ нашей литературѣ. Но нашъ реализмъ совсѣмъ другого сорта. Мы изучаемъ

---

[1]) По собственному побужденію.

всего человѣка, „со всѣмъ разнообразіемъ его опредѣленій и дѣйствительности", со всѣми его чертами, идеями, склонностями, привычками. Французъ-буржуа интересуется, главнымъ образомъ, любовными приключеніями и торсомъ. Литература, ему служащая, въ этой только области и является реалистическою. Покуда Зола́ не сосредоточился въ этой области—онъ успѣха не имѣлъ. Зола́ все же талантъ, и это признаетъ Щедринъ. Но въ реалисты записались теперь невообразимыя бездарности, преуспѣвающія только тѣмъ, что сводятъ романъ до порнографіи. Дѣлая характеристику французскаго буржуа, Щедринъ, быть-можетъ, слишкомъ обобщилъ явленіе; онъ упустилъ изъ виду, что не вся Франція занята теперь культомъ Мамоны и Ваала,—и теперь въ ней много борцовъ за идею и тружениковъ ради блага всего человѣчества, но эти лица оттерты на второй планъ; хоть ими все же, главнымъ образомъ, живетъ и нравственно растетъ нація, но буржуазія, откормленная и ни о чемъ, кромѣ корма, не думающая, заполнила самыя видныя мѣста. Вотъ почему описаніе и характеристика Щедрина, будучи поразительно яркою и вѣрною по отношенію къ внѣшнему виду современной Франціи, едва ли можетъ дать истинное понятіе о складѣ жизни *всего* народа, о той діагонали, по которой движется нація, увлекаемая въ разныя стороны нѣсколькими другъ-другу противодѣйствующими силами.

Е. К.

Сатира г. Салтыкова „Чужой толкъ“ [1]).

Въ декабрьской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за минувшій годъ появилась сатира г. Салтыкова: *Чужой толкъ.* Авторъ въ примѣчаніи къ этой сатирѣ объясняетъ, что она была написана въ 1877 году, но, по обстоятельствамъ, не могла быть напечатана въ то время. Этого было достаточно, чтобы наши жиденькіе либералы всѣхъ ранговъ и сортовъ тотчасъ же узрѣли въ сатирѣ, три года хранившейся подъ-спудомъ, великую, глубокую и необычайно либеральную штуку и тотчасъ превознесли ее на всѣ лады. Помилуйте, сатира была *недозволена*, это, вѣдь, уже несомнѣнный патентъ на ея высокое либеральное значеніе. И вотъ, различные блюдолизы либеральныхъ поскребковъ г. Салтыкова начали трубить вездѣ и всюду, что это такая вещь, такая вещь, просто пальчики оближешь!.. А эта вещь, если говорить безъ всякихъ рабьихъ восторговъ отъ глубины либерализма г. Салтыкова, попросту, фельетонъ довольно скучный, лишенный остроумія—во-первыхъ; очень скромный въ смыслѣ сатирическаго отрицанія—во-вторыхъ; достаточно фальшивый и лицемѣрный—въ-третьихъ. Начинается фельетонъ тѣмъ, что сатирикъ (или лицо, имъ выставляемое въ качествѣ представителя его настроенія) разводитъ нѣкоторую меланхолическую рацею. Смыслъ рацеи таковъ: въ гнусное время, когда разные „проходимцы и негодяи“ совершали „вакханаліи хищничества“, онъ, сатирикъ, только тосковалъ, разводилъ разговоры и граждански стыдился. Рацеи подобнаго рода и въ предыдущихъ произведеніяхъ г. Салтыкова разводились неоднократно и были одобряемы и дозволяемы, какъ совершенно невинныя и даже милыя quasi-гражданскія манипуляціи грустящаго о вчерашнемъ днѣ либерализма сороковыхъ годовъ. Вслѣдъ за рацеей, служащей скучнымъ вступленіемъ, введенъ разсказъ о случаѣ съ нѣкіимъ юно-

---

[1]) „Новое Время“, 1881 г., № 1762. (См. выпускъ II-й, стран. 61.)

шей, сыномъ А. С. Молчалина. Этотъ юноша, принадлежащій къ числу самыхъ современныхъ, за какое-то „взбунтованіе гимназистки“ подвергся внезапному аресту и былъ освобожденъ только по усиленному ходатайству его благонамѣреннаго папеньки. Папенька юноши проситъ сатирика „поговорить“ послѣднему насчетъ его юношескихъ увлеченій, подвергшихъ юношу хотя краткому, но все-таки сильно встревожившему папеньку аресту. Происходитъ сцена, которую я приведу во всей ея неприкосновенности:

Въ эту минуту Павелъ Алексѣичъ вошелъ въ кабинетъ. Онъ значительно возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ я его въ первый разъ видѣлъ, но въ манерахъ его замѣчалась прежняя юношеская застѣнчивость и какъ бы угловатость. Онъ поздоровался съ отцомъ, протянулъ мнѣ руку и хотѣлъ, было, немедленно удалиться; однако, Алексѣй Степанычъ остановилъ.—Небось—на совѣщаніи былъ?—спросилъ онъ его.—„Ходилъ къ одному товарищу“.—„Правительственный Вѣстникъ“ вдвоемъ критиковали? Господина Черняева съ Гарибальди сравнивали?—„Нѣтъ, этого мы не дѣлали“. Молодой человѣкъ вновь сдѣлалъ движеніе, чтобъ удалиться.—Что́ же вы дѣлали? Сядь, посиди съ нами! довольно за утро съ молодыми наговорился—можно и со старшими посидѣть.—Павелъ Алексѣичъ, не говоря ни слова, сѣлъ нѣсколько поо́даль и закурилъ папиросу.—А мы сейчасъ тоже о современномъ этомъ направленіи говорили. Я порицаю, а вотъ онъ (Алексѣй Степанычъ назвалъ меня по имени и по отчеству), извинить, говоритъ, надо!—Павелъ Алексѣичъ продолжалъ молчать, но я замѣтилъ, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ такое движеніе рукой, словно обмахнулся.—„Позвольте, Алексѣй Степанычъ,—вступился я,—я не совсѣмъ такъ говорилъ. Я говорилъ, что молодые люди увлекаются, что увлеченіе свойственно этому возрасту! Вотъ что я говорилъ! А извинять или не извинять—это совсѣмъ другой вопросъ! Я разсматривалъ, я взвѣшивалъ... пожалуй, даже констатировалъ, но не считалъ себя въ правѣ ни обсуждать, ни, тѣмъ менѣе, извинять. Помилуйте! Это не мое дѣло!“ Странная вещь! въ сущности, я ничего подобнаго не говорилъ, но въ эту минуту мнѣ до того ясно представилось, что я именно говорилъ то самое, что даже угрызеній совѣсти не чувствовалось. А внутри такъ и подмывало: пожури да пожури!—А по-моему, такъ это именно и значитъ „извинять“... „Увлекаются“—что́ жъ это, какъ не извиненіе?—разсудилъ Алексѣй Степанычъ.—„Нѣтъ, это не то-съ! Я не извиняю и не осуждаю, а, просто, говорю... Но и тутъ опять: я не только не считаю своего мнѣнія обязательнымъ, но даже высказать его рѣшусь лишь въ такомъ случаѣ, когда буду имѣть увѣренность, что оно можетъ кого-нибудь интересовать“.—Я взглянулъ на Павла Алексѣича, въ чаяніи, не поощритъ ли онъ меня къ дальнѣйшимъ развитіямъ, но увы! онъ опять обмахнулся—и только. Зато Алексѣй Степанычъ поощрилъ меня.—Отчего же не высказаться?—сказалъ онъ:—ваше мнѣніе для всякаго, сударь, интересно!—Но я рѣшился не вдругъ. Съ одной стороны, внутренній голосъ подсказывалъ: пожури! съ другой—думалось: а ну какъ изъ этой журьбы что-нибудь въ родѣ: „Ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ“ выйдетъ?—„Не такъ!—сорвалось у меня, наконецъ,—совсѣмъ не это намъ нужно“. Сказалъ я это, но

обычное хворое двогласіе и тутъ не оставило меня. Кому „намъ“? объ комъ ты разглагольствуешь? Можетъ-быть, на этомъ и прервалась бы моя „журьба“, если бъ Алексѣй Степанычъ не подстрекнулъ меня.—Вотъ-вотъ-вотъ! Это же самое и я ему говорю!—вмѣшался онъ.—Никогда, говорю, не бывало, чтобъ яйца курицу учили! и за границей этого нѣтъ, а у насъ—и подавно! Слѣдственно, коли ежели старшіе говорятъ: погоди! -значитъ, такъ ты и долженъ сообразоваться! Язычокъ-то на привязи держать, да уважать старшихъ, да расположенность ихъ стараться снискать... такъ ли я говорю?—„Нѣтъ, я не объ томъ! Я вообще говорю: не такъ! Не то намъ нужно!“ Должно-быть, двукратное повтореніе одной и той же формулы повліяло на Павла Алексѣича раздражительно, потому что онъ не выдержалъ.—Позвольте! что же собственно нужно вамъ?—спросилъ онъ довольно, впрочемъ, спокойно.—„Выше лба уши не растутъ—вотъ что памятовать нужно!—формулировалъ, наконецъ, я,—и сообразно съ симъ поступать!“—Но, вѣдь, это то же самое, что „яйца курицу не учатъ“!—„Нѣтъ-съ не то! то-есть, коли хотите, оно и то, да не то! Въ предположеніи Алексѣя Степаныча, яйца должны навсегда остаться яйцами. Я же говорю: вотъ яйца, изъ которыхъ со временемъ нѣчто должно вылупиться! Но прежде—и вотъ гдѣ разница между мною и вами, молодой человѣкъ!—прежде, говорю я... вылупитесь, господа!“ Я сказалъ это горячо и съ убѣжденіемъ; даже старческая слеза выступила. Господи! да, вѣдь, тутъ ужъ цѣлый планъ: сперва вылупитесь, потомъ подрастите, потомъ осмотритесь, а тамъ что Богъ дастъ!—„Да-съ, это не то!—продолжалъ я.—Я самъ былъ молодъ, самъ увлекался... знаю! Молодость великодушна, но, извините меня—неразсудительна! Она не хочетъ понимать, что всякое общество есть союзъ, заключенный во имя совершившихся фактовъ и упроченныхъ интересовъ. Что безнаказанно колебать подобные союзы нельзя! Что ежели, наконецъ, и не невозможно къ нимъ прикасаться, то прикосновеніе это можетъ быть допущено лишь съ величайшею осторожностью и крайнимъ благоразуміемъ!“—Съ подходцемъ, мой другъ, съ подходцемъ,—подтвердилъ и Алексѣй Степанычъ. Я былъ въ ударѣ и хотѣлъ сказать многое. Даже цѣлую картину сбирался нарисовать, какъ оно катится и, словно снѣжный комъ, нарастаетъ и нарастаетъ... Само катится, милостивые государи, и само нарастаетъ... Само! Но послѣднее замѣчаніе старика Молчалина какъ-то разомъ подкосило меня. Увы! Алексѣй Степанычъ былъ неумолимъ! Онъ не только подавалъ руку помощи, но еще комментировалъ, выводилъ на свѣжую воду. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не одно и то же мы говорили? Сначала онъ сказалъ: вотъ онъ извиняетъ, а я возразилъ: нѣтъ, я не извиняю, а только думаю, что молодости свойственно увлекаться. Потомъ онъ свелъ разговоръ на тему: „курицу яйца не учатъ“, а я возразилъ: нѣтъ и это не такъ, а вотъ какъ: „уши выше лба не растутъ“! Наконецъ, я сказалъ: къ совершившимся фактамъ слѣдуетъ прикасаться съ осторожностью, а онъ прибавилъ: съ подходцемъ!.. Неужто же мы единомышленники? Неужто я—онъ, а онъ—я? Я смотрѣлъ во всѣ глаза и не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Алексѣй Степанычъ, перегнувшись въ креслѣ, болталъ руками между колѣнъ и, благодушно покачиваясь, приговаривалъ: „Да, братъ, съ подходцемъ—а ты думалъ, какъ?“ „Молодой человѣкъ“ покуривалъ папироску и совершенно безучастно смотрѣлъ въ окно. Такая скука была написана на лицѣ его, что я сразу понялъ, какое дѣйствіе произвела на него моя журьба.

Это дѣйствіе формулировалось словами: вотъ-вотъ сейчасъ будетъ: „Звѣзда же отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“—и конецъ разглагольствованію. Наконецъ, онъ не выдержалъ и всталъ.—Я, папенька, пойду,—сказалъ онъ:—наши ужъ отъ обѣдни пришли.—Мы опять остались одни со старикомъ Молчалинымъ. Алексѣй Степанычъ имѣлъ такой видъ, какъ-будто сейчасъ проснулся. Очевидно, и онъ не ждалъ, что такъ выйдетъ. Можетъ-быть, онъ думалъ, что я представленіе дамъ: возьму шляпу, сперва покажу ея внутренность: пусто?—а потомъ въ ней окажется яичница, или живой голубь, или букетъ цвѣтовъ. А оказалось, что я почти то же сказалъ, что и отецъ Николай, что и всѣ мы, отживающіе люди, говоримъ, когда нелегкая наталкиваетъ насъ на разговоръ“.

Вы видите, въ чемъ дѣло, читатель: послѣдняя фраза сатирика объясняетъ его. Не только А. С. Молчалины, но и, вообще, либералы, не имѣющіе счастія принадлежать къ новому поколѣнію, хотя и проникнутые чувствомъ гражданскаго стыда и гражданской молчаливости во времена усѣканій и сквернословій—даже и эти люди должны сказать пасъ передъ юными Павлами Алексѣичами Молчалиными, попадающими подъ арестъ за взбунтованіе гимназистокъ. Какая либеральная и восхитительная идея сатиры, восхитительная для всѣхъ сыновъ молодого поколѣнія и для всѣхъ ихъ пошлыхъ льстецовъ въ возрастѣ уже преклонномъ и въ возрастѣ солидномъ. Г. Салтыкову, маститому, такъ-сказать, либералу, равно какъ и всѣмъ другимъ либераламъ, еще не маститымъ, но уже вышедшимъ изъ счастливаго и единственно прогрессивнаго юношескаго возраста,—всѣмъ этимъ господамъ, видите ли, *нечего сказать* отъ себя сынамъ молодого поколѣнія, бунтующимъ гимназисткамъ; все, что они ни скажутъ, какъ бы это ни было снисходительно, благоразумно и гуманно—все это будетъ отзываться пошлою молчалинскою осторожностью и благонамѣренностью — не болѣе. Сыны молодого поколѣнія, бунтующіе гимназистокъ, такъ высоко переросли сыновъ предшествующихъ поколѣній, что даже и разговаривать-то первымъ со вторыми нечего: остается только презрительно отмахиваться. Благородный и либеральный сатирикъ своевременно желалъ преподнести эту великую „идею“ юношамъ, и какая жалость, что „обстоятельства“ его остановили: тогда фельетонная идейка его сатиры была бы въ десять разъ ощутительнѣе; тогда юноши купно съ разной лицемѣрно-либеральною литературною тлею, въ родѣ Гр. Градовскихъ и Песковскихъ *), рукоплескали бы сатирику

*) Извѣстные публицисты либеральн. направленія, работавшіе въ 70-хъ гг.

вдвое больше, чѣмъ теперь. Богъ мой, неужели г. Салтыковъ, по его словамъ, до невѣроятной тонкости развившій въ себѣ гражданскую стыдливость и „опрятность чувствъ", неужели онъ до такой степени слабъ къ подобнаго рода мелкой популярности, что готовъ принести въ жертву ей даже свое умственное достоинство, готовъ либераловъ, себѣ подобныхъ, выставлять передъ сынами новаго поколѣнія почти въ идіотической и, во всякомъ случаѣ, смѣшной роли. И все это изъ-за того только, чтобы молодое поколѣніе, которому сатирикъ любезно дѣлаетъ ручкой, съ своей стороны, привѣтствовало его рукоплесканіями! Дешево же продаетъ себя и всѣхъ маститыхъ и солидныхъ либераловъ г. Салтыковъ! А вѣдь, если бы онъ былъ болѣе искрененъ и менѣе склоненъ къ популярности, добытой либеральнымъ лицемѣріемъ, онъ могъ бы сказать сынамъ молодого поколѣнія по поводу ихъ увлеченій совсѣмъ не то, что говоритъ герой его сатиры, и къ сказанному имъ сыны молодого поколѣнія могли бы прислушаться не безъ пользы для себя. Г. Салтыковъ недоумѣваетъ, можетъ-быть, что же такое „честное" и, вмѣстѣ съ этимъ, нельстивое, непотворствующее могъ бы онъ сказать юношамъ, попадающимъ подъ арестъ? Я выведу его изъ недоумѣнія, напомнивъ одинъ подходящій примѣръ. Это было въ шестидесятыхъ годахъ. Тогда былъ писатель и даже, коли хотите, сатирикъ, гораздо болѣе радикальный, энергичный и опредѣленный, чѣмъ г. Щедринъ, гораздо болѣе принесшій русскому обществу пользы своимъ отрицаніемъ. Къ этому писателю тогдашніе сыны молодого поколѣнія изъ категоріи рутинныхъ террористовъ, не видящихъ ничего дальше своего носа, обратились съ упрекомъ, что онъ относится скептически къ насильственнымъ переворотамъ, что онъ потерялъ въ нихъ вѣру. На этотъ упрекъ сынамъ юнаго поколѣнія было отвѣчено вотъ что: „Выкликать насильственные перевороты въ началѣ рабочаго дня, не сдѣлавъ ни одного усилія, не истощивъ никакихъ средствъ, останавливаться на нихъ съ предпочтеніемъ—*такъ же молодо и незрѣло, какъ неразсчетливо и вредно пугать ими.* Терроръ революцій, со своею грозною обстановкой и эшафотами, нравится юношамъ, такъ же какъ терроръ сказокъ, со своими чародѣями и чудовищами, нравится дѣтямъ. *Терроръ легокъ и быстръ, гораздо легче труда*, „гнетъ—не паритъ, сломитъ—не тужитъ", освобождаетъ деспотизмъ,

убѣждаетъ гильотиной. Терроръ даетъ волю страстямъ, очищая ихъ общею пользой и отсутствіемъ личныхъ видовъ. Оттого-то онъ и нравится больше, чѣмъ *самообузданіе въ пользу дѣла*". За этими словами слѣдуетъ разъясненіе своевременнаго значенія французскаго террора девяностыхъ годовъ и доказательство невозможности его повторенія, гдѣ бы то ни было и особенно у насъ; разъясненіе это заканчивается слѣдующею великою истиною, которую, мимоходомъ сказать, до сихъ поръ не хотятъ понять ни сыны новаго поколѣнія, ни подкуривающіе имъ подъ рукой либеральные фарисеи: *Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ.* Заканчивается эта честная и мужественная рѣчь совѣтомъ сынамъ тогдашняго молодого поколѣнія „оставить революціонную риторику и заняться дѣломъ". Приведенную цитату г. Салтыковъ можетъ прочитать въ „Колоколѣ" (1862 г., № 141), и она принадлежитъ покойному Герцену. Конечно, нашему сатирику, развившему въ себѣ такую гражданскую стыдливость и опрятность чувствъ, далеко до гражданскаго мужества, ума и образованія Герцена; но, все-таки, вѣдь, и онъ могъ бы попробовать сказать что-нибудь подобное сынамъ теперешняго поколѣнія. Тогда, быть-можетъ, сыны эти не стали бы отъ него презрительно отмахиваться, и А. С. Молчалинъ не нашелъ бы въ его рѣчахъ свои молчалинскія идеи. Но г. Салтыковъ ничего подобнаго, конечно, не осмѣлится сказать, ибо популярность среди школьниковъ и либеральныхъ фарисеевъ для него дороже всего—дороже правды, дороже участи сыновъ новаго поколѣнія, дороже кровныхъ интересовъ того общества, которое онъ думаетъ поучать и бичевать. И вотъ, оттого-то онъ легкомысленъ въ нѣкоторыхъ своихъ сатирахъ, по крайней мѣрѣ, несмотря на весь свой огромный талантъ, который, казалось, давалъ бы ему великое право относиться ко всѣмъ партіямъ независимо и стоять несравненно выше ихъ, приходится по плечу такимъ крохотнымъ, пустозвоннымъ и рутиннымъ либеральчикамъ, какъ г. Евгеній Исакіевичъ Утинъ и ему подобные граждане, пристраивающіеся къ „благороднымъ" идеямъ такъ же ловко, какъ и къ толстымъ кошелькамъ.

В. Буренинъ.

„За рубежомъ“, Н. Щедрина [1]).

„Отечественныя Записки“, 1881 г., № 5.

Наконецъ, послѣ двухмѣсячнаго молчанія, г. Щедринъ подарилъ русское общество новымъ очеркомъ: *За рубежомъ*. Въ эти два мѣсяца много воды утекло. Читающая публика тщетно перелистывала страницы двухъ вышедшихъ за это время книгъ „Отечественныхъ Записокъ“, съ понятнымъ нетерпѣніемъ и понятными вопросами: „Что-то скажетъ Щедринъ? Какъ-то онъ отвѣтитъ на разные назойливо безпокойные вопросы? Какъ взглянетъ на то или это? Чѣмъ охарактеризуетъ то или другое явленіе?“ Понятно также и то неудовлетворенное состояніе почитателей Щедрина, когда они искали и не находили искомаго; когда они толкали и имъ не отверзалось. Въ обществѣ слышалось тоскливое недоумѣніе щедринскихъ поклонниковъ, выражавшееся въ замѣчаніяхъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Опять ни гу-гу! Щедринъ опять ни полслова“. А этихъ замѣчаній было много, потому что и поклонниковъ Щедрина — многое множество. Говоря о поклонникахъ, кстати сказать, что я подразумѣваю тѣхъ изъ нихъ, которые *чаютъ* въ Щедринѣ *движенія воды*, а не тѣхъ... другихъ (къ стыду нашему, нужно сознаться, что есть такіе), которые смотрятъ на него какъ на забавника, шутника, разсказывающаго смѣшливымъ языкомъ пикантные анекдоты скабрезнаго и сальнаго свойства, которые видятъ въ немъ нѣчто въ родѣ потѣшающаго публику съ каруселей на масленой недѣлѣ. Итакъ, недоумѣніе и нетерпѣніе публики разрѣшилось.

Майская книга „Отечественныхъ Записокъ“ снова получила свой вкусъ, свою соль. Новый очеркъ Щедрина, безспорно, принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся его

1) „Улей“, 1881 г., № 104.

произведеній. Передать вкратцѣ содержаніе очерка невозможно, какъ невозможно передавать и вообще произведеній Щедрина. Въ нихъ, за исключеніемъ немногихъ, нѣтъ фабулы разсказа, ни завязки, ни развязки, ни происшествій. Большинство изъ нихъ выражаютъ или положеніе, или нравственное состояніе современнаго общества, частью въ отвлеченныхъ формахъ, частью аллегорически. Это служитъ первымъ препятствіемъ. Во-вторыхъ, есть ли возможность передать весь юморъ, всю силу, всю мѣткость, свойственные нашему сатирику, не исказивъ ихъ, не ослабивъ ихъ значенія. И наконецъ, третьимъ и главнымъ препятствіемъ къ передачѣ разсказа,—какъ исключеніе обладающаго даже фабулой,—служитъ особенный языкъ Щедрина, ему одному свойственный, выработанный имъ, въ силу различныхъ обстоятельствъ, трудомъ многихъ лѣтъ; тотъ языкъ, который самъ сатирикъ назвалъ когда-то „езоповскимъ языкомъ". Безъ всего этого Щедринъ немыслимъ, и передаваемый очеркъ предстанетъ не очеркомъ, а слабою тѣнью.

Вотъ почему въ газетныхъ и журнальныхъ рецензіяхъ о щедринскихъ произведеніяхъ не передается суть очерковъ, а приводятся лишь обрывки выдающихся мѣстъ, острыя фразы, мѣткія прозвища, выраженія, обрисовывающія двумя-тремя словами цѣлую картину или намекающія на извѣстное явленіе. И блеститъ рецензія этими остротами и намеками, и ликуетъ читатель, подхватывая на лету каждую щедринскую фразу и спѣша передать ее первому встрѣченному пріятелю. Это производитъ, впрочемъ, двоякое послѣдствіе. Одно—отрицательнаго свойства, другое—положительнаго. Подъ отрицательнымъ свойствомъ я подразумѣваю то положеніе читателя, когда онъ, набравшись изъ рецензій однихъ отрывковъ, не усвоиваетъ общей мысли произведенія, теряетъ, такъ-сказать, сущность идей; а положительная сторона—это усвоеніе „езоповскаго языка". Въ этомъ отношеніи односторонность рецензій, неизбѣжная, вынужденная односторонность, уже принесла свои плоды. Газеты, раскрикивая то или другое щедринское выраженіе, способствовали популяризированію „езоповскаго языка", а дѣлается это такимъ образомъ: пока тяжеловѣсный ежемѣсячный журналъ не успѣлъ еще перебывать въ десяткахъ тысячъ рукъ жаждущихъ его читателей, легкая ежедневная газета сообщитъ всѣмъ и каждому всѣ лучшія выраженія очерка, которыя

и пойдутъ изъ устъ въ уста. Такимъ образомъ, щедринскій языкъ пустилъ корни даже въ нашемъ литературномъ языкѣ и, вѣроятно, надолго останется въ немъ подобно тому, какъ имена щедринскихъ Іудушекъ, Балалайкиныхъ, Разуваевыхъ, служащія клеймомъ для характеристики извѣстныхъ типовъ или даже цѣлыхъ слоевъ общества. Новый очеркъ Щедрина не разрѣшилъ никакихъ вопросовъ, не выяснилъ никакихъ недоразумѣній, но удовлетворилъ самымъ разнообразнымъ вкусамъ, понравился всѣмъ, потому что отъ него тепломъ вѣетъ, потому что задача его, характеръ его слишкомъ обширны, слишкомъ примѣнимы къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ и жизненнымъ явленіямъ текущей жизни. Въ немъ есть эпизодъ, гдѣ осмѣивается грубый, невѣжественный типъ обидчика и возбуждается участіе къ сторонѣ обиженной. А обиженные люди когда не существовали?— Съ начала вѣковъ и до настоящаго времени ихъ было всегда и вездѣ „нѣсть-числа“. Вотъ потому-то очеркъ Щедрина симпатиченъ каждому, начиная отъ молодежи и кончая нашею либеральною печатью, такъ какъ и она въ обидчикѣ можетъ видѣть своего противника—„Московскія Вѣдомости“. Эпизодъ этотъ, въ которомъ звучитъ смѣхъ и въ то же время видятся слезы, я приведу, какъ безцѣнный образчикъ аллегорическихъ произведеній Щедрина. Но предварительно нужно сдѣлать маленькую экскурсію по Россіи, вмѣстѣ съ авторомъ очерка, и разсказать объ этомъ его собственными словами. Дѣло въ томъ, что авторъ, пребывая за границей, задумался о судьбѣ своей родины; заглянулъ въ Петербургъ и мысленно побывалъ въ разныхъ уголкахъ Россіи.

„На берегахъ Невы я заглянулъ,—говоритъ Щедринъ,—въ квартиру современнаго русскаго либерала. Увы! онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ, всѣми оставленный (ибо прочіе либералы сидѣли каждый въ своемъ углу, въ ожиданіи возмездія), и тревожно прислушивался, какъ бы выжидая: вотъ-вотъ, звякнетъ къ передней колокольчикъ. Лицо его замѣтно осунулось и выцвѣло противъ того, какъ я видѣлъ его мѣсяцъ тому назадъ, но губы все еще по привычкѣ шептали: въ надеждѣ славы и добра... И куда это онъ все приглашаетъ? на что надѣется? Или это такая ужъ скверная привычка: шептать, надѣяться и приглашать? удивился я про себя и опять промолчалъ. Отъ либерала мысленно зашелъ я на квартиру консерватора и засталъ тамъ цѣлое сборище. Шумѣли, пили водку, потирали руки, проектировали мѣры по части упраздненія человѣческаго рода, писали вопросные пункты, проклинали совѣсть, правду, честь, проливали веселыя крокодиловы слезы... Затѣмъ, я направился въ курную избу самарскаго мужика, но тутъ, даже не формулировавши вопроса, безъ

оглядки побѣжалъ дальше. Углубился въ исторію: вспоминалъ про Ермака, подарившаго Россіи Сибирь; про новогородскую вольницу, отыскавшую Вятку, Соликамскъ, Чердынь, Пермь; про Ченслера [1]), указавшаго путь къ устьямъ Сѣверной Двины, воскликнулъ: — Экъ васъ угораздило! Побывалъ на берегахъ Пинеги и на берегахъ Вилюя, задалъ себѣ вопросъ: ужели есть такая нужда, которая можетъ загнать человѣка въ эти волшебныя мѣста?—и ничего на вопросъ не отвѣтилъ. Потомъ, тутъ же сряду, спросилъ себя: а что, если бъ *Старомыслова* не на шутку... сначала на коняхъ, затѣмъ на оленяхъ, наконецъ, на собакахъ... а?—и опять ничего не отвѣтилъ".

Такимъ образомъ, ничего не отвѣтивъ на разные безпокоившіе его вопросы, авторъ, оговорившись, что „*слово есть серебро, а молчаніе золото*"—переходитъ къ литературѣ и затѣмъ къ исторіи.

„Тяжелое наступило нынѣ время, господа,—говоритъ Щедринъ,—время отравленія особаго рода ядомъ, который я назову *газетнымъ*. Ахъ, какое это неслыханное мученіе, когда газетныя трихины играть начинаютъ! Ползаютъ, суматошатся, впиваются, сыскиваютъ, точатъ. Наглотаешься этого яду съ утра и потомъ цѣлый день какъ отравленный ходишь... Утѣшаетъ ли исторія? Лѣтъ сорокъ тому назадъ—я знаю это навѣрное—я, по сущей правдѣ, отвѣтилъ бы: да, утѣшаетъ. А нынче что я скажу! Вѣдь, я даже мыслить принципіально, безъ выводныхъ примѣсей, разучился. Начну съ мрака временъ и, только что забрезжетъ свѣтъ, сейчасъ наткнусь либо на Пинегу съ Вилюемъ, либо на уставъ о пресѣченіи, да тутъ и загрязну. Именно, это самое и теперь случилось. Едва выглянулъ на меня вопросъ, едва приступилъ я къ его расчлененію, какъ вдругъ, откуда ни взялся, генералъ-майоръ Отчаянный и такъ сверкнулъ очами, что я сразу опѣшилъ. Нѣтъ, ужъ лучше я завтра... смущенно отвѣтилъ я самъ себѣ и въ ту же минуту поспѣшилъ съ такимъ расчетомъ юркнуть, чтобъ и ушей моихъ не было видно".

И вотъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ экскурсій въ самыя разнообразныя, противоположныя другъ-другу области нашей жизни, Щедринъ заснулъ и увидѣлъ сонъ, который, собственно, и составляетъ упомянутый мною эпизодъ, такъ сказать, перлъ очерка. Привожу его полностью:

Торжествующая Свинья или разговоръ Свиньи съ Правдой.

(Дѣйствіе происходитъ въ хлѣву. Дѣйствующихъ лицъ двое: *Свинья*—разъѣвшееся животное; щетина ощерилась и блеститъ, вслѣдствіе безпрерывнаго обхожденія съ хлѣвною жидкостью. *Правда* – особа, которой, по штату, полагается быть вѣчно-юною, но уже изрядно побитою. Прикрыта, по распоряженію начальства, лохмотьями, сквозь которыя просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т.-е. нагота.)

[1]) Англійскій мореплаватель, установившій торговыя сношенія Россіи съ Англіей въ XVI вѣкѣ. *Н. Д.*

Свинья (*кобянится*). Правда ли сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, Свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно, не видывала?

Правда. Это оттого Свинья, что когда природа создавала тебя, то, создаваючи, приговаривала: „Не видать тебѣ, Свинья, солнца краснаго“.

Свинья. Ой ли? (*Авторитетно.*) А по-моему, такъ всѣ эти солнцы — одно лжеученіе... ась?

(*Правда* безмолвствуетъ и сконфуженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: „Правда твоя, Свинья,—лжеученіе! лжеученіе!“)

Свинья (*продолжаетъ кобяниться*). Правда ли, будто въ газетахъ печатаютъ: свобода-де есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ?

Правда. Правда, Свинья.

Свинья. А по-моему, такъ и безъ того у насъ свободы по горло. Вотъ я безотлучно въ хлѣву живу—и горюшка мало. Что мнѣ! Хочу—рыломъ въ корыто уткнусь, хочу—въ навозѣ кувыркаюсь... какой еще свободы нужно! (*Авторитетно.*) Измѣнники вы, какъ я на васъ погляжу... ась?

(*Правда* вновь старается прикрыть наготу. Публика гогочетъ: „Правда твоя, Свинья,—измѣнники! измѣнники!“ Нѣкоторые изъ публики требуютъ, чтобъ *Правду* отвели въ участокъ. *Свинья* самодовольно хрюкаетъ, сознавая себя на высотѣ положенія.)

Свинья. Зачѣмъ отводить въ участокъ? Вѣдь, тамъ для проформы продержатъ да и опять выпустятъ. (*Ложится въ навозъ и впадаетъ въ сантиментальность.*) Ахъ, нынче и участковые однимъ языкомъ съ фельетонистами говорятъ! Намеднись, я въ одной газетѣ вычитала: оттого-де у насъ слабо, что законы только для проформы пишутся ..

Правда. Такъ ты и читаешь, Свинья?

Свинья. Почитываю. Только понимаю не такъ, какъ написано... Какъ хочу, такъ и понимаю! (*Къ публикѣ.*) Такъ вотъ что, други! въ участокъ мы ея не отправимъ, а своими средствами... Сыскивать ее станемъ... сегодня в просецъ зададимъ, а завтра—два... (*Задумывается.*) Сразу не покончимъ, а постепенно чавкать будемъ... (*Сопя, подходитъ къ Правдѣ, хватаетъ ее за икру и начинаетъ чавкать.*) Вотъ такъ!

(*Правда* пожимается отъ боли; публика грохочетъ. Раздаются возгласы: „Ай да свинья! вотъ такъ затѣйница!)

Свинья. Что? сладко? Ну, будетъ съ тебя. (*Перестаетъ чавкать.*) Теперь сказывай, гдѣ корень зла?

Правда (*растерянно*). Корень зла, Свинья... корень зла... корень зла... (*Рѣшительно и неожиданно для самой себя.*) Въ тебѣ, Свинья!

Свинья (*разсердилась*). А! такъ ты вотъ какъ поговариваешь! Ну, теперь только держись! Правда ли, сказывала ты: общечеловѣческая правда противъ околоточно-участковой не въ примѣръ превосходнѣе?

Правда (*стараясь изловчиться*). Хотя, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, невозможно отвергать...

Свинья. Нѣтъ, ты хвостомъ-то не верти! Мы эти момо-то слыхивали! Сказывай прямо: точно ли, по мнѣнію твоему, есть какая-то особенная правда, которая противъ околоточной превосходнѣе?

Правда. Ахъ, Свинья, какъ измѣннически подло...

Свинья. Ладно; объ этомъ мы послѣ поговоримъ. *(Наступаетъ плотнѣе и плотнѣе.)* Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всѣхъ должны обезпечивать, потому-де, что въ противномъ случаѣ человѣческое общество превратится въ хаотическій сбродъ враждующихъ элементовъ... Объ какихъ это законахъ ты говорила? По какому поводу и кому въ поученіе, сударыня, разглагольствовала?.. ась?

Правда. Ахъ, Свинья!

Свинья. Нечего мнѣ „свиньей-то" въ рыло тыкать. Знаю я и сама что свинья. Я — Свинья, а ты — Правда... *(Хрюканье свиньи звучитъ трелiей.)* А нутка, Свинья, погложи-ка Правду! *(Начинаетъ чавкать. Къ публикѣ.)* Любо что ли, молодцы? (*Правда* корчится отъ боли. Публика приходитъ въ неистовство. Слышится со всѣхъ сторонъ: „Любо... нажимай, Свинья, нажимай! Гложи ее! чавкай! Ишь, вѣдь, распостылая, еще разговаривать вздумала!")

На этомъ colloquium былъ прерванъ. Далѣе я ничего не могъ разобрать, потому что въ хлѣву поднялся такой гвалтъ, что до слуха моего лишь смутно долетало: „Правда ли, что въ университетѣ... Правда ли, что на женскихъ курсахъ..." Въ одно мгновеніе ока *Правда* была спутана цѣлою сѣтью дурацки предательскихъ подвоховъ, при чемъ всякая попытка распутать эту сѣть встрѣчалась чавканьемъ *Свиньи* и грохотомъ толпы: „Давай, братцы, ее своимъ судомъ судить... *народнымъ!..*"

Я лежалъ какъ скованный, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ и меня начнутъ чавкать. Я, который всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторялъ: „Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ!"—я вдругъ во все горло заоралъ: *съѣстъ свинья, съѣстъ!*

Л. Симонова.

Сатиры Щедрина [1]).

„*За рубежомъ*“.

1.

Будущій историкъ остановится на нашемъ времени съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Литература труднаго момента, пережить который досталось въ удѣлъ намъ, заинтересуетъ его не художественностью только произведеній, не талантливостью ихъ авторовъ, не глубиною мысли, не величественными идеалами, а чертою всеобщаго раздраженія, иногда унынія, недовѣрія къ своимъ и общественнымъ силамъ. Эта черта до такой степени обща нашей современной литературѣ, что, къ какому бы лагерю ни принадлежалъ и какимъ бы талантомъ ни обладалъ писатель, онъ несетъ на себѣ этотъ общій отпечатокъ, прямой результатъ вліянія на него современныхъ историческихъ обстоятельствъ.

За рубежомъ—произведеніе одного изъ тѣхъ писателей, которые, силою своего таланта, въ теченіе всей своей литературной дѣятельности вносятъ въ общество сознаніе окружающихъ золъ, зовутъ его къ свободѣ мысли и совѣсти, учатъ ненавидѣть и презирать зло. Превосходный цѣнитель и анализаторъ нашей дѣятельности, Щедринъ, произведенія котораго нужно будетъ впослѣдствіи читать съ исторіей въ рукахъ,—до такой степени невѣроятно тяжелы и непонятны для нашихъ потомковъ будутъ времена, которыя мы переживаемъ,—Щедринъ отражаетъ въ своей сатирѣ „За рубежомъ“ всю горечь и „уныніе“, отравляющія жизнь современнаго русскаго человѣка.

„Русскій гулящій человѣкъ,—говоритъ онъ,—всего больше долженъ опасаться одиночества. Одиночество даетъ человѣку поблажку мыслить—вотъ въ чемъ бѣда. Мыслить, то-есть припоминать, ставить вопросы, а буде не пропала совѣсть, то чувствовать и уколы стыда, такъ что въ ре-

---

[1]) Эта статья написана А. И. Введенскимъ. (См. стран. 284.)

зультатѣ непремѣнно получится какое-то гложущее уныніе. Это уныніе приведетъ къ нулю всю работу мысли; оно парализуетъ возможныя рѣшенія, заслонитъ всевозможныя перспективы и будетъ безполезно раздражать"...

Читая эти грустныя строки, каждый невольно спроситъ: неужели же нужно бояться мысли? Неужели такъ печальны результаты ея? Мысль, повидимому, должна бы не парализовать, а вызывать рѣшенія; не заслонять, а открывать перспективы. Но такъ спроситъ только будущій читатель. Мы же съ вами, читатель, хорошо понимаемъ и на себѣ испытываемъ, что такъ совершаются многія жизни у насъ, „въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ". Дѣйствительно, въ такой средѣ мысль играетъ печальную роль, служитъ источникомъ невыразимыхъ нравственныхъ страданій. Возможно ли для человѣка, ясно понимающаго совершающуюся кругомъ вакханалію невѣжества, недобросовѣстности и лжесвидѣтельства, оставаться спокойнымъ и безстрастнымъ свидѣтелемъ ея; возможно ли для него не искать выхода, слѣдовательно— мыслить и дѣйствовать? Но, съ другой стороны, возможно ли у насъ честно мыслить и дѣйствовать, не рискуя ежеминутно быть поглощеннымъ невѣжествомъ, недобросовѣстностью, лжесвидѣтельствомъ? И вотъ, если вы предаетесь заботѣ о вашей, по выраженію Щедрина, „шкурѣ", если вы не хотите быть поглощеннымъ, вамъ остается одно, чтобы первенствующая роль въ вашей жизни досталась „пустякамъ и праздному мельканію".

„Въ средѣ, гдѣ нѣтъ ни подлиннаго дѣла, ни подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, — говоритъ авторъ, — пустяки играютъ громадную роль. Это единственный рессурсъ, къ которому прибѣгаетъ человѣкъ, чтобы не задохнуться окончательно, и въ то же время это—легчайшая форма жизни (для могущихъ не мыслить), такъ какъ всѣ проявленія ея заключаются въ непрерывномъ маятномъ движеніи отъ одного предмета къ другому, безъ плана, безъ очереди, по мѣрѣ того, какъ они сами собой выплываютъ изъ бездны случайностей. Предаваясь этому движенію, человѣкъ совершаетъ простую обрядность, не только не требующую помощи мыслящей силы, но даже идущую прямо въ разрѣзъ ей. Въ этой сутолокѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для мысли. Подавленная цѣлою массой случайныхъ подробностей мысль прячется, глохнетъ, а ежели отъ времени до времени и настаютъ для нея минуты пробужденія, то она не помогаетъ, не выводитъ на дорогу, а только мучительно раздражаетъ. Она ставитъ вопросы, взбудораживаетъ совѣсть, но въ то же время постыдно ослабѣваетъ предъ всякой серіозной работой разъясненія. Вопросы остаются обнаженными, въ томъ зачаточномъ видѣ, въ какомъ они возникли; совѣсть безконечно ноетъ—только и всего. Даже компромиссовъ не явля-

ется, на которыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, можно было бы примириться Одно желаніе: уйти, забыться, на все махнуть рукой"...

Ужасныя чувства и мысли!

Понятно, что тамъ, гдѣ жизнь слагается подъ бременемъ массы пустяковъ, „никакіе твердые общественные устои не могутъ быть мыслимы". Понятно также, что такая жизнь обращаетъ сны, подобные видѣнному и описанному авторомъ, въ дѣйствительность, и дѣйствительность—въ тяжелый и удушливый сонъ. Дѣйствительность-сонъ этотъ—*Торжествующая свинья.* Авторъ видѣлъ *Свинью,* разъѣвшуюся, съ блестящей щетиною, и *Правду,* особу, которой, по штату, полагается быть вѣчно-юною, но уже изрядно побитую, прикрытую, по распоряженію начальства, лохмотьями, сквозь которые просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т.-е. нагота; онъ слышалъ слѣдующій разговоръ между ними:

Свинья *(кобянится).* Правда ли, сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?

Правда. Правда, Свинья.

Свинья. Такъ ли, полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно, не видывала?

Правда. Это оттого, Свинья, что, когда природа создавала тебя, то создаваючи, приговаривала: „Не видать тебѣ, Свинья, солнца краснаго!"

Свинья. Ой ли? *(Авторитетно.)* А по-моему, такъ всѣ эти солнцы—одно лжеученіе... ась?

Правда безмолвствуетъ и сконфуженно поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: „Правда твоя, Свинья—лжеученіе! лжеученіе!" и т. д.

Въ этой сценѣ вся траги-комедія, вѣрнѣе—настоящая трагедія жизни. Въ ней все типично: и эта *торжествующая Свинья,* и эта *Правда,* прикрытая лохмотьями, и эта публика, требующая, чтобы отвели *Правду* въ участокъ, и „гогочущая", когда *Правда* пожимается отъ боли. *Торжествующая Свинья*—не миѳъ и не фантазія. Имя ей—легіонъ. Но, помимо этого всего легіона, не приходилось ли вамъ, читатель, встрѣчать въ разговорѣ и въ печати назойливые вопросы: правда ли?.. правда ли?.. правда ли?.. Если встрѣчали, то вы знаете „торжествующихъ свиней", подвергающихъ сомнѣнію фактъ, что на небѣ солнышко свѣтитъ, и признающихъ свою особенную правду „не въ примѣръ превосходнѣе" общечеловѣческой правды. И мы, всю жизнь въ легкомысленной самоувѣренности повторявшіе: „Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ",—должны съ горестью сказать: „Съѣстъ свинья!"

„Кто, не всуе носящій имя человѣка, не испыталъ священныхъ экзальтацій мысли? Кто мысленно не обнималъ человѣчества, не жилъ одною съ нимъ жизнью? Кто не метался, не изнемогалъ, чувствуя, какъ существо его загорается подъ наплывомъ сладчайшихъ душевныхъ упоеній? Кто хоть разъ, въ долгій или короткій періодъ своего существованія, не обрекалъ себя на служеніе добру и истинѣ? И кто не пробуждался среди этихъ упоеній, подъ окрикъ: цыцъ... вредный мечтатель!“

Въ этихъ словахъ автора—характеристика тѣхъ живыхъ и мыслящихъ элементовъ общества, которымъ приходится теперь, въ виду отсутствія подлиннаго дѣла и подлинной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, предаться пустякамъ и праздному мельканію, и надъ которыми царитъ дѣйствительность—сонъ автора. Но „занятіе пустяками“—только, такъ-сказать, предлогъ для того, чтобы говорить. Мыслимо ли, чтобы живой человѣкъ, разъ искренно и серіозно испытавшій „священныя экзальтаціи мысли“, могъ дѣйствительно погрузиться въ пустяки? Сколько нравственныхъ страданій приходится пережить современному человѣку даже и въ томъ случаѣ, когда онъ преисполненъ заботою о своей „шкурѣ“. Читая сатиру Щедрина, невольно и неотразимо чувствуешь невыносимую боль за человѣка, которою она проникнута, невольно подчиняешься сильному и страстному голосу, зовущему понять и осмыслить нравственную приниженность нашего общества и бороться противъ нея. Въ послѣдніе годы сатира Щедрина сильна именно этою своею стороной. Когда еще обстоятельства нашей жизни не были обострены до теперешней напряженности, она была спокойнѣе и ровнѣе. Теперь же вы чувствуете въ ней крики отчаянія и, порою, отсутствіе вѣры въ будущее. Щедринъ надѣленъ чуткою нервною натурой; въ своей литературной дѣятельности онъ шелъ шагъ-за-шагомъ рядомъ съ общественною жизнью, чувствовалъ малѣйшія измѣненія направленій и немедленно отражалъ ихъ въ своихъ сатирахъ. Въ этомъ, главнымъ образомъ, и состоитъ значеніе ея для современниковъ. Въ разсматриваемомъ нами произведеніи своемъ Щедринъ отразилъ именно современный моментъ нашей жизни въ ея преобладающихъ мотивахъ. И читая эту горькую исповѣдь, будущій историкъ—повторяемъ—остановится съ сожалѣніемъ надъ печальною судьбой мыслящихъ людей современнаго намъ поколѣнія.

2.

Сатира Щедрина характеризуетъ положеніе въ нашемъ обществѣ всякаго просто мыслящаго человѣка безотносительно, который, въ случаѣ невозможности мыслить, могъ бы, если бы хотѣлъ, предаться и пустякамъ. Бываютъ, однако, жизненныя положенія, въ которыхъ такая постановка дѣлъ невозможна, въ которыхъ занятіе пустяками немыслимо. Жизнь уже сама-по-себѣ, хотя бы въ формѣ заботъ и тревогъ о насущномъ хлѣбѣ и при отсутствіи, въ началѣ, такъ-называемыхъ „высшихъ интересовъ",—далеко не пустяки. Представимъ себѣ просто честнаго человѣка въ его обыденной борьбѣ за насущный хлѣбъ. На него тяжелымъ гнетомъ ложатся историческія обстоятельства, а въ томъ числѣ и „торжество свиньи". Въ этой ежедневной борьбѣ за существованіе онъ будетъ волей-неволей сталкиваться поминутно съ фактами, наводящими на размышленіе. Онъ не можетъ „мириться на компромиссахъ", потому что компромиссы съ требованіями прямо животнаго организма человѣка немыслимы. Онъ не можетъ „уйти, забыть, на все махнуть рукой"... по той простой причинѣ, что неестественно голодному уйти отъ хлѣба, невозможно ему „все забыть и рукой махнуть". Вотъ, именно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается ручательство за то, что негодующая мысль человѣческая не исчезнетъ и не можетъ исчезнуть; въ немъ ручательство за будущее, ручательство за то, что человѣкъ не поглотится „пустяками", а самою силою обстоятельствъ ежеминутно выдвигается да путь мысли анализирующей и протестующей. Пусть будутъ „торжествующія свиньи", но онѣ не уменьшаютъ, а увеличиваютъ борьбу за существованіе и даютъ больше поводовъ къ размышленіямъ о явленіяхъ общественной жизни. Только наслѣдіемъ отцовъ обезпеченные люди могутъ выбирать между дѣломъ и пустяками, могутъ „уйти и махнуть рукой"...

Невесела, неприглядна русская жизнь; но если есть представитель ея, которому удается съ необычайною силой анализа возвести въ сознаніе и олицетворить все злое и гнетущее въ ней, если онъ находитъ въ обществѣ имѣющихъ уши—чтобы слышать, очи—чтобы видѣть, и разумѣніе—чтобы понимать, то онъ же служитъ ручательствомъ за лучшее будущее, за то, что жива душа общества, и настанетъ мо-

ментъ торжества истины. Въ мрачныхъ думахъ сатиры Щедрина, полныхъ скорби и муки, звучитъ призывъ не къ отчаянію, не къ безвѣрію въ будущее, а къ уразумѣнію жизни, къ борьбѣ за все доброе и прекрасное, что́ дѣлаетъ жизнь человѣческую, дѣйствительно, человѣчною, что́ зоветъ отрѣшиться отъ мелкихъ себялюбивыхъ помысловъ и дѣлъ и отдать душу за торжество справедливости. И современный русскій человѣкъ, находя въ произведеніи Щедрина все то, что, быть-можетъ, мучило и томило его самого и просило выраженія; находя свои мысли высказанными, свои чувства, быть-можетъ, смутныя и неопредѣленныя во всей своей мучительности, ясно формулированными; зная, что онъ не одинокъ, что тѣ же мысли и чувства тревожатъ, волнуютъ, жизнь отравляютъ многимъ его современникамъ,—съ облегченнымъ сердцемъ и просвѣтленнымъ умомъ встанетъ, конечно, на стражу лучшихъ человѣческихъ идей и упованій, стряхнетъ съ себя невольную приниженность передъ торжествующимъ зломъ, охватывающимъ его тяжкими путами. Страстное восклицаніе: „Гордись, гордись, человѣкъ, своимъ высокимъ призваніемъ!"—вырвавшееся изъ души геніальнаго представителя возникавшей въ нашемъ обществѣ критической мысли, можетъ-быть, не вызоветъ на уста его улыбки сомнѣнія; и во всякомъ случаѣ въ сатирѣ Щедрина ему послышится страстный призывъ: „Мужайся, человѣкъ!"

Такъ, и только такъ мы можемъ и должны понимать значеніе сатиры Щедрина; только этотъ призывъ и можно видѣть въ ней, потому что, возможно ли, мыслимо ли, чтобы одинъ изъ лучшихъ сыновъ нашей родины, одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей нашей литературы и общественной мысли, изображая русское горе, охватывающее наше отечество отъ центра и до дальнѣйшихъ предѣловъ его, хотѣлъ этимъ сказать: „Смирись, безсильный и слабый человѣкъ, пойми нашу общую бѣду и откажись отъ всякой борьбы съ ней!" Не такъ мыслитъ и говоритъ человѣкъ, имѣющій гражданское мужество бросить въ глаза обществу и торжествующему въ немъ злу горькій и страстный упрекъ за пренебреженіе къ истинѣ и человѣческому праву, за попраніе лучшихъ стремленій мысли человѣческой, за огрубѣніе въ эгоизмѣ и самомнительномъ снѣ и безмысліи.

Вся литературно-общественная дѣятельность Щедрина проникнута животворною и гуманною мыслью, страстнымъ

призывомъ къ мужественному исканію свѣта и правды въ общественной жизни. Въ самомъ началѣ ея, въ то время, когда общее направленіе нашей жизни было въ сторону торжества свѣта и свободы, когда стояла на очереди великая реформа, молодой талантъ Щедрина обращался къ анализу частныхъ уродливыхъ явленій нашей общественной жизни: появились его *Губернскіе Очерки*. Съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ направленій нашей жизни, измѣнились и мотивы сатиры Щедрина. Зло въ нашемъ обществѣ возрастало, возрасталъ и талантъ его. Съ удивительною чуткостью относясь къ жизни, отзываясь на появляющіяся въ ней теченія, сатирикъ послѣдовательно и знаменательно отражалъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Передъ глазами общества, одни за другими, прошли всѣ элементы нашей общественной жизни, получавшіе временно преобладающее вліяніе въ ней: „ташкентцы", „помпадуры", Разуваевы и проч., съ ихъ міровоззрѣніями и инстинктами, съ ихъ значеніемъ въ общемъ теченіи нашихъ дѣлъ. Сатирикъ не только отражалъ дѣйствительность, существующее, но и умѣлъ, на основаніи возникающаго въ обществѣ теченія мысли, предугадать, предсказать тѣ послѣдствія, которыя будутъ результатомъ ея. Сколько осмѣянныхъ имъ мыслей и „проектовъ" впослѣдствіи осуществилось, сколько общественныхъ невзгодъ, имъ указанныхъ, уже послѣ получало полное развитіе! Въ сатирѣ Щедрина—горькая иронія не смѣха, а страданія. Въ ней, особенно въ послѣднее время, когда зло нашей общественной жизни обострилось,—гораздо больше скорби, чѣмъ смѣха. Бичуя порочныя и безсмысленныя направленія жизни, сатирикъ показываетъ не на „незримыя міру слезы сквозь видимый смѣхъ", а настоящія, вполнѣ „зримыя" слезы.

Удивительна живучесть таланта Щедрина! Теперь, послѣ почти тридцатилѣтней непрестанной напряженной работы мысли и творчества, каждое новое произведеніе сатирика служитъ ея доказательствомъ. Поэтъ и философъ—синонимы, и въ сатирѣ Щедрина обаятельно присутствіе глубокой исторической философской мысли. Постараемся всмотрѣться въ міръ удрученной нравственной мысли современнаго русскаго человѣка, изображаемый сатирикомъ, ограничиваясь немногими страницами „заключенія" сатиры *За рубежомъ*. Но оно такъ богато и полно содержаніемъ, что пред-

ставляетъ не легкую задачу для рѣшающагося подвести итоги, вывести общее заключеніе изъ данныхъ, представляемыхъ имъ.

3.

Въ исторической жизни человѣческихъ обществъ ясно прослѣживаются элементы, существенное содержаніе и значеніе которыхъ составляетъ непоколебимая, непобѣдимая вѣра въ будущее, и къ которымъ непримѣнимъ вопросъ: „Утѣшаетъ ли исторія?“. Это—личности исключительныя.

„Ихъ точно такъ же подавляютъ идеалы будущаго, какъ другихъ пригнетаетъ прахъ прошедшаго. Это личности до того вѣрующія, что для нихъ осуществленіе идеаловъ не составляетъ даже вопроса времени. Они уже осуществились, эти идеалы, они носятся передъ глазами, ихъ можно осязать руками, и никакіе уколы неумолимой дѣйствительности не въ силахъ поколебать въ нихъ эту блаженную увѣренность... Часто представлялъ я себѣ человѣка,—говоритъ авторъ,—забытаго, затеряннаго и все-таки обращающаго глаза къ востоку. Онъ ясно видитъ, кáкъ горитъ и пламенѣетъ этотъ востокъ, и совсѣмъ не замѣчаетъ, что на самомъ дѣлѣ и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ—все кругомъ охвачено непроглядною тьмой“.

Сатирикъ говоритъ не въ интересахъ этихъ исключительныхъ натуръ, а о простой злобѣ дня, о заурядномъ дѣятелѣ современности, устроителѣ ея будничныхъ отношеній, о человѣкѣ относительной правды, относительнаго добра, относительнаго счастья. Заурядный дѣятель современности, не пригнетенный прахомъ прошедшаго,

„живетъ потому, что схваченъ тисками жизни; но разъ онъ живетъ, лукавыя мудрствованія не смущаютъ его. Онъ вникаетъ въ обстановку современности и дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы примѣниться къ ней; онъ ищетъ не абсолютной правды, а возможной, и примиряется съ нею; наконецъ, онъ охотно признаетъ „удобство“ за синонимъ счастья и подчиняется этому опредѣленію. Вообще, это человѣкъ несложныхъ требованій, невыспреннихъ идеаловъ, который, въ случаѣ нужды, пойдетъ на компромиссъ: только не добивай до конца! Понятно, что для этого человѣка утѣшенія, преподаваемыя исторіей, составляютъ не вопросъ экзальтированной вѣры, а конкретнѣйшую задачу самаго обыкновеннаго будничнаго обихода“.

Такъ опредѣляетъ сатирикъ этого зауряднаго, обыденнаго человѣка, „всегда инстинктивно отличающаго теорію отъ практики“. Встанетъ ли въ душѣ читателя обвиненіе средняго человѣка въ томъ, что не видитъ онъ, какъ горитъ и пламенѣетъ востокъ, что онъ ясно и отчетливо видитъ, напротивъ, и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ—охвачен-

ными непроглядною тьмой? Виноватъ ли средній человѣкъ, что, будучи человѣкомъ отъ міра и для міра, онъ ощущаетъ на себѣ весь гнетъ житейскій, что историческій процессъ нарастанія правды нерѣдко кажется ему „равносильнымъ процессу сдиранія кожи съ живого организма“? Сатирикъ также не винитъ его.

„Туго приходитъ въ міръ правда,—говоритъ онъ,—и притомъ цѣною неслыханныхъ жертвъ. Самоотверженность не въ правахъ средняго человѣка, да, вѣдь, она и необязательна. Средній человѣкъ не прочь даже, въ видахъ самооправданія, сослаться на ненормальность самоотверженности вообще, и, въ принципѣ будетъ, пожалуй, правъ. И хотя ему можно возразить на это: такъ-то такъ, да, вѣдь, въ ненормальной обстановкѣ только ненормальныя явленія и могутъ быть нормальными, но, вѣдь, это будетъ порочный кругъ; вращаться въ которомъ можно до безконечности, не придя ни къ какому результату...“

Къ среднему человѣку невозможно да и не нужно обращаться съ требованіями исключительными. Не самоотверженности надобно отъ него, не геройскихъ подвиговъ, потому что, въ противномъ случаѣ, не нужно было бы даже и это самоотверженіе. Не дано человѣку пренебрегать жизнью, какъ бы тягостна она ни была. Довольно простой справедливости отъ человѣка, уваженія къ правамъ другихъ и отстаиванія правъ собственныхъ. Для жизни средняго человѣка необходимо только взаимное соблюденіе этихъ условій. За существованіе послѣднихъ идетъ вѣковая борьба, и тамъ, гдѣ средній человѣкъ лишенъ даже этой возможности борьбы, гдѣ, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, средній человѣкъ лишенъ необходимѣйшихъ правъ отстаивать свою личность отъ всюду сопровождающихъ человѣческія общества несправедливостей,—тамъ жизнь глубоко возмутительна, тамъ она убиваетъ и личность и общество. Программа жизни средняго человѣка проста и скромна, и гдѣ исторія не даетъ возможности—не говоримъ на осуществленіе, а хотя бы даже на попытки осуществленія, тамъ „исторія сдираетъ кожу“ съ человѣка, по выраженію сатирика. Средній человѣкъ прикованъ къ настоящему и ждетъ только охраннаго листа на среднее, не очень свѣтлое, но и не черезчуръ мрачное существованіе, не претендуя на блескъ и полноту историческихъ утѣшеній. И какая злая иронія жизни въ томъ, что даже этой скромной задачѣ полагаются препоны! Между тѣмъ, средній человѣкъ именно и есть дѣйствительный объектъ исторіи, говоритъ нашъ

авторъ: „Для него пишетъ исторія свои сказанія о старой неправдѣ; для него происходитъ процессъ нарастанія правды новой. Ради него созидаются религіи, философскія системы, утопіи; ради него самоотвергаются тѣ исключительныя натуры, которыя носятъ въ себѣ зиждительное начало исторіи...“ Изъ среднихъ людей состоитъ человѣчество, и все будущее его лежитъ въ нихъ и для нихъ.

Оцѣнка жизни, опредѣленіе ея значенія и вліянія на будущее общество, возможны только, именно, по отношенію къ этому среднему человѣку. Если въ обществѣ гибнутъ Гусы, Саванароллы, Гракхи, то еще невозможно заключить о губительности жизни для будущности общества. Въ печальной судьбѣ человѣчества, въ его постепенномъ и медленномъ движеніи впередъ, великодушные люди, нетерпѣливо и страстно зовущіе его впередъ, къ неизвѣстному, съ точки зрѣнія осторожнаго средняго человѣка, будущему, естественно и неизбѣжно встрѣчаютъ среду, невоспріимчивую къ ихъ великодушнымъ идеямъ. Но тамъ, гдѣ практическія и недалекія стремленія обыкновеннаго человѣка встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія, тамъ жизнь страшна и невозможна и поселяетъ въ душѣ человѣка скорбныя опасенія за историческое будущее общества. Такою, именно, представляется и русская жизнь въ произведеніяхъ Щедрина. Чтобы общество жило цѣлесообразной нравственною и умственною жизнью, необходимо, чтобы въ немъ развивались тѣ лучшія свойства человѣческой природы, которыя человѣческій образъ дѣлаютъ образомъ и подобіемъ Божества. Что́ же развиваетъ въ личности человѣка русская жизнь? По свидѣтельству сатирика, подтверждающему общее чувство и общую всѣмъ намъ мысль и сознаніе, жизнь нашего общества, прежде всего и сильнѣе всего, развиваетъ въ человѣкѣ то, что́ сатирикъ называетъ „шкурнымъ инстинктомъ“. „Ахъ, какая это ужасная вещь—жизнь!“ восклицаетъ сатирикъ, подъ вліяніемъ тягостнаго представленія о шкурномъ инстинктѣ, заполонившемъ все въ нашемъ обществѣ и дающемъ въ результатѣ безсмысленное прозябаніе массъ, „тоскливое, безцѣльное заграничное шатаніе, въ сопровожденіи потухшей любознательности и отсутствія интереса ко всему, исключая трактировъ; сѣрое житьишко до́ма, полное безпредметныхъ и неосмысленныхъ тревогъ“. Страшное и развращающее явленіе жизни—это чрезмѣрное развитіе шкурнаго инстинкта. Какое душевное

состояніе является въ результатѣ его, характеризуется слѣдующими словами автора:

„Боязнь за „шкуру", за завтрашній день—вотъ основной тезисъ, изъ котораго отправляется современный русскій человѣкъ, и это смутное ожиданіе вѣчно-грозящей опасности уничтожаетъ въ немъ не только позывъ къ дѣятельности, но и къ самой жизни. На первый взглядъ, тутъ кроется какъ бы противорѣчіе. Ежели человѣкъ тревожно цѣпляется за свой завтрашній день—стало-быть, онъ жаждетъ жить. Ничуть не бывало. Не жажда жизни заставляетъ трепетать, а просто—инстинктивная сердечная смута, которая, помимо сознанія, каждоминутно сосетъ и терзаетъ. Сама-по-себѣ, жизнь и ненавистна и постыла, но такъ какъ она привязалась, то приходится ее выносить. Да о ней какъ-то и не думается, а думается только объ этой несносной смутѣ, которая до такой степени всѣмъ завладѣла, все заслонила, что уничтожила даже силу взглянуть смѣло въ глаза смерти. Не завтрашняго дня жаль, а жутко при мысли, что, можетъ-быть, онъ будетъ, а можетъ-быть, и не будетъ...

„Были великіе поэты, великіе мыслители, и ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о „шкурѣ", ни одинъ не указывалъ на принципъ самосохраненія, какъ на окончательную цѣль человѣческихъ стремленій. Да, все это несомнѣнно было. Такъ неужто же и эти поэты, и эти мыслители, Шекспиры, Байроны, Сервантесы, Данты, были люди опасные, подлежащіе упраздненію?.."

4.

Говоря о единеніи съ народомъ, которымъ нынѣ прикрываются всѣ, и мытари и фарисеи, авторъ характеризуетъ и опредѣляетъ это требуемое „единеніе" нѣсколькими чертами:

„Съ народомъ, повиннымъ вѣчной работѣ и изнемогающимъ подъ игомъ тьмы и проказы! Поди-ка, подступись къ этому народу! Ты думаешь о наслажденіи мысли, чувствъ и вкуса, о свободѣ, объ искусствѣ, о литературѣ, а онъ опять свое твердитъ: „жрать!" Не разнообразно, но зато какъ опредѣленно! Вотъ, онъ говоритъ, что книги истребить надо — войди-ка съ нимъ въ единеніе во имя истребленія книгъ! А, можетъ-быть, ему и фабрика съ заводомъ не въ утѣшеніе, а въ тягость,—что жъ, и эта почва для единенія недурна! Какъ бы то ни было, но ужъ онъ не уступитъ! Кто въ проказѣ—тотъ съ нимъ; у кого нѣтъ проказы—тотъ противъ него! Коротко и ясно!"

Дѣйствительно, въ серіознѣйшемъ изъ современныхъ вопросовъ, въ вопросѣ о единеніи съ народомъ, предста-

вляются мучительно тревожными печальныя по результатамъ искаженія истиннаго смысла дѣйствительности и будущаго. Серіозно ли хотятъ бывшіе господа распорядители народныхъ судебъ подчиниться воззрѣніямъ народнымъ насчетъ уничтоженія книгъ; серіозно ли отказываются отъ наслажденій мысли, чувства и вкуса, отъ свободы, искусства, литературы; хотятъ ли они не разнообразнаго, но зато опредѣленнаго „жрать“? Кто хотя на минуту усомнится въ поддѣлкѣ и фальши желанія ѣсть хлѣбъ съ лебедой и сжечь книгу? Въ нашей же литературѣ было слабо выраженное направленіе, искреннее и горькое, понимавшее единеніе съ народомъ въ этой формѣ. Направленіе, о которомъ мы говоримъ, не было вооружено никакою силой, не хотѣло и не могло навязывать единеніе никому и шло въ интересахъ народныхъ, по разумѣнію его сторонниковъ. „Испускатели трубныхъ звуковъ“ не таковы. Всею наличною властью и вліяніемъ они пригнетали людей этого же самаго направленія; не о хлѣбѣ съ лебедой, очевидно, рѣчь, а „о томъ, чтобы сдѣлать изъ народа орудіе извѣстныхъ личныхъ расчетовъ“, воспользоваться его невѣдѣніемъ. И истинное единеніе съ народомъ, въ смыслѣ освобожденія его отъ повинности вѣчной работѣ и отъ ига тьмы и проказы, отступаетъ, подъ вліяніемъ трубныхъ звуковъ, все дальше и дальше, въ историческое будущее.

„У всероссійскихъ клоповниковъ печати,—говоритъ сатирикъ,—на первомъ планѣ личные счеты и личныя отмщенія. Посѣвая смуту, они едва ли предусматриваютъ, сколько жертвъ она увлечетъ за собою: у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа, чтобы понять это. Они знаютъ только одно, что лично они непремѣнно вывернутся“...

Таковы существенные элементы необходимой въ каждомъ живомъ государственномъ организмѣ общественной борьбы на нашей родинѣ. Преобладающимъ, выяснившимся и заявившимъ весь свой произволъ и давленіе элементомъ современной русской жизни является именно испускатель трубныхъ звуковъ, занявшій первенствующее мѣсто въ средѣ „ташкентцевъ, помпадуровъ, Разуваевыхъ, Прелестновыхъ“ и всѣхъ, кто, по справедливости, можетъ быть названъ „сердцевѣдцемъ“, въ разнообразномъ и обширномъ значеніи этого слова. Этотъ новый выяснившійся типъ нашего общественнаго дѣятеля отлитъ художникомъ-сатирикомъ въ форму его спутника на желѣзной дорогѣ, на пути къ родинѣ, къ

мучающему тягостными предчувствіями Вержболову. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ, скорѣе молодой, нежели старый, подвижной и худощавый, не безобразный, но съ сильнымъ выраженіемъ приказной каверзности на лицѣ, такъ что сатирикъ тотчасъ же мысленно надѣваетъ ему на голову фуражку съ кокардой и форменное пальто. Такое выраженіе лица нерѣдко встрѣчается у земцевъ (онъ и, дѣйствительно, оказался таковымъ), которые когда-то служили въ столоначальникахъ и ошиблись въ надеждахъ на дальнѣйшую бюрократическую карьеру. Люди эти слывутъ въ земствѣ дѣльцами, сочиняютъ формочки съ безчисленнымъ множествомъ графъ, называютъ себя консерваторами, хвастаются связью съ землею и утверждаютъ, что „русскій мужикъ не выдастъ". Земцы подобнаго сорта прилипчивы и самодовольны. До́ма, въ своихъ захолустьяхъ, они съ утра до вечера суетятся и хлопочутъ: покупаютъ новые умывальники для больницъ, чинятъ паромы, откладываютъ до будущей сессіи вопросы о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, о прекращеніи эпизоотій, объ оздоровленіи крестьянскихъ жилищъ и проч., и такъ какъ все это имъ удается, то они чувствуютъ себя совершенно довольными. Но послѣднее трудное время, повидимому, тронуло даже эту душевную ясность... Мастерская характеристика вновь народившихся спасателей отечества, вопіющихъ изъ Царевококшайска и иныхъ мѣстъ голодовокъ о своей необычайной и единственно-заслуживающей вниманія „связи съ землею", и требующихъ правъ на руководительство жизнью! И вотъ, между нимъ и сатирикомъ происходитъ слѣдующій разговоръ. Земецъ совѣтуетъ ему не писать „въ смѣшномъ родѣ" и сказать „трезвенное слово". На возраженіе, что всѣ слова сатирика были трезвенныя, онъ отвѣчаетъ: — Однако, вы... не патріотъ.

И вотъ его трезвенныя слова:

„— Въ томъ суть-съ, что наша интеллигенція не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что она жила и живетъ изолированно отъ народа, питаясь иностранными образцами и проводя въ жизнь чуждыя народу идеи и представленія, однимъ словомъ, вливая отраву и разложеніе въ нашъ свѣжій и непочатый организмъ. Спрашивается: на какомъ же основаніи и по какому праву эта лишенная почвы интеллигенція приняла на себя непринадлежащую ей роль руководительницы?.. Теперь спрашивается: что́ необходимо предпринять, чтобы устранить это растлѣвающее вліяніе? чтобы вновь вдвинуть жизнь въ ту здоровую колею, съ которой ее насильственно свела ложь, насквозь пропитавшая нашу интеллигенцію? Отвѣтъ на этотъ

вопросъ простой,—продолжалъ онъ:—необходимо вырвать съ корнемъ злое начало... Коль скоро мы знаемъ, что нашъ врагъ—интеллигенція, стало-быть, съ нея и начать нужно. Согласны?

— Прекрасно. Но, помнится, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, нѣкто Маратъ такого же рода цѣлебныя средства предлагалъ...—возражаетъ ему сатирикъ.

— То-то вотъ и есть, что вы все иностранныхъ образцовъ ищете!—нимало не смущаясь, прервалъ онъ сатирика.—Маратъ! что́ такое Маратъ? И какое значеніе можетъ имѣть Маратъ... для насъ?

Тогда я,—разсказываетъ Щедринъ,—опять понялъ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, прежде всего необходимо соглашаться, и, разумѣется, поспѣшилъ исправить свою ошибку.

— Еще бы!—сказалъ я съ увлеченіемъ:—Маратъ! что́ такое Маратъ?! Тамъ, у себя, онъ былъ Маратъ, а у насъ, вѣроятно, былъ бы коллежскимъ асессоромъ!

— То-то вотъ и есть. Надо говорить дѣло, а вы... Маратъ!! Насъ, батюшка, Маратами-то не удивишь! Итакъ, первое дѣло—по-боку интеллигенцію; второе дѣло—по-боку печать!

Но при словѣ „печать" мнѣ опять сдѣлалось тяжко, и я уже совсѣмъ безсознательно проговорилъ:

— Но Гуттенбергъ...

— Что такое Гуттенбергъ?

— То-есть, не Гуттенбергъ... а собственно говоря... Позвольте! не лучше ли было бы печать простить, а вотъ, напримѣръ, суды, земство... ихъ бы вотъ...

— Суды—всенепремѣнно-съ. Но земство—земля-съ. Земли касаться не слѣдуетъ-съ.

— Ну да, земство—это такъ,—оправдывался я:—здоровое земство и за нимъ здоровый народъ... И, затѣмъ, ежели принять въ соображеніе присвоенные оклады..."

Ужасно очутиться лицомъ къ лицу съ этою глухою стѣной, говоритъ сатирикъ-„не-патріотъ"... Къ кому обращаться съ словомъ-то?..

„Поймите же, пьяницы,—заключаетъ онъ,—сколько нечеловѣчески горькаго заключается въ вопросахъ (которые даетъ себѣ современный мыслящій человѣкъ), и какъ долженъ быть измученъ человѣкъ, предлагающій ихъ себѣ! Вѣдь, слово-то даръ Божій—неужто же такъ-таки и затоптать его? Вѣдь, оно задушить можетъ, если его не выговорить! Но разъ подобные вопросы возникли, никакого другого отвѣта на нихъ нельзя ожидать, кромѣ безповоротнаго осужденія. И небо, и земля, и движеніе, и жизнь—все исчезаетъ; впереди усматривается только скелетъ смерти, въ пустой черепъ которой наровчатскій проѣзжій (земецъ), для страха, вставилъ горящую стеариновую свѣчку..."

(1881.)

А. И. Введенскій.

—◇◇—

Сатиры Щедрина [1]).

„Круглый Годъ", соч. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб., 1880 г.

*) Давно уже русскій писатель не производилъ на современное ему общество такого глубокаго впечатлѣнія, какъ г. Салтыковъ. Каждое новое его произведеніе читается съ жадностью; всѣ о немъ говорятъ, спорятъ; значительное большинство восхищается имъ. Даже тѣ, у которыхъ морозъ долженъ былъ бы пробѣгать по тѣлу при чтеніи какъ молотомъ бьющей сатиры, не отваживаются вступать въ открытую борьбу съ мощнымъ писателемъ и въ бо́льшей части случаевъ относятся къ нему если не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшнимъ уваженіемъ. Только немногіе отъ времени до времени тщетно стараются попасть въ него, если не комкомъ грязи, то какимъ-нибудь безсмысленнымъ браннымъ словомъ, которое, разумѣется, обращается противъ

---

1) „Вѣстникъ Европы", 1881 г., № 1. (См. выпускъ II-й, стран. 51.)

*) Среди сотрудниковъ „Вѣстника Европы" далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ Евг. Исакіев. Утинъ. Евг. Исакіев. родился въ 1843 г. и умеръ пятью годами раньше Щедрина. По образованію юристъ, Утинъ обладалъ, вообще, солиднымъ и разностороннимъ образованіемъ; вотъ почему на страницахъ „Вѣстника Европы" вы можете встрѣтить его статьи и по вопросамъ внутренней жизни, и по вопросамъ политики, и по вопросамъ литературы. Изъ отдѣльныхъ его изданій можно указать: „Вильгельмъ I и Бисмаркъ", „Письма о Болгаріи", „Изъ литературы и жизни".

Изъ приводимой здѣсь статьи вполнѣ выясняется отношеніе Утина къ литературной дѣятельности Щедрина. Признавая за нимъ огромный художественный талантъ, Утинъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ русской литературѣ нельзя указать писателя, который имѣлъ бы такое вліяніе на умы нашего общества, какъ Щедринъ. *Прим. Н. Денисюка.*

тѣхъ, кто его произноситъ. Враги литературныхъ произведеній г. Салтыкова должны надѣвать на себя маску: кому же охота узнавать себя въ воспроизведенныхъ авторомъ лицахъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что многіе изъ тѣхъ, кому должны были бы быть куда какъ солоны произведенія г. Салтыкова, читая ихъ, весело смѣются, точно не о нихъ и идетъ рѣчь. Одни изъ такихъ читателей, по наивности, не понимаютъ, что, смѣясь надъ типами сатирика, они смѣются надъ самими собой; другіе же обладаютъ такою толстою кожей, что слово на нихъ уже перестало дѣйствовать. Они такъ увѣрены, что „настоящая" сила, а не какая-то нравственная сила литературы, на сторонѣ ихъ „хищническихъ" стремленій и дѣйствій, что они охотно сами же смѣются надъ нравственнымъ пригвожденіемъ ихъ къ позорному столбу. Когда совѣсть сгинула, когда люди потеряли способность краснѣть, тогда бичъ сатиры скользитъ по нимъ, не вызывая ни малѣйшей боли. Но удары, наносимые хотя и по безчувственному тѣлу—не безплодны: они спасаютъ другихъ, еще не зачумленныхъ, отъ паденія въ ту зловонную яму, которая душитъ въ людяхъ и чувство стыда, и понятіе о человѣчности.

Задача сатиры, впрочемъ, не заключается въ томъ, чтобы исправлять отдѣльныхъ людей, отдѣльныя группы общества; нѣтъ, поле ея шире,—она стремится внести сознаніе въ затуманенное общество; она толкаетъ, будитъ цѣлое общество своимъ горькимъ смѣхомъ; она, какъ въ зеркалѣ, должна отражать общественную немочь, общественную порочность; она говоритъ: смотрите и любуйтесь! И если сатира сильна, если она сумѣла затронуть болѣзненныя струны общественнаго организма, тогда она пріобрѣтаетъ широкое общественное значеніе. Такое именно благотворное общественное значеніе пріобрѣлъ г. Салтыковъ цѣлою длинною цѣпью своихъ произведеній, начиная отъ *Губернскихъ Очерковъ* и кончая послѣднею вышедшею его книгою *Круглый Годъ.* Если нѣтъ нужды говорить, что этотъ рядъ сочиненій упрочилъ за г. Салтыковымъ небывалое почти въ русской литературѣ вліяніе,—зато нельзя не остановиться передъ вопросомъ о характерѣ этого вліянія.

Значеніе писателя опредѣляется не только силою его таланта, но, главнымъ образомъ, тѣми идеями, которыя онъ вноситъ въ общественную жизнь, тѣми добрыми или дур-

ными сѣменами, которыя онъ сѣетъ на общественной почвѣ. Нѣтъ спора, что какими бы прекрасными идеями и высокими идеалами ни обладалъ человѣкъ, но если онъ лишенъ всякаго таланта, то такой человѣкъ, пользуясь уваженіемъ въ частной сферѣ своей дѣятельности, никогда не пріобрѣтетъ крупнаго вліянія въ широкой области литературы. Но точно также нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что какимъ бы яркимъ талантомъ ни обладалъ писатель, но если идеи, которыя онъ высказываетъ въ своихъ произведеніяхъ, будутъ бѣдны, немощны или, еще хуже, если своими произведеніями онъ будетъ сѣять одни плевелы, то такой писатель, если и можетъ подчасъ пользоваться популярностью среди своихъ современниковъ,—зато въ будущемъ, и не далекомъ, а близкомъ, онъ будетъ осужденъ на забвеніе.

Пробѣгите мысленно исторію литературы, и не только русскую, но европейскую; переберите писателей, оставшихся въ памяти потомства, и что́ вы увидите? Сохранились имена только тѣхъ талантовъ, которые двигали общество своими произведеніями по пути прогресса, которые пробуждали добрыя чувства, которые боролись за торжество справедливыхъ началъ надъ несправедливыми, свѣта надъ тьмою, свободы надъ безправіемъ, любви надъ ненавистью. Надъ тѣми же, которые своими произведеніями и выраженными въ нихъ идеями потворствовали низкимъ инстинктамъ современнаго имъ общества, отстаивали общественные предразсудки, становились служителями гнета,—надъ тѣми исторія поставила черный крестъ.

Спора нѣтъ, талантъ—великое дѣло; талантъ притягиваетъ къ себѣ современниковъ, и мы видимъ, что, сплошь и рядомъ, общество увѣнчиваетъ лаврами писателя за воспроизводимые имъ художественные образы, за мастерское умѣнье разсказывать, относясь съ поразительнымъ безразличіемъ къ тѣмъ идеямъ, которыя прячутся за этими о́бразами, къ тѣмъ зазорнымъ мыслямъ, которыя кроются въ мастерскихъ разсказахъ. Такой писатель, благодаря своему таланту, будетъ, несомнѣнно, пользоваться вліяніемъ на современное общество; но, не говоря уже о томъ, что такое вліяніе представляется вреднымъ для здороваго роста общества, оно, безъ сомнѣнія и къ счастію, оказывается столь же эфемернымъ, какъ эфемерны и самыя произведенія такого писателя.

Вліяніе и значеніе Щедрина, этого законнаго вождя современной литературы, основано совершенно на иныхъ данныхъ, чѣмъ значеніе такихъ писателей, какъ гг. Тургеневъ, гр. Толстой, Островскій, Григоровичъ и Гончаровъ. Велика служба, которую сослужилъ каждый изъ этихъ писателей русскому обществу, его просвѣтленію и движенію впередъ, и долго, разумѣется, не изгладятся изъ памяти потомства имена авторовъ: „Записокъ Охотника“, „Войны и мира“, „Антона Горемыки“, „Сна Обломова“, „Грозы“ и „Свои люди сочтемся“. Но самое свойство талантовъ этихъ писателей, ихъ художественныя задачи и самыя общественныя условія, которыми обставлена была цвѣтущая пора ихъ дѣятельности, все это вмѣстѣ взятое дѣлало для нихъ совершенно невозможнымъ пріобрѣсть такое непосредственное общественное значеніе, какое пріобрѣлъ г. Салтыковъ. Всякія сравненія, поэтому, между г. Салтыковымъ и другими современными писателями были бы совершенно неумѣстны. Разныя задачи, разныя цѣли обусловливаютъ и разное отношеніе къ явленіямъ общественной жизни.

Писатели, которыхъ мы назвали,—чистые художники; ихъ задача—объективно относиться къ жизни, воспроизводить образы, вырванные изъ жизни, но прошедшіе черезъ горнило ихъ творчества. Если художникъ-беллетристъ вноситъ въ свое произведеніе, не закутывая въ туманныя облака, свои личныя симпатіи и антипатіи, если онъ навязываетъ выводимымъ имъ образамъ свои идеи, ему говорятъ, что онъ тенденціозенъ, и эту тенденціозность ставятъ ему въ укоръ. Да что ставятъ! Самъ художникъ горячо защищается противъ тенденціозности, точно противъ какого-то постыднаго порока; объективность онъ считаетъ самымъ драгоцѣннымъ камнемъ своего литературнаго вѣнца. Писатель-художникъ, это—зритель больше—великій судья, но не боецъ, бросающійся въ борьбу общественной жизни, со всѣми своими симпатіями и антипатіями, съ открытымъ забраломъ, со всею своею личною, ему присущею субъективною силой. Писатель-художникъ своими образами, воспроизводимыми фигурами произноситъ какъ бы приговоръ надъ общественною жизнью, ея явленіями, ея дѣйствующими лицами. Неизбѣжная объективность заставляетъ его держаться на извѣстномъ разстояніи отъ того кипучаго боя между людьми, тянущими назадъ и рвущимися впередъ, безъ котораго общественная жизнь

является какъ бы заживо схороненною. Совсѣмъ въ другомъ положеніи является сатирикъ. Онъ на половину художникъ, на половину публицистъ. Онъ не спеленатъ объективностью; онъ не скрываетъ своихъ субъективныхъ воззрѣній; его произведенія не требуютъ томовъ комментарія для разъясненія вопроса, какъ въ дѣйствительности относится самъ авторъ къ тому или другому общественному явленію. Онъ не зритель, не судья, онъ боецъ, первый бросающійся въ бой; если онъ не смѣшивается съ толпою, то только для того, чтобы руководить ею; онъ громко заявляетъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи; онъ не скрываетъ того, что̀ онъ любитъ, какъ не скрываетъ и того, что̀ ненавидитъ. И вотъ, именно своею-то любовью и своею ненавистью и дорогъ для русскаго общества г. Салтыковъ. Тутъ — главный ключъ его общественнаго вліянія и значенія.

Мы не станемъ спорить противъ того, что самая сильная сторона г. Салтыкова заключается не въ мастерскихъ художественныхъ образахъ, хотя, говоря это, мы вовсе не думаемъ сказать, что такихъ образовъ нельзя встрѣтить въ произведеніяхъ нашего сатирика. Достаточно напомнить читателю такія, точно изъ бронзы отлитыя, фигуры, какъ Іудушка и Арина Петровна въ *Семействѣ Головлевыхъ*, чтобы признать, что и въ этомъ отношеніи г. Салтыковъ можетъ помѣряться съ лучшими изъ нашихъ художниковъ-беллетристовъ. Но если и нужно допустить, что въ созданіи яркихъ, неувядаемыхъ образовъ г. Салтыковъ уступаетъ, напримѣръ, своему непосредственному предшественнику, великому художнику Гоголю, зато г. Салтыковъ во всей исторіи русской литературы не знаетъ себѣ равнаго, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы схватить типическія черты переживаемаго обществомъ времени, чтобы живо подмѣтить тотъ или другой новый народившійся типъ и освѣтить его со всею яркостью своего мощнаго таланта. Никогда до г. Салтыкова ни одинъ писатель не былъ еще такимъ вѣрнымъ выразителемъ думъ и настроенія лучшей части русскаго общества, и вотъ почему: если для современниковъ произведенія этого писателя представляются въ высшей степени цѣнными, то для будущаго историка русскаго общества, когда онъ подойдетъ къ переживаемой нами эпохѣ, не будетъ болѣе драгоцѣннаго клада, какъ сочиненія г. Салтыкова, въ которыхъ онъ найдетъ живую и вѣрную картину современнаго общественнаго строя.

Люди, нравы, а, главное, условія жизни—все для него станетъ понятнымъ и яснымъ.

Необычайно чуткій ко всякой злобѣ дня, онъ всегда умѣетъ освѣтить ее своеобразно и каждый разъ заставляетъ задумываться читателя надъ тѣми общими условіями, которыми обставлена наша общественная жизнь. Условія эти не создались сегодня или вчера, временами только они болѣе обостряются, но для того, чтобы ясно отдавать себѣ въ нихъ отчетъ, нужно постоянно помнить о той тѣсной, преемственной связи, которая существуетъ между ними и всѣмъ прошлымъ русскаго общества. Г. Салтыковъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо другой, и потому мастерски рисуетъ тотъ хроническій недугъ, ту наслѣдственную болѣзнь русскаго общества, которая такъ часто порождаетъ чуть не сказочныя уродливости въ его жизни и создаетъ ту нравственную испорченную атмосферу, въ которой сплошь и рядомъ задыхаются самыя благія начинанія. Характеры, типы, событія являются продуктами этой атмосферы, и потому въ сочиненіяхъ нашего сатирика они такъ тѣсно переплетаются между собою. Вотъ почему всѣ его произведенія отзываются только горькою правдою. Иной разъ можетъ казаться, что нѣкоторыя черты являются у автора преувеличенными, изображаемыя лица какъ бы отзываются шаржемъ, но, вдумавшись въ то, что̀ онъ описываетъ, вы придете къ убѣжденію, что, въ сущности, и нѣтъ никакого преувеличенія. Впечатлѣніе преувеличенности выносится только потому, что сатирикъ схватываетъ самыя рѣзкія, рельефныя черты, отбрасывая детали, ихъ окружающія, а эти-то подробности и скрадываютъ отъ неособенно проницательнаго взгляда всю уродливость воспроизводимыхъ имъ чертъ общественной жизни.

Всѣ достоинства этого замѣчательнаго писателя мы встрѣчаемъ и въ послѣдней изданной имъ книгѣ *Круглый Годъ*, хотя, по нашему мнѣнію, какъ ни важна она по своему общественному значенію, она, все-таки, не принадлежитъ къ самымъ яркимъ произведеніямъ нашего сатирика.

Книга эта представляетъ собою какъ бы дневникъ за тяжелый 1879 годъ, но дневникъ не гнетущихъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, а дневникъ тѣхъ скрытыхъ, назойливыхъ и мучительныхъ думъ, которыя каждый мыслящій человѣкъ долженъ былъ переживать въ это время. Время же это нельзя лучше характеризовать, чѣмъ сдѣлалъ это

въ двухъ строкахъ г. Салтыковъ, говоря, что это былъ „страшный годъ, который неизгладимыми чертами врѣзался въ сердце каждаго русскаго. Даже въ худшія эпохи ничего подобнаго этому злосчастному году лѣтописи русской жизни едва ли представляли“. Писать въ такое время сатирическіе очерки было дѣломъ не легкимъ. Нужна была большая любовь къ своему дѣлу, къ литературѣ, горячая привязанность къ своей родинѣ, а главное — нуженъ былъ весь талантъ автора *Круглаго Года*, съ его неизсякаемымъ рудникомъ самаго чистаго юмора, съ его искусствомъ преодолѣвать всѣ трудности, поставленныя на пути русскаго писателя, чтобы въ „этотъ злосчастный годъ“ не бросить перо и не замолчать.

Случалось ли вамъ, читатель, испытывать неотвязчивую хандру, щемящую тоску, когда все вамъ становилось немило; когда все, казалось, теряло всякую вѣру въ себя и другихъ; когда въ вашей душѣ поднималась злоба на все и на всѣхъ, и вы чувствовали, что злоба эта безсильна; когда будущее ваше, вашихъ близкихъ, цѣлой родины рисовалось вамъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; когда безсильная ненависть заглушала всѣ благородные порывы, всѣ надежды и упованія? Близкое съ такимъ, именно, настроеніемъ состояніе переживала еще слишкомъ недавно большая доля русскаго общества. Представьте же себѣ, что въ такія минуты, дни или мѣсяцы, къ вамъ является другъ, который не вторитъ вашей не только безплодной, но вредной распущенности, но приноситъ съ собой живое слово ободренія, поднимающее вашъ душевный тонъ, который показываетъ вамъ во всей наготѣ людей, погрузившихъ васъ въ мрачное отчаяніе, и вы убѣждаетесь, что новаго ничего не приключилось, что продолжается только старая, никогда непрекращавшаяся пѣсня, и что если вы прежде питали надежды, то нѣтъ причинъ не питать ихъ и теперь. Вы чувствуете, что отъ такого слова ободренія пахнуло точно свѣжимъ вѣтромъ, грудь начинаетъ легче дышать, и вы мало-по-малу возвращаетесь—не скажу къ хорошему, но къ вашему нормальному настроенію. Такимъ другомъ для русскаго общества и бываетъ въ трудныя минуты г. Салтыковъ.

Нѣтъ, разумѣется, особенныхъ основаній и въ настоящее время русскому обществу настраиваться на праздничный ладъ; ничего не случилось такого, чтобъ это общество

имѣло право гордиться успѣхами своей общественности: какъ было въ „доброе старое время“, такъ и теперь оно также попрежнему безсильно, попрежнему оно можетъ говорить только „рабьимъ“ языкомъ, языкомъ чувствующаго свое ничтожество просителя, который, низко кланяясь и неустанно благодаря, вручаетъ свою судьбу въ руки благодѣтеля. „Хочу—милую, хочу—казню!“ — сохранилось въ прежней силѣ, и никто не долженъ дерзать спрашивать: за что̀ милуютъ, за что̀ казнятъ? На то добрая воля Ѳеденекъ Неугодовыхъ. Къ такому сознанію русское общество давно привыкло; оно сдѣлалось его нормальнымъ состояніемъ, и если общество не плаваетъ въ немъ, какъ рыба въ водѣ, зато и не задыхается, какъ можно было бы ожидать, отъ недостатка свѣжаго воздуха. Находятся даже такіе возлюбивцы русскаго народа, которые въ этомъ-то состояніи и находятъ залогъ силы и великой будущности своей родины. Имъ мало того, что̀ есть, они полагаютъ, что идеалъ осуществится только тогда, когда люди превратятся въ „подлыхъ людишекъ“. Слишкомъ живо въ памяти общества то недавнее ихъ время, когда идеалъ такихъ людей былъ весьма близокъ къ осуществленію. Какой-то невообразимый кошмаръ сдавливалъ грудь русскаго общества. Привыкшее къ угнетенному состоянію, оно чувствовало теперь—угнетеніе въ квадратѣ; всѣ, кто только сознавалъ горечь и униженіе, а такихъ все-таки было не мало, уходили въ свою скорлупу и не имѣли мужества,—да и кто рѣшится винить ихъ за то,—выражать хотя слабымъ голосомъ свое несочувствіе развернувшей крылья реакціи. Куда было до протеста противъ различныхъ уродливостей, когда общество дрожало, испытывая лихорадочный ознобъ, и когда лихорадочное состояніе доходило до бреда, во время котораго люди, устрашенные неустанно раздававшимся окрикомъ: „Согну въ бараній рогъ“, отзывались на этотъ окрикъ только однимъ: гните насъ больше! мало! мало! Такая приниженность была омерзительна. И вотъ, въ это-то время одинъ только писатель съ изумительнымъ талантомъ воплощалъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства всего русскаго общества. Когда все молчало или сквернословило, одинъ г. Салтыковъ выражалъ то, что̀ чувствовали, но не смѣли заявлять пришибленные люди. Его голосъ звучалъ диссонансомъ въ томъ многочисленномъ хорѣ, который съ цинизмомъ торжество-

валъ свою побѣду надъ искалѣченною человѣчностью и свободою мысли. *Круглый Годъ* останется единственнымъ живымъ протестомъ противъ „злосчастнаго года“. Къ нему мы теперь и обратимся.

Намъ нѣтъ надобности подробно говорить о той общей идеѣ, которая проходитъ черезъ послѣднюю книгу г. Салтыкова. Это та самая идея, которая проникаетъ насквозь всѣ его сатирическія произведенія. Трудно проглядѣть въ его сочиненіяхъ не ту фальшивую, громко заявляющую о себѣ любовь къ русскому народу, во имя которой то лицемѣрные, то ограниченные люди требуютъ чуть не истребленія болѣе образованной части этого самаго народа, или, какъ принято съ хихиканьемъ говорить, „интеллигенціи“ страны, — а серіозную, правдивую любовь и къ русскому народу и къ русскому обществу. Г. Салтыковъ не противополагаетъ народъ обществу, какъ это дѣлается своеобразными радѣтелями о народномъ благѣ,—нѣтъ, онъ народу и обществу противополагаетъ наши бытовыя формы, проѣденныя грубымъ, необразованнымъ и потому жестокимъ бюрократизмомъ. Зло, парализующее здоровый ростъ общества и цѣлаго народа, это—безправіе, проникающее во всѣ сферы, въ частную жизнь человѣка, въ семью, въ общество, въ весь народный бытъ. Безправіе, разлагающее всякаго рода дѣятельность; оно душитъ литературу, искусства, всѣ профессіональныя дѣятельности; оно тяготѣетъ надъ промышленностью, торговлею, всюду оно даетъ себя чувствовать, всюду оно торжествуетъ надъ тѣмъ, что̀ зовется и правдою и правомъ. Съ верхнихъ оно постепенно сходитъ до самыхъ низшихъ ступеней; представители его занимаютъ самыя различныя общественныя положенія; приличный сановникъ и futur-ministre Ѳеденька Неугодовъ и необтесанный Колупаевъ—это плоды одного и того же дерева, они дѣйствуютъ во имя одного и того же принципа, одинъ на поприщѣ государственной дѣятельности, другой—на поприщѣ кабака.

Да, пожалуй, возразятъ намъ, но все это отрицательныя идеи, укажите же намъ въ сатирѣ г. Салтыкова положительныя идеи, ясные идеалы. Но, читатель, неужели вамъ не надоѣли всѣ эти безсодержательныя фразы о положительныхъ идеяхъ, всѣ эти требованія опредѣленныхъ идеаловъ. Не говоря уже о томъ, что̀ всѣмъ должно быть слиш-

комъ хорошо извѣстно, и въ *Кругломъ Годѣ* есть превосходныя страницы, въ которыхъ авторъ съ неподражаемымъ юморомъ трактуетъ о томъ же вопросѣ, что нынѣшнее положеніе литературы вовсе не таково, чтобы давать писателю возможность съ полною ясностью, безъ всякихъ изворотовъ, безъ искусственныхъ затемнѣній выставлять свои положительные идеалы. Развѣ можно забывать, что наша литература при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ попадаетъ въ опалу, что она не имѣетъ законнаго существованія, оффиціально признаннаго, что съ нею всегда обращались какъ съ нелюбимою падчерицею, какъ съ злополучнымъ подкидышемъ! Пусть пропадаетъ! туда ей и дорога! Гдѣ же тутъ до ясныхъ идеаловъ! Поддерживала бы лишь кое-какъ свое скудное существованіе, съ нея и того довольно! Какъ бы ни велико было значеніе русскаго писателя, хотя бы то былъ и г. Салтыковъ, но пусть онъ попробуетъ оставить свой „езоповскій языкъ", пусть онъ попробуетъ устранить свой „добродушный смѣхъ", который такъ часто горекъ для читателя, но во сто кратъ горче для самого писателя, и, кто знаетъ, не пришлось бы намъ распроститься съ ободряющею сатирой г. Салтыкова. Намъ такъ чужда свободная рѣчь, такъ много у насъ запретныхъ плодовъ, мы такъ привыкли къ подневольному слову, что достаточно одного сколько-нибудь прозрачнаго намека на то, что̀ выходитъ изъ обыкновенной области гласной и негласной цензуры, что мы первые чуть не съ священнымъ ужасомъ восклицаемъ: какъ мы это пропустили! Но всѣ эти фразы объ отрицательныхъ идеяхъ, объ отсутствіи положительныхъ идеаловъ фальшивы и въ другомъ отношеніи. Неужели лучшіе люди сороковыхъ годовъ, когда они говорили объ уродливости крѣпостного права, когда они рисовали безчеловѣчное обращеніе съ рабами, когда они указывали на безобразія стараго суда съ его подьячими, приказными, съ его взяточничествомъ, неужели въ ихъ рѣчи не было ничего иного, кромѣ отрицательныхъ идей, неужели подъ этимъ отрицаніемъ не слышно было біеніе пульса живыхъ идеаловъ! Такъ точно и теперь. Кто же не понимаетъ, что когда писатель изображаетъ безправіе русскаго общества и цѣлаго народа, когда онъ рисуетъ въ лицахъ узкій, тупой бюрократизмъ, отравляющій своимъ прикосновеніемъ все, до чего онъ дотрогивается, когда на сцену выводится неграмотный, обираемый и разо-

ряемый мужикъ и широкими чертами очерчивается расхищеніе „на законномъ основаніи",—что за этими отрицательными идеями скрываются весьма ясныя и положительныя идеи относительно необходимости болѣе правильнаго общественнаго строя?

Да наконецъ, когда же и кто изъ русскихъ писателей имѣлъ возможность выставлять положительные идеалы инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которому слѣдуетъ г. Салтыковъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ писателей, которые для того, чтобы не быть стѣсненными въ развитіи своихъ идей, рѣшались на страшную жертву и покидали навсегда свою родину. Тѣ же, которые писали въ Россіи, должны были, напротивъ, всегда дѣлать такъ, чтобъ ихъ положительные идеалы обрисовывались какъ можно меньше.

Свободно говорить о своихъ идеалахъ могутъ писатели только той заплѣснѣвшей литературной школы, которая пресеріозно доказываетъ, что беззаконіе и безправіе и составляютъ залогъ великой будущности и счастія русскаго народа. Но о такихъ писателяхъ говорить не стóитъ. Если они искренны, то ихъ можно только жалѣть; если же они держатся такихъ воззрѣній, чтобы имѣть возможность въ мутной водѣ ловить рыбу, тогда они принадлежатъ чему угодно, но только не литературѣ. Нужно всегда помнить, что лучшіе изъ представителей даже той литературной партіи, которая написала на своемъ знамени даже офиціально признанныя традиціи,—не имѣли возможности свободно высказываться въ Россіи и должны были печатать свои произведенія за границей.

Можно ли, спрашивается, теперь предъявлять къ г. Салтыкову безсмысленное требованіе, чтобы онъ болѣе ясно выражалъ свои идеи и раскрывалъ свои идеалы. Нѣтъ, общая идея г. Салтыкова какъ нельзя болѣе ясна, и кто недостаточно усвоилъ ее себѣ, тотъ пусть хорошенько вдумается и вчитается въ ту книгу, которая послужила намъ поводомъ, чтобы заговорить о г. Салтыковѣ.

Мы не станемъ подробно говорить о каждомъ изъ двѣнадцати очерковъ, входящихъ въ составъ *Круглаго Года*—наша цѣль вовсе не заключается въ томъ, чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ послѣдней книги г. Салтыкова, чтó легко можетъ сдѣлать и каждый изъ нашихъ читателей самъ. Намъ хочется только показать, какъ ярко выражена

въ этомъ сочиненіи основная идея г. Салтыкова, и какъ то разлагающее начало, противъ котораго съ такою мощью борется авторъ *Круглаго Года*, отражается на самомъ обществѣ и его представительницѣ—литературѣ. Незавидная доля этого общества станетъ еще болѣе понятною, когда мы посмотримъ на выразителя и, вмѣстѣ, на продуктъ этого разлагающаго начала—безправія русской жизни, на Ѳеденьку Неугодова, этого вершителя судебъ своей родины и одного изъ столповъ отечества.

Евг. Утинъ.

Русская литература въ сатирѣ Щедрина [1]).

Вопросъ о положеніи русской литературы и литераторовъ занимаетъ въ послѣднемъ произведеніи г. Салтыкова [2]) едва ли не самую значительную часть. Оно и понятно. Во-первыхъ, положеніемъ литературы въ странѣ опредѣляется и положеніе всей общественности. Если литература не имѣетъ простора, если она забита, если судьба ея зависитъ отъ произвола различныхъ Неугодовыхъ, можно быть увѣреннымъ, что и вся общественная жизнь, въ смыслѣ политическомъ, прозябаетъ, что люди испытываютъ тѣ же неудобства, какъ литературныя произведенія, что они точно также забиты, и что судьбою ихъ, по своему усмотрѣнію, распоряжаются тѣ же Неугодовы. Кто отстаиваетъ, слѣдовательно, независимость литературы, тотъ отстаиваетъ и независимость цѣлаго общества. Одного этого было бы уже совершенно достаточно, чтобы понять, отчего г. Салтыковъ такъ часто обращается къ несладкому положенію русской литературы. Но, помимо этого, есть еще и вторая причина, отчего г. Салтыковъ такъ часто возвращается къ этой любимой своей темѣ. Литературная дѣятельность—это вся его жизнь; болѣе тридцати лѣтъ своей жизни онъ отдалъ на служеніе этому тяжелому дѣлу. Въ литературѣ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ испыталъ всѣ радости; она доставляла ему высшія наслажденія; но та же литература слишкомъ часто бывала для него злою мачехой, оскорблявшею, издѣвавшеюся надъ нимъ и заставлявшею переживать его самыя мучительныя минуты жизни. Никто лучше г. Салтыкова не знакомъ съ жалкимъ положеніемъ русскаго писателя, зависящаго въ своей дѣятельности отъ всякихъ „случаевъ", обязаннаго глубоко хоронить свои самыя завѣтныя думы и вынужден-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1881 г., кн. 1 („Сатира Щедрина"). (См. выпускъ II-й, стран. 51.)

[2]) „Круглый Годъ".

наго какъ гимнастъ ходить по канату, высоко поднятому надъ пропастью. Оступился, упалъ... и завтра, какъ говоритъ г. Салтыковъ словами Державина: „Гдѣ ты, человѣкъ!“...

То, что́ пишетъ г. Салтыковъ по поводу положенія литературы и литераторовъ, имѣетъ, помимо общаго значенія, еще и другое, непосредственно относящееся къ самому автору. Для будущаго критика страницы эти послужатъ дорогимъ матеріаломъ, такъ какъ онѣ даютъ ключъ къ объясненію манеры писать г. Салтыкова. Мы говоримъ: для будущаго критика, потому что до сихъ поръ, несмотря на болѣе чѣмъ четверть вѣка продолжающуюся литературную дѣятельность автора *Губернскихъ Очерковъ*, *Помпадуровъ*, *Благонамѣренныхъ рѣчей*, *Ташкентцевъ*, *Семейства Головлевыхъ*, *Круглаго Года* и многихъ другихъ, столь же замѣчательныхъ и сильныхъ произведеній,—настоящей оцѣнки этого таланта, которымъ справедливо могла бы гордиться не только русская, но и любая изъ болѣе богатыхъ европейскихъ литературъ, еще не было сдѣлано, и по двумъ причинамъ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одного крупнаго критическаго дарованія, и Богъ знаетъ, когда въ Россіи снова народится литературный критикъ, который могъ бы сдѣлать для г. Салтыкова то, что сдѣлано было для его предшественниковъ Бѣлинскимъ и для одного изъ его современниковъ, Островскаго, Добролюбовымъ. Другая причина, не менѣе, конечно, серіозная, это настоящее положеніе литературы. Едва ли возможна будетъ серіозная оцѣнка этого писателя, правдивое и прямое разъясненіе всѣхъ его произведеній до тѣхъ поръ, пока положеніе литературы будетъ оставаться такимъ, какимъ изображаетъ его, и уже безъ всякаго преувеличенія, г. Салтыковъ.

Какъ въ зеркалѣ, отражается въ сатирѣ автора *Круглаго Года* та роль козла отпущенія, которую, волею судебъ, разыгрываетъ у насъ литература. Какая бы бѣда ни стряслась, всегда и во всемъ виновата литература. Всплыветъ гдѣ-нибудь наружу грубое злоупотребленіе властей, и въ печати раздается слабый голосъ—даже не порицанія, а только робкій вопросъ: хорошо ли такъ поступать?—какъ тотчасъ слышатся обвиненія: это литература, которая все раздуваетъ... и какое ей дѣло! Обнаруживается ли невѣроятное расхищеніе, вопіющее по своему цинизму, и печать обмолвится

о немъ словечкомъ, какъ тотчасъ слышатся голоса: литература подрываетъ авторитетъ власти, она нападаетъ на то, что̀ было признано за благо высшими государственными учрежденіями! Произойдетъ ли гдѣ-нибудь волненіе—и не дай Богъ, среди молодежи,—какъ всѣ Ѳеденьки Неугодовы, въ одинъ голосъ, хоромъ затянутъ: это литература подуськиваетъ, литература виновна, она распущена, подтянуть ее!

Литература для нашихъ „правящихъ“ классовъ это—„всякій“, дерзающій разсуждать о неподвѣдомственныхъ ему вопросахъ. Глубокою иронiей звучатъ слова сатирика, когда онъ говоритъ, что какая бы у насъ ни находилась коммиссія, отъ ея „ста одного тома трудовъ“ не ускользнетъ и литература. Какъ суженаго конемъ не объѣдешь, такъ ни одна коммиссія не объѣдетъ этого „всякаго“—литературы. *Всякій* будетъ угрожать, *всякій* будетъ обсуждать, *всякій* будетъ выкладывать, что̀ ему Богъ на сердце положитъ! *Всякій*! И вотъ картоны съ наклеенными бумажками откладываются въ сторону, и на сцену выходитъ литература. Спачала произносится слово „распущенность“, потомъ „неуваженіе авторитетовъ“, потомъ „вредное направленіе вообще“ и, наконецъ... „потрясеніе основъ“.

Какъ ни давно уже у насъ сложилась фраза: „Теперь, когда господствуетъ гласность“,—въ дѣйствительности такой гласности еще никогда не существовало. Гласность, касающаяся трактирныхъ скандаловъ, гласность лакейской брани, изливаемой на нечиновныхъ лицъ,—сколько угодно; но гласность серіозная, касающаяся крупныхъ общественныхъ интересовъ, дѣлъ государственныхъ, любящихъ келейность, до сихъ поръ называется „сованіемъ своего носа“ въ неотносящіяся до гражданъ дѣла, „хожденіемъ въ чужой монастырь со своимъ уставомъ“.

Быть-можетъ, тѣ страницы, гдѣ сатирикъ разсуждаетъ о планахъ „искорененія“ русской литературы, съ которыми носятся, какъ съ любимымъ дѣтищемъ, и юные еще и убѣленные сѣдиною администраторы, въ родѣ Ѳеденьки Неугодова, покажутся нѣкоторымъ болѣе добродушнымъ читателямъ преувеличенными; но пусть тогда они вдумаются, почему литература, съ одной стороны, не только часто, но сплошь и рядомъ не отзывается на самые жгучіе вопросы общественной жизни, почему она молчитъ о различныхъ „иллюзіяхъ“, которыя занимаютъ всѣ умы, и почему, съ

другой стороны, она такъ падка на личныя перебранки, на грязные пасквили, на переливаніе изъ пустого въ порожнее, и тогда, быть-можетъ, то, что казалось преувеличеннымъ, станетъ фотографически вѣрнымъ.

Когда будущій историкъ остановится передъ литературою семидесятыхъ годовъ и, пораженный ея низкимъ уровнемъ, широкимъ разливомъ гнойныхъ нечистотъ, захочетъ произнести надъ нею рѣзкое слово осужденія, пусть онъ прочтетъ тогда сатиру г. Салтыкова, и нѣтъ сомнѣнія, что, вмѣсто обвиненія, онъ отнесется къ ней съ состраданіемъ. Увы! даже сами обскуранты будутъ признаны заслуживающими снисхожденія, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, эти виртуозы цинизма имѣютъ значеніе не сами-по-себѣ, а только благодаря тому высокому покровительству, которое они находятъ у Неугодовыхъ и „графовъ Твердоонтó“. Не они, такъ другіе! Было бы болото—черти будутъ! Если вообще, въ болѣе или менѣе нормальное время, отъ литературы требуютъ, чтобы она держала руки по швамъ, то горе ей, бѣдной и сирой, когда подвертывается „случай“. Тогда нѣтъ ей пощады, нѣтъ спасенія. На что другое, а на такіе „случаи“ у насъ всегда урожай. „Обильна,—говоритъ г. Салтыковъ,—ахъ, какъ обильна сдѣлалась за послѣднее время русская жизнь этими „случаями“. И все какъ-то литературу они задѣваютъ. Идетъ себѣ литература обычнымъ скромнымъ ходомъ, убѣжденная, что для всякаго ясно, что процессъ литературнаго мышленія представляетъ нѣкоторыя особенности, отличныя отъ процесса мышленія канцелярскаго служителя, а изъ-за угла ее стережетъ „случай“... Въ обыкновенное время, всѣ изобрѣтенія, подобныя „разбойникамъ печати“, „мошенникамъ пера“, разныхъ литературныхъ „кликушъ“, представляются сатирику совершенно безсильными потугами „заклеймить живыя силы русской литературы какимъ-нибудь хоть завѣдомо клеветническимъ, но хлесткимъ словомъ“, но совсѣмъ иначе представляются такія изобрѣтенія, когда подходитъ „случай“. Тогда усердные люди вытаскиваютъ изъ арсенала, гдѣ хранятся сотни обвинительныхъ актовъ противъ литературы, всякій хламъ, и все пускаютъ въ ходъ; „тогда,—замѣчаетъ сатирикъ,—приходится убѣдиться, что дѣйствительно въ печати существуютъ и разбойники, и мошенники, и клеветники, и что, стало-быть, литература не совсѣмъ тотъ храмъ, при видѣ котораго бьются

чистыя и честныя сердца, и безъ котораго міръ былъ бы постылъ и безславенъ“.

Какъ на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся, такъ на литературу начинаетъ тогда валиться градъ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково тяжкихъ обвиненій. Литература „служитъ проводникомъ заблужденій въ общество“, литература съ „упорствомъ ищетъ осмѣять и подорвать священнѣйшія основы нашего общества“, словомъ,—не будь литературы, Россія превратилась бы въ Аркадію. Трудно живѣе схватить, чѣмъ это дѣлаетъ г. Салтыковъ, ту злобу „легіона сорванцовъ“, у которыхъ на языкѣ „государство“, а въ мысляхъ „пирогъ съ казенною начинкой“,—злобу противъ литературы, въ которой они усматриваютъ опаснаго для ихъ благополучія врага.

„—Нѣтъ, если ужъ вы хотите, чтобъ я говорилъ, — „гудитъ“ Ѳеденька Неугодовъ,—то я буду говорить. Серіозно спрашиваю васъ: съ какого права ваша литература нападаетъ на коренныя основы нашей жизни? Кто далъ ей это полномочіе? Кто разрѣшилъ ей въ такомъ видѣ представлять семью, собственность... государство?

— Да въ какомъ же, мой другъ, въ какомъ?

— Въ гнусномъ-съ. Повторяю, кто далъ ей полномочіе судить и рядить?“

Вотъ, къ искорененію этого пагубнаго свойства „судить и рядить“, т.-е. того, что составляетъ самую сущность, жизнь литературы, и направлены усилія нашихъ охранителей во вкусѣ... да, впрочемъ, „что въ имени тебѣ моемъ“. Утопающіе хватаются и за соломинку; они тщетно надѣются, „что не будь вмѣшательства литературы, не существовало бы ни вопросовъ ни волненій“. Горькое заблужденіе. Не литература, а сама жизнь вызываетъ вопросы и волненія, и подрываетъ не настоящія, а фальшивыя и лицемѣрныя основы, за которыми прячутся, какъ за крѣпкимъ щитомъ, всевозможные Неугодовы. Основы этихъ послѣднихъ ничего не имѣютъ общаго ни съ собственностью, ни съ семьею, ни съ государствомъ.

Литература, по мнѣнію Неугодовыхъ, могла бы процвѣтать, пользоваться уваженіемъ, приносить пользу, если бы она только, вмѣсто того, чтобы оказывать „противодѣйствіе“, оказывала „помощь“, т.-е., по выраженію сатирика, „писала диѳирамбы“. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаютъ они,—этотъ унылый тонъ, этотъ подборъ „неутѣшительныхъ“ явленій; зачѣмъ,—говорятъ они,—„забивать мысль читателя все будничными да будничными представленіями, а не освѣ-

жать ее бесѣдою о предметахъ возвышенныхъ, вызывающихъ пареніе; зачѣмъ пригибать человѣка все къ землѣ да къ землѣ?"... Литература, по мнѣнію такихъ господъ, должна была бы закрывать глаза на всѣ уродливыя проявленія безправія, на господствующую ложь, на торжествующее лицемѣріе—этотъ „гной", „язву", „гангрену" общества. Если она заговариваетъ о такихъ предметахъ, то они называютъ это „заговоромъ" литературы.

> „Да заговоръ же и есть,—отвѣчаетъ сатирикъ.—Только не тотъ, которому въ законѣ присвоивается названіе преступленія, а тотъ, который испоконъ вѣковъ разлитъ въ воздухѣ, едва ли когда-нибудь прекращался. Это заговоръ, въ которомъ принимаетъ участіе не одна литература, а все и вся. Значитъ, язвы настолько обострились, что никому не даютъ ни отдыха ни срока; значитъ, не только писать, но и думать ни объ чемъ иномъ нельзя; значитъ, доколѣ будутъ существовать язвы, дотолѣ будетъ итти рѣчь о нихъ".

Безсмысленныя обвиненія литературы, не той, конечно, лакейской литературы, которая сдѣлала себѣ изъ „диоиламбовъ" всему, что носитъ на себѣ печать реакціи, и изъ клеветъ на все, что стремится противодѣйствовать лжи и безправію, одно лишь выгодное и щедро оплачиваемое ремесло,—обвиненія въ „проведеніи заблужденій" въ среду русскаго общества, въ „подрываніи священныхъ основъ" и въ систематическомъ возбужденіи неудовольствія среди русскаго люда противъ вѣковыхъ устоевъ нашего общественнаго быта, несомнѣнно, доказываютъ только одно — это враждебное отношеніе къ литературѣ. Такое враждебное отношеніе къ литературѣ; возлѣ которой на часахъ стоятъ неусыпные стражи, вооруженные предостереженіями, пріостановками, запрещеніями и другими не менѣе усовершенствованными орудіями для укрощенія безпокойныхъ, не можетъ не отзываться значительными неудобствами для „дѣйствующихъ" писателей. Такія „неудобства" болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ испытывать на себѣ сатирикъ, призванный „порицать порокъ". Благодаря имъ, противъ г. Салтыкова отъ поры до времени раздаются обвиненія, которыя намъ представляются въ высшей степени неосновательными и вызываемыми исключительно или неискренностью, или легкомысліемъ обвинителей въ томъ, что сатирикъ маскируетъ свои симпатіи и антипатіи, что онъ не высказывается достаточно ясно и скрываетъ свое „знамя".

Въ одномъ изъ очерковъ *Круглаго Года* г. Салтыковъ подводитъ итогъ этимъ обвиненіямъ и отвѣчаетъ на нихъ съ убійственною для обвинителей ироніей, изъ-за которой не трудно разсмотрѣть всю горькую серіозность его отвѣта.

Прежде всего, г. Салтыковъ отмѣчаетъ одну черту, съ удивительною силою вліяющую на литературу, черту, свойственную, однако, не однимъ писателямъ, а всему русскому обществу. Черта эта—боязнь.

„Мы, русскіе,—говоритъ онъ,—какъ-то черезчуръ ужъ охотно боимся и притомъ боимся всегда съ увлеченіемъ. Начинаемъ мы бояться почти съ пеленокъ; сначала боимся родителей, потомъ начальства... Я знаю, что это дурная привычка—и ничего болѣе. Но она до такой степени крѣпко засѣла въ насъ, что побѣдить ее ужасно трудно. Ужъ сколько столѣтій русское государство живетъ славною и вполнѣ самостоятельною жизнью, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаемъ себя вести, какъ-будто надъ нами тяготѣетъ монгольское иго, или австріакъ насъ въ плѣну держитъ"...

Кто не согласится, что черта эта подмѣчена удивительно удачно. Первая мысль всегда у насъ не о томъ, кáкъ слѣдуетъ поступить въ каждомъ данномъ случаѣ, лишь только онъ касается общественной жизни, а о томъ, кáкъ отнесется къ нашему поступку „начальство". Такъ въ земствѣ, такъ въ судѣ, такъ въ литературѣ. Трудно, конечно, за такую боязнь винить тѣхъ, кто всосалъ ее съ молокомъ матери, но отрицать ее значило бы лгать. Спросите у каждаго добросовѣстнаго литератора, занимающагося изслѣдованіемъ общественной жизни, о чемъ онъ больше всего помышляетъ, когда пишетъ свою статью? О томъ ли, чтобы мысль его была, по возможности, ярче выражена? О нѣтъ! онъ вамъ скажетъ, что половина умственной работы пропадаетъ на то, чтобы написать свою статью такъ, чтобы сначала пропустилъ редакторъ, если изданіе такъ-называемое безцензурное, а затѣмъ, чтобы этому редактору не досталось отъ кого слѣдуетъ, чтобы не надѣлать ему хлопотъ предложеніемъ вырѣзать статью, и это еще въ лучшемъ случаѣ, когда „начальство" оказывается милостивымъ. Какъ же тутъ быть? Вотъ и придумывается „езоповскій языкъ", „рабья манера писать", которая, какъ выражается сатирикъ, „при соотвѣтственномъ положеніи общества вполнѣ естественна". Сатиру г. Салтыкова, по его собственнымъ словамъ, обвиняютъ въ „двоедушіи", въ „обманѣ", но это двоедушіе, котораго въ дѣйствительности не существуетъ, есть только „полезная сдержан-

ность", которую авторъ *Круглаго Года* приноситъ „въ жертву на алтарь отечества". Тѣ, которые его обвиняютъ, желали бы, разумѣется, чтобы г. Салтыковъ отбросилъ всякую сдержанность, чтобъ онъ заговорилъ смѣлымъ языкомъ пророка, бичующаго порокъ и обрекающаго общество на конечную гибель, но они желали бы этого вовсе не потому, чтобы сатира г. Салтыкова была не ясна, чтобы она мѣтко не попадала каждый разъ въ намѣченную цѣль, а исключительно въ надеждѣ, что, благодаря недостатку сдержанности, для этого удивительнаго писателя „произойдетъ молчаніе". Сатира его раздражаетъ, жжетъ, бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, а писатель, какъ назло, умѣетъ обходить подводные камни и не даетъ повода „сократить" его на законномъ основаніи. Конечно, можно бы и безъ повода, но все-таки какъ-то неудобно, все-таки прорублено, хотя и небольшое, но тѣмъ не менѣе окно въ Европу. Нѣтъ, г. Салтыковъ прекрасно дѣлаетъ, что не превращается, какъ того хотѣли бы его своебразные доброжелатели, въ пророка, извергающаго громы: во-первыхъ, потому, что такая роль смѣшна, а во-вторыхъ, и потому, что такая роль можетъ безнаказанно исполняться однимъ г. Катковымъ и его сподвижниками.

Другое преступленіе, въ которомъ кается сатирикъ, это — отсутствіе у него „знамени", на которомъ можно было бы прочесть его завѣтныя думы. Но кто обвиняетъ его въ немъ? Лишь тѣ, которые держатъ въ своихъ рукахъ знамя, на которомъ огромными буквами написаны два слова: „Распивочно и на-выносъ". Существуютъ, конечно, и другія знамена, но выставлять ихъ до поры до времени не представляется удобнымъ, если гражданинъ желаетъ сохранить свою осѣдлость. Сатирикъ не прочь и отъ того знамени, на которомъ написано: „Семья, собственность и государство"; но только онъ не признаетъ той семьи, представителями которой являются такія „куколки", какъ изображаемая имъ Nathalie Неугодова и противоположная ей Арина Петровна Головлева; онъ ненавидитъ тотъ принципъ собственности, который олицетворяется въ Деруновыхъ и Колупаевыхъ, и скептически относится къ такому государству, столпами котораго являются Ѳеденьки Неугодовы, Удавы, Дыбы, графы Твердоонто, „эти поборники государственнаго союза", которые видятъ въ государствѣ только пирогъ, „къ которому

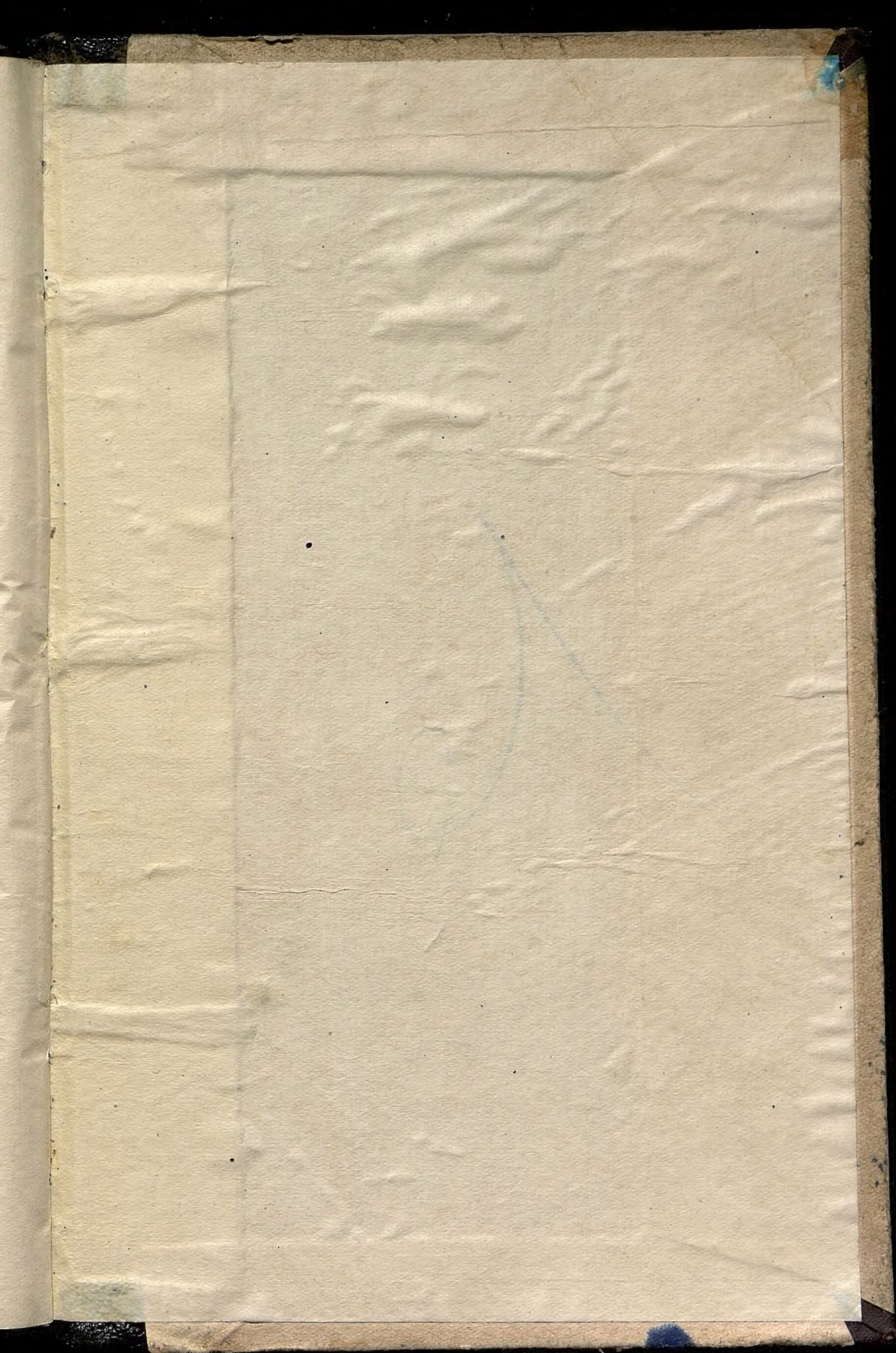
ловкіе люди могутъ во всякое время подходить и закусывать“.

Открыто, безъ всякихъ метафоръ, безъ всякаго риска, могутъ, по словамъ сатирика, говорить только тѣ „гады“, которые въ несмѣтномъ количествѣ заползли въ литературу и „кружатся, хохочутъ, ликуютъ, брызжутъ слюнями“. Ихъ пѣсня—знакомая: „Земство отмѣнить, судъ присяжныхъ уничтожить, цензуру возстановить, крѣпостное право возродить“.

Таковы общія черты, которыми рисуетъ авторъ *Круглаго Года* положеніе русской литературы и литераторовъ не изъ породы „гадовъ“. Неказистое, разумѣется, положеніе, но оно не можетъ измѣниться къ лучшему до тѣхъ поръ, пока не измѣнится и самое положеніе общества, судьбу котораго всегда дѣлитъ литература.

О положеніи общества можно говорить съ различныхъ точекъ зрѣнія. Можно обсуждать его съ политической точки зрѣнія, т.-е. подвергнуть разсмотрѣнію вопросъ, какими правами оно пользуется, какими нѣтъ; участвуетъ ли оно въ управленіи общественными дѣлами, или освобождено отъ этой тяжелой обязанности; имѣетъ ли оно голосъ въ рѣшеніи жизненныхъ для него вопросовъ, или разъ навсегда оно отказалось отъ своего голоса; точно ли опредѣлены его права и обязанности, или они зависятъ отъ „усмотрѣнія“ и т. д. и т. д. Можно разсматривать положеніе общества съ экономической точки зрѣнія, съ юридической, заняться вопросомъ о степени его невѣжества или образованности, словомъ—тема самая богатая, просторъ для анализа и наблюденія громадный. Г. Салтыковъ, зная хорошо предѣлы русской литературы, сторонится отъ изображенія политическаго положенія общества, обходитъ и экономическое и юридическое и сосредоточиваетъ свою сатиру на нравственномъ состояніи русскаго общества. Правда, впрочемъ, и то, что нравственное состояніе и есть тотъ итогъ, который подводится послѣ длиннаго сложенія, это—общій выводъ изъ всѣхъ данныхъ, которыя представляются для опредѣленія общественнаго положенія.

Евг. Утинъ.



ПЕЧАТАЕТСЯ:

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, выпускъ IV-й.